

джейн джонсон

дорога соли

Annotation

Охраняющий от злых духов драгоценный марокканский амулет, доставшийся в наследство от отца героине романа Изабель.

Странное предупреждение, содержащееся в его предсмертном письме: «Не буди спящего зверя. Одно неверно принятое решение приводит к другому, порождает цепь событий, в конце которой тебя ждет катастрофа».

Все это лишь кусочки затейливой мозаики, которую предстоит сложить Изабель, женщине внешне вполне благополучной и обеспеченной. Но Изабель живет не в ладах с собой. Ее зовет неведомое, ей снятся вещие сны. И она отправляется в Африку, чтобы понять, как загадочный талисман попал в руки отца.

Изабель раскроет удивительную тайну амулета, история которого связана с красавицей Мариатой, потомком легендарной царицы Тин-Хинан, и докажет, что и в бесплодной пустыне могут распусться цветы любви...

Впервые на русском языке!

- [Джейн Джонсон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Два года спустя](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
-

Джейн Джонсон ДОРОГА СОЛИ

*Край без кровинки,
Край колючего кактуса,
Каменные истуканы,
Воздвигнутые
воспринять
Молитвенность
мертвых рук.*

*Т. С. Элиот. Полые
люди.*

Перевод В. Топорова

*Соль — это душа
пустыни.*

Поговорка

*Должен ли народ
исчезнуть для того,
чтобы мы узнали, что
он существует?*

*Мано Даяк, борец за
свободу и негоциант*

(погиб в 1995 году)

Глава 1

Когда я была маленькой, в садике за нашим домом у меня имелся свой вигвам: бамбуковый шест, вокруг которого натянута тонкая хлопчатобумажная ткань, закрепленная в поросшей травой почве лужайки. Я убегала туда всякий раз, когда ссорились родители, лежала там на животе, заткнув пальцами уши и разглядывая фигурки красных зверьков на яркой декоративной кайме ткани. Я так внимательно на них смотрела, что скоро они принимались бегать и выплясывать. Мне казалось, что я уже не у себя в саду, а где-нибудь в прериях. На мне куртка из оленьей кожи, в волосах торчат перья, как у тех отважных воинов, которых я видела на экране. Кинотеатр находился на нашей улице, и каждую субботу по утрам я ходила в кино.

Помню, еще в самом раннем возрасте я чувствовала себя гораздо лучше в своем маленьком шатре, чем в доме. Здесь я была как рыба в воде. Размеры его могли быть какие угодно, ведь это зависело от воображения, а уж оно-то у меня было о-го-го. Дом, несмотря на все его георгианское великолепие и множество комнат, казался мне маленьким. Что и говорить, я там просто задыхалась. Он был битком набит каким-то барахлом, а атмосфера в нем отравлена злостью родителей. Мои предки были археологами, влюбленными в прошлое, они окружили себя коробками, полными каких-то пожелтевших от времени бумажек, обломками древних предметов, хрупкими, крошащимися остатками погибших цивилизаций. Я не понимала, зачем им понадобилось завести меня. Самый тихий ребенок, домашний, вышколенный и послушный, вдребезги разнес бы фальшивую музейную тишину нашего дома, которой они окружили себя. Родители жили здесь, отгородившись от всего остального мира, как в башне из слоновой кости, где по воздуху повсюду плавала пыль, похожая на

фальшивые снежинки, образованные зеркальным шаром. Мне такая жизнь совсем не нравилась, я была буйным и необузданным, шумным и плохо управляемым ребенком. Общаться с девчонками мне было скучно, больше нравилось бегать с мальчишками, играть в их грубые мужские игры. Куклы у меня, конечно, были, но чаще всего я отрывала им головы или же срезала скальп, закапывала где-нибудь в саду и забывала, где именно. Другие девчонки обожали наряжать в модные платья эти странные, истощенные манекены из розовой пластмассы с осиной талией и волосами с медным отливом, а вот мне совершенно не интересно было это делать. Я и на собственную одежду плевать хотела, любила стрелять из рогатки, швыряться грязью и комьями земли, хохотать до колотья в бок. Мы с мальчишками строили всякие тайные укрытия, и я вообще одевалась кое-как, даже зимой.

— Да ты просто дикарка какая-то, — выговаривала мать, шлепая меня по попе. — Ради бога, Изабель, надень хоть что-нибудь!

Она старалась говорить это как можно строже, со своим резким французским акцентом, словно полагала, что полная форма моего старомодного имени сама по себе заставит меня вести себя культурно и цивилизованно. Но не тут-то было.

Друзья звали меня Иззи. Это обращение было в самый раз. Вокруг меня вечно все звенело и ходило ходуном — не ребенок, а сущее наказание для родителей.

В кого только мы не играли в нашем саду: в ковбоев и индейцев, зулусов, короля Артура и Робин Гуда. У нас были сабли, копья из стеблей бамбука, самодельные луки со стрелами. Если мы играли в Робин Гуда, я всегда хотела быть в команде славного разбойника или пускай даже ноттингемского шерифа — словом, оказаться кем угодно, только не девой Мэриан. Во всех версиях этой легенды, которые мне попадались, деву Мэриан то и дело сажают в темницу или спасают из нее. Что тут интересного, скажите на милость?! Сидеть в тюрьме и ждать, пока тебя спасут, непрерывно падать в обморок — ну уж нет. Мне хотелось драться, протыкать врагов саблей или копьем — таким я была сорванцом. Все это происходило в конце шестидесятых и в начале семидесятых. Волна феминизма еще не успела превратить деву Мэриан, Гиневру, Арвен и прочих кротких героинь легенд в отважных, деятельных и весьма удачливых бабенок. Вдобавок, в сравнении с бледненькими, хорошенькими девочками, моими подругами, я выглядела слишком уж некрасивой, чтоб играть подобных особ. Но мне было наплевать, даже нравилось, что я такая уродина. Густая черная шевелюра, лицо всегда грязное, под ногтями траур,

на ступнях вечные мозоли. Впрочем, по мне, так было даже еще лучше. Как я орала, когда мать чуть не силой заставляла меня принимать ванну, истязала, отмывая угольно-черным дегтярным мылом или пытаясь расчесать волосы.

Если в доме бывали гости, а такое время от времени происходило, то она заранее предупреждала их, чтоб не очень меня пугались.

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания. Это вопит наша Изабель. Терпеть не может мыть голову.

С тех пор прошло тридцать лет, и меня теперь совсем не узнать.

В тот день я отправилась в контору стряпчего, чтобы получить письмо, которое отец оставил для меня в своем завещании. На мне был классический брючный костюм от Армани и туфельки на шпильках итальянской фирмы «Прада». Буйная шевелюра укорочена до плеч, вьющиеся волосы выпрямлены, опрятная круглая стрижка. На лице искусный макияж, впрочем весьма умеренный. Грязь под ногтями исчезла, на руках практичный прямоугольный французский маникюр. Ирония судьбы, что уж тут скажешь. Теперь я демонстрировала самое себя в таком обличье, которое мать моя, будь она еще жива, совершенно одобрила бы. Но для меня самой было не так-то просто пройти долгий путь от немытой маленькой хулиганки, каковой я когда-то была, до изящно и строго одетой деловой женщины, которой теперь стала, и примирить в своем сознании эти два образа.

Письмо, которое оставил для меня отец, оказалось коротким и загадочным, как раз в его духе. Он и сам был человек немногословный и загадочный.

Вот оно:

Моя дорогая Изабель!

Я понимаю, что у тебя есть причины сердиться на меня и как на отца, и как на человека. Я не прошу у тебя прощения и даже не требую понимания. Все, что я делал в жизни, было ошибкой. Я знал это тогда, знаю и теперь. Одно неверно принятое решение приводит к другому, еще более неверному, а там и к третьему, и так далее, порождая цепь событий, в конце которой тебя неминуемо ждет катастрофа. За моей стоит целая история, но я не из тех, кто стал бы об этом рассказывать. Ты сама должна разобраться во всем,

поскольку это касается прежде всего тебя. Не хочу давать этой истории другое толкование. Так, пожалуй, я только все испорчу. В общем, оставляю тебе дом и еще кое-что. На чердаке найдешь коробку, на которой написано твое имя. В ней лежит то, что можно было бы назвать в некотором смысле вехами твоей жизни. Я знаю, что ты всегда была не в ладах с тем миром, который тебя окружал, и за это должен принять на себя хотя бы часть вины, но возможно, что к этому времени ты успела с ним примириться. Если так, то забудь про это письмо. Не открывай коробки. Продай дом и все, что в нем есть. Не буди спящего зверя.

Иди себе с миром своей дорогой, Изабель, да пребудет с тобой моя любовь. Это все же лучше, чем ничего.

Энтони Треслов-Фосетт

Я прочитала письмо прямо в конторе стряпчего на Холборн, это в десяти минутах быстрой ходьбы от офиса, где я работала на высокооплачиваемой должности бухгалтера по налогам. Стряпчий вместе со своим помощником в это время с любопытством за мной наблюдали. В конверте также был потертый кожаный кошелек со связкой ключей от дома.

— Все замечательно? — сияя от радости, спросил стряпчий.

Странный вопрос человеку, у которого только что умер отец. Впрочем, откуда ему было знать, что большую часть этих тридцати лет собственного папашу я в упор не видела.

Но меня так трясло, что я едва смогла открыть рот и пробормотать, неуклюже пытаюсь засунуть письмо и ключи в сумочку:

— Да, спасибо.

Собрав в кулак волю, я улыбнулась ему такой лучезарной улыбкой, от которой могла бы ослепнуть сама богиня правосудия.

Старший из этих двух крючоктворцов увидел, что мне не хотелось делиться с ними содержанием письма, но постарался ничем не выдать своего разочарования. Он вручил мне папку с бумагами и очень быстро о чем-то залопотал.

Я же хотела поскорей попасть на улицу. Мне нужен был солнечный свет, небо, простор. Стены конторы с ее забитыми бумагами полками и массивными шкафами с картотеками давили на меня. Из уст стряпчего

градом посыпались такие слова, как «официальное утверждение завещания», «замороженные счета», «судебный процесс». Они гудели в ушах так, будто под черепом у меня завелась целая туча мух. Не дослушав до конца очередную его сентенцию, я рванула на себя дверь, выскочила в коридор и помчалась вниз по лестнице.

Когда отец ушел от нас, мне было четырнадцать лет. Я не плакала, не пролила ни единой слезинки. Его уход вызывал во мне сложные чувства. Я ненавидела его за то, что он бросил семью, презирала за это бегство, за то, что он оставил нас одних. Время от времени меня охватывала тоска по тому папочке, каким он иногда бывал, но мне жилось гораздо легче, больше не видя его рядом. Все стало как-то проще, пускай даже беднее и без прежнего тепла. Мать старалась скрывать от меня, что она страдает, хотя, по-видимому, тяжело переживала его уход. Моя мать вообще была женщина скрытная, и я никогда не понимала ее. Она так навсегда и осталась для меня загадочной женщиной. Отец, с его холерической натурой и взрывным темпераментом, был более близок и понятен, потому что я сама уродилась такой. Мать же была суцая Снежная королева, всегда чопорная и вежливая. Ее интересовала лишь внешняя сторона человека, та, которой он обращен к миру. Когда ей пришлось самой растить ребенка, она взяла себе за правило и обязанность следить за моими успехами в школе, внешностью и манерами. Открытое проявление чувств она считала вульгарностью и, должно быть, испытывала горькое разочарование, глядя, как я бурно реагирую на то или иное событие, демонстрируя самый богатый спектр чувств — от неистовой радости до отчаянной ярости. Она обращалась со мной с таким холодным нетерпением, сдержанным раздражением и даже злобой, не уставая повторять свои вечные критические замечания, будто я не человек, а тепличное грушевое дерево, которое постоянно нужно было подрезать, чтоб оно росло туда, куда надо. Почти всю жизнь я считала, что все матери таковы.

Но однажды, вернувшись из школы, я почувствовала в атмосфере дома нечто совсем иное, некую напряженность, предвещающую недоброе, словно в доме вот-вот должна разразиться гроза. Мать сидела в полумраке комнаты, все шторы были задернуты.

— С тобой все в порядке? — спросила я, и меня вдруг охватил страх потерять еще одного родителя.

Я отдернула шторы, и резкий свет дневного солнца сразу стер все ее черты, превратил лицо в плоскую белую маску, как в театре кабуки, а ее саму — в чужое привидение, вызывающее тревогу.

Мгновение эта женщина без лица пристально смотрела на меня, как на незнакомого человека, потом наконец заговорила:

— Пока не появилась ты, между нами все было просто чудесно. Я сразу поняла, что ты все разрушишь, как только взяла тебя на руки. — Она помолчала. — Иногда такие вещи улавливаешь сразу. Я говорила ему, что не хотела и не хочу детей. Но он был так настойчив.

Она пронзила меня острым взглядом своих темных глаз, и я пришла в ужас и смутение, увидев в них тихую злобу.

Прошло несколько долгих мгновений. Сердце мое бешено колотилось. Наконец она улыбнулась и сменила тему, завела разговор про растущие в нашем саду рододендроны.

На следующий день мама вела себя как обычно. Она пощелкала язычком, критически оглядывая мою школьную форму — я в ней прямо так и спала, платье все измялось и никуда не годилось, — попыталась заставить меня снять ее, чтоб погладить, но я быстренько юркнула за дверь. С того самого дня я жила так, будто шагала по тонкому льду замерзшего озера, дрожа от страха, что хрупкая и прозрачная пленка в любой момент даст трещину и я погружусь в мутный мрак у себя под ногами. Разумеется, никто не знал про наши странные, неестественные отношения. С кем можно говорить об этом, да и что тут скажешь? Покинутая одним из родителей, страшась еще раз вдруг увидеть ужасную пустоту в глазах другого, я понимала, что одна этом мире, и с годами научилась быть независимой и самодостаточной не только в финансовом отношении, но и во всех других, не менее важных. Я перекрыла все каналы, по которым меня могли настичь нужда, страсть или боль, словно соорудила вокруг себя прозрачную преграду, сквозь которую не может проникнуть ни один человек. Но в тот вечер, сидя за кухонным столом и перечитывая письмо, я поняла, что эта преграда вот-вот дрогнет и разлетится вдребезги.

...забудь про это письмо. Не открывай коробки.
Продай дом и все, что в нем есть. Не буди спящего зверя.

Бывают ли такие прощальные письма, которые наверняка приносят человеку мучения? Что он подразумевал под «спящим зверем»? Эта фраза буквально изводила меня, вызвала какое-то непостижимое волнение, сидящее где-то глубоко внутри. До сих пор моя жизнь была размеренна, устойчива, спокойна и монотонна. Так продолжалось уже давно, но тут у меня возникло чувство, будто что-то должно перемениться.

На следующее утро я отправилась в спортзал и в течение часа сосредоточенно бегала, шагала, ходила на лыжах и поднимала тяжести. Потом приняла душ, переделалась и явилась в свой офис точно без десяти девять, как делала каждый рабочий день. Там я включила компьютер, изучила повестку дня и составила список дел на день с указанием расхода времени в порядке первоочередности.

Я всегда искала защищенности, какой бы сферы моего бытия это ни касалось, но, как говорится в старом афоризме Бенджамина Франклина, в этой жизни нельзя быть ни в чем уверенным, кроме смерти и налогов. Не будучи высокого мнения о предпринимательстве, я почему-то выбрала для себя именно эту стезю. Я исправно исполняла в своей фирме обязанности бухгалтера по налогам, и жизнь моя катилась по гладкой, накатанной дороге: день да ночь — сутки прочь. Как правило, я уходила из офиса в половине седьмого, на метро добиралась до дому, стряпала себе незатейливый ужин, читала какую-нибудь книжку, смотрела по телевизору новости и еще до одиннадцати в одиночестве укладывалась в постель. Иногда я выбиралась в город, чтобы встретиться с друзьями, познакомиться с кем-нибудь. Порой отправлялась в «Уэстуэй» или в «Кастл»,^[1] где можно заниматься скалолазанием, и выматывалась там до умопомрачения. Это была единственная моя уступка прежней, утерянной Иззи, которая еще жила где-то глубоко в моей душе. Вот так я и существовала.

Меня больше ничего не связывало с той девочкой, которой я была когда-то, в прежней жизни. Впрочем, нет, у меня была еще Ив.

Я была знакома с ней с тринадцати лет. Она переехала в наш район со своим отцом. Ив была полная противоположность мне: хорошенькая, интересная и гораздо более утонченная, чем все остальные, у которых в голове было поскорее проткнуть себе уши английской булавкой и принять участие в панк-революции, правда несколько уже припозднившейся. Ив носила настоящие уэствудовские брюки в стиле бондаж и рваные футболки, искусно завязанные узлом на животе. Во всем этом, да еще и с желтыми волосами, напоминающими цветок одуванчика, она выглядела как настоящая Дебби Харри^[2] Все просто обожали Ив, но почему-то именно я выбрала ее себе в подруги и обратилась к ней в то первое субботнее утро, когда получила сногшибательное письмо отца.

— Приезжай, — сказала я ей по телефону. — Мне нужна моральная поддержка.

— Да ладно тебе! — Тут в трубке раздался звонкий смех. — Хорошо, потерпи полчаса, получишь у меня поддержку, только аморальную. Так

будет куда интересней.

На похоронах она была со мной и по-настоящему плакала, даже глаза ее покраснели, в то время как я сама перенесла всю церемонию с каменным лицом и не проронила ни слезинки. Все, кто меня не знал, искренне были уверены, что дочка Энтони — именно она.

— Твой папа был хороший человек, — сказала Ив мне теперь, вертя в руках чашку с кофе. — Помнишь, как я влюбилась в Тима Флеминга?

Нам было тогда по тринадцать, а Тиму Флемингу уже семнадцать. Этот местный хулиган и сорвиголова щеголял длинными волосами и кожаной курткой. Встретаться с ним значило искать приключений на свою задницу. Ив хотела этого и получила сполна.

— Кто ж такое забудет? — усмехнулась я.

— Понимаешь, именно твой отец показал мне, кто он есть на самом деле. — Она склонила голову в сторону и уставилась на меня своими круглыми блестящими глазами.

Как ни странно, Ив очень точно и забавно спародировала лукавое и насмешливое выражение лица моего отца.

— Он сказал мне однажды: «Ты хорошенькая девочка и зря на него тратишься. Этот подонок тебя никогда не поймет». Это было так странно, произнесено таким тоном, настолько классно прозвучало, что я даже рассмеялась. А потом, когда мы с Тимом снова встретились, я так ему и заявила, слово в слово: «Ты подонок и меня никогда не поймешь!»

Я помнила, как Ив подходила к Тиму Флемингу возле шашлычной, где он околачивался в ту субботу со своими друзьями, и выкрикнула ему в лицо эти слова. Ее рыжие волосы трепетали на ветру, как знамя. Она казалась такой дерзкой, вызывающе красивой — я очень гордилась ею в ту минуту. Впрочем, у меня в памяти сохранился несколько другой образ отца.

Сосредоточенно хмурясь, Ив просмотрела письмо, потом перечитала еще раз.

— Странное какое-то, — сказала она, возвращая его мне. — Значит, коробка на чердаке? Уж не думаешь ли ты, что в ней лежит и разлагается тело твоей мамочки? А вдруг она вовсе и не умерла во Франции?

Она посмотрела на меня, и в лице ее мелькнуло что-то безжалостно-зверское. Тушь под левым глазом подруги слегка размазалась. Меня это раздражало, так и подмывало протянуть руку и стереть эту кляксу, не из каких-нибудь нежных лесбийских чувств, конечно, просто для порядка.

— Да брось ты. Она точно вернулась домой во Францию.

Как только я поступила в университет и уехала учиться, мама сложила с себя все обязанности по отношению ко мне, за астрономическую сумму

продала отцу свою долю дома — я даже не была в курсе, что они все еще контактируют, — и отбыла во Францию. Перед тем как она скончалась, я два раза ездила к ней в гости. Она держалась со мной вежливо и сдержанно, как со случайным знакомым. Мне постоянно чудилось, что за ее спокойной наружностью скользят какие-то мрачные тени. Если бы они обрели плоть и кровь, я увидела бы зубастых чудовищ, обладающих страшной разрушительной силой. В общем, мое решение больше никогда к ней не ездить, скорей всего, для нас обеих было благом.

Желая меня утешить, Ив положила ладонь на мою руку и спросила:

— А сама-то что обо всем этом думаешь?

— Ума не приложу.

Это была чистая правда.

— Да брось ты, дурочка моя. Посмотри на меня, Из. Вот она я, твоя Ив. Вот моя жилетка, поплачь в нее, уж со мной-то не надо застегиваться на все пуговицы.

— Честно говоря, мне было очень не по себе, когда я узнала, что отец умер. В последний раз я видела его по телевизору, и он выглядел молодцом. Впрочем, денежки от продажи дома будут очень даже кстати.

Секунду она смотрела на меня широко раскрытыми от ужаса глазами, потом выдавила лучезарную улыбочку, которой взрослые одаряют трехлетнего сорванца, неумышленно, или же совсем наоборот, наступившего на лягушку.

— Ты, наверное, еще не совсем пришла в себя от потрясения. Есть люди, которые понимают всю чудовищность смерти сразу, а до других это доходит несколько дольше.

— Честное слово, Ив, я ничего такого не думаю. Он ушел из моей жизни, когда мне было четырнадцать лет. С тех пор мы ни разу не общались, вплоть до этого несчастного письма. Какие чувства можно испытывать к отцу, который так с тобой обошелся? Тут неважно, богатый он или бедный. Отец закончил жизнь состоятельным человеком, но деньги пришли к нему далеко не сразу. Археология не входит в разряд профессий, с помощью которых наживают состояние. Он испытывал подлинную страсть ко всяким древностям, а к современному миру, средоточию всяческого зла, относился свысока и презрительно. Это было совсем не удивительно для молодого человека, достигшего совершеннолетия сразу после Второй мировой войны — со всеми ужасами и бесчеловечностью, которые открылись после ее окончания. С матерью моей он познакомился в пятидесятых на раскопках в Египте, когда его заработка едва хватало на еду. Мать принадлежала к аристократическому французскому роду, ее

семья владела прекрасным домом в фешенебельном первом округе Парижа и небольшим замком в долине реки Ло. Они вместе разъезжали по всему свету, от одних древностей к другим. Родители побывали на раскопках зиккурата в иранском Дур-Унташе, некоторое время работали вместе со знаменитым археологом Д. Л. Келсо в Вефиле, что в Палестине. Они видели добытые из земли черепа эпохи неолита в Иерихоне и восхищались красотой красно-розовых зданий арабской Петры, любовались ступенчатыми пирамидами Имхотепа и городом мертвых в египетском селе Саккара, гуляли среди римских развалин в марокканском Волюбилесе и посещали древнюю столицу Хоггара, государства туарегов в алжирском Абалессе. Оба не раз говорили мне, что они ученые-кочевники, вечно идущие по тропе знания. Потом появилась я, и в их счастливых скитаниях была поставлена точка.

Отец устроился на работу телеобозревателем как раз в то время, когда новое средство массовой информации лишь начинало свою жизнь, но уже скоро каждая семья в Британии по вечерам собиралась вместе вокруг домашнего экрана. Ему улыбнулась удача: заболел постоянный ведущий часовой программы. Отец занял его место, и у него пошло просто здорово. Он сразу пришелся по вкусу зрителям, во многом благодаря своей слегка старомодной академической манере вести беседу, не будучи при этом слишком заумным. Сказалась и внешняя привлекательность. В общем, отец нравился женщинам, и его слушали другие мужчины. Когда он рассуждал на свои излюбленные темы, то просто заражал всех своим энтузиазмом. Настоящий Дэвид Аттенборо^[3] от археологии. История в его устах оказалась интереснейшим, увлекательнейшим предметом, а уж британцы всегда ее обожали, притязая в ней на ведущую роль. Словом, приятно было смотреть на этого человека, когда он излучает самое искреннее дружелюбие и благородную радость, делаясь с другими предметом своей страсти. Помню, в одной передаче, к неподдельному ужасу какого-то хранителя Британского музея, отец принялся примеривать на себя шлем из Саттон-Ху.^[4] Тот застрял и никак не хотел сниматься. «В древности люди были мельче, чем мы теперь», — лопотал отец из-под закрытого забрала, отчаянно пытаясь освободиться от проклятой железяки, из щелей которой торчали пучки черных волос. Зрители обожали его за подобные оплошности. Благодаря такой манере общения он казался человечнее и доступнее, сам предмет его передачи становился ближе и понятней. Я знала, что отец уже покинул нас, и чувствовала себя очень странно, когда увидела на экране телевизора, что он как ни в чем не бывало расхаживает и

что-то говорит. Хуже всего здесь было то, что я не могла предугадать, когда он появится в очередной раз. Ведь отец теперь принадлежал государству, стал нашим национальным достоянием. Конечно, можно просто не смотреть передачи, посвященные истории или археологии, но видишь, например, ролик с призывом о благотворительности для какой-нибудь Богом забытой африканской дыры, и на тебе, попалась. Вдруг на экране появляется он, запускает пятерню в свою вечно буйную шевелюру и обращается к зрителям со страстным воззванием: дайте денег, кто сколько может.

— Вот что, — сказала Ив, вскакивая и хватая свою сумочку. — Пошли смотреть дом. — Она заглянула мне в лицо и быстро прибавила: — Надо хотя бы просто прикинуть, сколько он стоит. Ты же все равно его продашь. Придется подумать, как говорить с агентами, что убрать, в порядок привести и все такое. Когда-нибудь все равно придется этим заниматься, так что давай уж сразу, когда я под рукой и могу помочь. Сама ведь просила оказать моральную поддержку.

Я посмотрела через ее плечо в окно. Там был двор, насквозь промокший под проливным дождем. Пара котов, один на стене, другой на крыше гаража, завывая и выгибая спины, принимали друг перед другом воинственные позы. Тот, что торчал на крыше, прижал уши, а полосатый с бандитской рожей на стене уже приготовился прыгать. Я быстро подошла к окну и постучала по стеклу. Коты повернули головы и недружелюбно уставились на меня желтыми глазищами. Тот, который был на гараже, встал, неторопливо потянулся задними лапами, потом передними и аккуратно спрыгнул во внутренний дворик. Полосатый бандит принялся равнодушно лизать свои лапищи. Ох уж эти люди! Что они понимают в жизни?

Вдруг я вспомнила кота, который жил у нас в дни моей юности. Мы звали его Максом, полное же имя было Доктор Максимус ибн Араби, маленький такой зверек с огромными ушами и гладкой, лоснящейся, рыжевато-коричневой шерсткой, как у африканской лисицы. Я вспомнила, как он, бывало, лежал, растянувшись, в моей песочнице в глубине сада, щурился на солнце с таким видом, будто устроился со всеми удобствами в крошечной, но все равно бесконечной пустыне. Когда мне было восемь лет, я спросила отца, почему у нашего кота такое странное имя. У всех моих друзей котов и кошек звали как-то попроще и понаглядней, скажем, Блэки или Спот.^[5]

— Вообще-то, это не его настоящее имя, — серьезно ответил он мне, как будто хотел поделиться со мной какой-то важной тайной. — Он даже и

не совсем кот. Это реинкарнация одного древнего ученого. Его настоящее имя — Абу абд-Аллах Мухаммад ибн-Али ибн Мухаммад ибн аль-Араби аль-Хатими аль Т-таа'и. Поэтому мы и зовем его Максом.

Это объяснение мало что мне дало. Но потом всякий раз, когда кот смотрел в мою сторону, мне казалось, что он разглядывает меня сквозь дымку мудрости, благоприобретенной за много веков. Других детей, возможно, такая мысль испугала бы, но меня она привела в восторг. Бывало, я подолгу лежала в саду нос к носу с Максом, пытаюсь увидеть, не упразднит ли его мудрость огромную пропасть между нами, существами столь разных видов. Потом я совсем позабыла и этого кота, и само чарующее ощущение волшебства, творящегося прямо на глазах, каких-то таинственных возможностей и надежд, вызванных им в том ребенке, которым я была когда-то.

Вспомнив это чувство теперь, я понимала, что уже давно престала быть той наивной и доверчивой восьмилетней девочкой. Да, я совсем изменилась, но, может быть, тень этой малышки ждала воссоединения со мной под крышей дома моего детства.

— Хорошо, — сказала я, принимая решение. — Едем.

Глава 2

Мы отправились туда на моей машине. В чужих автомобилях, в качестве пассажира, я ездила редко. Если такое случалось, то правой ногой я постоянно пыталась нащупать призрачную педаль тормоза, то и дело сжимала зубы, чтобы не крикнуть: «Осторожней! Сейчас будет красный». Я все время заглядывала в зеркальце заднего вида, наблюдала за другими машинами и краешком глаза старалась предугадать каждое их движение. Пальцы чесались от желания переключить коробку передач или вцепиться в руль. В общем, я вела себя крайне беспокойно.

Итак, мы переехали через реку в Хаммерсмите, покрутились на его забитых транспортом улицах и выбрались на шоссе А-40, ведущее в Уэст-Энд, то и дело обгоняя медленно ползущие семейные колымаги счастливцев, которые решили отдохнуть в выходные на природе. Пробиваясь через тихие улочки на задворках Риджентс-парка, мы вдруг увидели двоих мужчин, которые пытались погрузить верблюда в некое подобие фургона для лошадей. Может, они, наоборот, пытались выгрузить его оттуда, чтоб потом отвести в зоопарк. На морде у этого одногорбого верблюда было написано, что он вот-вот потеряет терпение. Животина крепко уперлась своими широкими раздутыми ступнями в деревянный наклонный трап и, похоже, не собиралась сдвинуться с места, ни туда ни сюда. Не успели мы повернуть за угол на Глостер-Гейт, я глянула в зеркальце заднего вида и увидела, что он как стоял, так и стоит, неподвижный и гордый, как памятник.

Через двадцать минут, с трудом пробившись наконец сквозь плотное движение транспорта в Хэмпстед-Виллидж, мы были уже у дома. Я не видела его с тех пор, как покинула восемнадцатилетней девушкой, исполненной иллюзий о том, что мир, лежащий вокруг в развалинах, добр

и благоволит ко мне. С собой я прихватила жалкую сотню фунтов, которые стащила из кабинета матери. Эти деньги, кстати, очень пригодились, пока я не получила в университете стипендию.

— Подожди здесь пару минут, хорошо? — попросила я Ив и оставила ее сидеть в машине.

Дом украдкой разглядывал меня сквозь забранные ставнями окна, но если и узнал, то виду не подал. Но я-то помнила все, что связано с ним, не забыла этот прихотливый узор дикого винограда, ползущего по стене и цепляющегося за карнизы. Его листья осенью краснели, потом покрывались болезненно-желтыми пятнами и опадали, ежегодно захламляя своими мертвыми телами дорожки сада. Я помнила рододендроны, среди кривых, спутанных стеблей которых устраивала себе убежище, гладкие пятна на выложенной плиткой дорожке, ведущей к парадному входу и истертой тысячами подошв. Дом был выстроен в георгианском стиле, и его пропорции радовали глаз стоящей теперь перед ним взрослой женщины. Когда я была маленькой, он казался мне громадным. Теперь особняк выглядел вполне солидным, но уже не таким огромным, впечатляющим, но не помпезным, словно с течением лет он несколько съезжился, что ли. Я смотрела на него не отрываясь и уже знала, что продам этот дом. Мне даже внутрь не хотелось заходить. Меня ждало там слишком много воспоминаний, не одна только коробка на чердаке.

Но сначала я пошла в сад по дорожке, ведущей вокруг дома, затаила дыхание, словно резкое движение или звук могли спугнуть бледные тени, все еще живущие здесь, и оглядела столь знакомый ландшафт. У меня возникло странное чувство. Стоит только проскользнуть за густую живую тисовую изгородь, маскирующую то, что за ней кроется, и я застаю там врасплох босоногую загорелую шестилетнюю девчонку с неопрятными, заплетенными на индейский манер косичками. Она победно поднимает на ладонях свою последнюю находку: червяка-слепозмейку или какую-нибудь жабу, бесцеремонно извлеченную из декоративной каменной горки. Закрыв глаза, я услышу крики и вопли пацанов из нашей маленькой банды, гоняющихся друг за другом между клумб с игрушечными пистолетами. Но вместо этого с верхушки высокого кедра тревожно, пронзительно и звонко мне что-то прокричал черный дрозд.

Я пошла дальше, все больше погружаясь в прошлое. Пруд, на берегу которого я часами лежала на животе, наблюдая за ленивыми колебаниями плавников и хвостов декоративных карпов в мрачных его глубинах, теперь весь зарос водорослями, а вокруг него буйно разрослась луговая трава вперемешку с вьюнками. Вот и та самая горка, которая теперь представляла

собой кучу кое-как наваленных камней, густо переплетенных земляным плющом и заросших крапивой и одуванчиками. Отец даже в молодости был не большой любитель ухаживать за садом. Дикую природу в ежовых рукавицах держала мама. Вооруженная сучкорезом с длинными ручками, садовыми рукавицами и парой секаторов, она была похожа на средневекового рыцаря, выходящего на битву с драконом, пусть небольшим, но надоедливым. Ясное дело, садом вот уже много лет никто не занимался. Бродя по густой и длинной траве, я с замиранием сердца надеялась увидеть хотя бы остатки своего старого вигвама, лохмотья выцветшей желтой ткани, болтающиеся на скелете бамбуковых шестов как паруса на попавшей в штиль «Марии Селесте»,^[6] свою старую плетеную накидку, игрушки, валяющиеся как попало там, где они были неожиданно и таинственно покинуты. Я подошла к тому месту, где он стоял много лет назад, но, увы, не увидела и следов неровного бурого круга, который всегда оставался от него на лужайке, когда вигвам убирали в дом на зиму. Возможно, его вообще никогда не существовало, как и той вечно смеющейся девочки с ярко горящими темными глазами.

Над головой уже собирались тучи. Пока я стояла там, вспоминая былое, стал накрапывать дождик.

Поглубже сунув руки в карманы пальто, я засеменила обратно к Ив.

— Ладно, пошли в дом.

Бродя с Ив по комнатам, я все тянула время, стараясь как можно дольше не затрагивать темы о чердаке, хотя заметила, что всякий раз, когда мы проходили по холлу с его роскошной резной балюстрадой, Ив вскидывала глаза вверх. Третий час нашего пребывания в доме был на исходе, а мы успели лишь поверхностно ознакомиться с его содержимым, обращая внимание главным образом на мебель, картины и самые ценные археологические артефакты, которые мои родители успели собрать, путешествуя по миру. Я никак не могла себя заставить зайти в спальню родителей. Моя собственная комната была дальше по коридору. Я подошла к ней и осторожно приоткрыла дверь.

Все там выглядело так же, как много лет назад, хотя поблекло и покрылось пылью. На стенах висели рекламные плакаты панк-групп «Слитс энд Красс» и «Резиллос» — сердитая музыка для сердитой девочки. В шкафу куча одежды, которая была в моде на бедных улочках вокруг Камдена.^[7] Я закрыла дверь. Вернуться в ту эпоху своей жизни я бы не хотела никогда, ни за что не желала бы перечитывать еще раз эту главу

романа.

Снова оказавшись в коридоре, я увидела, что Ив уже приладила лестницу на чердак.

— Сама знаешь, надо, — мягко проговорила она.

Что делать, она права. От этого не отвертеться. Я полезла наверх.

Я где-то слышала, что есть люди, которые до смерти боятся чердаков. Существует множество историй про привидения, про сумасшедших, прячущихся в потайных, темных углах наших домов. Все это говорит лишь о глубинных страхах и темных сторонах нашей личности, так сказать, в символической форме выражает отношения нашего «я» и всего остального, иллюстрирует иррациональное начало внутреннего мира, непостижимое и поэтому пугающее нас. Но, взбираясь по стремянке на чердак, я что-то не заметила, чтобы руки мои тряслись от страха. Привидений я не боялась в принципе. Помню, как до полусмерти пугала одноклассников в школе рассказами про мстительных призраков и оживших мертвецов. Понятия не имею, откуда я набралась этих историй, разве что в детстве у меня было извращенное воображение с тягой ко всякой жути и крепкие нервы. Когда соседского терьера на дороге переехала машина и на асфальте, как огромные, толстые, жирные черви, шевелились его внутренности, я не помчалась с воплями прочь, но осталась стоять и смотрела на это как зачарованная. Кто бы мог подумать, что внутри обыкновенной собаки столько интересного? Очередную свою жуткую историю я разбавила этими отвратительными подробностями, и Кейти Нокс вырвало прямо на розовый куст. Но с тех пор я потратила много усилий и времени, чтобы взять за горло свое слишком уж буйное воображение, надеть на него смирительную рубашку, характерную для мира скромных бухгалтеров и прочих подобных им взрослых дядь и тетя. Поднимаясь теперь в эти темные, затянутые паутиной помещения, я боялась, что даю мертвым власть над собой. Они станут терзать не тело мое, а душу.

Ступив на самый верх стремянки, я протянула руку и нащупала фонарик, который отец всегда держал справа от люка. Он оказался на месте, цел и невредим. В сознании всплыло воспоминание о том, как я в последний раз поднималась сюда, но я поскорей затолкала его обратно в мрачные глубины, из которых оно явилось. Я щелкнула выключателем, и луч света прорезал пространство чердака. Повсюду одни ящики и сундуки.

А чего же я ожидала? Единственную такую коробочку, лежащую посередине огромных пустых пространств чердака и тихо ожидающую моего прихода?

Я вскарабкалась на край люка и прошлась по дощатому полу, выглядывая что-то похожее на коробку с собственным именем на крышке. Надо отдать отцу должное. Человек он был аккуратный. Полагаю, эту черту я унаследовала от него.

«Интересно, знал ли он, что скоро умрет, и если да, то давно ли?» — думала я, скользя взглядом по аккуратным биркам и видя идеальный порядок в его архивах.

Здесь были коробки с книгами, каждая на отдельную тему, с обувью, археологическими архивами, старыми бумагами и документами.

Наконец я нашла что искала. Наверное, я проходила мимо нее два или три раза, поскольку коробка оказалась намного меньше, чем я ожидала, возможно, под впечатлением жуткого предположения Ив о том, что там лежат останки моей матери. Я наклонилась, чтобы рассмотреть ее поближе. Сверху замечательными отцовскими каракулями было выведено одно слово: «Изабель». Бумага, на которой оно было написано, пожелтела от времени, чернила выцвели. Интересно, давно ли эта коробка лежит здесь? Она была тщательно заклеена липкой упаковочной лентой, чтоб нельзя было вот так просто сунуть в нее нос, прямо сейчас, на месте, вывалить содержимое на пол, посмотреть и уйти прочь. Я подняла коробку. Она оказалась легкой, но, когда накренилась в моих руках, что-то там внутри поехало в сторону и глухо ударило о стенку.

Господи, что же там такое? Какой предмет мог произвести этот звук? Я смотрела на коробку не отрываясь, словно в ней лежал чей-то череп или отрезанная и высохшая рука.

«Да брось ты, Из, перестань!» — строго приказала я себе и сунула коробку под мышку.

С одной свободной рукой не так-то просто спускаться по стремянке, но мне удалось сделать это без приключений. Ив жадными глазами глядела на коробку.

— Давай же, открывай поскорей.

— Нет, не здесь и не сейчас, — покачала я головой.

Глава 3

Город Лондон раскинулся на огромной площади, составляющей более полутора тысяч квадратных километров. Но в это пространство втиснуто почти восемь миллионов человек. Они обитают в домах, построенных в эпоху Виктории и короля Эдуарда, в муниципальных кварталах семидесятых годов, в современных небоскребах из стекла и стали, утыкавших бесконечные пригороды. В последние двадцать лет я успела пожить чуть ли не в каждом районе Лондона, покупала и снова продавала квартиру, то и дело переезжая и продвигаясь все дальше к западу. На одном месте я долго не задерживалась, каждая новая квартира нравилась мне год, от силы два, а потом меня охватывало какое-то странное беспокойство, некий зуд снова заставлял поменять место жительства. Стоило только закончить косметический ремонт очередной квартиры, все расставить на свои места и снова уделить внимание окружающему миру, как мне опять становилось как-то не по себе. Пусть район был красивым, а соседи приятными, но я никогда и нигде не чувствовала себя уютно, на своем месте. Всякий раз ноги будто сами несли меня к витрине агентства недвижимости. Я понимала, что настало время в очередной раз вострить лыжи и двигать дальше. Мне всегда везло. Рынок недвижимости продвигался вперед и вверх вместе со мной. Таким вот образом я и ухитрилась подняться от комнатки в Нанхеде, где между плитками в ванной комнате росли грибы, к двухкомнатной квартирке с одной спальней в Брокли. Потом я жила в викторианских особнячках в Баттерси и Вондсворте, уже с двумя и тремя спальнями, перебралась в тихий уголок Челси и наконец осела в очень приличной квартире далеко на юго-западе города. Если мне так уж приспичило жить в Лондоне, то дальше от дома родителей находиться уже было невозможно.

Мы покинули Хэмпстед и меньше чем за сорок минут домчались до Барнса, еще одной дорожкой лондонской деревни, где живут буржуа. Оба района пахнут большими деньгами, как унаследованными от богатых родителей, так и нажитыми совсем недавно. В течение нескольких очень неприятных секунд, пока загоняла «мерседес» на стоянку возле своего жилья, воспоминания о доме родителей я ненавидела почти так же, как и сам этот особняк.

Ничего этого Ив я говорить не стала. Она бы все равно ничего не поняла, даже если бы мне удалось облечь свои чувства в слова. Ив любила вещи всем своим нутром, до сладострастия, словно они могли занять ту пустую нишу в ее жизни, которую должны заполнять муж и дети. Подруга уже два раза успела побывать замужем, но родить детей так и не смогла. Я иногда думала, что тоже занимаю часть этого ее вакуума. Ведь Ив командовала мной, указывала, если я, по ее мнению, делала что-нибудь не так, словно была моей матерью.

Я очистила стол и поставила на него коробку. У меня на кухне, среди сверкающей нержавеющей стали и полированного гранита, она смотрелась совершенно нелепо, как будто этот старый хлам подобрали на помойке. Я взрезала ножом упаковочную ленту и приклеенную к крышке бумагу с моим именем. На одной стороне разреза остались буквы «Иза», на другой «бель».

Мы с Ив вытянули шеи. В коробке на первый взгляд лежала всего лишь пыльная пачка каких-то старых бумаг. Я осторожно вынула ее. Листки были такие ветхие, что, казалось, сейчас рассыплются прямо у меня в руках. Первый из них оказался совсем маленьким, того бледно-зеленого цвета, который мать назвала бы *eau de nil*,^[8] и был несколько раз сложен. На одной стороне виднелись какие-то странные каракули. Чернила совсем выцвели, и разобрать их было невозможно. Я перевернула листок и увидела неразборчивый заголовок. Что-то вроде «Марок...», но продолжение стерлось на сгибе. По виду это был какой-то старый официальный документ. Я нашла пару слов, отпечатанных типографским способом, даже разобрала несколько букв «прови...» и еще начало какого-то слова — «хегир...». Все остальное, написанное или напечатанное здесь, было пожрано временем, испарилось. В голове у меня вдруг мелькнула мысль, что хранящаяся в коробке информация почуяла волю, вылетела и теперь кружится в воздухе вокруг нас, невидимая, но весьма серьезная. Фантастическая чушь!

Я передала тоненький зеленый листок Ив и заявила:

— От этого мало толку.

Подруга перевернула листок, подняла, сильно сощурившись, посмотрела его на свет.

— «Марок» по-французски будет «Марокко», верно? — произнесла она после некоторого молчания. — Так, а это что, печать?

В нижнем углу листка просматривался маленький и как будто тисненый прямоугольничек. На нем было какое-то бледное изображение, но, даже осветив его самой яркой галогеновой лампой, мы ничего не разобрали. Я отложила листок в сторону. Дальше шла пачка бумаг с машинописным текстом, побуревших по краям. Печатали его, по-видимому, на одной и той же машинке, поскольку везде бросались в глаза одни и те же плохо пропечатавшиеся литеры, а точка то и дело протыкала тонкую бумагу насквозь. Отец всегда ударял по клавишам изо всех сил.

«Описание захоронения в районе Абалессы» — гласил заголовок на листке, лежавшем сверху. Нахмурившись, я пробежала его глазами, выхватывая отдельные фразы: «...беспорядочную кучу камней, так называемый реджем, которые часто встречаются в Сахаре». В самом низу первой страницы в глаза мне бросилось слово «скелет».

Я осторожно взяла листок и прочитала для Ив вслух:

— «По свидетельству очевидцев, останки царицы пустыни были обернуты в кожу красного цвета, украшенную золотой фольгой. Она лежала, подогнув колени к груди, на распавшихся на фрагменты деревянных погребальных носилках, перетянутых плетеными шнурами из крашеной кожи и ткани. Голова царицы была покрыта белой вуалью с тремя страусовыми перьями. В ушах были изумрудные серьги, на одной руке девять золотых браслетов, а на другой восемь серебряных. Вокруг лодыжек, шеи и талии лежали рассыпавшиеся бусины из сердолика, агата и амазонита. Эти подробности убеждают в том, что останки принадлежат женщине весьма знатного происхождения. Сотрудники Этнографического музея профессора Морис Рейгасс и Готье полагают, что в данном захоронении находятся останки легендарной царицы Тин-Хинан».^[9]

— Вау, — сказала Ив. — Вот это да. — Она закрыла глаза. — Так и чудится запах пустыни, скажи? Сокровища, легендарная царица Сахары. Сразу вспоминается фильм «Индиана Джонс и Храм судьбы»! Но при чем здесь ты?

Я только пожала плечами. Мне было как-то не по себе, и даже слегка подташнивало.

— Понятия не имею. По характеру записей не похоже, что отец участвовал в раскопках этого погребения.

Я отложила бумаги в сторону. Глядеть на чуть ли не насквозь

пропечатанные «о», чувствовать кончиками пальцев оттиски букв на обратной стороне бумаги — ощущение такое, будто попал в далекое прошлое. Как некое послание из могилы, даже из двух: сахарской царицы и отца. По затылку у меня пробежали мурашки, словно волоски на нем один за другим поднимались дыбом. На самом дне коробки лежал, скорее всего, тот предмет, который сообщил о себе глухим стуком, когда я держала упаковку в руках на чердаке. Это был полотняный мешочек, несколько раз обмотанный сверху бечевкой. Он оказался гораздо тяжелее, чем я ожидала. Вдруг мою руку словно пронзил разряд электрического тока, и я почему-то была уверена в том, что разряд ударил именно из предмета, скрытого в мешочке.

— Думаешь, там что-то из захоронения? — взволнованно спросила Ив.

Но меня трясло то ли от возбуждения, то ли от страха. Я и сама не могла ничего понять.

— Думаю, лучше всего положить его обратно и больше не трогать. — Я опустила мешочек в коробку, завалила его стопкой пожелтевших бумаг, потом закрыла взрезанную посередине крышку и сверху положила нож, чтоб под его тяжестью она не раскрылась. — Все очень странно, загадочно и весьма похоже на отца. Я помню, как он однажды, выступая по телевизору, сказал: «Надо всячески поощрять в детях любопытство. Подайте ему знание на блюдечке, и он к нему даже не притронется, а сам пойдет искать какой-нибудь запретный плод. Дайте ребенку найти его, вынюхать все самому, только подскажите, где что лежит, да и то крайне осторожно, и тогда он запомнит это на всю жизнь». Так-то вот. А я терпеть не могу, когда меня пичкают подобными паскудными подсказочками. Все это нарочно придумано, чтобы заманить меня и поймать, а я вот возьму и не клюну. «Не надо будить спящего зверя», — написал он в своем письме, вот я и не буду, пускай спит.

— Но если ты не посмотришь, что там, то будешь терзаться еще больше.

Что и говорить, она права. Поборов свои иррациональные страхи, я сделала глубокий вдох, убрала с коробки нож, полезла внутрь, снова извлекла мешочек, быстренько, пока не успела передумать, размотала бечевку и вытрясла содержимое. Мы устали на предмет, лежащий у меня на ладони. Это был довольно крупный кусок серебра толщиной миллиметров пять наверху и почти десять у основания, площадью не менее четырех квадратных сантиметров. Посередине торчала шишечка, украшенная круглыми красными стеклышками или какими-то полупрозрачными камешками, а по диагонали шли выгравированные

полоски с каким-то сложным, загадочным узором. Наверху прикреплен витой кожаный ремешок. Я взялась за него, подняла эту штуковину, и она повисла, раскачиваясь из стороны в сторону и вращаясь, как маятник для ворожбы. Красные камешки сверкали на солнце не хуже рубинов. В моей суперсовременной кухне этот раритет выглядел дико и неуместно.

— Ой, Иззи!.. — Ив задохнулась, округлив от удивления глаза. — Это... просто фантастика.

Но предмет, который я держала в руке, был довольно тяжел и массивен, значит, вполне реален. Но что же, черт возьми, это такое?

Ив взяла его у меня и стала внимательно разглядывать. Тут меня охватило странное, непонятно откуда взявшееся чувство неуверенности в себе, словно, отдав эту штуку в чужие руки, я потеряла почву под ногами.

— Думаю, это что-то вроде ожерелья, — сказала она, помолчав. — Но сработано ужасно грубо! Совершенно варварская вещь! — Ив поморщила носик. — Не в моем стиле... да и не в твоем тоже, дорогая.

Истинная правда! Странная вещица... трудно представить себе нечто более чуждое тому, что Ив называла моим стилем. Я взяла мешочек. Из него торчала узенькая полоска бумаги, на которой аккуратным отцовским почерком было написано: «Амулет. Время и происхождение не известны. Вероятно, туарегский; серебро, сердолик, кожа». По моей спине пробежал холодок. Найдена ли эта штука в захоронении, где обнаружен скелет царицы туарегов, о которой упоминалось в археологическом описании, сделанном отцом? Я отправила бумажку и амулет обратно в мешочек, усталилась на него, не зная, что делать дальше, потом судорожно сунула в коробку. Меня охватила нелепое чувство, будто он сейчас меня укусит. Что за вещь притащила я к себе домой? Мне захотелось немедленно выбежать во внутренний дворик, выкопать яму и перезахоронить ее, а вместе с ней и все бумаги, которые оставил мне отец.

В ту ночь, впервые за много лет, мне приснился очень странный сон.

Мне снилось, что я в чадре, сквозь узенькую щелку в ней гляжу на пальмы, и на сердце у меня становится тепло. Я понимаю, что пересекла пустыню и не погибла. Алхамдулиллах. [\[10\]](#)

Передо мной легким, размашистым шагом идут другие люди, путешествующие с караваном. Их синие одеяния посерели от песка и пыли, лица плотно замотаны тканью, предохраняющей от ветра, который соскоблил тонкий слой краски с седла моего деда, изодрал узлы и тюки на спинах наших животных.

Я закрываю глаза, открываю и вижу проносящееся мимо стадо

газелей. Тряся яркими белыми хвостиками, они мелькают среди красноватых гранитных валунов, то пропадая, то опять появляясь. Я снова на миг зажмуриваюсь, и вот мы в широкой долине, на самом дне глубокого ущелья. Мне кажется, что кто-то за мной наблюдает. Это лев огромных размеров. Таких не бывает в природе. Он смотрит на меня со скалы! В страшном испуге я громко зову на помощь.

Открыв глаза еще раз, я понимаю, что передо мной естественный пейзаж, множество верблюдов в натуральную величину, рукой самого Бога вырезанных в красновато-розовом камне. За ними на склонах разбросаны глинобитные домики и крошечные фигурки женщин, закутанных в черное и работающих на возделанных террасах. Одна из них осмеливается приветствовать Солимана и спрашивает, что мы привезли. Он отвечает, что соль и просо, и лицо ее мрачнеет. Она так же стара, как моя бабушка, и глаза ее подведены сурьмой.

— А драгоценные камни? Золото? — спрашивает она.

Но времена, когда были золото и рабы, прошли. Настали трудные дни.

Мы вступаем в оазис, когда муэдзин выкрикивает адхан,^[11] и ведем верблюдов в караван-сарай. Кое-кто из мужчин направляется к мечети, но мне хочется сходить на базар.

На соуке^[12] множество лавочек ремесленников. Они обрабатывают железо прямо на открытом огне. Я обхожу их стороной. На шерстяных попонах сидят старики, перед ними высятся пирамиды пряностей, овощей и — чудо из чудес — кожаные бабуши,^[13] ярко-желтые, словно само солнце. Я вдруг представляю себе, как они сидят на моей ноге. Это очаровательно. Такие туфельки наверняка произведут впечатление на красавицу Манту. Моя рука непроизвольно тянется к серебряному амулету, мне кажется, что сделка будет удачной.

Но тут, как по волшебству, появляется Азелуан.

— Ты что, с ума сошла? Этот амулет стоит сотни пар таких бабушей, даже тысячи! Кто защитит тебя от злых чар Кель-Асуфа?^[14] Я опускаю глаза и вижу, что на моих ногах уже красуются желтые бабуши. Они жмут, новые туфли всегда немного тесноваты, но я в них чувствую себя царицей.

Теперь уже вечер, мы сидим вокруг огня, завернувшись в одеяла.

— Бог создал пустыню, — рассказывает Ибрагим, — чтобы было место, где Он мог бы отдохнуть, но скоро передумал, призвал к себе южный, северный и все другие ветры. Аллах приказал им слиться, чтоб получился один, и они повиновались. Он взял горсть смешавшихся ветров, и появился на свет верблюд — к славе Аллаха, на страх и смущение врагам

Его и человеку на пользу. К ногам животного Он привязал сострадание, на спину возложил седло, по бокам закрепил мешки с деньгами, а к хвосту прикрепил удачу. Пустыня и верблюды — это дар Всевышнего человеку.

— Аллах акбар, — говорю я, зная, что ему это понравится.

Он повторяет эти слова, на минуту умолкает, потом наклоняется вперед и говорит:

— Тот, кто рожден в великой пустыне, никогда не будет свободен, как бы далеко он ни отправился и куда бы ни держал путь. Духи, населявшие этот мир еще до того, как было создано время, скалы или песок, всегда пребывают с ним. Остерегайся народа Кель-Асуфа. Плотней носи на лице чадру, пусть нос и рот твои будут прикрыты. Эти духи любят отверстия в человеческом теле, через них они постоянно хотят проникнуть внутрь. Когда писаешь, прикрывайся одеждой. Когда какаешь, делай это всегда там, где по песку никто не ходил. Если присмотришься внимательно, то везде заметишь их следы, — продолжает Ибрагим. — В дюнах иногда видно, как без всякой причины поднимаются в воздух спирали песка. Там, где кромка дюны изгибается не хуже змеи, можно видеть, как их когти процарапали землю. Наблюдай, как изменяются тени днем, при свете солнца, и ночью, при сиянии луны, как образуются вихри и рябь на песке, как побеги травы, пригибаемые ветром к песку, оставляют на его поверхности четкие крошечные кружочки. Свои следы они оставляют везде. Что бы ни случилось, всегда держи амулет под рукой. Он уберет тебя от беды. Никогда не забывай, что пустыня — твой дом.

Я проснулась, когда еще не рассвело. Во рту ощущалась странная сухость, на зубах словно песок скрипел, а в ноздрях еще сохранился крепкий запах мускуса. Я лежала в своей лондонской кровати, не двигаясь и наслаждаясь приятной прохладой чистых, выглаженных простыней, но было не так-то просто избавиться от ощущения, что постель из египетского хлопка исчезла, а вместо шелкового стеганого одеяла меня покрывала вонючая попона из верблюжьей шерсти.

Глава 4

Должно быть, я опять уснула, а когда снова открыла глаза, было уже далеко за десять. Неслыханное дело в моей жизни, отлаженной как часовой механизм. Я залпом проглотила два стакана воды, поставила вариться кофе, выбежала на улицу, чтоб купить свежий номер «Санди таймс», вернулась, села за стол и обнаружила, что сижу как на иголках и не могу дочитать газету до половины первой страницы. Меня переполняла какая-то странная энергия, жажда деятельности, мне хотелось куда-то бежать вприпрыжку, что-то преодолевать, карабкаться как можно выше.

Я позвонила Ив и предложила:

— Поехали вместе, полазим по скале.

Была бы возможность, я отправилась бы на берег моря или в вересковую пустошь, в общем, на природу, в какое-нибудь безлюдное местечко. Там можно было бы повисеть над бездной, уцепившись за кромку утеса, прошагать по самому верху залитой солнцем скалы, во всю глотку смеясь от восторга перед разверзшейся у самых ног пропастью. Увы, ближайший вариант дикого скалолазания находился в нескольких часах езды на машине, поэтому пришлось удовольствоваться уэстуэйской стенкой, до которой можно было добраться за полчаса.

Дожидаясь, пока приедет Ив, я заглянула в Интернет, чтобы посмотреть, что означает слово «амулет». «Этимологический словарь онлайн» предложил мне следующее определение.

«Термин „амулет“ впервые встречается в 1447 году в форме „amalettus“, от *лат.* „amuletum“ (Плиний). Так назывались ожерелье или брошь, надеваемые в качестве талисмана против темных сил, колдовского наговора, болезни и т. д. Этимология неясна, возможно, восходит к

лат. „amoliri“: „отводить, отвращать, уносить, убирать“. В английских письменных источниках слово больше не встречается до 1601 года. Упомянутый случай употребления в XV веке, возможно, является заимствованием из средневекового французского».

Я сдвинула брови. Статья меня мало просветила. Возможно, эта вещица вовсе никакая не археологическая находка. Не исключено, что она попала к нам из семейства покойной матери, хотя я не могла представить себе, чтобы моя миниатюрная изящная мама надела на себя подобное украшение, особенно если вспомнить ее холодный прагматизм и неприятие всяческих предрассудков.

Я хотела проверить, что означают слова «Тин-Хинан» и «Абалесса», но никак не могла усидеть на месте. Мне нужно было двигаться, чтобы найти выход переполнявшей меня поистине чудовищной энергии. В конце концов я не выдержала, выскочила из дому, села в машину и подобрала Ив уже на углу.

На стенке для лазания народу было полно. Люди качались и свисали на канатах, как пауки на своих паутинках. На стенке для начинающих, бешено визжа от возбуждения и страха, под руководством инструкторов занимались детишки, получившие абонемент в подарок на день рождения. Серьезные одиночки и опытные скалолазы усердно решали свои проблемы в глубине зала. В воздухе витали миазмы меловой пудры, за несколько минут забивая легкие. Я помнила время, когда это заведение было еще грязной площадкой на открытом воздухе: главная стенка для тренировок с траверсом и пара больших железобетонных плит, оцетинившихся захватами и ушками. С них был виден поток машин, спешащих через эстакаду на шоссе А-40. Если вскарабкаться на самый верх, то можно было до смерти изумить какого-нибудь водителя, вдруг оказавшись с ним на одном уровне, глаз в глаз. Теперь здесь располагался современный спортивный зал для скалолазания. Его пятидесятифутовые белоснежные полупрозрачные полиуретановые стены, прикрепленные к нижней части полуосвещенного пролета эстакады, как арена цирка, давали ощущение подлинной высоты и опасности маршрутов, проходящих внутри.

В клуб скалолазов я вступила в университете, но мне не нравилось, когда мной командовал кто угодно, а уж тем более парни из нашего клуба, которые на маршруте разыгрывали из себя крутых. Похваляясь своей физической силой и поигрывая широкими плечами, они рявкали на нас,

хрупких женщин, когда кому-нибудь не удавалось дотянуться до указанного захвата, или раскачивались как обезьяны, вульгарно кичась своей ловкостью. Отточив технику прохождения маршрута в связке, пара девиц, я в том числе, тайком решили проверить свое умение держать равновесие, а заодно потренировать ноги на маршруте посложнее. Об этом узнал Росс Майхилл, отъявленный шовинист из нашей группы. Он прошел на вершину той же скалы по более легкому маршруту, не торопясь расстегнул ширинку и, как собачка, помечающая свою территорию, пописал сверху на плиту, по которой мы шли. После этого случая мы с мужчинами больше не тренировались.

Сейчас я наблюдала, как вверх по стене карабкалась Ив. Техника у нее неплохая, ноги сильные, как у танцора, двигается аккуратно, обходя выступы и неровности с помощью зарубок или временно удерживая вес на одних носках. Я полезла за ней, быстро ее догоняя. Силенок-то у меня было побольше, ведь я регулярно тренировалась, поднимала тяжести в тренажерном зале, поэтому довольно скоро мы сравнялись. Когда я прошла весь маршрут три раза, руки от усталости стали деревянными.

— Что это с тобой? Силы девать некуда? — вздернув от удивления брови, спросила Ив.

— Точно.

У меня было такое чувство, будто я горы могла своротить. Размявшись, мы напялили на себя сбрую, достали веревку и прошли с полудюжины маршрутов разной сложности, неподвижно закрепляя крючья, спускаясь сверху с железными мышцами и чувством, что нам все по плечу.

Я обожала лазить по стенам. Мне нравилось, что они искусственные. Вид спорта, опасный в естественной среде, здесь редуцирован до игры, где к твоим услугам разноцветные опоры и ушки, французскими терминами обозначены уровни, расписаны правила и условия, и все это происходит в контролируемом пространстве. Скалолазание в естественных условиях требует от человека многого: специальных знаний, ловкости, умения и готовности рисковать, здравого смысла и полного доверия к своему товарищу. Но у меня всегда возникали проблемы именно с напарником. Мне было странно, что моя жизнь отдана в руки другого человека. На стенке ты тоже доверяешь товарищу держать веревку, а заодно и тебя, если срываешься. Допустим, он прохлопал ушами, ты летишь вниз, но разбиться шансов почти никаких, поскольку всяких личностей, наблюдающих за тобой, и матов безопасности тут хватает.

Мы решили немного передохнуть. Я выскочила на улицу купить чего-нибудь подкрепиться и попить холодненького, а когда вернулась, то

увидела, что Ив склонила светлую голову над журнальчиком, оставленным кем-то на столике в кафе. Она подняла голову и кивком поманила меня к себе.

— Смотри, что здесь пишут об этом зале, называют его новым раем для скалолазов!.. Место тихое и спокойное, погода всегда отличная, тренироваться — одно удовольствие. Видишь эту скалу? С фронтальной части идет потрясающий маршрут пятой категории по вертикальной стене. Называется, кажется, Львиная Голова.

Я смотрела на огромную фотографию на развороте журнала. Утес на ней был в точности такого же красновато-розового цвета, как и пейзаж, который накануне мне приснился. Та же самая скала, что возвышалась над караваном торговцев. В ее резких очертаниях совершенно отчетливо, как в мультяшке Дисней, вырисовывалась львиная морда. На мгновение земля поехала у меня куда-то из-под ног. В ноздрях стоял отчетливый запах шафрана, пахнуло зноем и пылью. В голове вдруг застучал странный ритм, как будто откуда-то издали донесся медленный барабанный бой, кровь прихлынула к ушам. В них словно зашуршал морской прибой или ветер в песчаных дюнах, переходя в рев, на фоне которого, повторяясь снова и снова, зазвучало бессмысленное: «Лаллава, Лаллава, Лаллава».

Я заморгала и помотала головой.

— Что с тобой? Тебе плохо? — во все глаза уставившись на меня, спросила Ив.

— Что? Я...

Я сдвинула брови, снова посмотрела на фотографию и сказала себе, что это просто снимок. Мало ли таких мест на свете. Кто-то увидел и щелкнул для журнала, публикующего статьи про скалолазание. Что тут такого, чего ты так расстраиваешься?

— Это где-то в Африке, — сказала Ив. — Точнее, на юго-западе Марокко, день пути от пустыни Сахары.

Я посмотрела на нее, йотом снова уставилась на фотографию. По спине у меня поползли мурашки, добрались до затылка, голова опять наполнилась каким-то глухим гулом.

— Марокко? — как эхо, отозвалась я, и мне показалось, что голос мой донесся откуда-то с другого континента.

Марокко, страна золота, пряностей и, возможно, отправная точка истории, упомянутой в письме отца. Меня вдруг пронзила захватывающая, головокружительная и хмельная мысль, охватило чувство странной уверенности, отмечающей все сомнения. — А давай съездим, — сказала я, сама от себя этого не ожидая, как, впрочем, и подруга тоже. — Давай туда

съездим, а, Ив? Возьмем отпуск, полазим по горам, может, и по пустыне порыскаем. Я возьму с собой этот амулет, проведем расследование, что-нибудь про него разузнаем...

— Что это вдруг на тебя нашло? — Ив смотрела на меня круглыми глазами.

— Не знаю.

Улыбка на моих губах слегка завяла. Я смутилась, захваченная мыслью, которая, похоже, принадлежала отнюдь не мне.

— Даже не могу сказать, хочу ли я разузнать что-нибудь про этот амулет. Да и Африка меня никогда не интересовала. Что я там потеряла?

В голове постепенно разрасталась боль, словно какие-то враждебные силы собирались расколоть мне череп.

На обратном пути мигрень разыгралась не на шутку. В голове время от времени вспыхивало яркое солнце, потом наступал мрак, прорезаемый вспышками молнии. Сама не знаю, как мне удалось добраться до дому, видимо на автопилоте. На кухне я сразу налила воды в стакан и направилась в ванную комнату, где у меня хранились таблетки от головной боли. Но, проходя через комнату, я остановилась у стола, где так и лежала оставленная мною коробка. Непонятно зачем, не отдавая себе в этом отчета, я поставила стакан и достала мешочек с амулетом. Серебряная вещица выскользнула из него и уютно расположилась в моей ладони. Предмет казался столь основательным, так оттягивал своим весом мою руку, что вселял странную уверенность в том, что и сделан он был как раз по ней.

Неожиданно для самой себя я надела его на шею. Ребра ощущали тяжесть, но это не казалось мне неприятным. Я на секунду закрыла глаза, и яркие вспышки в голове будто превратились в серебристых газелей, мелькающих у меня под веками. Я отправилась искать таблетки.

Большой свет в ванной комнате я включать не стала, зажгла лампочку возле зеркала. Она осветила только мое лицо. Все остальное пространство было погружено во тьму. Странно, до сих пор я почему-то не замечала удивительного эффекта, создаваемого этим источником света. Казалось, голова моя была как бы вырезана и наклеена на некий совсем другой фон. Над тельняшкой, которая была на мне, светились лицо и глаза, как и сам амулет. Все вместе будто обладало какой-то невероятной реальностью, а весь остальной мир погрузился во тьму и стал неразличим.

Украшения я носила обычно не очень заметные, неброские. Таких ярких, выразительных предметов, как этот амулет, у меня никогда не было.

Но он вполне подходил мне. Сейчас это хорошо было видно. В твердых, солидных очертаниях чувствовалась энергия, нечто непреклонное и оригинальное, подтверждавшее откровенную принадлежность к определенному этносу. Насколько могу помнить, я впервые в жизни была вполне довольна своим отражением в зеркале. Я видела перед собой совсем другого человека, поразительно уверенного в себе.

От матери-француженки я унаследовала довольно смуглую кожу. В одиннадцать лет меня отдали в частную школу. Я оказалась среди бледненьких, золотисто-розовых девочек и промучилась там до шестнадцатилетнего возраста. В самый чувствительный период формирования личности я всегда ощущала себя лишней. Девчонки меня постоянно дразнили за то, что я не такая, как все, смеялись над темной кожей моих рук, над волосами, черными и жесткими, как проволока. Я терпеть их за это не могла, но очень скоро начала ненавидеть себя. Грудь у меня стала расти и развиваться гораздо раньше и быстрее, чем у моих сверстниц, как и темный треугольник волос, который тоже рано стал отрастать между ног. Менять одежду в раздевалке я стала подальше от всех, где-нибудь в темном углу, отвернувшись к стенке. Я последней выходила на спортивную площадку, принимала душ, стала морить себя голодом и получала удовольствие, видя, как пропадают мои округлости. Довольно долго никто ничего не замечал, ни одна живая душа, не считая Ив, а она полагала, что худоба не проблема, сейчас это модно. Однажды на кухне я почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд, обернулась и увидела, что на меня смотрит отец.

— Как, однако, ты исхудала.

Я неопределенно кивнула в ответ. Мне было тринадцать лет. Я чувствовала неловкость и не хотела разговаривать на эту тему.

— Понимаешь, это не совсем хорошо. Тощие женщины... — Он скорчил рожицу. — Да, они непривлекательны. Ты очень красивая девушка, женщина, совсем юная. Ты не должна стыдиться того, что Бог дал тебе, — своего тела.

Его слова меня напугали. Мне еще никто не говорил, что я красивая. Сама я так о себе не думала никоим образом. Но это сказал мой собственный отец, и доверять ему не стоило. Все родители считают своих детей красивыми, разве не так?

Теперь я поднесла ладонь к лицу и наблюдала этот жест в зеркале. Красивая. Я довольно долго не считала себя особенно привлекательной, но отражение говорило мне нечто другое. Лицо мое так и сияло в зеркале. А все потому, что на мне был амулет. Он озарял меня своим светом.

Не помню, чем я занималась остаток дня. Может, смотрела телевизор, а может, ко мне вернулась и мстительно набросилась на меня головная боль. Но я не забыла, что, закрыв глаза, снова увидела яркие картины. Перед внутренним взором проходили чужие, незнакомые мне ландшафты. В какой-то момент с отчетливостью галлюцинации я увидела лицо девушки с черными смелыми глазами. Она тронула меня за руку, словно хотела что-то сказать, а я не обращала на нее должного внимания. Незнакомка снова и снова звала меня по имени.

Правда, имя это не имело никакого отношения к моему настоящему. Совершенно незнакомое и чужое, оно звучало как бессмысленный набор каких-то повторяющихся слогов. Я напряглась, чтоб лучше слышать. Мне показалось, будто кто-то говорит со мной, рассказывает какую-то историю, но понять ее я никак не могла...

Глава 5

Высоко над горной долиной под деревом сидела девушка и пристально вглядывалась в окружающую местность. Необычное лицо с прямым носом, дерзкими черными глазами и твердым подбородком поражало силой и энергией. Ее нельзя было назвать хорошенькой, да никто и не называл ее так, никто не уподоблял ее таким возвышенным вещам, как луна, например, столь изящным и хрупким, как осенняя паутинка или красивая маленькая певчая птичка, множество которых порхало в сумеречном воздухе. Мужчины, без особого успеха пытавшиеся ухаживать за ней, чаще сравнивали ее с дикими верблюдицами и буйными ветрами пустыни — словом, с вещами стихийными. В своих нескладных виршах они выражали робкую надежду обуздать девушку и тщетно старались подыскать рифму к ее имени — Мариата. Она же платила им за внимание стихами колкими, как песчаная буря, и столь же обидными. Очень скоро воздыхатели от нее разбежались.

Некоторое время она сидела неподвижно, глядя куда-то вдаль, словно хотела рассмотреть нечто недостижимое. Там, на гребне скалистой вершины, росло дерево. Гора Базган, давшая название племени, в котором она теперь жила, виднелась на горизонте неясно, словно туманный призрак. На высоте воздух был прохладен, пахло диким тимьяном и лавандой, но присутствие пустыни за холмами все равно ощущалось отчетливо.

Наконец она сбросила с себя оцепенение, наклонилась и что-то написала палочкой на песке под ногами. Но тут на щеку ей села муха, потом другая, и вдруг налетела целая туча тварей, переливающихся всеми цветами радуги. Девушка взмахнула рукой, отгоняя их.

— Будьте вы прокляты!

Какая польза от этих мерзких насекомых, летающих всюду без толку, надоедливо жужжащих и мешающих людям? Их ведь так много, целые тысячи вечно вьются над едой, животными и детьми. Воистину, если бы Всевышний был женщиной, в мире не осталось бы ни одной мухи. Ей почудилось, что она слышит голос матери, которая всегда бранила ее за это: «Мариата, что ты такое говоришь! Побойся Бога!»

Но мать ее умерла, и в доме тетки, сестры отца, она совсем чужая. Мариата вздохнула и снова сосредоточилась: она сочиняла стихотворение, которое то возникало в голове, то бледнело и таяло. Замысел только начал облекаться в слова, как вдруг послышались чьи-то шаги. Кости и прах! Она отпрянула в тень. Если ей помешают, то стихотворение испарится, как плевков на горячем камне. Если получится хорошо, Сарид заплатит деньги. Когда вернется странствующий кузнец, она купит серьги, которые так пришлись ей по душе. Это ее первый заказ. Главное, чтоб получилось, а там пойдут и другие. Унизительно, конечно, работать за плату, но, как это ни противно, она теперь зависит от милости других людей. Ее тетка Дассин, да и прочие женщины племени кель-базган не оказывают ей должного уважения, помыкают ею. Такого никак не заслуживает человек ее происхождения. Подумать только, они хотят, чтобы она своими руками доила коз — привязывала их голова к голове и дергала за титьки! Мерзость какая! Ведь всякому известно, что такую работу прилично выполнять только иккланам.^[15] Ощущая недостаточное почтение, которое ей оказывали, Мариата уже начинала жалеть о том, что отдалилась от остального племени.

Она затаила дыхание. Скорей всего, это стадо коз, но здесь водятся и разбойники, которые приходят по ночам красть верблюдов или коз. Совсем недавно прошли слухи о том, что злодеи зверски убили нескольких крестьян, когда те работали на своих огородах, потом напали на какую-то деревню, а она вот сидит здесь совсем одна, довольно далеко от стоянки племени.

Хрустнула сухая ветка, и через секунду показался мужчина. Его лицевое покрывало свободно свисало на грудь. Это говорило об одном: он один и не ожидает встречи с другим человеком. Спущенное лицевое покрывало и особая посадка головы... конечно, какой там разбойник, это Росси, племянник вождя племени. Только он настолько самонадеян, что считает себя неуязвимым для злых духов.

Узнав его, она нахмурилась, и холодок пробежал по ее спине. Росси глаз с нее не спускал с тех самых пор, как отец привез Мариату в племя базган. Она постоянно ощущала на себе его пристальный взгляд: шла ли по

территории стоянки, плясала ли с другими девушками, разучивая фигуры свадебных танцев, или сидела вечером у костра.

Сейчас он смотрел не на нее, а на землю, трогая что-то носком сандалии. Ах, хоть бы прошел мимо!

Вот он опустил на колени и коснулся сухой травы, примятой ее стопой, потом поднял голову, увидел девушку, улыбнулся и спросил:

— Хорошо ли тебе сидеть в тени, Мариата, дочь Йеммы?

Молодой человек смотрел так, будто не мог оторвать от нее своих горящих глаз.

— Благодарение Богу, хорошо, Росси, сын Бахеди, — отозвалась она, закрывая нижнюю часть лица платком и пристально глядя на него.

Мариата была в ярости оттого, что ее обнаружили.

Он усмехнулся, показав редко торчащие острые зубы. Другие девушки говорили, что этот парень красив, игриво посматривали на него, но Мариата терпеть не могла это узкое, хитрое, шакалье лицо и глазки, которые словно что-то прикидывали, даже когда рот улыбался.

— Покойно ли на душе у тебя, Мариата?

— На душе у меня покойно. Покойно ли у тебя на душе?

— Благодарение Богу, покойно.

Он поцеловал свои ладони, провел ими вниз по лицу и коснулся груди как раз над сердцем, ни на секунду не отрывая зора от ее глаз. Воплощенная вежливость, непонятно только, как он умудрился превратить этот благочестивый жест в непристойный.

Мариата сверкнула на него злыми глазами и спросила:

— А мужчина ли ты, Росси, сын Бахеди?

— Конечно! — На его физиономии появилось возмущение.

— Меня всегда учили, что лица не закрывают только мальчишки и негодяи. Так как тебя называть?

Росси ухмыльнулся еще шире.

— Я закрываю лицо только в присутствии тех, кто стоит выше меня, Тукалинден.

Тукалинден. Маленькая принцесса. Так называли девушку те люди, которые с почтением относились к ее происхождению. Ведь родословная матери Мариаты восходила прямо к Тин-Хинан через ее дочь Тамервельт по прозвищу Зайчик. Но шакалья пасть Росси пролаяла это слово с едкой насмешкой.

Мариата поднялась на ноги. Чем тратить время попусту с этим племянником вождя, уж лучше молоть просо, доить коз или собирать верблюжьих лепешки для костра. Она попыталась пройти мимо него, но он

схватил ее за плечо. Его пальцы больно впились ей в руку.

— А что это там такое на песке, а, Мариата?

Носком ноги Росси коснулся вычерченных ею знаков. Там были отдельные, пока бессвязные слова, помогающие удержать в памяти смысл стихотворения. Среди них «йар» — перечеркнутый кружок, «йах» — крест, очерченный линией, и «йаз» — символ, означающий «свобода», а также «человек».

Росси подозрительно прищурился и, не отрывая от них взгляда, спросил:

— Ты чем тут занималась? Ворожила? Пыталась кого-то околдовать?

Глупец. Он даже читать не умеет. Ведь ему двадцать шесть лет, а может, уже и двадцать семь стукнуло! Почти старик. Если бы он мог читать, то увидел бы здесь имена Киитар и Сарида — через месяц будет их свадьба, — угадал бы знаки, обозначающие пальму и пшеницу, птицу и воду. Это свадебное стихотворение, она его почти сложила, и Киитар в нем описывалась такими словами:

Кожа ее как пальмовые деревья,
Как пшеничное поле, цветущая акация.
Косы ее как крылья птицы,
Блестящие волосы отливают маслом,
Луна и солнце отражаются в них.
Глаза ее круглы, как круги на воде,
Когда в нее падает камень.

Но Росси ничего не понял. Все свое время он тратил на то, чтобы махать саблей, отрабатывая удары, учил своего верблюда вставать на дыбы, желая пускать пыль в глаза девушкам. Искусство чтения племянник вождя так и не освоил. Он не постигал смысла символов, не мог уразуметь, о чем они говорят, а все неясное пугало его. Росси знал, что женщины используют очень похожие знаки для ворожбы, чаще всего совершенно безобидной, но не всегда. Пусть думает именно так, поделом ему, невежде. Кроме того, вдруг он наконец-то оставит ее в покое, если будет думать, что она умеет колдовать.

— Может быть, — ответила Мариата.

Она с удовольствием увидела, как Росси тут же прикоснулся к своему амулету, чтобы предохранить себя от дурного глаза, а потом вдруг, словно охваченный злым духом, возбужденно растоптал знаки, начертанные на

песке.

Мариата вскрикнула и попыталась ему помешать, но он резко оттолкнул ее, и она ударилась спиной о дерево.

— Я не потерплю в своем племени колдунью! — заорал он, яростно топчя песок и уничтожая знаки один за другим.

Стихотворение пропало. Мариата хорошо знала, что не сумеет вспомнить его как следует. Ах, если бы она умела колдовать, то сейчас же отправила бы Росси к демонам, призвала бы Кель-Асуфа, и тот лишил бы его разума. Мариате жутко хотелось плюнуть в Росси, сделать ему больно, но она не раз видела, как жестоко он бьет своих рабов.

Девушка встала, подавляя ярость, отряхнула пыль с платья и спросила:

— Что? В твоём племени?

— Ждать осталось уже недолго.

Его дядя Мусса, сын Ибы, действительно болен. Внутри у него возникла какая-то опухоль, которая все увеличивалась, несмотря на то что он принимал разные лекарства. Закон и традиция говорят о том, что власть после Муссы должна перейти к сыну его сестры.

— Ты притащился сюда, чтобы рассказать мне об этом?

— Конечно нет. Откуда мне знать, что ты сидишь здесь и колдуешь?

— Но ты выслеживал меня, разве не так?

Росси сощурился, но ничего не сказал. Он только схватил девушку за руку, завернул ее ей за спину, между лопаток, и плотно прижал Мариату к себе. Лицо Росси теперь было так близко, что очертания его расплылись, и она только ощущала на лице горячее дыхание. Девушка чувствовала его состояние, он так и пылал от страсти, был почти на грани безумия. Вдруг Росси прижался своими губами к ее губам. Она плотно сжала их, стала яростно сопротивляться, пытаясь вырваться, но он только смеялся.

— Если захочу поцеловать, обязательно так и сделаю. Вот стану аменокалем, ^[16] и мне будут повиноваться все народы Аира. Женщины станут умолять меня взять их третьей или четвертой женой, да что там, даже наложницей! Ты думаешь, что лучше всех остальных?

Он отстранил ее на расстояние вытянутой руки и заглянул ей в глаза. Вдруг лицо его потемнело.

Росси оказался совсем близко и спросил:

— Или, может быть, тебе кажется, что ты лучше меня?

Ответ он прочитал в ее глазах. В них, темных и дерзких, не было страха. В эту минуту Мариата поняла, что Росси ненавидит ее с той же силой, с какой вожделеет.

— Так знай же, заруби себе на носу, что это не так! — Он схватил ее за

черные как смоль шелковистые волосы и намотал их себе на кулак. — Корчишь из себя важную персону, забиваешь головы детишкам глупыми баснями, хвастаешься своим родом, считаешь народ кель-тайток выше нас, словно мы какое-то захудалое племя, которое должно подчиняться всем остальным. Пора тебя проучить!

Он запустил свободную руку ей между ног и попытался задрать платье.

Ярость охватила Мариату. Трогать женщину без ее позволения считалось табу. Нарушение этого запрета наказывалось изгнанием или даже смертью.

Издалека из долины донесся душераздирающий вой дикой собаки, к которому присоединился еще один, и еще, и еще. Что-то явно их обеспокоило. Обычно они лежали на грязных кучах отбросов, напоминая сухие желтые трупы в тени каменных, сложенных без раствора, террасовых стен, в то время как харатины^[17] обрабатывали землю, пололи сорняки и поливали всходы с другой стороны. Вой навис над долиной, как хищная птица, поддерживаемая теплыми потоками воздуха над жертвой, потом постепенно стих.

Эта неожиданная тревога смутила Росси, и момент был упущен. Он поднял голову, оттолкнул Мариату, быстрым шагом направился к гребню холма и приставил ладонь ко лбу, пытаясь разглядеть, что именно могло привлечь внимание собак. Держась на безопасном расстоянии, Мариата тоже двинулась в ту сторону, откуда можно было бы бросить взгляд на долину, но увидела лишь одинокую фигуру, шагающую вверх по горной тропе. Это оказалась женщина в черной накидке и длинном голубом платье с заплатами. Она шла, опустив голову и согнувшись, словно несла на спине тяжелый груз. Мариата не знала этой женщины, впрочем, оно и неудивительно. Ведь девушка жила в племени кель-базган всего несколько недель.

Но Росси так таращился на женщину, будто увидел привидение. Мариата заметила, как он торопливо закрыл лицо, туго замотав покрывало вокруг головы и оставив лишь тоненькую щелочку, сквозь которую сверкали его глаза. Племянник вождя был явно чем-то напуган.

Словно заметив впереди движение, женщина быстро подняла голову, и Мариата с удивлением увидела старое морщинистое лицо с темной, как ствол акации, кожей. Казалось, она чем-то опечалена, глаза были тусклы от усталости. У женщины был такой вид, словно некие могущественные силы заставили ее предпринять это тяжелое путешествие, подняться вверх по крутой, скалистой тропинке на территорию чужого племени.

«Может быть, голод заставил ее решиться на это? — подумала Мариата. — Или она принесла какую-то весть? Чужестранцам всегда есть о чем рассказать».

Вдруг Росси, будто совершая самое обычное дело, поднял камень и швырнул в старуху. Лицо его исказилось в неподдельной злобе. Удар был так силен, что бедняжка вскрикнула, пошатнулась, не удержалась на ногах, поскользнувшись на щебенке, усыпавшей тропу, и упала навзничь. Росси сразу сорвался с места и побежал, а Мариата стояла, как столб, и изумленно смотрела на раненую женщину, словно самим фактом своего присутствия была причастна к этому неожиданному нападению.

Увидев, что чужеземка не встает, Мариата сбросила с себя оцепенение и полезла вниз, пробираясь через заросли кустарника, колючки и камни. Добравшись до незнакомки, она увидела, что та с охами и стонами пытается сесть.

— Салам алейкум, — приветствовала ее Мариата. — Мир тебе.

— Алейкум ассалам, — ответила старуха. — Мир и тебе.

Голос ее звучал так же хрипло, как карканье вороны.

Птичьи пальцы ухватили Мариату за край платья, нащупали ее плечо, и старуха начала выпрямляться. Мариата помогла ей сесть. Платок упал с ее головы, открыв путаницу темных косичек, которые были заплетены каким-то сложным способом и завязаны кусочками цветной кожи, украшенной бусинками и ракушками. В косичках кое-где сияли яркие серебряные пряди, но не для красоты. Это были волосы, окрашенные годами. Карие глаза, испытующе всматривающиеся в лицо Мариаты, ярко светились, в них не было и тени старческой катаракты. Они хоронились в глазницах, окруженных морщинами, но девушка сочла, что эта странница вовсе не такая старуха, какой кажется на первый взгляд.

— С вами все в порядке? — спросила Мариата.

— Благодарение Богу, ничего страшного.

Но, пошевелив рукой, женщина сморщилась от боли. На платье, в том месте, куда попал камень, расплывалось красное пятно.

— У вас идет кровь. Позвольте, я посмотрю.

Но как только Мариата протянула руку, чтоб осмотреть рану, женщина схватила ее за подбородок и пристально заглянула ей в глаза.

— А ты девушка не из местных.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Родом я из Хоггара.

Женщина едва заметно кивнула и сделала жест, демонстрирующий почтительность. Так люди поступали в старину, а теперь подобное

встречалось не часто. Все стали забывать прежние обычаи, старые правила соподчинения низших и высших понятий.

— Меня зовут Рахма, дочь Джумы, а ты, должно быть, дочка Йеммы, дочери Тофенат. — Глаза женщины засверкали, и она добавила: — Восемь дней я шла сюда, чтобы отыскать тебя.

— Зачем же вам это понадобилось? — ужаснувшись, спросила Мариата.

— Я знала твою бабушку. Эта женщина имела власть над сверхъестественными силами.

Бабушка Мариаты умерла много лет назад. В памяти девушки сохранилась высокая фигура, величественная, увешанная множеством украшений из серебра, но и довольно пугающая, с горящими глазами и крючковатым, как у орла, носом.

— Какими силами? — переспросила она.

— Твоя бабушка общалась с духами.

— Это правда? — Мариата округлила глаза.

— Она знала такие слова и умела вызывать демонов. Мне тоже сейчас нужен человек, который способен это делать. Мой сын умирает. Кто-то сглазил его. Им овладели злые духи. К нему приходили знахарки и травницы из Агафа, марабу,^[18] знатоки Корана и бокайе,^[19] даже странствующий заклинатель из Тимбукту. Но никто не смог помочь ему. Кель-Асуф отдал моего сына духам на растерзание, а им уж нет никакого дела до Корана и до целебных трав. Тут нужен настоящий умелец, вот почему я отправилась так далеко, чтобы найти тебя.

— Боюсь, я не имею власти над такими силами и колдовать не умею, — сказала Мариата, хотя в глубине души была польщена. Ей нравилось, когда ее выделяли из женщин племени кель-базган. — Я не знахарка, поэтому не смогу помочь тебе, — добавила она. — Я умею только слагать стихи.

— Ничего не знаю. — Лицо Рахмы, дочери Джумы, исказила гримаса. — Когда я бросала кости, они показали мне имя твоей бабушки.

— Но я не она.

— Ты — последняя в ее роду. Могущество и сила прародительницы племени переходят по женской линии.

Мариата чуть было не подумала, что бедная чужестранка, бродяжничая как баггара,^[20] повредилась в уме от жаркого солнца. Пустыня наносит свой отпечаток на всех, кто живет в ней и вокруг ее жарких границ.

— Послушайте, мне очень жаль, но я не могу вам помочь. Я не умею колдовать, — поднявшись и шагнув прочь, сказала Мариата.

— Я проделала долгий путь, чтобы найти тебя. — Рахма схватила ее за руку.

— Мне очень жаль. Прости меня. — Она попыталась отдернуть руку, но старуха не отпускала ее. — Кстати, как ты догадалась, что я здесь? Представить себе не могу...

— Через нашу деревню проходил странствующий кузнец. Он сообщил нам, что в племени кель-базган живет девушка из народа ибоглан, весьма надменная и властная. Она прекрасно сложена, вдобавок асфар,^[21] и заказала пару сережек с изображением зайца, попросила изготовить их специально для нее. Только женщина рода Тамервельт могла бы носить такой знак.

Кузнецы вечно разносят по всему свету новости и сплетни. Вот оно что. Рука Мариаты потянулась к лицу. Кожа у нее действительно была светлей, чем у женщин из племен, живущих южнее. Заяц считался животным, с которым ее и всех женщин рода связывали особые узы.

— Кузнец сказал, что отец оставил ее в племени кель-базган, а мать умерла. Еще он говорил, что племянник верховного вождя племени дарит девушку постоянным вниманием, но она не поощряет его ухаживания.

Сказав это, старуха сплюнула в пыль. Ее слюна была красной от крови. Должно быть, падая, она прикусила язык.

Мариата отвернулась. Ей было не по себе.

— Но как ты узнала, что я здесь, так далеко от стоянки?

— Я проходила мимо высокой девушки, которая пасла коз в долине. Она сказала мне, где ты.

Наверное, это Наима. По дороге в горы Мариата поделилась с подругой хлебом, а та дала ей несколько диких фиг. Похоже, сама судьба устроила против нее заговор.

— Кроме нее, никто больше не знал, что я здесь.

— Если не считать мужчины, бросившего в меня камень.

Мариата покраснела и кивнула.

— Наверно, это и есть сын Бахеди, брата Муссы.

— Да, это Росси. А откуда ты это знаешь? Племя мужчины можно угадать по тому, как он носит лицевое покрывало: разное число оборотов, высота, длина свободного конца... но определить это на таком расстоянии невозможно.

— Его выдали движения и жесты. Он трус и в этом мало отличается от остальных мужчин своего рода.

Любому, кто сказал бы такие слова о человеке из рода аменокаля, пришлось бы мечом доказывать их правдивость. Не столь важно, что они сейчас одни и никто их не слышит. Мариата знала, что ветер порой доносит оскорбление до нужных ушей, подогревая вражду.

— Значит, ты знакома с его семьей?

— Можно и так сказать, — сдержанно отозвалась Рахма. — Пойдем же, нельзя терять времени. До моего селения путь не близок.

Мариата засмеялась.

— Никуда я с тобой не пойду! Посмотри на себя. Разве ты в состоянии сейчас проделать столь долгий путь? У тебя такой вид, будто несколько дней во рту маковой росинки не было. К тому же ты ранена, да и ноги сбиты до крови.

Рахма опустила глаза. Что правда, то правда. Между пальцев на ногах сочилась кровь, оставляя пятна на изношенных, пыльных сандалиях.

— Пойдем со мной, в наше селение. Я позабочусь о том, чтобы тебя накормили, напоили и уложили спать. Может быть, какой-нибудь мужчина согласится завтра доставить тебя домой.

Старуха сплюнула в пыль и заявила:

— Нога моя никогда в жизни не ступит на землю, по которой ходят люди кель-базган. Я и так с большой опаской решилась на такой далекий путь.

Мариата глубоко вздохнула. Вот наказание! Не бросать же эту женщину здесь, ведь она пришла издалека специально за ней, к тому же ранена.

— Тогда пойдем к нашим харатинам. Они позаботятся о тебе.

— Какая деликатность. — Рахма, дочь Джумы, улыбнулась и потрепала Мариату по руке. — Ты так похожа на свою бабушку.

Харатины, работающие на грядках, принадлежащих вождю племени и его родичам, выстроили в долине поселок из маленьких круглых хижин, слепленных из речного камыша, камней и грязи. Они жили здесь круглый год, в то время как остальное племя вело свой обычный кочевой образ жизни, странствуя по старинным маршрутам Сахары от одного оазиса к другому и возвращаясь ко времени сбора урожая, на выращивание которого они выделяли средства и забирали его, оставляя харатинам пятую часть, причитающуюся им за работу. Харатины привыкли к частым визитам надсмотрщиков Муссы, сына Ибы, проверяющих, как идут дела с заготовкой пищи на зиму, но когда в поселке появились две никем не сопровождаемые женщины кочевого племени, даже дети бросили свои игры и, разинув рты, провожали их взглядами. Несколько старух кружком

стояли вокруг большой ступы и толкли зерно. Их черная кожа посерела от летающей по воздуху муки. При каждом ударе на руках содрогались дряблые мышцы. Увидев Мариату с Рахмой, они так и застыли с поднятыми пестиками. Две женщины помоложе, ткущие ковер на высоком вертикальном станке, уставились на пришелиц сквозь сетку натянутых нитей. Их серьезные темные лица были словно расплосованы на кусочки блестящими шерстяными паутинками. Даже старики бросили плести корзины и повернули к ним головы, но никто не сказал ни слова.

Наконец один мужчина медленно встал, высоко поднял голову, настороженно взглянул на них и вышел навстречу. На нем был рваный заплатанный халат. Несмотря на властное лицо, он не очень-то был похож на вождя. Мужчина поприветствовал их, как полагалось по обычаю, и замолчал, ожидая, что скажут гости.

Мариата объяснила, что Рахме нужен знахарь, а еще ее следует накормить и напоить.

— Сейчас мне нечем отблагодарить вас, но я приду после и принесу для вас что-нибудь, немного серебра...

— Что нам толку в твоём серебре? — рассмеялся старейшина. — Лучше уприси своего аменокаля, чтобы он хоть немного облегчил наше бремя. Это будет лучшая награда, которую ты можешь нам предложить.

— Не думаю, что аменокаль понимает, что значит «облегчить бремя», — сказала Рахма.

Лицо старейшины изобразило удивление, но он промолчал.

— Мое положение не таково, чтобы я могла вступаться за вас перед аменокалем, — кротко произнесла Мариата. — Но я могу принести вам риса и чаю.

— Спасибо, это было бы очень кстати. — Старик положил ладонь на грудь и поклонился.

Мариата повернулась к Рахме.

— Я приду навестить тебя завтра.

— Да, обязательно. Мы должны торопиться.

— Я не собираюсь идти с тобой.

— А я думаю, пойдешь. Посмотри вокруг. Как ты можешь мириться с тем, что здесь происходит?

— Что ты имеешь в виду? — смутившись, спросила Мариата.

«Деревня как деревня, — подумала она. — Такая же убогая и нищая, как и все поселения харатинов».

— Открой глаза, посмотри внимательно. Неужели ты не видишь, что они голодают?

Мариата послушно огляделась вокруг, впервые в жизни обращая внимание на то, чего прежде просто не замечала. Исхудалые лица детей с раздутыми животами, их огромные глаза, руки и ноги тонкие как палки. У взрослых такой изнуренный вид, словно с утра до вечера они трудятся до изнеможения и одной ногой стоят в могиле. Яркие пятна на их одеждах только подчеркивали тусклые глаза, впалые щеки, лица, на которых застыло выражение тихого отчаяния.

— Люди Муссы заберут себе даже это. — Рахма протянула руку, показывая на ковер, что ткали женщины. — Харатинам дают только шерсть и узор. Ковер будет продан с большой выгодой, а те, кто его соткал, ничего не получают.

Она подошла к старухам, сказала что-то на их родном языке, и те залопотали в ответ. Рахма жестом позвала Мариату поближе.

— Видишь? Им оставляют только испорченное зерно, из которого они толкут муку. Эти колосья люди подобрали в отбросах. Тут гораздо меньше, чем пятая часть, как должно быть по договору. Посмотри на детей...

Между лачуг прямо в грязи на корточках сидели двое малышей с относительно светлой кожей, едва научившихся ходить. Ребятишки постарше усталыми взорами смотрели на них, прислонившись спинами к стенке хижины.

Мариата кивнула.

Рахма щелкнула языком и спросила:

— Разве эти две крошки похожи на детей харатинов? Думаю, нет. У них слишком светлая кожа. Полагаю, что тут разбросал свое семя юный Росси. Эти женщины мне сказали, что первый ребенок был зачат силой, а вторая девушка хорошо усвоила урок первой и уступила добровольно.

По дороге к стоянке Мариата еще раз прошла мимо Наимы, которая пасла коз, принадлежащих племени, и в первый раз обратила внимание на то, что их, оказывается, много. Черные и коричневые, пестрые и пегие, белые и рыжеватые, они бродили меж растущих в долине деревьев, выщипывая все съедобное до последнего листика. Потом Мариате попало стадо овец, кормящихся в окрестностях стоянки. У взрослых были спутаны передние ноги, а ягнята бегали на свободе. Ведь далеко от маток они не уйдут. На вид животные были сытые и бодрые, их оказалось так много, что и не сосчитать. Потом появились шатры, а рядом с ними прекрасные верблюды, крепкие и сильные маграбийские, покрытые длинным волосом берабские, низенькие серые адарские и, наконец, мехари, очень дорогие белые животные из Тибести, горной местности на

территории Чада. Мехари считались большой роскошью, дорогой игрушкой для богатых юношей. Они редко использовались для того, для чего, собственно, и были выведены. Их хозяева могли с большой скоростью перемещаться по бескрайней пустыне, совершать внезапные набеги на другие племена и нападать на караваны. На мехари устраивались скачки, и победитель получал награду. Мариата знала, что два из этих огромных и весьма норовистых белых верблюдов с надменно посаженными головами принадлежат Росси.

Невысокие, сшитые из шкур шатры племени кель-базган только внешне казались жилищами простыми и невзрачными. Внутри женщины племени хранили настоящие сокровища: яркие ковры, мягкие овечьи шкуры, резные стулья и кровати, сундуки с серебряными украшениями, шерстяные платья, туфельки без задников и сандалии с медными пряжками, дорогие сумки с бахромой из разноцветной кожи. В той стороне шатра, что обращена к востоку, самые дорогие свои вещи берегли их мужья. Это были мечи, выкованные из толедской стали еще три столетия назад и передаваемые по наследству из поколения в поколение, амулеты-тчероты и талисманы, именуемые гри-гри, толстые серебряные браслеты и богато украшенные седла. Здесь же громоздились сундуки с рисом, кули с просом, мешки с мукой, кувшины с маслом и оливками, горшки с пряностями, купленными на северных базарах. Все женщины племени были полненькими, а детишки упитанными. Даже собаки всегда сыты. Тощими оставались только бедняки. Пусть репутация племени кель-базган и не столь высока, как, например, овечьего легендами кель-тайток, но племя все равно жило богато. Мариата огляделась, и ей показалось, что прежде она не видела всего этого. В первый раз ей стало стыдно. Девушка никогда не думала о разнице в жизни людей, к которым принадлежала сама, и харатинов, зависимых от них. Она всегда считала это в порядке вещей. Харатины должны служить благородным людям и получать свое за верность. Прежде ей никогда не приходило в голову, что плата эта очень мала, а порой и несправедлива.

Усевшись вечером у костра вместе с другими женщинами ужинать бараниной, обильно сдобренной специями, и с ароматными лепешками, что испекли к вечеру рабы, она задумалась. Ей вдруг пришло в голову, что в деревне харатинов совсем не встречался домашний скот. Девушка поняла, что этим вечером у них на ужин, скорей всего, не будет мяса, да и весь месяц, наверное, не было. От этой мысли кусок застрял у нее в горле, и она долго не могла прокашляться.

— Что с тобой, Мариата? Уж не заболела ли ты? — спросила ее тетя

Дассин. Женщина она была приметливая, с острым глазом, да и язычком тоже.

— Что-то есть не хочется, — несколько сдержанно отозвалась Мариата.

Йалава, сидящая рядом с Дассин, холодно посмотрела на Мариату, потом повернулась к соседке.

— Девушки из кель-тайток едят только нежное мясо газелей. Наши бедные овечки не по вкусу вашей родственнице, ведь в ее жилах течет царская кровь.

— Я-то сыта, зато видела сегодня много голодных, — отодвинув от себя остатки еды, сказала Мариата.

Со всех сторон к ней обратились любопытные взгляды.

— Небось, какие-нибудь попрошайки? — спросила Дассин.

— Ваши харатины, — коротко ответила Мариата. — Животы их детишек распухли от голода. А взрослые — кожа да кости.

Поднялся глухой ропот. Мариата могла разобрать только отдельные слова, но взгляды этих женщин были явно враждебными.

— Воспитанным молодым девицам неприлично говорить об этом, — наконец сказала Йалава, огляделась и остановила холодный взор на Мариате. — Особенно некрасиво выражать столь глупые и праздные взгляды юной особе, чье благополучие зависит от милости других.

— Я не виновата в том, что у меня умерла мать, а отец топчет соляной путь. Думаете, мне очень хочется жить с вами? У меня просто нет выбора.

Дассин резко повернулась к Мариате.

— Когда мой брат взял в жены твою мать и наши родственники отправились на свадьбу, люди кель-тайток отнеслись к ним как к вассалам, которые принесли им дань. Женщины, прикрываясь ладонью, смеялись над нашей смуглой кожей, лучшими одеждами, украшениями, над тем, как наши мужчины носят лицевое покрывало. Можешь сколько угодно задирать нос и хвастаться своими знаменитыми предками, но мне плевать на твою родословную! Тебе еще повезло, что ты не уродина и на тебя обратил внимание славный сын Авы. Будем надеяться, этот брак собьет с тебя спесь.

Мариата вскочила на ноги и, не говоря ни слова, пошла прочь. Она боялась, что не сможет ответить благопристойно. Пробираясь к шатрам, девушка постаралась как можно дальше обойти стороной костер, вокруг которого сидели мужчины, но краем глаза увидела, что от него отделилась фигура Росси, сына Бахеди.

Она ускорила шаг, но он быстро догнал ее, загородил дорогу и, глядя

сверкающими глазами, заявил:

— Пошли погуляем.

— По доброй воле я никуда с тобой не пойду.

— Делай, что говорю, если понимаешь, в чем твое благо.

— С каких это пор мужчина имеет право указывать женщине, что ей делать?

— Если не послушаешься, горько пожалеешь. — Он схватил ее за руку. — Надеюсь, ты никому не сболтнула лишнего.

— Не понимаю, о чем ты.

Росси слегка встряхнул девушку.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Ах, о том, как ты храбро бросался камнями в беззащитную старуху?

— Она что, умерла? — спросил он, с какой-то жадностью заглядывая ей в глаза.

— А с чего это вдруг наследник самого вождя беспокоится о судьбе бедной странствующей баггара? — с любопытством всмотревшись ему в лицо, поинтересовалась Мариата.

— Да-да, она всего лишь жалкая бродяжка. — Росси сверкнул глазами. — Но скажи, жива старуха или нет? Говори!

— Счастлива сообщить, что ее смерть не отяготит твою совесть.

Росси отпустил руку Мариаты, отступил и сказал как-то не очень искренне:

— Рад это слышать. А где она сейчас?

Мариата не торопилась с ответом.

— Пошла своей дорогой, — наконец сказала она и увидела облегчение на его лице. — А сейчас мне хочется побыть одной. — Девушка широко зевнула. — Я что-то устала сегодня. Столько разных событий...

— Я провожу тебя до шатра твоей тетушки.

— Зачем мне провожатый? Тут совсем близко, никто меня не украдет, — рассмеялась Мариата.

— Мало ли. — Он взял ее за локоть и повел прочь от костров. — Никому не говори про ту старуху, ни слова, ты меня слышишь?

— Да кто она такая? Почему ты боишься, что про нее узнают?

— Тебя это не касается.

У входа в шатер Дассин Мариата остановилась.

— Доброй ночи, Росси.

Выдернув у него руку, она нырнула в шатер, нащупала светильник, зажгла его и расправила постель. Девушка привезла с собой вышитое покрывало, сотканное на юге Марокко. Она очень любила его. По золотому

полю один за другим шагали верблюды в виде красных геометрических фигурок, ничего не говорящих тому, кто не умеет читать эту абстрактную символику, а по краю шли стилизованные под звездочки цветы, как на мозаичных изразцах, которые Мариата видела как-то раз в алжирском городе Таманрассетте. Эти узоры напоминали ей о доме, покинутом в такой спешке.

— Возьми только то, что сможешь унести, — грубо приказал тогда отец. — У твоей тетушки Дассин есть все, что тебе понадобится, а я не хочу задерживать караван, которому придется тащить твое барахло через всю пустыню.

Она оставила целую дюжину прекрасных платьев, зимние сапожки, сандалии и пояса, украшенные драгоценными камнями, множество разноцветных платков и шалей, овечьих и козьих шкур, которые мать берегла, чтобы Мариата могла поставить собственный шатер, когда выйдет замуж. С собой она взяла лишь деревянный сундучок, стоявший возле кровати, с кое-какими украшениями, косметикой, небольшим ножом и еще одним платьем. То, что было надето на девушке, и это покрывало — вот и все ее имущество, во всяком случае здесь. Она провела ладонью по вышивке, ей стало тоскливо, одиноко и очень захотелось вновь оказаться дома.

— Довольно красиво.

Мариата обернулась, но не успела вскрикнуть, как чья-то рука, пахнувшая бараньим жиром и костром, зажала ей рот.

— Так кого ты будешь звать на помощь? Твои отец и братья далеко в Сахаре, грузят верблюдов мешками с солью, как простые торговцы. Тетушку? Она терпеть тебя не может. Двоюродных сестер, Ану с Нофой? Обе уже не один год бегают за мной, строят мне глазки, но плевать я хотел на этих неповоротливых коров. Мужчины боятся моего дяди, а я — его наследник. Ты чужая в нашем племени, Мариата, а я — без пяти минут вождь. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы помешать мне. Да и кому люди поверят, тебе или мне?

Росси резко толкнул ее на постель и навалился сверху всем весом. Мариата задыхалась, не могла ни закричать, ни позвать на помощь, даже дышала с трудом. Потом холодный воздух прошел по ее оголенным бедрам. Его рука попыталась раздвинуть ей ноги, острые ногти вонзились в самую чувствительную и нежную плоть.

— Не вздумай брыкаться, — дышал он ей в ухо. — Тебе самой понравится, девушкам всегда приятно, стоит только попробовать, сразу войдешь во вкус. Слышишь, не дергайся, черт бы тебя побрал!

Яростные крики Мариаты поглотила постель.

— Если забеременеешь, не беспокойся, все равно станешь моей женой. Позора не будет.

На мгновение его хватка ослабла. Мариата воспрянула духом, страстное желание отомстить наделило ее сверхъестественной силой. Взревев по-звериному, гортанно и дико, она рванулась, взбрыкнула, извернувшись, освободила правую руку и нанесла сокрушительный удар локтем прямо Росси в зубы. Хватка его сразу ослабла, он отпустил девушку.

Мариата выпрямилась, одернула платье, прикрыла ноги, быстрым движением достала из сундучка нож и, тяжело дыша, выставила его перед собой, в любое мгновение готовая драться не на жизнь, а на смерть.

Росси, не ожидавший такого оборота событий, вытаращил на нее глаза, потом оцупал лицо и изумленно, как на чужую, уставился на окровавленную руку. Племянник вождя сплюнул. Из его рта выскочил сломанный зуб и оставил на покрывале красное пятно, которое никак не гармонировало с красивым узором. Не веря собственным глазам, Росси посмотрел на него, перевел ошарашенный взгляд на Мариату, вдруг жалобно заскулил, захныкал — вот тебе раз! — расплакался. Потом он вскочил на ноги и бросился вон.

Мариата мрачно посмотрела ему в спину и решила, что теперь надо быстро собрать вещи. Она принялась шарить по всем углам шатра, хватая все, что могло понадобиться.

Через час девушка уже была в деревне харатинов.

— Никому ни слова о том, что видели Рахму или меня, — приказала она старейшине. — Сообщи об этом каждому жителю деревни, даже детям. Если узнают, что вы помогали нам, вас накажут.

Она передала ему рис, муку и чай, которые стащила из шатра Дассин. Потом Мариата взяла Рахму за руку и повела ее туда, где в лучах еще не совсем полной луны смирно стояли два полностью нагруженных белых верблюда породы мехари. Еще недавно они принадлежали Росси, сыну Бахеда.

Глава 6

Сняла ли я амулет, когда отправилась спать этой ночью? Можно подумать, что забыть об этом не так-то просто, ведь он такой большой и тяжелый. Но, проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что он на мне.

Я спустила ноги с кровати и ощутила странное чувство раздвоенности, будто находилась не только здесь, но и где-то совсем в другом месте. Я отдернула шторы. Лондонское солнце, лучи которого упали на меня, показалось таким же тусклым, как лампочка в двадцать пять ватт по сравнению с другой, в сто ватт. В метро по дороге на работу впервые за много лет мне вдруг пришло в голову, что на тоннель, по которому мы мчимся с неестественной скоростью, сверху давят миллионы тонн камня, земли, систем канализации и зданий. Пытаясь избавиться от этой не очень приятной мысли, я стала разглядывать стены вагона. В глаза бросилась реклама, предлагающая совершить турпоездку в Марокко: силуэты верблюдов на фоне песчаных дюн. Перелет до Марракеша стоил недорого. На станции Найтбридж в вагон вошла группа иностранок. Они стояли, покачиваясь в такт движениям поезда, и в щелях черной ткани никабов,^[22] закрывающих лица, виднелись только глаза, подведенные сурьмой. Одна из них посмотрела на меня в упор, что-то сказала своим спутницам, и все повернули ко мне головы.

Меня это очень смутило. Я схватила «Гардиан», оставленную кем-то на сиденье, и наугад открыла страницу. В глаза бросился абзац из новостей: «Четверо работников французской ядерной компании „Арева“ похищены и объявлены заложниками группой, называемой „Борцы за свободу туарегов“, отколовшейся от организации „Нигерийское движение за справедливость“».

«Туареги» — я глаз не могла оторвать от этого слова. Я встретила его в первый раз, для моего уха оно звучало чуждо, но тем не менее, как это ни странно, казалось мне знакомым. У меня было чувство, что где-то я уже его слышала, причем совсем недавно. Оно значило для меня что-то важное, но дырявая память никак не могла подсказать, с чем это связано. «Представитель группы заявил, что все четверо заложников находятся в добром здравии и содержатся в Аире, на территории Нигера, в самой зоне конфликта». Я вдруг отчетливо вспомнила, как моя мать рассказывала про огромные запасы урана, обнаруженные в Нигере, тогдашней французской колонии. Мол, именно это месторождение дало возможность Франции стать ядерной державой. Ах да, Нигер. В голове зазвучал ее вялый голос, произносящий два долгих незнакомых слога: «Нии-джаир». Мой дедушка по материнской линии большую часть своего огромного состояния заработал именно там, а также в других французских колониях. Он занимался добычей урана, или, как я однажды яростно бросила ему в лицо во время спора, когда была еще девочкой-подростком, «грабежом природных богатств Африки». Политический жар моего юного сердца совсем скоро уступил место внутренней, личной тоске и тревоге, а потом и пугливому, осторожному консерватизму, который привел меня к изучению бухгалтерского дела и к моей нынешней безмятежной карьере, положительной во всех отношениях. Я на мгновение почувствовала дрожь стыда и продолжила читать.

«Там, где когда-то наши племена гоняли стада крупного рогатого скота и пасли верблюдов, теперь не осталось ничего, лишь безбрежный индустриальный пустырь. Никто не спрашивал нашего позволения, никто не платил нам за это. У нас отняли наши земли, все средства к существованию, а наших детей лишили наследства. Наш народ живет в нищете. Заложникам не причинят вреда. Мы хотим лишь привлечь внимание мировой общественности к данной проблеме и заставить мир выслушать нас. Нам не нужны ваши атомные бомбы и шахты. Мы хотим лишь свободно жить на земле наших предков».

Статья заканчивалась напоминанием о том, как британский премьер-министр Тони Блэр в своем докладе 2002 года, позже названном хитрым досье, утверждал, что Саддам Хусейн собирался в огромных количествах закупать у Нигера уран для создания оружия массового уничтожения, что и явилось основным оправданием нанесения упреждающего удара по Ираку. Была приведена совсем маленькая и неразборчивая карта этого района. Я нахмурилась и стала всматриваться в нее, ощущая в затылке какое-то сверлящее беспокойство. Наконец, не в силах сосредоточиться и прочитать

названия мест, напечатанные крохотным шрифтом, я перевернула страницу и стала просматривать разделы, посвященные искусству. Вдруг именно там я увидела фотографию, словно подброшенную какой-то злой силой, решившей совсем меня доконать. Была снята группа мужчин с закрытыми покрывалами лицами, намотанными так же замысловато и тщательно, как и у тех людей, которых я видела во сне. Заголовок гласил: «Блюзмены пустыни открывают месторождение золота», а под ним шла хвалебная статья, посвященная новому диску, записанному группой музыкантов из племени туарегов, называемой «Тинаривен».

Туареги. Наконец-то я вспомнила, где видела это слово. В бумагах отца. Он указывал на возможное происхождение амулета.

По моему телу побежали мурашки.

Весь день я будто слышала чей-то негромкий, едва бормочущий голос. Кто-то долго пытался мне что-то втолковать, но я не могла понять ни слова. То ли этот голос раздавался как бы из соседней комнаты, то ли звучал где-то у меня за спиной, то ли слишком тихо или на чужом языке. Порой я ловила себя на том, что уставилась на колонку всегда понятных цифр так, будто передо мной иероглифы или буквы финикийского алфавита, не в силах разобрать ни строчки.

Вернувшись домой, я включила ноутбук и посмотрела расписание авиарейсов в Марокко. За границей я не была уже несколько лет. Впервые, боялась самолетов, а во-вторых, с кем было летать? Ив развелась совсем недавно. А до Африки о-го-го...

«Гораздо ближе, чем ты думаешь». Голос, похоже, теперь прозвучал так, будто источник его находился где-то в комнате. Я помотала головой, пытаюсь стряхнуть наваждение, и принялась отмечать самые удобные рейсы. Покончив с этим, открыла коробку и достала бумаги отца.

Описание захоронения в районе Абалессы.

«Абалесса (22° 43,60' северной широты, 6° 1,0' восточной долготы, высота 3000 футов) расположена почти в самом центре великой пустыни. Местность пересеченная и скалистая. Захоронение обнаружено в 1925 году Байроном Кун де Пророка,^[23] и поначалу его легко было не заметить, приняв могильник за беспорядочную кучу камней, так называемый реджем, которые часто встречаются в Сахаре. При первых раскопках обнаружилось большое надгробное

сооружение более 80 футов в продольной оси и 75 футов в поперечной, построенное с использованием древнейших технологий кладки каменных стен без раствора с тщательным подбором и точной подгонкой камня. Несимметричность строения и грубость стиля говорят не о римском происхождении сооружения, как предполагалось до сих пор, а о берберском (см. замечания ниже).

В пределах внешних стен находятся переднее помещение и еще несколько различных по размерам, в самом большом из которых найдена гробница.

По свидетельству очевидцев, останки царицы пустыни были обернуты в кожу красного цвета, украшенную золотой фольгой. Царица лежала, подогнув колени к груди, на распавшихся на фрагменты деревянных погребальных носилках, перетянутых плетеными шнурами из крашеной кожи и ткани. Голова царицы была покрыта белой вуалью с тремя страусовыми перьями. В ушах были изумрудные серьги, на одной руке девять золотых браслетов, а на другой восемь серебряных. Вокруг лодыжек, шеи и талии лежали рассыпавшиеся бусины из сердолика, агата и амазонита.

Эти подробности убеждают в том, что останки принадлежат женщине весьма знатного происхождения. Сотрудники Этнографического музея профессора Морис Рейгасс и Готье полагают, что в данном захоронении находятся останки легендарной царицы Тин-Хинан.

Тин-Хинан (букв, „та, что владеет шатрами“) — прародительница и духовный вождь кочевого народа пустыни, который называет себя кель-тагельмуств (народ покрывала) или кель-тамашек (народ, который говорит на языке тамашек). Арабы называют их туарегами. „Туарег“ — слово арабского происхождения и, по мнению некоторых, означает „отверженные Богом“, поскольку эти кочевники яростно сопротивлялись исламскому завоеванию XVIII века. Согласно легенде, Тин-Хинан вышла из региона Тафилалыт на юге Марокко, заселенного берберами, и одна или, по другой

версии легенды, со своей служанкой Такамат прошла тысячу миль через всю пустыню и вышла к Хоггару. Там она и основала свое племя. Ей дали титул „таменокальт“ — форма женского рода от „аменокаль“, в берберском языке образуется от мужского прибавлением к началу и концу существительного звука „т“. Туареги до сих пор называют ее „наша матушка“. Представители благородных семей у туарегов утверждают, что могут проследить свою родословную непосредственно до царицы.

Среди погребального инвентаря Байрон Кун де Пророка обнаружил деревянную чашу для верблюжьего молока. В ее основании был отпечаток золотой монеты с именем императора Константина II (337–340 гг. н. э.). Характер захоронения не имеет никакого отношения к мусульманским погребальным обрядам. (Ислам был принесен в этот регион с востока арабами в VIII веке.) Была обнаружена также прекрасно сохранившаяся глиняная лампа распространенной римской конструкции, покрытая копотью, что говорит о том, что ею часто пользовались. Экспертиза датировала эту лампу III–IV веками. По этим деталям мы можем с определенной уверенностью утверждать, что захоронение произведено не ранее IV века н. э., в эпоху поздней Римской империи.

Амулет, найденный нами в могильнике, представляет собой подобие так называемого тчерота, которые носят мужчины и женщины племени туарегов в качестве талисманов, предохраняющих от злых сил, но ответить на вопрос, почему он не был обнаружен во время раскопок в 1925 году, а также последующих, проводившихся в тридцатые и пятидесятые годы, не представляется возможным. Мы нашли его непосредственно в переднем помещении. Он лежал на земле совершенно открыто и не имел никаких признаков того, что был извлечен из погребения. Более того, на нем имеются надписи, которые говорят о том, что они были сделаны в регионе Адаг,^[24] а красные сердоликовые диски изготовлены гораздо позднее, чем бусы из того же

материала, найденные в могильнике. На каменной стене над ним мы обнаружили надпись, которую я скопировал и привожу ниже. До сих пор никто не смог расшифровать ее. Происхождение самого предмета также остается тайной».

Внизу я увидела ряд странных символов, начертанных синими чернилами.

Я сняла амулет и стала внимательно его разглядывать. Держу ли я в руках одну из вещей, принадлежавших легендарной царице? Или здесь кроется еще какая-то, гораздо более глубокая тайна?

Глава 7

Торопясь поскорей покинуть стоянку и уйти подальше от гнева Росси, сына Бахеди, Мариата смогла унести в загон для верблюдов только одно седло, то самое, что взяла с собой из дома в Ахаггаре. Очень красивое, сработанное из кожи и резного дерева, украшенное латунными пластинками и скрепленное медными гвоздями, оно досталось ей от прабабушки. Сидя в нем, она чувствовала себя настоящей принцессой, каковой, впрочем, казалась себе всегда. Ей очень не хотелось уступить седло старой женщине, но из вежливости она заставила себя сделать это. Посмотрев на седло, Рахма рассмеялась.

— Думаешь, мне нужна эта громоздкая старая рухлядь?

Она поцокала языком, мехари подогнул ноги и опустился перед ней на колени. Женщина привязала сандалии к уздечке, схватила животное за нижнюю губу, перекинула ногу через шею и уселась прямо на холку перед горбом. Вместо седла она поджала под себя ногу, потом посмотрела вниз и поймала на себе восхищенный взгляд девушки.

— У моего отца были только дочери. В тяжелые времена мне приходилось водить караваны.

Мариата неуверенно окинула взглядом своего мехари. Она слегка робела. Один раз ей уже пришлось путешествовать, проделав путь от Ахаггара до Аира, но большую часть времени она сидела в паланкине, как и подобало женщине ее положения.

— Наклони ему голову, — приказала Рахма.

Мариата повиновалась, и хорошо обученное животное послушно опустилось на колени.

— Сними обувь и держи ее при себе, на коленях. Чтобы повернуть налево, похлопай по шее справа, и наоборот. Ступни положи на выгиб шеи.

Так ты станешь чувствовать каждое его движение и сможешь управлять им не хуже, чем вожами. Захочешь перейти на рысь, стукни его по горбу, только не очень сильно, иначе понесет, или сожми ему пятками шею. Можно сделать и то и другое. Чтоб остановиться, натяни поводья. Если тебе надо, чтобы он опустился на колени, похлопай его по затылку как следует и свистни погромче. Поняла?

Мариата подергала за поводья, но верблюд лишь взревел низким голосом.

— А что делать, чтобы он тронулся с места? — спросила она.

Они ехали всю ночь без остановки, держась северо-западного направления, через узкие ущелья, изрезанные крутыми оврагами и руслами высохших речек. На безоблачном небе ярко сияла полная луна, окрашивая в серебро окружающий пейзаж. То и дело раздавался вой шакала, ему вторил другой. Эхо жутких воплей катилось по холмам, заставляя Мариату трепетать от страха.

При каждом ночном звуке она испуганно вздрагивала, ей казалось, что за ними погоня. Девушка оглядывалась, но никого не видела. За спиной вздымалась неровная цепь величественных Базганских гор, у подножия которых кое-где, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, по тучным лугам несли свои воды на юг речные потоки.

— Вон там, в полудне пути отсюда, лежит Агадес, ворота в пустыню Тенере. — Рахма неопределенно махнула рукой.

На их родном языке это слово означает «пустота» или просто «пустыня» — более тысячи миль бесплодных скал и песка. Вот и теперь отец Мариаты и братья ее идут по этой пустыне, по древнему караванному пути между ливийским Феццаном, Египтом и древней Сонгайской империей. Веками торговые караваны перевозили через пустыню Тенере, от одной великой цивилизации к другой, золото, слоновую кость, хлопок, кожи и рабов. Но дни благоденствия и покоя давно миновали. Теперь верблюды несут на своих спинах лишь сухие овощи да мешки с просом. После отчаянной торговли с народом канури, владеющим копиями, караванчики получают взамен сосуды с солью, везут их в обратную сторону и выручают жалкий барыш. Ведь приходится платить пошлину племенам, чью территорию они пересекают и чьими колодцами пользуются. Порой на торговцев нападают разбойники, порой они гибнут во время свирепых песчаных бурь. Бывает, что целые караваны поглощаются зыбучими песками феш-феш, и только через много лет люди находят их кости. Но чаще всего от них не остается и следа.

— Нам что, идти через Генере? — спросила Мариата.

При этой мысли ее охватило беспокойство, предчувствие какой-то опасности. Впервые в эту минуту, качаясь в седле в такт верблюжьей походке и вдыхая свежий ночной воздух, она ясно поняла, что не представляет, куда они направляются. Ей известно только то, что говорила Рахма. Разыскивая ее, старуха прошагала пешком восемь дней.

— Боже упаси, конечно нет! — тихо рассмеялась та.

Больше она ничего не сказала, и дальнейший путь проходил в молчании. Они спустились с плато Аир и двинулись по долине вдоль широких уэдов. По этим высохшим руслу, покрытым глинистым сланцем, верблюды вышагивали легко, лишь камни, кое-где попадающиеся на пути, хрустели под их огромными ногами. Позади над холмами поднялось солнце. Косые красные лучи осветили долину, и ветки акаций вспыхнули, будто объятые пламенем. Пока ничто не говорило о том, что Росси бросился в погоню.

Наконец перед ними раскинулась широкая плоская равнина. Рахма шлепнула своего верблюда, и тот немедленно прибавил шагу. Она оглянулась через плечо и прикрикнула:

— Не отставай! Они наверняка идут следом. Верблюды, которых ты украла, стоят немалых денег. Мы должны как можно больше увеличить разрыв.

Мариата с опаской потрепала своего верблюда по горбу, но тот лишь повернул к ней огромную белую голову и глянул на нее громадными равнодушными глазищами. Ему превосходно удалось выразить этим и бесконечную скуку, и неизмеримое превосходство над ней.

— Пожалуйста, — умоляла она его, колотя пятками по шее. — Пожалуйста, шагай побыстрей.

В течение дня бесконечная череда зеленой растительности и серого камня в окружающем пейзаже постепенно сменилась жесткой щеткой трав, пожелтевших и побуревших от жары. Они пересекли открытое место, где не было ничего, только голые скалы и россыпи черного как смола гравия, вперемежку с колючками и густыми зарослями кустарников, среди которых выделялся тамариск, растущий там, где уровень грунтовых вод достаточно высок. На следующий день пошли рыжевато-коричневые пески, бархан за барханом, как волны в океане.

Мариата смотрела вдаль, где песок, образуя мерцающую дымку, сливался с небом, и ей казалось, что рассудок ее, качаясь на этих волнах, тоже плывет сейчас к ускользающей линии горизонта. Ее охватило чувство удивительного покоя, все мышцы расслабились, ломота в костях стихла.

— Как это красиво, — прошептала она.

— И несет с собой смерть, как и все прекрасное, если не окажешь ему должного уважения, — улыбнулась Рахма.

— Ты прошла этот путь пешком?

— Да.

— Должно быть, ты очень любишь своего сына, — изумленно покачала головой Мариата.

— Да.

— Расскажи мне о нем. Он красив? Благороден? Может быть, он поэт? Носит ли он голубые одежды? Окрашена ли кожа на его лице в цвет индиго от покрывала? Ходит ли он по пустыне караванными тропами? Или, может быть, он воин, который потрясает мечом во время битвы и выкрикивает прославленное имя своего клинка?

Старуха прищелкнула языком и заявила:

— Молодые девицы все одинаковы: глупые мечтательницы и фантазерки. Да и мальчишки не лучше, пожалуй, и хуже, только и думают о войне и прочих глупостях. Сейчас я скажу тебе только, что он лежит при смерти. Если умрет, тебе не понадобится знать больше этого, а выживет, спросишь у него самого.

— Ты даже не скажешь, как его зовут? — Мариата была разочарована.

— Амастан.

— А полное имя?

— Много задаешь вопросов. — Рахма тяжело вздохнула.

— Ради этого человека я взялась пересечь пустыню. Должна же я знать о нем хоть что-нибудь.

Старуха довольно долго молчала, глядя куда-то вдаль сощуренными от яркого света глазами, потом все-таки сказала:

— Его зовут Амастан, сын Муссы.

— Так, значит, он сын Муссы, сына Ибы, аменокаля, верховного вождя всех племен Аира?

— Благодарение Богу, он не похож на своего отца.

— Так он сын аменокаля?

Старуха резко шлепнула своего верблюда по макушке и громко свистнула. Тот послушно остановился, опустил на колени, и она легко соскользнула на землю.

— Значит, он двоюродный брат Росси? — не отставала Мариата.

— Только не суди о моем Амастане по тому, что ты знаешь об этом трусе. Пока не родился мой мальчик, Мусса души в Росси не чаял. Стоило Росси потребовать что угодно — и он тут же получал свое: красивую

безделушку, лучший кусок мяса, игрушечный деревянный меч. Но Амастан был первенец, наследник Муссы. Увидев сына, отец полюбил его до безумия, а Росси стал страшно ревновать. Когда мой мальчик рос, я постоянно обнаруживала у него синяки и царапины. Во время детских игр он никак не мог их получить. Однажды я увидела отчетливые отпечатки пальцев на горле Амастана, словно кто-то пытался его задушить. Он не сказал, что это дело рук Росси, но разве от матери что-нибудь скроется?

— Поэтому ты ушла от них?

Рахма плотно поджала губы.

— Теперь мы пойдем пешком, — сказала она.

— Пешком? — испуганно переспросила Мариата.

— Верблюды должны отдохнуть.

Старуха припала губами к бурдюку с водой и долго пила, потом передала его Мариате и обмотала платок вокруг лица так, как это делают мужчины. Она выпрямилась во весь рост и быстрым шагом тронулась дальше, ведя животное на поводу.

Слезая со своего верблюда, Мариата чуть не упала. Девушка тоже намотала на лицо темный платок, оставив открытыми только глаза. Ей непривычно было ходить так, очень неудобно, трудно дышать, но, как только с дюн прилетел первый порыв ветра, стало понятно, зачем это нужно. Песчинки неприятно впивались в кожу, больно жалили прямо в глаза. Вдобавок горячий песок жег ноги сквозь тонкие подошвы сандалий. После нескольких часов, проведенных на спине верблюда, тело утратило гибкость, и девушка передвигалась довольно неуклюже.

Несмотря на возраст и рану, полученную от Росси, Рахма двигалась легко, будто подобные путешествия для нее — привычное дело. Мариате казалось, что ее спутница шагает так же быстро, как мужчина, идущий во главе каравана, или какой-нибудь охотник. Она искренне восхищалась этой немолодой, но столь решительной и отважной женщиной. Когда ветер усилился, Рахма пошла с подветренной стороны верблюда, укрываясь за его большим телом. Мариата последовала ее примеру. Так они и шагали, пока солнце не поднялось высоко. Никаких признаков погони все еще не было.

Мариата почувствовала, что силы ее на исходе, однако взяла себя в руки. Она шла как в трансе, в полусне, механически переставляя ноги и крепко сжимая плетеный повод верблюда, пока не перестала чувствовать неудобство, которое так раздражало ее в начале дня. Сознание Мариаты, теперь свободное от телесных потребностей, блуждало где-то далеко. Зачем она отправилась в это безумное странствие с женщиной, которую едва

знает, да еще при таких странных обстоятельствах? Неужели с ней случилось бы что-нибудь ужасное, останься она в племени? Что бы там ни говорил Росси, но кто-нибудь обязательно прибежал бы, если бы она позвала на помощь. Защита женщин в ее народе считалась святым долгом, они всегда были окружены всяческим уважением. Страх перед племянником Муссы лишил ее способности трезво мыслить, заставил совершать безумные поступки. Но тут она вспомнила про голодающих харатинов и бешеный нрав верховного вождя. Все говорили, что он уже при смерти. Вскоре вождем станет Росси, и тогда никто не защитит ее от его произвола. Ведь он пытался задушить сына самого аменокаля!

Она задумалась. Между Рахмой и Муссой наверняка случилось что-то серьезное. Развод аменокаля с женой или, того хуже, ее уход от него — дело неслыханное. Девушка чувствовала, что тут кроется какой-то скандал.

Такие вот мысли порхали у нее в голове, как мотыльки вокруг огня. Они то скрывались в темноте, то снова врывались в круг света и беспорядочно носились в безумной пляске.

Наконец Рахма обернулась к ней и пробормотала что-то неразборчивое.

Мариата подняла голову и увидела перед собой пальмы, дрожащие в раскаленном воздухе. Девушка подумала, что это мираж. Она слышала, что пустыня часто прodelьывает с человеком такие фокусы и неопытные путешественники всегда бывают обмануты.

— Оазис, — повторила Рахма, на этот раз более отчетливо. — Оазис Дум. Большая часть пути позади.

Они напоили верблюдов, пустили их пощипать травку и наполнили бурдюки водой. Потом Рахма улеглась в тени немного поспать, а Мариата села и опустила ноги в прохладную воду гуэльты.^[25] Она любовалась отражением в воде финиковых пальм и ослепительно-синего неба. Какой покой! Девушка еще никогда не ощущала подобной тишины и умиротворения. Прежде ее с утра и до вечера окружали какие-то звуки. Приходили и уходили родственники или соседи, шумели детишки, блеяли козы, лаяли собаки, и так изо дня в день. Сначала она была Мариатой, дочерью Йеммы, дочери Тофенат, дочери Усман, имела сестер и близких родственников, являлась членом племени. Потом девушка стала племянницей Дассин, чужачкой из племени кель-тайток, жила с народом кель-базган и утратила свое прежнее положение. Ее увезли из родной земли и поместили среди чужих, незнакомых людей. Поэтому ей казалось, что их очень много, гораздо больше, чем на самом деле. Мариата не знала ни их имен, ни родословных. Они сновали по территории стоянки, болтали,

кричали, толковали о делах, про которые она понятия не имела. В эту самую минуту девушка стала самой собой. Одна только Рахма крепко спала рядом. С этой женщиной она познакомилась всего только день назад. Их не связывала верность соплеменниц или родственные узы. Еще с Мариатой была пустыня, прекрасная, безмятежная и вечная.

Это ощущение свободы, совершенства бытия росло в ней, пока не закружилась голова, пока не охватило чувство, будто она способна сейчас подняться на воздух и улететь в золотистую даль, как легкая паутинка...

Мариата понятия не имела, сколько времени прошло в этом оцепенении, как вдруг оно прекратилось. Раздался резкий звук, словно прямо над ухом кто-то ударил камень о камень.

Как кошка, которая всегда спит вполглаза, Рахма разом вскочила на ноги и приказала:

— Мариата, хватай верблюда. Быстро, быстро!

— Что случилось?

— Некогда разговаривать. Торопись!

Мариата подбежала к своему мехари, быстро сняла с него путы, схватила за повод и стояла, не зная, что делать дальше.

— Садись на него! Быстро двигай к высоким дюнам, вон там, видишь? Жди меня. Туда им не добраться, увязнут. Пошла!

— А ты?

— Делай, что говорю, иначе нам крышка!

Мариате наконец-то удалось заставить верблюда опуститься на колени. Как только она взобралась на него, он встал и тронулся с места, будто чувствовал, что от него требуется. Девушка шлепнула ладонью по горбу, и животное ускорило шаг. Только песок летел из-под огромных ног. Перед ней вздымались величественные песчаные холмы. Она направила верблюда туда, где сходились гребни двух самых высоких дюн, заставила верблюда вскарабкаться на вершину и перевалить на другую сторону. Потом, не дожидаясь, когда он преклонит колени, Мариата спрыгнула с его спины и поползла обратно к гребню. Оазис теперь казался далеко, словно в нескольких милях, и странно было, что она преодолела такое расстояние за столь короткое время. В первую минуту девушка не замечала ни Рахмы, ни ее верблюда. Охваченная все возрастающим страхом, Мариата отчаянно вглядывалась в расстилающийся перед ней пейзаж. Без Рахмы она здесь обречена. Вдруг краем глаза Мариата заметила какое-то движение.

Далеко справа, раскидывая во все стороны нескладные конечности, галопом мчался верблюд с Рахмой на спине. Мариата видела, как они повернули к восточному краю длинного гребня, за которым пряталась она

сама, и скрылись из виду.

Потом послышался иной звук, резкий и неприятный, напоминающий чей-то низкий, раскатистый рев. На высокой скорости к оазису приближался покрытый пылью грузовик, в кузове которого сидели несколько человек, одетых в темное, с торчащими стволами винтовок. Мариата похолодела. Неужели Росси обратился к властям за помощью, чтобы вернуть украденных верблюдов, поймать ее и силой заставить возвратиться в племя? У нее по спине пробежал холодок.

Нет, в полицию не станет обращаться даже такой человек, как Росси. Ее народ уже тысячу лет не признает ни государственных границ, ни государственных законов. Мариата лежала на песке, время для нее словно остановилось. Она ждала, что же будет дальше. Как сложится ее судьба?

«Только бы меня не заметили, — беззвучно зашевелила она губами и тут же исправила свою молитву: — Только бы нас не заметили. Только бы они ушли и не заметили нас...»

Прошло время, измеряемое гулками ударами сердца. Все было тихо, только кровь стучала в ушах. Даже верблюд, казалось, понял, что теперь нужно вести себя тихо. Он опустил на прохладную подветренную сторону дюны, куда еще не достали солнечные лучи, высоко поднял голову и уставил глаза с длинными ресницами куда-то в пространство. Лишь прозрачная пленка его третьего века двигалась туда-сюда, удаляя из глаз попавшие песчинки.

Потом из оазиса снова показался джип и, набирая скорость, покати по разбитой дороге на восток, но, проехав всего несколько сотен ярдов, неожиданно свернул в сторону, как раз в том месте, где совсем недавно промчалась Рахма на своем верблюде. Мариата перестала дышать, сердце ее забухало в груди с такой силой, будто хотело выскочить. Она смотрела, как джип пополз вверх по склону дюны, а потом его колеса увязли в глубоком, мягком песке. Два человека спрыгнули, закинули винтовки за спину и стали что-то высматривать под ногами. Видно было, как они трогают песок, что-то горячо обсуждают, а потом карабкаются наверх, в то время как остальные пытаются вытолкать машину из песка. На этих двоих были не халаты, а штаны — так одеваются мужчины на Западе. Лица их оказались открытыми, на головах не тюрбаны, а фуражки.

«Похожи на пауков, темных, опасных, с тоненькими быстрыми конечностями», — подумала Мариата, глядя, как они лезут по склону.

Но скоро солдаты скрылись за складкой дюны.

Что теперь делать? Поскорей сесть на верблюда и удрать, пока ее никто не видит, или подождать, надеясь, что они ее так и не заметят?

Мариата уж было решилась бежать, как вдруг услышала тихий свист. Она невольно вскочила на ноги. Укус рогатой гадюки может быть смертелен...

— Пригнись!

Это была Рахма. Она вела за собой верблюда, морду которого замотала длинным куском ткани.

Мариата послушно припала к горячему песку и прошептала:

— Кто это?

— Солдаты.

— Солдаты? Какие солдаты?

— Сейчас везде солдаты. В той стороне новая независимая страна Мали. Вон там Нигер. На севере — Алжир. — Говоря это, старуха махала руками в разные стороны. — У всех есть солдаты, в этом районе они просто кишат. Здесь под песком нашли какую-то дорогую руду, и все правители хотят наложить на нее свою лапу. Выдрать чрево земли наших предков, а нас самих перестрелять, если встанем у них поперек дороги.

Она вытащила из сумки еще один кусок ткани и быстро обернула его вокруг морды другого верблюда. Это, конечно, не заставит животное молчать, если ему вздумается реветь, но хотя бы приглушит звук и он их не выдаст.

— А сейчас, если тебе жизнь дорога, давай за мной, и не отставай.

Рахма повела Мариату по склону дюны, держась так, чтобы неровный гребень прикрывал их, оставаясь между ними и солдатами. Она старалась замести след пальмовой ветвью. Кочевники — хорошие следопыты. Такая хитрость не обманула бы их, но на расстоянии дюна смотрелась вполне девственной.

Спустившись по мягкому песчаному склону, они побежали по глубокой впадине между холмами песка. Рахма привела девушку в другое место, где с обеих сторон также возвышались высокие склоны дюн.

Она остановилась, сунула свой повод в руку Мариате и велела:

— Жди меня здесь.

Старуха полезла по склону вверх, чтоб посмотреть, где находятся их преследователи. Мариата присела, прижав колени к груди. Солдаты. Люди, вооруженные винтовками. Прежде она не думала о том, что у нее могут появиться враги, которые хотели бы убить ее. Между племенами, конечно, существовало соперничество, были и схватки, и набеги, но все это происходило между мужчинами. Женщине никто и никогда не угрожал насилием — разве что Росси, да он не в счет. Но даже Росси не вызывал в ней такого страха, как эти безымянные, одетые в форму люди. Впервые с тех пор, как они с Рахмой оказались в пустыне, девушка не на шутку

испугалась.

Глава 8

Тени уже успели переместиться в самую низину, когда снова появилась Рахма. Она широко шагала, сердито расставив локти и вздымая ступнями облака песчаной пыли. Старуха походила на духа пустыни, глаза ее злобно сверкали, а платье было сплошь покрыто пылью. Мариата так и сидела, обхватив обеими руками колени и прижав их к груди.

— На тебя напали? — робко спросила она. — Ты ранена?

Старуха едва взглянула в ее сторону, сняла путы со своего животного, проворно взобралась ему на спину и сказала:

— Полезай на верблюда.

— Они ушли? — снова спросила Мариата, когда ей удалось догнать свою спутницу.

Рахма лишь коротко буркнула: «Да», плотно сжала губы и уставилась перед собой в пространство. Ее лоб избороздила густая сетка морщин, она явно о чем-то сосредоточенно размышляла.

Пока они преодолевали дюну за дюной, ехали по широкой песчаной равнине, Мариата несколько раз пыталась завести разговор про солдат, но старуха помалкивала и за два дня едва проронила словечко. Подошел к концу третий день, с тех пор как они покинули оазис, солнце склонилось к западу и закатилось, алые тона окружающего пейзажа слиняли, все окрасилось в прохладные лиловые оттенки.

Из-за горизонта поднялась луна и залила пески своим светом. Отдельно стоящие деревья с колючими ветвями мерцали по сторонам, как серебристые призраки. Мариата еще никогда не видела такого. Пейзаж казался ей бесконечным, холодным и безжалостным, но они не останавливались, продолжали ехать вперед. Почва под ногами теперь была более плоской и твердой, меж камнями, которых становилось все больше,

торчали маленькие пучки травы. Наконец женщины оказались в местности, где повсюду высились огромные каменные глыбы и валуны.

Рахма остановила верблюда и распорядилась:

— До рассвета переждем здесь. Ночью в холмах ехать нельзя. При свете луны духи предков особенно мстительны.

С приходом ночи натура меняется даже у самых благожелательных духов. Мариата пробормотала заклинание, которое должно отогнать опасные силы, и вгляделась в холмы, укрытые тенью. Трудно было определить, где кончается земля и начинается ночное небо, но она не заметила ни одного признака стоянки, ни костров, ни светящихся ламп. Лишь валуны проступали в темноте, разбросанные по всей округе. Здесь словно играл в кости какой-то великан, а потом ему надоело, и он ушел.

— Это древнее заколдованное место. Тут очень много барака,^[26] — тихо сказала Рахма. — Ни один дух не причинит нам вреда.

Валуны были огромными, но Мариате они не показались ни заколдованными, ни исполненными благой силы. Она устало закрыла глаза. Все мышцы болели, ей казалось, что зудят даже корни волос на голове. Девушка надеялась, что будет возможность прилечь под кровом какого-нибудь шалаша или шатра. Ей так хотелось подложить под щеку подушку, укрыться одеялом и спать, спать, спать. Она так измоталась, что ее качало, и, чтобы не потерять равновесие, Мариате пришлось протянуть руку к ближайшему камню. Дневная жара успела покинуть его. Пальцы ощущали прохладную шершавую поверхность, грубую, но странно живую...

Вдруг в голове у нее пронеслась вереница образов. Какая-то женщина. Слезы ее каплют на платье цвета индиго, оставляя на нем темные пятна. Круглоголовый ребенок, вцепившийся в юбку матери, блеск взметнувшегося в воздухе меча, серебро, отсвечивающее голубым оттенком. Беспомощно лежащий на песке, завернутый в пеленку младенец с огромными темными глазами. Обнаженное тело мужчины, округлость его вздымающихся и опускающихся ягодиц в неровном пламени свечи. Потрясенная девушка быстро открыла глаза.

— Что с тобой? — резко спросила Рахма, схватив ее за руку. — Ты что-то увидела?

Смущенная непонятно чем, Мариата резко отдернула ладонь и ответила:

— Нет, ничего. Просто устала.

Она сняла со своего верблюда одеяло, легла на землю и попробовала заснуть, но это оказалось нелегко. Перед глазами ее все мелькало и двигалось, будто Мариата продолжала шагать, голова кружилась. Вдруг

перед внутренним взором беглянки одна за другой пошли картины: вооруженные люди, вскидывающие на плечо винтовки, плотоядное лицо Росси совсем близко, почти вплотную, скелет человека, который попался им по дороге через пустыню, его кости, обглоданные хищниками и стервятниками, выбеленные солнцем. Голодные дети, плачущая женщина. Беспокойство достигло такой силы, что Мариата почувствовала тошноту. Девушка села, пытаясь освободиться от наседающих образов, и вдруг ей почудилось, что в этом жестоком мире она совсем одна и совсем беззащитная. Рядом нет ни единого человека, на которого можно было бы опереться, кроме этой странной, полубезумной женщины. Высоко в небе сияли звезды, равнодушные к ее переживаниям.

Глаза ее защипало, из них покатались слезы жалости к себе, и только тогда в ушах послышался чей-то голос: «Помни, кто ты такая, Мариата. Не забывай о своих предках. Ты несешь в себе всех нас. Мы всегда с тобой, все, вплоть до самой матери-прародительницы. Помни, кто ты такая, и не отчаивайся».

В ту ночь Мариате приснился сон, будто бы она вернулась домой. Неровные вершины холмов вздымаются в ослепительно-синее небо. Она сидит, греясь на солнышке, и наблюдает, как мать подвязывает лентой волосы на голове Азаза. В последний раз, когда она видела брата, он был высок и худ, почти мужчина, в одежде взрослого, с лицом, закрытым синим покрывалом. Сейчас, во сне, это оказался еще мальчик с круглыми смеющимися глазами и широкой дырой между передними зубами. Она вспомнила, как они дурачили старух и придумывали целые истории, чтобы уберечь друг друга от наказания за баловство. Байе, самый младший, ползал по песку совсем голый.

«Какая моя мама красивая», — думала Мариата, глядя на ее быстрые, ловкие руки, на освещенные солнцем тонкие черты лица.

Она не знала, долго ли длилась эта безмятежная сцена. Во сне время идет иначе, чем наяву. Над головой Йеммы плыли белые облака, солнце несколько раз заходило и вставало, пока она заплетала первые косички Байи, перебирая пальцами над своим огромным, вздувшимся животом. Потом на нее упала чья-то тень. Она подняла голову, улыбнулась, и весь мир неподвижно застыл. Какая это была улыбка! Мариата могла бы любоваться ею с утра до вечера. В ней было столько любви и радости. На минутку она задумалась, что же вызвало на губах матери такую счастливую, блаженную улыбку, а потом увидела себя. Она шагала рядом с отцом. Он очень высокого роста, и в руке его корзинка с фигами, которые

матери нужно было есть во время этой последней беременности. Девушка поняла то, что знала всегда. Мать любит ее и не по своей воле покинула ее в этом мире. Она и сейчас наблюдает за нею.

Едва первые лучи солнца коснулись ее лица, Мариата проснулась и в первое мгновение не поняла, где находится. Но сон освежил ее силы, и на душе теперь стало спокойно. Она потянулась. Суставы не хрустели, и конечности были гибки. Девушка встала и убедилась в том, что твердо держится на ногах, мышцы нисколько не болят. Она подумала, что, возможно, есть какая-то правда в том, что Рахма говорила про эти камни. Наверное, они и в самом деле хранили в себе какую-то тайную силу. Девушка сложила одеяло и подошла к одному из валунов, чтобы разглядеть его поближе.

Три четверти огромного камня еще скрывались в тени. Она обошла его кругом, восхищаясь величиной, удивляясь прохладе тени. Наконец Мариата выбралась на восточную сторону, залитую яркими лучами восходящего солнца. Посередине плоской грани прямо от земли и до самой вершины, находящейся футах в пятнадцати над головой, были вырублены символы древнего языка ее народа. Она вытянула шею.

«Сегодня мы погребли храброго Маджида, мужа Таты, отца Риссы, Элага и Хоуна», — гласила одна надпись.

Вторая была попроще: «Сарид любит Динбиден, а она его нет».

Третья представляла собой начало стихотворения. «Ассхет нан-нана шин дед Мусса, тишенан н эджиль-ди ду-недуа», — прочитала Мариата вслух. «Дочери наших шатров, дочери Муссы, вспоминайте вечер, когда мы ушли...»

Еще одну надпись девушка сперва прочитала вверх и вправо: «Любовь вечна, а жизнь нет». Потом она поняла, что ее можно толковать иначе: «Долгую любовь встретишь реже, чем долгую жизнь». Мариата нахмурилась, не зная, какой смысл более точный, и ей пришло в голову третье возможное толкование: «Останься там, где встретил любовь».

— Очень поэтично, правда?

Мариата оглянулась, увидела стоящую рядом Рахму и спросила:

— Кто это здесь написал? Люди из твоего селения?

Старуха засмеялась и ответила:

— Кое-какие оставили кель-над, люди прошлого. Никто не знает, давно ли. Знаки куда древнее наших стариков, их родителей и дедов.

— Но они такие... свежие, — нахмурилась Мариата.

Это слово не совсем подходило, особенно человеку, который

воображает себя поэтом. Она имела в виду, что чувства, выраженные в надписях, такие же, как и те, что мы каждый день переживаем и теперь.

— Прошлое всегда с нами, — сказала Рахма. — Люди по сути своей остаются одними и теми же, неважно, умерли они много лет назад или живут вместе с нами.

Этим утром она казалась веселей, возможно, предвкушала триумфальное возвращение вместе с Мариатой, которая ведет свой род от самой матери-основательницы.

Мариата уже тревожилась. Чего от нее ждут? Решение уйти из племени кель-базган она приняла легко, не очень-то задумываясь о том, что ждет ее в будущем. Переход через пустыню сделал девушку легкомысленной. Она старалась не думать об этом, говорила себе, что люди по сути своей одинаковы. Бояться нечего.

Они въехали в селение. Старая женщина обстоятельно, с большим удовольствием приветствовала каждого, кто выходил ей навстречу, а таковых оказалось очень много.

— Я здорова, — отвечала она на вопросы. — Благодарение Богу, я здорова.

Рахма, в свою очередь, спрашивала о здоровье членов семьи собеседника, спрашивала, что нового произошло, пока ее не было, и терпеливо выслушивала ответы, хотя те всегда были одни и те же: «Здоров, жена, сыновья и дочери тоже, благодарение Богу».

Потом Рахма поворачивалась к Мариате и представляла ее собеседнику:

— Это Мариата, дочь Йеммы, дочери Тофенат, дочь кель-тайток. Она прибыла из горного Аира, из племени кель-базган, среди которых временно проживала. Девушка пересекла со мной Тамесну, чтобы увидеть моего сына и изгнать овладевших им злых духов.

Уважительное выражение лица во время разговора о благородных предках Мариаты и путешествии, ею предпринятом, при упоминании имени Амастана сразу менялось на сдержанно-учтивое. Все желали Рахме здоровья и благословения Всевышнего для защиты от злых духов, с которыми она может неожиданно столкнуться.

Рахма что-то сказала маленькой темнокожей женщине в ярко-красном платке. Та убежала, а через минуту вернулась с миской риса, залитого молоком.

— Чтобы сбить жар у твоего сына, — сказала она, и Рахма согласно кивнула, принимая посудину.

Мариата жадно посмотрела на еду, и у нее заворчал в желудке.

— Надо постараться вернуть ему хоть какое-то спокойствие, — ответила Рахма той женщине.

Да-а, похоже, завтрака не предвидится, пока они не осмотрят больного.

Женщины прошли через ограждение, за которым бегали и ковырялись в земле цыплята. Мариата подумала, что это странно. Кочевые народы обычно кур не разводят. Как путешествовать по пустыне с клетками для этих птиц, если верблюды и ослы и так всегда нагружены под завязку, а летать куры не могут? Еще она заметила довольно много разбросанных то здесь, то там глинобитных домиков. В таких, как правило, живут постоянно. Возле них красовались ухоженные грядки с помидорами и фиговые деревья.

— Ваше племя больше не ходит по соляному пути? — с любопытством спросила Мариата.

— Кое-кто еще ходит, но всего несколько человек. Два года назад у нас в пустыне пропал целый караван, а в прошлом сезоне от болезней пало много верблюдов. Харатины и рабы от нищеты и неуверенности в будущем разбежались в города. Новое правительство поощряет их в этом. В общем, жизнь нелегкая и становится все тяжелей. Нашему народу сейчас, как никогда раньше, позарез нужны молодые мужчины, такие как Амастан. Без них мы обречены с трудом сводить концы с концами и добывать пропитание, ковыряясь в земле.

— Но ведь мы не какие-нибудь нищие крестьяне, а хозяева пустыни! — Мариата была поражена.

— Если все будет идти так, как теперь, то наши славные традиции станут пустым звуком.

Последним в селении им повстречался человек весьма странного вида. Тагельмуст намотан кое-как, нижняя часть лица бесстыдно открыта, кожа цвета древесного угля, мочки ушей оттянуты тяжелыми серебряными серьгами. Эта странная особа вдруг крепко схватила Мариату за обе руки. Та отнесла такую несдержанность на счет того, что этот человек не принадлежал к народу покрывала,^[27] и не стала вырывать ладони. Впрочем, она не смогла бы этого сделать, если бы и захотела. Руки незнакомца оказались удивительно сильными. Но когда он заговорил, она услышала тоненький голосок мальчика, связки которого еще не успели огрубеть так сильно, как у взрослого мужчины. Грудь у него, к которой он прижал ее руки, оказалась подозрительно мягкой, как у женщины. Мариата была окончательно сбита с толку.

— А-а, прибывшая к нам издалека дочь Хоггара, — сказал этот

человек. — Добро пожаловать, добро пожаловать к нам в Теггарт.

— Благодарю, — ответила Мариата, учтиво склонила голову и еще раз безуспешно попыталась отнять руки.

— Ах, красавица, милая, злые духи принимают самые разные обличья. Остерегайся мрачной красоты Кель-Асуфа, он может легко соблазнить тебя. Вижу, ты одолеваема страстями, а они притягивают друг друга. Надеюсь, с головой у тебя полный порядок.

С этими загадочными словами странный человек отпустил руки Мариаты и пошел своей дорогой.

Провожая его взглядом, та стояла как вкопанная, потом спросила:

— Что он хотел этим сказать? Да и вообще, мужчина ли это?

— Тана? — улыбнулась Рахма. — Мы сами не знаем. Я слышала, как чужеземцы называли ее «ом-фам», то есть «мужчина-женщина», но это не вполне справедливо. Мы сказали бы, что Бог благословил ее дважды. Оба пола существуют в ней в совершенной гармонии... Это удивительный человек. Порой она знает такое, что недоступно простому человеку. Тана — дочь нашего кузнеца. В те времена мы были богаты и могли содержать его, а когда он умер, она взяла на себя обязанности инедена.

Инеден — это кузнец и знаток мистических обрядов. Он постоянно живет в селении, следит за правильным их исполнением, закалывает жертвенных козлов, распоряжается топливом, изготавливает вещи из железа, к которым ни один человек из кель-тагельмуств, особенно женщина, не может прикоснуться, не подвергая себя опасности.

— А разве она не может исцелить Амастана?

— Когда он вернулся, Тана навестила его один раз, но после этого и близко не подходила.

Мариата молча пыталась осмыслить услышанное и спросила после паузы:

— А что она имела в виду, когда сказала: «Надеюсь, с головой у тебя полный порядок»?

— Так мы говорим про ученика, постигающего искусство врачевания, когда он стал совершеннолетним и полностью овладел своим искусством.

— Но я не училась врачеванию, как и чему-либо другому!

— Существуют вещи, которым нельзя научиться. Это дар, посланный свыше, который у тебя в крови.

Рахма взяла Мариату за руку, словно боялась, что та сейчас убежит. Девушке внезапно стало страшно. Вдруг сын Рахмы безумен, буйный помешанный, изо рта у него течет пена, как у бешеной собаки, у него жуткие припадки и в такие минуты он способен убить человека? Или

наоборот, он выглядит нормальным человеком, а в глазах его пляшут злые духи? Мариата боялась, что у нее ничего не получится, несмотря на всех благородных предков, выяснится, что она самая обыкновенная девчонка, как все. Это пугало ее больше всего.

Когда кончились шатры, хижины, загоны для скота и прочие строения, они вышли к небольшой оливковой роще, за которой раскинулось усеянное камнями поле, где между двумя тамарисками стояло какое-то убогое жилье, в общем, каркас из палок, завешенный одеялами и мешками из-под зерна. В его тени Мариата различила фигуру человека в черной одежде, лицо которого было плотно замотано тагельмутом. Открытыми оставались только напряженно сверкавшие темные глаза.

Мужчина неподвижно сидел прямо на земле, скрестив ноги. Его сжатые руки лежали на коленях. Когда женщины подошли ближе, он не изменил позы, не сделал попытки хоть как-нибудь приветствовать их, даже не пошевелился, когда Рахма присела рядом с ним на корточки и положила ладонь на его щеку.

— Да будет с тобой благословение Божье, Амастан, сын мой. Ты выглядишь лучше, чем в тот день, когда я покинула тебя, в этом нет никакого сомнения. Поешь немного риса с молоком, это умерит жар, сжигающий тебя.

Она поставила миску на землю перед ним, рядом с тарелкой, где лежали нетронутыми хлеб и финики. Но он даже не взглянул на еду.

— Видишь, я привела с собой гостью, она пришла к нам издалека. Это Мариата, дочь Йеммы, дочери Тофенат, из племени кель-тайток, прямой потомок самой Тин-Хинан. Чтобы навестить тебя, Мариата пересекла Тамесну. Не хочешь ли ты встать и поприветствовать ее так радушно, как подобает хозяину дома?

Видно было, что мать хотела подольститься к сыну, поскольку шалаш, в тени которого он сидел, трудно было назвать домом. Да и какой он здесь хозяин, если не владеет даже собственным разумом? Мариата внимательно всмотрелась в него, но что можно было увидеть сквозь узенькую щелку, в которой сверкали глаза? Скуластый, худой, смуглый, брови правильной формы. Его лицо оставалось бесстрастным, только бледные морщинки в уголках глаз выделялись на фоне загорелой кожи. Женщины подошли почти вплотную, и он не испугался. Мариата с облегчением подумала об этом и уже совсем было успокоилась, как вдруг глаза молодого человека, которые он до того не отрывал от какой-то точки на земле, поднялись и остановились на ее лице.

Говорят, когда охотники загоняют газель в угол, она, парализованная страхом, замирает на месте и стоит как вкопанная, хотя легко ушла бы от преследователей, если бы решилась отпрыгнуть и помчаться прочь. Именно такое чувство охватило Мариату, когда Амастан смотрел на нее. Перепуганная девушка стояла перед ним и не могла сдвинуться с места. У нее возникло такое чувство, что вот и пришла ее гибель.

Вдруг Мариату пронзила странная мысль о том, что на нее сейчас смотрят столь выразительные глаза, каких прежде она никогда не видела. Удлиненной формы, миндалевидные — нет, это глаза не воина или сумасшедшего, а поэта. Когда взор этих глаз пронзил ее, она уже не могла не думать о том, что они так же глубоки и темны, как колодец, на дне которого мерцают остатки воды. Скоро вода высохнет, а тот, кто возлагает на нее надежды, в конце концов умрет от жажды.

Сердце Мариаты забилося. По ногам девушки вдруг прошла судорога, словно они сами решили унести ее прочь, как можно быстрее и дальше отсюда, хочет она этого или нет. Но Мариата продолжала стоять, будто ее подошвы вдруг приросли к земле.

Это длилось всего лишь одно мгновение. Глаза Амастана неожиданно наполнились слезами, которые неудержимо потекли по его щекам. Вид плачущего мужчины потряс Мариату. Они всегда сдержанно выражают чувства. Асшак^[28] говорит, что мужчина всегда должен быть гордым и ни при каких обстоятельствах не ронять своего достоинства. Сердце Мариаты размякло и потянулось к нему.

Есть такие женщины, у которых повышено чувство ответственности за все, что происходит вокруг. Если что-то сломалось, то они стараются все исправить. Им кажется, что никто, кроме них, не может восстановить нарушенный порядок, даже если это касается таких мелочей, как стирка, уборка шатра или починка прохудившейся корзинки. Мариата никогда не считала себя подобной женщиной, но в эту минуту перед ней стоял человек, жизнь которого дала трещину, раскололась надвое. Ей вдруг страстно захотелось скрепить эти половинки.

— Давно он такой? — спросила Мариата, когда они с Рахмой шагали обратно к селению.

Чем дальше она уходила от одержимого, тем спокойнее билось ее сердце, но ей все равно казалось, что он где-то рядом. Их будто связала незримая нить, которая с каждым шагом натягивалась все сильнее.

Рахма ответила не сразу. Они добрались до места, где лежали огромные камни. Здесь старая женщина остановилась, села, обернув лицо к

солнцу, и Мариата увидела слабый след, который оставили на ее щеках слезы, успевшие высохнуть.

— Верблюд словно знал дорогу домой, хотя не был здесь больше года. Он принес сына на спине, а тот, казалось, пребывал в каком-то трансе, не понимал, где находится. Его глаза оставались открытыми, но он не узнавал даже собственную мать, был весь покрыт кровью. Я подумала... — Тут Рахма запнулась. — Да, решила, что сын уже умер или смертельно ранен. Меча с ним не было. Пожинающий Жатву — так звался его клинок. Прежде он принадлежал моему брату, его анет ма,^[29] а до него — дяде этого человека. Сын никогда не расстался бы с этим мечом по доброй воле. В нем воплощалось его достоинство. С ним вообще не было ничего: ни воды, ни еды. Представить себе не могу, как он остался жив, разве что духи сохранили Амастана для каких-то своих целей. — Старуха помолчала, потом продолжила: — Но кое-что он все-таки привез с собой. Эту вещь сын сжимал в правой руке. Мы пытались разогнуть его пальцы, но он набросился на нас, как дикий зверь. Она до сих пор с ним. Я почему-то уверена, что Амастан будет спасен, если нам удастся забрать ее у него. Кель-Асуф через эту вещь сосет из него силу. Я не сомневаюсь в этом. Что только мы не перепробовали!.. Знахарки давали ему сонное зелье, но он отказывался пить. Инеден пел песню ветров, а мы стучали в барабаны, чтобы изгнать злых духов, но ничто не помогло. Святые марабу читали над ним молитвы и прикалывали к одежде изречения из Корана. Я могла бы сказать им, что это не поможет. Сын в ярости срывал их с себя вместе с одеждой и бегал совсем голый! Один колдун из Тимбукту увещал его шатер амулетами и талисманами, которые принес с собой из южных стран, но Амастан не обращал на них никакого внимания и ложился спать, спрятав крепко сжатую руку под себя. Кто бы ни пытался разжать его пальцы, имел дело с дикой яростью злых духов, овладевших им. Уже больше трех месяцев он в таком состоянии. Нельзя допустить, чтобы это продолжалось дальше.

— Я хочу помочь ему, но не знаю, как это сделать. — Мариата закусил губу.

Рахма повернулась и посмотрела ей в глаза.

— Увидев тебя, он заплакал. Впервые за все это время на его лице появилось человеческое чувство. — Она устало вздохнула, встала и продолжила: — С самого детства Амастан любил поэзию. Ему нравилось сочинять стихи и складывать песни. Местные девушки изумлялись, как искусно он умеет обращаться со словами. Каждой хотелось выйти за него,

но он сказал, что не женится, пока не дойдет до Дерева Тенере,^[30] не увидит море и не узнает, каков холод снегов, покрывающих вершины самых высоких гор.

Мариата улыбнулась. Подобные романтические представления обладали для нее неотразимым обаянием.

— Так он исполнил все, что задумал?

— Да. Потом сын обручился с девушкой, которая жила в горах Адрарн-Фугас, и отправился туда, чтобы привезти ее и познакомить перед свадьбой со мной и со своей бабушкой. Видишь ли, моя мать слишком старая и больная, чтобы отправляться так далеко. Она умерла до его возвращения. Вероятно, это было к ее благу.

Услышав это, Мариата глубоко смутилась. Так, значит, он был помолвлен? Она постаралась напомнить себе, что это не ее ума дело. Что из того, что какой-то незнакомый мужчина обручен? Но в глубине души девушка неожиданно для себя была откровенно уязвлена.

— Где сейчас его возлюбленная?

Рахма отвернулась.

— Никто этого не знает. Похоже, где-то пропала. Но умоляю, не слушай сплетен. — Не успела Мариата осмыслить эту странную просьбу, как Рахма торопливо продолжила: — Слова обладают самой мощной магической силой на свете, и твоя бабушка знала это. В твоём роду все понимали силу слов еще с тех самых пор, как была жива мать-прародительница. Как же еще она могла убеждать, чтоб к ней приходили, каким другим способом можно было создать наш народ? Да, самая обыкновенная девушка, не старше тебя, совсем простая, из маленького пыльного селения на юге Марокко. Но в ней скрывалась такая сила, что она смогла оставить безопасное населенное место и начать новую жизнь на дикой земле. Для этого прародительница, должно быть, общалась с Кель-Асуфом, стала одним из духов пустыни и подчинила их своей воле. Ведь это они помогли ей создать наш народ. Ее сила передавалась по женской линии вашего рода точно так же, как все подобные ценные свойства. Она пребывает и в тебе. Я должна верить в это, иначе Амастан потерян для нас навсегда. Ты сможешь ему? Сиди с ним рядом, рассказывай ему что-нибудь, слагай для него стихи и заклинания, смири злых духов, подчини их своей воле. Постарайся убедить сына отдать то, что он держит в правой руке. Ты сделаешь это?

— Попробую, — ответила Мариата.

Тем не менее страх продолжал грызть ее сердце. Так, значит, Амастан вернулся в родное селение окровавленный и без невесты. Она не должна

слушать сплетни. Неожиданно Мариата вспомнила одну аирскую легенду, которую часто рассказывают по вечерам, сидя вокруг костра. Называется она «Кровавая свадьба в Иферуане».^[31] В ней говорится о том, как в одно селение прибыл красивый, богато одетый чужестранец, вызвавший переполох среди местных девушек. Прожив там несколько недель, он выбрал самую красивую из них и стал ухаживать за ней, говорить всякие слова, потом посватался, получил благословение ее родственников и быстро женился. В первую же ночь из шатра новобрачных доносился страшный шум и жалобные крики девушки. Старики качали головами. Нехорошо, когда муж так обращается с женой сразу после свадьбы. Ребенок, зачатый при луне, проклят на всю жизнь. Ничего хорошего из этого не выйдет. Когда наутро одна старая женщина вошла в шатер, чтобы подать молодоженам завтрак, ее действительно ждало страшное зрелище. Весь шатер был залит кровью, везде валялись обглоданные кости и остатки волос, а муж и жена пропали. Однако братья невесты обнаружили рядом с шатром следы огромной кошки, которые вели в горы, пошли по ним, обнаружили логово зверя и убили его после ожесточенной схватки. Вспоров ему живот, они обнаружили останки сестры, но не жениха. Из этого они сделали вывод, что красивый чужеземец был оборотень, злой дух пустыни, который в первую брачную ночь обрел свой истинный облик.

Мариате невольно приходила в голову жуткая мысль: а вдруг Амастан тоже оборотень? Им овладели джинны и он убил свою возлюбленную? Ей очень не хотелось разбираться в этом, но все-таки знать правду необходимо.

Рахма поселила девушку в своем шатре. Он был большой и красивый, сшитый из сотни с лишним козлиных шкур.

— Я забрала его с собой, когда развелась с Муссой, сыном Ибы, — сообщила она, прежде чем Мариата раскрыла рот, чтоб задать вопрос. — Еще я забрала Амастана и старого осла, который, правда, уже давно помер. Проклятый марабу так извернулся, что мне пришлось оставить там все мое приданое, хотя по закону я имела право забрать его с собой. Он сказал, что решение Муссы взять себе вторую жену означает, что Бог возложил на меня бремя. Я должна нести его со смирением, понять, что не права, решив развестись с мужем из-за такой малости. Я показала ему синяки на руках и ногах, а он улыбнулся и сказал, что мужчины иногда должны поколачивать жен. Надо же учить их хорошо вести себя. Вот тогда я ушла от него и вернулась к своим. Марабу теперь умер, а Мусса, я слышала, мучается сильными болями в животе.

— Это ты прокляла его? — изумленно уставилась на нее Мариата.

— Обоих. Просто Мусса всегда был человек крепкий. Вот и протянул дольше.

Мариата в душе содрогнулась и спросила:

— Если ты умеешь общаться с духами, то почему сама не можешь спасти Амастана?

— Во Вселенной существует равновесие. Думаю, духи таким способом решили преподать мне урок, — горько усмехнулась Рахма.

Следующие несколько дней Мариата надевала белое платье и такой же платок, которые ей одолжила Тана, сказав, что это на счастье, а еще чтобы уравновесить черноту, поселившуюся в груди Амастана. Потом Мариата отправлялась к нему, сидела с ним и слагала стихи, сначала про себя, а потом повторяя вслух. Он будто не имел ничего против того, что она находилась рядом. Впрочем, молодой человек, похоже, вообще не обращал на нее внимания. Ни слез, ни взглядов, от которых замирало бы сердце, никаких признаков злых духов, завладевших его душой, больше не наблюдалось. Если он и слушал ее стихи или истории, то никак не выдавал этого. Но девушка поняла, что рядом с ним ей становится спокойно, Амастан не мешает, а даже способствует ее вдохновению. Именно рядом с ним она сложила свои лучшие стихотворения, искусно подбирая и расставляя слова, выстраивая их в виде сложных акростихов, строки которых обладали немалой силой и могли противостоять колдовству. Некоторые из них Мариата царапала палочкой на земле, большинство держала в голове, но, похоже, на больного это не оказывало никакого действия.

Еда, которую она приносила ему каждый день, оставалась нетронутой. Как только он не умер от голода? Она думала, что его, должно быть, питали иные силы, сверхъестественные, возможно даже злые. Однажды Мариата обнаружила миску перевернутой. Все молоко впиталось в землю. Это было нарушением строгого табу и явно указывало на козни духов. Чтобы уничтожить действие злых сил, она очертила вокруг миски круг и вписала в него заклинания.

Через несколько дней у нее начались месячные. Какой-нибудь марабу обязательно запретил бы ей входить в шатер, но Рахма только смеялась.

— Теперь ты сильна как никогда. Кровь одолеет любого злого духа.

Когда Мариата принесла Амастану ежедневную миску молока с рисом, он поднял ее с земли и стал есть. Он делал это пальцами левой руки, и смотреть на такое было противно.

Правую же руку парень все время держал крепко сжатой. От девушки

не укрылось, что, когда она смотрела на нее, костяшки пальцев белели, словно он сдавливал кулак еще крепче.

Однажды, вдохновившись древними надписями на скалах, возле которых они с Рахмой провели последнюю ночь своего путешествия, Мариата сложила стихотворение и принялась повторять его вслух:

Дочери наших шатров, дочери Муссы,
Подумайте о том вечере, когда нам надо уходить.
Женские седла уже лежат на спинах верблюдов.
Вот женщины приходят, величавые в своих платьях.
Среди них Амина с сияющими глазами,
И Хуна, на голове которой новый платок,
И прекрасная Манта, свежая, как сеянец пальмы...

— Нет!

Этот горестный, душераздирающий крик оглушил ее. Мариата вскочила. Лицо Амастана, страшно искаженное выбросом чувства, до смерти напугало ее. Она уже ждала, что во рту его сейчас вырастут острые клыки, на пальцах появятся когти, тело покроется густой шерстью, но очень скоро крик умолк, и юноша снова погрузился в себя. Его правая ладонь раскрылась, и девушка увидела то, что лежало в ней.

— Манта, Манта, — шептал он.

Так, по крайней мере, казалось Мариате. Глаза, полные страдания, закрылись, и Амастан прижал этот предмет ко лбу.

Она увидела, что это амулет — металлический прямоугольник с выступом посередине, украшенный маленькими дисками сердолика и обрамленный вытравленным узором. Весь он был покрыт каким-то высохшим веществом, похожим на ржавчину.

Глава 9

Я работала уже больше трех лет и могла рассчитывать на достаточно длительный отпуск. Не без некоторой дрожи я отправилась к главе фирмы и попросила у него шесть накопленных недель и еще три за свой счет. Стыдно, конечно, но в качестве объяснения столь долгого перерыва в работе мне пришлось воспользоваться смертью отца. Мол, предстоит много потрудиться, чтобы подготовить дом к продаже, а после этого понадобится и отдохнуть, сменить обстановку.

Ричард, как ни странно, с готовностью согласился. Я даже обиделась на него.

Меня мучили угрызения совести, но стоило лишь посмотреть на отцовскую коробку, как я снова испытывала предчувствие захватывающего приключения. Я отправляюсь в Африку, следуя так называемым вехам. Отец ведь сказал, что на своем жизненном пути я верну амулет на ту землю, откуда он был взят, и разбужу спящего зверя. В атласе я отыскала Абалессу и увидела, что это совсем маленький городишко на юге Алжира. Марокко — Алжир, Тафраут — Абалесса. На карте Черного континента расстояние между этими пунктами казалось не таким уж огромным. У нас с Ив в распоряжении будет три недели. Мы сможем прокатиться по Южной Сахаре. Это будет самый удивительный из всех автопробегов в мире.

Я не могла дождаться, когда же мы отправимся. Мое нетерпение было похоже на чувство, испытываемое перед экзаменами. Я всегда хотела, чтоб они поскорей начались. С головой окунувшись в эту атмосферу, перестаешь волноваться и пугать себя несуществующими кошмарами. По правде говоря, я хотела лишь одного: перестать думать.

Всю свою неумную энергию я бросила на решение проблемы продажи дома, свободное время целиком посвятила борьбе с бюрократами

и волокитчиками, сочинению бесконечных и столь же бесполезных заявлений, обязательств и прочих бумажек, которые наше новое законодательство придумало, чтобы мы не заскучали без трудностей жизни. Я позвала экспертов оценить вещи, которые могли заинтересовать коллекционеров, и отправила их на аукцион, а все остальное передала фирме, организующей распродажу. Я нашла дамочку, занимающуюся недвижимостью, и выслушала ее скорбные байки о нынешнем состоянии рынка, о том, что с моим домом надо поработать, чтобы придать ему товарный, то есть более современный, вид, чтобы привлечь «правильного» покупателя. Это означало, что мне придется взять напрокат нужную мебель и цветы в горшках, а перед самым просмотром побрызгать везде жидкостью с фальшивым запахом кофе и хлеба.

— Интересно, а существует какой-нибудь спрей с запахом прогретой на солнышке свежескошенной травы? — задала я саркастический вопрос. — Можно было бы в саду тоже побрызгать.

Мы стояли, разглядывая дикую местность, заросшую ежевикой, где когда-то были аккуратные грядки. Моросил мелкий дождичек, и я с интересом ждала, что она на это ответит.

— А что, неплохая идея, — задумчиво сказала агент.

Вытаращив глаза, я смотрела, как она, не обращая внимания на непогоду, достала блокнот и что-то в него записала.

В самый день вылета я с криком проснулась в пять утра, вся покрытая холодным потом. Мне снилось, что меня бросили одну в пустыне под палящим солнцем и у меня не было сил доползти до воды, блеск которой дразнил издали. С колотящимся сердцем я села на постели. С чего это мне вдруг приснился такой кошмар? Это сублимация страхов, которые всегда мучили меня перед перелетом, или что-то другое, еще менее объяснимое? Я старалась не думать ни о том ни о другом. К тому времени, когда я со всеми предосторожностями уложила амулет и остальное содержимое отцовской коробки вместе с паспортом в небольшой чемоданчик, это ощущение сменилось отчетливым предчувствием какого-то захватывающего приключения.

Мы оказались не единственными любителями скалолазания, направляющимися в Марокко. В очереди на регистрацию в аэропорту Гатвик среди обычных в это время одиночных туристов, решивших погреться на солнышке, и почтенных семейств с хнычущими детишками виднелись четыре или даже пять групп с альпинистскими рюкзаками за

спиной, сумками с тросами и даже парочкой страховочных матов. Большинство из них составляла молодежь, где-то до тридцати. В потрепанных джинсах и с колоритными копнами волос на голове, они казались совсем зелеными юнцами. Девицы щеголяли множеством косичек, а парни еще и кожаными браслетами. Мы подкатили нашу тележку к хвосту очереди и только успели пристроиться, как мешок Ив с громким лязгом шмякнулся на бетонный пол. В нем было все ее плотно упакованное снаряжение, и весил он не меньше тонны. Подруга поставила его вертикально и, пыхтя от натуги, попыталась взвалить обратно на тележку, как вдруг, откуда ни возьмись, перед ней возник какой-то юнец и легко закинул мешок на место, а потом повернулся к нам и улыбнулся. У него оказалось широкое и довольно приятное лицо, волосы песочного цвета, глаза смотрели в разные стороны. Все это вместе придавало ему какой-то пиратский вид.

— Привет, меня зовут Джез, — сказал он с сильным шеффилдским акцентом. — Как только вы появились, мы тут же сказали: «Вот альпинистки!» Так прямо и заявили. Это сразу видно по тому, как вы двигаетесь. Правда, Майлз?

Его товарищ выглядел на год или на два старше, и прикид его был еще круче. Немного смущаясь, он кивнул, но, похоже, особенного желания общаться не испытывал.

— По рюкзакам догадались, — буркнул этот парень.

— В Тафраут летите? — Джез явно положил глаз на Ив.

Подруга улыбнулась, и видно было, что эта ее гримаска совершенно его ослепила, что, впрочем, не удивительно.

— Да. А вы тоже?

— Конечно. В это время года лучшего места полазить по горам не найдешь. Там гораздо меньше к тебе пристают, чем в других частях Марокко.

— А ты забыл про торговцев коврами? — напомнил ему Майлз. — Чуть не силой затащили нас в свой магазин, гонялись за нами по улице!

— Да, одетые как туареги. — Джез рассмеялся. — Такие же, как мы с вами. Да ладно, ковер все равно оказался хороший. Я повесил его у себя в комнате. Он каждый день напоминает мне о Марокко.

С ними было легко и весело. Мы отправились в кафе, расположенное в зале ожидания, посидели, выпили кофе, поболтали, рассказывая про свои особенно запомнившиеся альпинистские похождения, про то, кому какие скалы больше всего понравились, про опасности, которые нам удалось избежать, падения, удержания и все такое. Не успела я вспомнить, что

ужасно боюсь летать, как мы уже оказались в самолете.

Полеты могут заканчиваться очень быстро, не успеешь глазом моргнуть. Особенно для бывалого путешественника, которого не мучит вид объятого пламенем, падающего с неба самолета, в котором он сидит. Для человека, неспособного изгнать эту картину из своего воспаленного воображения, время становится самой настоящей пыткой, минуты, наполненные жутким страхом, тянутся бесконечно, от самого небольшого крена или воздушной ямки болезненно замирает сердце. Что бы там ни думало руководство авиакомпаний, никакая выпивка с бесплатной закуской, то и дело предлагаемая вежливыми стюардессами, тут не поможет, если уж боишься летать.

— Ей-богу, не пойму, — сказала Ив, глядя на побелевшие костяшки моих пальцев, судорожно вцепившихся в ручки кресла, в то время как я сама сидела, согнувшись чуть ли не пополам. — Ты можешь спокойно карабкаться по отвесной скале с риском свернуть себе шею, а тут, в удобном кресле, так трусишь? На вот, почитай путеводитель, может, хоть он развлечет тебя.

Джез и Майлз оказались правы. Скал в Тафрауте, по которым можно было бы полазить, оказалось без счета, тысячи готовых маршрутов и столько же поджидающих, чтобы их освоили и тоже внесли в путеводитель. Листая эту книжицу, отмечая наиболее приглянувшиеся места, я на время забыла свои страхи. Особенно мне понравилась фотография горы под названием Ассгор, или Львиная Голова, с ее странным склоном, действительно похожим на морду льва. Надо обязательно пройти маршрут до носа хищника. У меня уже руки чесались. Зверь смотрел на меня внимательно, даже с вызовом, как бы предлагая пройти обряд инициации, дающий пропуск в сердце Африки. Я сунула руку в карман, нащупала амулет, и страхи мои сразу отступили. Уже началось снижение над Адагиром. Я услышала треск и скрип выпускаемого шасси, но далеко не сразу подумала о том, что сейчас мы рухнем на землю и взорвемся к чертовой матери, вместо этого спокойно сунула путеводитель в сумку и даже бровью не повела, когда колеса коснулись земли.

В аэропорту, как ни странно, автомобили, заказанные в бюро проката, оказались у всех, но только не у нас с Ив. И без того замученные утомительно долгой таможенной проверкой, мы растерянно стояли возле аэровокзала, а головы нам немилосердно пекло солнце. Ив набрала номер, нацарапанный на задней обложке ее записной книжки. В ответ раздавались только громкие короткие гудки, но длинного слышно не было. Ей пришлось несколько раз экспериментировать с кодами, пока в конце концов

не удалось связаться, и тогда на ломаном французском она объяснила, что нашей машины почему-то нигде не обнаруживается. Женский голос что-то ей протарабанил, и лицо подруги перекошилось от ужаса.

— Говори медленней! — завопила она и швырнула мне телефон.

В течение долгого и путаного разговора выяснилось, что Ив ухитрилась сделать заказ на двенадцать часов, но не дня, а ночи. Midi, minuit.^[32] Я вздохнула. Ив показалось, что это очень смешно, но только до тех пор, пока не выяснилось еще и то, что до вечера машин в наличии нет и не будет. Когда я выложила Ив эту грустную информацию, она посмотрела на меня с ужасом и раскаянием на лице.

— Эй, девушки! — вдруг послышался голос.

Прямо перед нами затормозил «пежо». За рулем сидел Майлз, а Джек крутил рукоятку, опуская стекло, и улыбался во весь рот.

— Поехали с нами!

— Нет-нет, не волнуйтесь, все в порядке, — отмахнулась я. — У нас есть машина, она сейчас приедет, чуть-чуть запаздывает, вот и все.

Чуть-чуть запаздывает... Часиков этак на восемь.

Но Джек уже выбрался из «пежо», подошел, обхватил рюкзак Ив, крикнул, но уложил-таки его в изрядно уже нагруженный багажник, а подруга, ни слова не говоря, полезла на заднее сиденье.

— Эй, что ты делаешь? — воззвала я к ней. — Нам ведь нужна своя машина. Ты что, забыла, мы ж собирались ехать по Сахаре?!

Она оглянулась на меня через плечо и пробубнила:

— Успеем. Машину можно взять в Тафрауте.

Я пожала плечами, извинилась перед женщиной из бюро проката и полезла вслед за Ив. Непонятно только, как нам удалось втиснуться. Заднее сиденье уже было забито рюкзаками и сумками.

— Простите за неудобства, — нехотя пробормотал Майлз, которого, похоже, совсем не вдохновляла перспектива возиться с нами.

Но очень скоро мы въехали в какой-то городишко, и ему пришлось оживиться. Наша машина влилась в поток самых разнообразных транспортных средств: автобусов, легковых автомобилей, мотороллеров, велосипедов, повозок, запряженных осликами. Все они двигались с разной скоростью и по непредсказуемым траекториям, вперемежку с сотнями пешеходов, которые так и норовили перебежать дорогу прямо у вас под носом, а иногда останавливались посередине, чтобы поболтать с водителями и погонщиками осликов. Тут были мужчины в длинных халатах с характерными красно-коричневыми лицами, усеянными морщинами, женщины под чадрой, мальчики в светлых шортах и

футболках, девочки в белоснежной школьной форме или в джинсах и живописных платках. Непрерывно раздавались автомобильные гудки, гортанные крики, смех и свист, ослиный рев. Из ржавых «мерседесов», мчащихся по встречной и то и дело подрезающих нас, неслась арабская музыка. Пронзительный голос певицы едва пробивался сквозь неистовый барабанный бой.

Мы проехали мимо крошечных бакалейных и мясных лавочек, ремонтных мастерских, магазинчиков, торгующих скобяным товаром, выпечкой, коврами, матрасами, свернутыми циновками, садовой мебелью из белоснежной пластмассы и автомобильными шинами, сваленными кучей прямо на тротуаре. Среди них попался один, где, судя по всему, продавались только тачки, выкрашенные в синий цвет. Я повернулась к спутникам, чтобы указать на эту странность, и на противоположной стороне дороги заметила мула, тянущего длинную повозку, груженную выпотрошенным, разбитым кузовом старинного автомобиля марки «дакия». На капоте сидел мужчина, держащий в руках поводья. За его спиной, внутри автомобильного остова, торжественно восседали три женщины в черных одеяниях и чадрах. Я так и ждала, что они сейчас станут официально приветствовать толпу поднятием рук в длинных, как у королевы, перчатках.

— Смотрите! — воскликнула я.

Но Майлзу было не до того. Он не мог оторвать глаз от дороги, изо всех сил пытаясь увернуться от множества подстерегающих его препятствий, а Джек с Ив были увлечены жарким спором по поводу какой-то рок-группы, о которой я прежде не слышала. Когда они оторвались друг от друга и выглянули в окно, гибридный экипаж вместе с его седоками был уже далеко позади. Перед нами выстроился ряд муниципальных зданий, у каждого стоял вооруженный часовой в форме. За ними виднелись длинные, окрашенные охрой стены крепости, которая производила странное впечатление сооружения одновременно древнего и вполне современного.

Потом за окнами побежала сельская местность, гектары возделанных земель, накрытых полиэтиленовыми пленками и сетками от птиц, поля с посевами стручкового перца, банановыми плантациями, оливковыми, апельсиновыми и лимонными рощами, финиковыми пальмами, на ветках которых висели тяжелые гроздья плодов. Ландшафт постепенно становился все более открытым, почва — красной и сухой. Группы женщин в темно-фиолетовых, желтых и черных платьях ярко выделялись на фоне пыльной рыжеватой земли, на которой они работали. Колючие кактусы самых разных форм и кустарники с острыми шипами образовывали естественные

ограждения между полями, где в тени одиноких деревьев сидели пастухи, наблюдая за стадами тощих овец и покрытых черной шерстью коз, которые уничтожали все съедобное, что могли найти под копытами. Совершенно призрачное пространство, в котором все — деревья, скалы, дорога и поля — было покрыто белой пылью, знаменовало собой переход от морского побережья к пейзажам горной местности. Сразу после знака, указывающего каменоломню, на котором был изображен огромный, объединенный с обеих сторон холм из белого камня, будто два великана поспорили, чей кус будет больше, мы свернули с главной дороги. Начался долгий подъем к лабиринту синеватых гор, виднеющемуся на горизонте.

На первой, иногда на второй передаче наш «пежо» то медленно полз вверх, то катился вниз, как по американским горкам, по узенькому, головокружительному серпантину. Виды кругом были столь великолепны, а шансы свалиться в пропасть так велики, что в конце концов все перестали болтать и только изредка делали замечания по поводу страшного обрыва, уходящего вниз с правой стороны.

— Как, интересно, на такой дороге можно разъехаться? — трагическим голосом спросила Ив.

В ту же минуту из-за поворота, кренясь то в одну сторону, то в другую, показался доверху набитый грузовик, увешанный гирляндами талисманов удачи и разрисованный яркими пальмами и верблюдами, и помчался прямо на нас. Мы сразу поняли, что надо срочно сворачивать в первую попавшуюся выемку или расщелину в скале. Иначе нам грозит лобовое столкновение с машиной, в которой находятся люди, больше полагающиеся на судьбу, чем на искусство того, кто крутит баранку. Сидя сзади, я судорожно надавила на несуществующую педаль тормоза.

— Ядрена вошь, мы их чуть не задели! — выдохнул Джез, по очереди заглядывая нам в глаза.

Я попыталась отвлечь себя от сомнений в том, что жизнь моя, будучи в руках Майлза, продлится больше минуты, и посвятила оставленное мне судьбой время сверке окружающего ландшафта с картой этой местности, купленной в магазине «Стэнфорде» в Ковент-Гардене. Напечатана она была в Марокко и не имела абсолютно ничего общего с продукцией Картографического управления, которой я привыкла пользоваться. Масштаб не указан, цвета какие-то странные, дорог на фоне окружающей местности почти не разобрать. Некоторые берберские названия выглядят так экзотически, что мне не удалось произнести в уме даже начальных звуков: что-то вроде «Ими Мкурн», «Ида Угнидиф» и «Тизг Зауин». Через какое-то время роскошная возможность любоваться пейзажами с их

суровой романтикой, зубчатыми очертаниями горных вершин, выветренными скальными массивами, каменными террасами и высохшими руслами водных потоков, вдоль которых росли миндальные деревья, взяла верх над глупой обязанностью не отрывать глаз от дороги, и я совершенно успокоилась.

Я совсем не ожидала, что Марокко окажется столь прекрасной страной, хотя красоту ее, пожалуй, не выразишь на языке холмов, покрытых зеленой травкой, с их мягкими складками, и равнин английского сельского пейзажа. Тут скорее понадобился бы другой, особый язык, шершавый, дикий и грубый. Я думала, что люди, обитающие здесь, тоже, наверное, такие же шершавые, дикие и грубые. Иначе им не выжить в этой местности.

Перевал Тизи-н-Таракатин мы проехали, когда солнце уже лениво спускалось к горизонту. Воздух был чист, тени цвета индиго резки. Едва мы пересекли дорогу, вьющуюся по седловине горы, и сделали поворот, как от восхищения у меня перехватило дыхание. Перед нами раскинулась изумительная по красоте, уходящая вдаль к горизонту долина Амельн. Справа над ней нависала отвесная стена горного хребта Джебель аль-Кест.

— Видите там скалу? — спросил Майлз, обернувшись через плечо, и протянул руку по направлению к скалистой стенке.

Я провела мысленную линию от его пальца до скалы, которая была просто изумительной даже на первый взгляд.

— Прямо посередине там проходит освоенный Джо Брауном^[33] классический маршрут пятой категории сложности. Он так и называется «Середка». Отличный маршрут, крутой и довольно длинный, ощущение потрясающее, дух захватывает.

Я усмехнулась. Энтузиазм Майлза был заразителен. Нет ничего необычного в том, что практичный йоркширский скалолаз Джо Браун, без сомнения, один из кумиров Дджеза, нарек этот маршрут столь прозаично, когда вокруг столько экзотичных берберских названий, произнося которые можно язык сломать. Чем дальше мы ехали по долине, тем становилось веселей. Даже Майлз вроде взбодрился и принялся показывать нам маршруты, по которым они проходили или мечтали об этом: Большая Чешуйка, Старые Друзья, Белая Башня, Черная Колея, Черная Полоска, Большая Плита и Гребень Страждущих. Красные скальные стены нависали над нами на протяжении всего пути. От одной мысли полазить по ним у меня чесались и становились влажными руки. Когда я прикидывала длину вертикалей, меня поочередно охватывало то восхищение, то страх. Некоторые из них были сотни под три метров, а то и больше. Я по таким

еще не лазала. Мой опыт исчерпывался скалами, имеющимися у нас в Британии, главным образом с одним уклоном. Маршрут с множеством таковых, да и то не более ста метров, можно найти разве что под ласковым солнышком Корнуэлла. Морские волны нежно лижут там подножие гранитных скал, а после прохождения маршрута всегда можно полакомиться мороженым, которое продают в окошке фургончика на автостоянке. Здесь пришлось бы лезть по скале, причем по незнакомой, в африканской жаре с рассвета и до вечерних сумерек. В этой местности не существует службы спасения, безопасных спусков вниз, а уж тем более фургончика с мороженым, поджидающим тебя на вершине. Украдкой я посмотрела на Ив. Интересно, каково ее впечатление от этих жутких каменных склонов? Но в скалолазании у нее опыта было поменьше, и она вряд ли могла оценить уровень их сложности. Так что все решения придется принимать мне и быть ведущей на маршруте. Я представила себе, что лезу по такой скале только с подругой, и меня вдруг охватила жуть. С одной стороны, мне очень хотелось быть первой, лидировать, с другой — груз ответственности вдруг показался слишком уж большим. В конце концов, возможно, не так уж плохо, что мы оказались в компании двух парней. Они здесь все знают, и скалы, и местность. Скорей всего, для начала мы полезем вчетвером, пока я не привыкну и не изучу маршруты.

Нервы мои все еще трепетали, когда мы достигли конца долины.

Джез с улыбкой обернулся к нам, высунул руку в окно, указал на утес, самый высокий в цепи, и предложил:

— Посмотрите вон туда. Видите? Завтра мы пройдем по нему все вместе. Вам очень понравится. Да, Майлз?

— Восхождение под руководством опытных мастеров! — с язвительной улыбочкой обернувшись через плечо, заявил тот. — Такая вот досталась вам халява. За это будете кормить нас обедом.

— Ага, всю неделю. — Джез подмигнул, а может быть, мне это показалось из-за его косоглазия. — Подъем потрясающий, виды просто сказочные. Паркуемся, проходим через развалины древнего селения, потом по козлиной тропе, а там и скала. Все займет пару часиков, если, конечно, не бегом, как в прошлом году. Тормози, Майлз, приехали!

Тот свернул на немощеную боковую дорогу и остановился. Мы вышли и с удовольствием стали разминать ноги, затекшие за трехчасовую поездку. После автомобильного кондиционера воздух казался сухим и жарким, пахло какой-то плесенью, землистой и пряной одновременно. Я закрыла глаза, смакуя этот запах. Ничего подобного в Британии я не ощущала. Несмотря на это, он казался мне странно знакомым.

— Не так уж и страшно, верно?

Чья-то рука легла мне на плечо, и я даже вздрогнула от неожиданности. Майлз стоял рядом, напряженно уставившись на меня синими глазами. Не знаю почему, но мне это показалось очень странным. Две-три секунды я молча смотрела на него так, словно передо мной стоял инопланетянин. Потом он наконец смущенно отвел глаза в ту сторону, где Джек демонстрировал Ив окружающие скалы.

— Прости, нет, я не об этом думала, — сказала я. — Совсем о другом.

— Маршрут довольно длинный. Здесь почти все такие. Триста метров. В путеводителе сказано, что он пятой категории сложности, но с таким уклоном вряд ли это так. Спокойно можно пройти. Вбил крюк, не понравилось — вынул. — Мы улыбнулись друг другу, и вся неловкость прошла. — Ты только посмотри, — продолжил он. — Потрясающе, верно? Прямо как на картинке. Некоторые просто не видят. В общем-то, да, когда она полностью освещена солнцем, разглядеть легче. Но стоит раз заметить — и все. Уже невозможно не видеть при любом освещении. Это как объемное изображение, магический кристалл.

Я пригляделась. Темно-красная стена ущелья нависала над селением. Я видела глинобитные домики розового и терракотового цветов, разбросанные здесь и там, крохотную белую мечеть и такие же маленькие деревья. Огромные скальные образования пирамидальной формы были будто беспорядочно навалены одно на другое. Их острые грани очерчивали иссиня-фиолетовые тени. Невозможно было судить о размерах, все выглядело поистине грандиозно. Следуя указаниям Майлза, я проследила линию огромного гребня, идущую направо от самой высокой вершины, посмотрела вверх и буквально через мгновение увидела то, что он хотел мне показать. Когда это случилось, я взгляда не могла оторвать. Вот это да! Два глаза, прячущиеся глубоко в тени, длинный нос и закругленная морда! Вот она, Львиная Голова! Очень странно, но сомневаться не приходилось. Сердце мое забилося. Я закрыла глаза, и сразу же за львиным образом в моем воображении проступило черноглазое выразительное лицо какого-то юноши.

Глава 10

Черноглазых мужчин в Тафрауте оказалось много, но ни один не был похож на того, которого я видела в своем воображении. Надо сказать, местные берберы были красивым народом с выразительными и весьма привлекательными чертами лица, гибкими и сильными телами. Я смотрела, как они ходят по улицам города в пыльных халатах, курят и разговаривают, шутят друг с другом и смеются, зачастую держась за руки.

— Это у них здесь не редкость, — сказал Майлз, кивая в направлении шагающей рука об руку парочки немолодых уже джентльменов в халатах с капюшонами и в желтых кожаных туфлях без задников, характерных для этого региона.

— Ага, в первый раз мы даже слегка испугались, — добавил Джез. — Думали, здесь все гомосеки.

— Вот они, плоды просвещения, — рассмеялась Ив. — А я считаю, что это очень даже мило. Разве плохо, если мужчина не скрывает чувств, не боится показать при людях свою привязанность и любовь к друзьям, к родственникам? Думаю, что мир стал бы только лучше, если бы все ходили, взявшись за руки.

Джез посмотрел на Майлза, поднял бровь и предложил:

— Может, и мы прогуляемся?

— А что, давай!

Они взялись за руки и пошли по улице явно с расчетом на публику. Местные, как по команде, повернули к ним головы. Поначалу они были явно озадачены, но потом широко заулыбались. Двое мальчишек в футболках с надписью «Манчестер юнайтед», гонявшие мяч по улице возле кафе, где мы пили кофе и листали свои путеводители, захохотали во все горло, показывая на них пальцем, а потом, с жутковатой точностью

пародируя их движения, последовали за ними.

— Не уверена, кто кого лучше передразнивает, — сказала я, но все-таки была рада, что никто из местных не обиделся, глядя, как Джез с Майлзом валяют дурака.

Первые впечатления от городишки были вполне, можно сказать, благоприятные, даже на удивление. Я ведь не знала, что нас может ждать в том месте, где мы собирались пожить. На рекламных фотографиях фигурировали только окрестности, места, удобные для скалолазания. Порой в кадр попадали деревеньки с потрескавшимися глинобитными хижинами, похожие на те, что мы видели под Львиной Головой, очень необычные, потусторонние, что ли. Почти все постройки в Тафрауте были вполне современными. Ряды невысоких домов шли от долины вдоль главной улицы. Первые этажи везде занимали магазинчики и кафе. Я увидела три мечети и гостиницу на холме, построенную в местном старинном стиле. Мы приехали, когда солнце уже опускалось. Женщин на улицах было довольно мало.

— Наверное, добропорядочные хозяйки разошлись по домам готовить для мужчин ужин, — сказала Ив.

Но я была в этом не совсем уверена. Немногие женщины, которые попадались мне, работали на полях или возвращались оттуда домой. Они были с головы до ног закутаны в традиционные в этих местах одежды из черной ткани, которые носились так, чтобы видно было как можно больше рубчиков с искусной, замысловатой вышивкой. На ногах женщин я видела красные кожаные туфли без задников. Они с трудом шагали под тяжестью огромных охапок зелени, собранной, очевидно, на корм скоту. Содержать домашних животных в этой местности, по-видимому, было занятием нелегким. Из растительности по дороге через долину я заметила только кактусы, пальмы, растущие в пересохших руслах речек, и еще какие-то незнакомые мне деревья с прихотливо искривленными стволами и ветками. Они росли на оранжево-красной почве с такой равномерностью и на столь одинаковом удалении друг от друга, что я сразу представила сложную корневую систему, охватывающую под землей территорию каждого из них. Эти корни, как змеи, расплзались во все стороны в отчаянных поисках влаги. Несмотря на атрибуты нашего времени — аптеки, автомобили, спутниковые тарелки, — все говорило о том, что этот регион граничит с пустыней, каменистой, сухой и пыльной. Зарабатывать на пропитание здесь очень непросто. В путеводителе я прочитала, что большинство местных мужчин почти весь год работают где-то вдали от дома, в больших городах Марокко. При этом они не утрачивают ценностей берберского народа, его

практичности, решительности и строгой этики труда, необходимых для процветания маленького бизнеса где-нибудь в Касабланке или в Марракеше, и посылают деньги домой для поддержания семьи. Говорилось также, что контролирующей долину каменный лев, которого мы видели, приглядывает за женщинами, детьми и стариками, пока мужчины далеко. Я и в самом деле заметила, что почти все мужчины, встреченные нами здесь, либо уже пожилые, либо совсем еще молодые. С такой поддержкой местные женщины, должно быть, энергичны, уверены в себе и в своих силах.

Вот, например, идут по улице две из них, наверное, возвращаются с рынка, в руках у них огромные корзины, полные овощей. Возле булочной они остановились обменяться приветствиями с какими-то молодыми мужчинами. Один из них, совсем еще юноша, почтительно взял руку той, что постарше, и поцеловал, потом отпустил и приложил ладонь к сердцу. Прямо XIV век какой-то, поразительная, поистине рыцарская галантность. Я не удержалась и широко улыбнулась, когда женщины продолжили путь в нашу сторону, о чем-то оживленно беседуя друг с другом. Вот они подошли поближе. Старшая, словно почувствовав на себе мой взгляд, вдруг замолчала и свободной рукой быстро надвинула на лицо покрывало, закрыв рот и нос. Ее спутница немедленно сделала то же самое. Они ускорили шаг и быстро прошли мимо, стараясь не глядеть в мою сторону. Я почувствовала укол в сердце. Мне дали понять, что я для них туристка, чужая в их мире. Что ж, так оно, конечно, и есть.

У мужчин, похоже, с межкультурными связями особых проблем не было. Джез с Майлзом быстро нашли общий язык со своими насмешниками и уже гоняли с ними мяч. Скоро к ним присоединились и парни постарше. Они бегали, толкались, кричали и смеялись с не меньшим жаром, чем детишки.

— Ага, — сказала Ив. — Футбол — это язык межнационального общения.

Мы сидели, разговаривали, прихлебывали кофе и наблюдали, как перед нашими глазами проходила будничная жизнь города. Через дорогу, в тени навеса над витриной парикмахерской, лежали две кошки, полосатые, свирепые, как тигры, с хитрющими глазами и длинными лапами. Как и мы, они предавались созерцанию. В метре от них на боку развалилась большая бродячая собака с тремя щенками, присосавшимися к ее сиськам. Люди, выходящие из заведения, переступали через нее очень осторожно, хотя я где-то точно читала о том, что мусульмане собак не любят, считая их нечистыми животными. Никто, похоже, не совал носа в чужую жизнь.

Минута уходила за минутой, мне становилось все легче, спокойней. Маленькая, туго натянутая пружина внутри меня постепенно ослабевала.

Тем вечером мы решили отужинать в ресторане, который Майлз обнаружил еще в первый свой приезд, и тут выяснилось, что в городишке вместе с нами остановились еще как минимум три группы скалолазов. Кто-то успел побывать в баре отеля, единственном месте здесь, имеющем лицензию на торговлю спиртными напитками, и был уже слегка на рогах. Было много криков, визгливого смеха и шума, когда мы шли, спотыкаясь в темноте, по узенькой улочке между стенами глинобитных домов. Вход в ресторан был озарен богато украшенным светильником, обрамлен побегами гибискуса и бугенвиллеи. На внешней стене яркими, несмешанными красками было нарисовано огромное улыбающееся солнце — вполне подходящий символ для такого городишки и отношения его жителей к жизни. Майлз постучал в дверь, через несколько мгновений она открылась, и мы увидели перед собой высокого человека в синем берберском одеянии и красном платке на голове. Сверкая глазами, он оглядел нас — дюжину скалолазов с Запада — волосатиков в потертых джинсах, отравляющих свежий ночной воздух запахом пива, женщин с бесстыдно непокрытыми головами. Мне невольно пришло в голову, что этот человек может подумать о нас, шумных, грязных, не уважающих никого, только самих себя, всех поголовно безбожников, но он заключил Джеза с Майлзом в объятия, умудрившись при этом захватить огромными ручищами всю компанию, и запустил нас внутрь.

— Мой дом — ваш дом! — объявил он по-английски, хотя и с сильным акцентом.

Мы протопали в заведение, послушно сняли в прихожей туфли и альпинистские кроссовки и расселись там, где нам было указано, на табуретки и скамейки с подушками вокруг низеньких круглых столиков. Мы пировали в мерцании свечей на фоне резной штукатурки и яркой парчи на стенах, наслаждались обильно сдобренной пряностями чечевицей и лепешками, мясом ягненка, поданным прямо в таджине,^[34] с черносливом и миндалем, и еще ароматным куриным кускусом с овощами, приправленными ярко-красным соусом. Попробовав его, все мы задохнулись от восхищения и стали умолять написать нам рецепт.

Ресторатор почесал кончик носа.

— Семейный секрет. Главное — приправа из двадцати с лишним пряностей. Если расскажу, как делается, зачем вам больше сюда приходиться? Пропадет все очарование. Тайна — важная вещь в жизни, разве нет?

Произнеся этот монолог, он собрал наши пустые тарелки и проследовал на кухню, шурша синим одеянием.

Мы с Ив, подняв брови, со значением посмотрели друг на друга.

— Какой интересный дядька, скажи?

— Потрясающий, — задумчиво согласилась я.

Мы провели в этой стране всего несколько часов. Нам повсюду встречались люди, сдержанные в манерах, уверенные и непринужденные в поведении. Это казалось весьма привлекательным для человека, привыкшего замечать во всяком лондонце только самонадеянное и нахальное желание показать свое пресловутое превосходство над всеми другими, его неистребимую жажду в каждом видеть соперника, маскирующую неуверенность в себе и недоверие к другим людям.

— Шеи не сверните, — сказал Джек, насмешливо глядя на нас с Ив, когда мы с любопытством пытались заглянуть со своих мест в недра кухни. — Уже опоздали. В прошлом году он познакомил нас с женой.

Потом разговор естественно повернул в русло альпинизма, скалолазания. Мы поговорили и о планах на следующий день. Компания подобралась смешанная по возрасту, возможностям и амбициям. Кроме нас с Ив тут оказались еще три женщины. Одной, в прическе которой пробивалась седина, было уже явно за пятьдесят, две другие, Джесс и Хелен, выглядели помоложе и поярче. Они щеголяли скорее округлостями, чем извилинами. Из пятерых мужчин, не считая Джека с Майлзом, двое были средних лет и трое — совершенные юнцы, глупые позеры. Они то и дело хвастали, какие маршруты хотят покорить.

— Тут целые гектары девственных непроходимых скал, — вещал блондин с видом главнокомандующего армии-победительницы, который собирался силой завоевать любовь всех девственниц города. — Каждый маршрут — конфетка. Они ждут не дождутся, когда мы по ним пройдем.

Хелен наклонилась через стол, заглянула Джеку в глаза, захлопала ресницами и заявила:

— А мне показалось, что тут очень сложные горы. То есть маршруты, я хочу сказать. Мы с Джесс вот что подумали. Может, вы с Майлзом не против взять завтра нас с собой? Вы ведь уже здесь побывали, все знаете, будете нам проводниками, что ли. Познакомите с обстановкой, со скалами, а?

Она призналась, что прежде никогда не лазила по скалам в естественной среде.

На лице Майлза сразу нарисовался неподдельный ужас, но Джек оказался добрей товарища.

— Очень жаль, девочки. Мы-то с удовольствием, да вот только уже обещали взять с собой завтра Ив и Из. Попробуйте потренироваться на граните. Там есть даже пара вполне проверенных маршрутов. Думаю, вам как раз подойдет. Технически они сложные, зато неопасные.

Хелен чисто по-женски бросила на меня ревнивый взгляд такой силы, что мне показалось странным, почему от меня не осталась кучка пепла. Я слегка пожала плечами — мол, не собираюсь с тобой тягаться, милая, — зато Ив наслаждалась каждым мгновением возникшей ситуации.

— Да, мы собираемся взять Львиную Голову, а что? — небрежно сказала она и положила руку Джезу на бедро, будто оно уже было ее собственностью.

Лицо его сразу застыло. Он изо всех сил пытался не выдать своих чувств.

Пожалел бедных девушек человек, который был самым старшим из нас, с бледным траурным лицом и в очках. Он находился здесь с женой, той самой женщиной с сединой в короткой прическе, и ее братом.

— Завтра мы идем по скале, которая прямо над Умснатом, — обратился к Элен этот мужчина. — Там только один уклон, есть много хороших маршрутов для начинающих. Хотите, пойдете с нами.

Я видела, что Элен не собирается сдаваться без боя, но, к счастью, наша милая беседа была прервана хозяином ресторана, вернувшимся к нам с большим подносом, на котором стояли серебряный чайник и дюжина стаканчиков. За ним шла блондинка в марокканской тунике. Она оглядела всех нас и усмехнулась, видимо наслаждаясь нашими физиономиями, вытянувшись от изумления, когда из кухни бербера явилась не какая-нибудь вездесущая матрона, закутанная во все черное, а чистокровная уроженка Европы. Она быстро и ловко разлила мятный чай, пуская струю с огромной высоты, чтобы напиток в маленьких красивых стаканчиках дал пену, расставила их перед каждым вместе с изысканно маленьким миндальным печеньем.

Дойдя до меня, женщина вдруг остановилась как вкопанная, наклонилась и сказала:

— Какая красивая вещица. Здесь купили?

Я совсем забыла, что на мне амулет, а наши скалолазы так увлеклись разговорами о спорте, что не обращали на него внимания. Я притронулась к нему кончиками пальцев и вдруг почувствовала, что он теплый, словно вобрал в себя тепло горящих свечей, прекрасной еды и всей атмосферы, сосредоточил его в своих красных кристаллических дисках.

— Мм... Нет. Это... Мне подарили.

— Вы знаете, что это такое?

— Немного, — осторожно ответила я.

— Сомневаюсь, что эту вещицу изготовили в Шеффилде, — усмехнулась жена ресторатора. — По всему видно, что она сделана человеком пустыни, в крайнем случае мастер старался, чтобы было похоже на предмет, сработанный кочевниками. Тафраут стоит на древнем торговом пути из Сахары в Тарудант и дальше к побережью. В украшениях, которые делают здесь, заметно южное влияние.

— Это и вправду изготовлено в пустыне? Вы уверены?

Она засмеялась и ответила:

— Извините, нет, конечно, я не знаток. Но вы поспрашивайте вокруг. У Мхамида есть похожие ожерелья, у него лавка в торговом квартале. У Хусина тоже. Если хотите узнать побольше об этой штучке, поинтересуйтесь у них.

Тут рядом с ней возник ее муж, посмотрел на меня блестящими черными глазами и посоветовал:

— Вам стоит поговорить с Таибом. Это мой родственник, знаток всяких древностей, у него бизнес в Париже. — Мужчина произнес это слово на французский манер: «Пари». — Сейчас он как раз здесь, в Тафрауте, у него vacances.^[35] Если хотите, я договорюсь о встрече.

— Нет-нет, спасибо, вы очень добры, но не надо, — ответила я, и мне вдруг стало отчего-то тревожно.

Он пожал плечами и продолжил разливать чай. Я чувствовала на себе взгляды людей, сидящих вокруг. И гнет этих взглядов пригибал меня книзу и очень тяготил. Мне казалось, что наливается тяжестью и мой талисман. Я постаралась поскорей избавиться от этого неприятного ощущения и закрыла глаза. Какой-то страх черной волной поднимался у меня в груди. Такого я не испытывала даже в самые критические моменты. Например, во время восхождения на вершину Бабл Мемори я прошла уже половину маршрута и застряла среди мягкого и хрупкого известняка. Любая опора крошилась под ногами. Сейчас меня бросало то в холод, то в жар, и сердце бухало в груди, как молот. К горлу подступила желчь. Я старалась проглотить ее, усилием воли заставляла себя дышать ровнее.

«Убирайся прочь», — яростно приказала я.

Надо загнать этот страх в область затылка, где я прятала все, что не должно вылезать наружу. Я сжала амулет в ладони, и мне показалось, что он тоже пульсирует в такт с моим сердцем, все медленней и медленней. Я открыла глаза. Никто на меня не смотрел, даже Ив. Подруга сверлила Дджеза взорами, ловила каждое его слово, так и льнула к нему с раскрытым

ртом и сияющими глазами. Даже смотреть в них было больно, поэтому я отвернулась. У меня было такое чувство, будто они сидят передо мной голые, покрытые потом. Меня даже мучила совесть, словно я несла за подругу, взрослую женщину, какую-то ответственность. Я убрала амулет под свитер, прислушалась к тому, о чем говорят, но в тему общего разговора въехала с трудом.

В ту ночь я несколько раз просыпалась. Меня будил унылый лай бродячих собак, а уже перед самым рассветом раздался призыв муэдзина к утренней молитве. Я лежала на узенькой односпальной кровати и прислушивалась к дыханию Ив, посапывающей в другом конце комнаты. Меня мучили обрывки сна, мерцающие на краю сознания. Я старалась припомнить, о чем он, но сон от меня ускользал, оставляя лишь неопределенное чувство страха, словно случилось нечто ужасное, а я этого не знаю. Я будто получила некое предсказание или предостережение, и это непременно скажется на моей дальнейшей судьбе.

Глава 11

Мариата сидела на корточках под навесом, сооруженным из пальмовых веток в стороне от стоянки, и смотрела, как искусные руки женщины-кузнеца обрабатывают раскаленный добела кусок железа. Молот ее размеренно поднимался и падал, и монотонный ритм ударов убаюкивал девушку. В такой работе было что-то подлинное, первобытное. Это восхищало Мариату, но в равной степени и отталкивало. По правде говоря, нечто похожее она испытывала и к самой женщине-кузнецу. Мариата жила в этих местах уже давно, не один месяц. Теперь здесь ее новый дом. Она чуть ли не каждый день приходила в кузницу и наблюдала за работой инедена, но все еще не знала, как относиться к этому существу по имени Тана с большими сильными руками и маленькими, но явно женскими грудями, одетому в мужскую одежду, но всегда со свободно свисающим лицевым покрывалом. Обрабатывать металл на огне должны только мужчины, для женщин это занятие — табу. Приходить сюда и наблюдать за работой кузнеца им тоже нельзя. Пусть Тана — женщина не простая, не как все остальные, да ведь и Мариата тоже не из их числа. Не зря же ее так тянет сюда, не просто так искусство кузнеца волнует ее, находит странный отклик в груди. Может быть, в этом ремесле есть нечто подобное поэзии? Как из отдельных слов вдруг возникает складное стихотворение, так и Тана берет бесформенный кусок железа или серебра. Она непрерывно постукивает по нему, наблюдает за ним требовательным глазом, издает негромкие восклицания, когда видит несовершенство своего изделия, снова с жаром набрасывается на металл, осторожными легкими ударами подчиняет его своей воле, придает ему нужную форму. Вдруг они чем-то похожи друг на друга — девушка из древнего рода и это странное существо, лишь отчасти принадлежащее племени и во многом чуждое ему?

Может быть, после долгих часов, проведенных рядом с Амастаном, у Мариаты возникает потребность в человеке, который общается с духами и мог бы понять изнурительные требования, предъявляемые такой работой. Наверное, девушка нутром чуяла, что могла выслатать сдерживаемых духов в пылающее пламя этой кузницы.

Похоже на то, что изделие, над которым Тана сейчас работала, оказалось гораздо более упорным, чем обычно. Эта полуженщина-полумужчина держала его в изящных щипчиках и искоса рассматривала критическим глазом. Блики огня в горне кузницы придавали жестким чертам ее лица некий зловещий красноватый отблеск. Это был ключ, длиной с ладонь, с зубчиками по всей длине и с особой насечкой. Он должен открывать искусно сработанный замок, который Тана сделала накануне. Его повесят на огромный деревянный сундук с сокровищами вождя племени. Мастерница сейчас держала его перед глазами и смотрела на Мариату через ажурное кольцо на конце его — символ Вселенной. С другой стороны ключ заканчивался полумесяцем — символом бесконечного неба.

— Так что, он уже говорит с тобой?

Мариата покраснела, опустила глаза и уставилась на монету, которую вертела в руке. Она взяла ее из кучи серебряного лома, который Тана переплавляла и по заказу делала из него украшения.

— Сегодня утром, когда я принесла ему кашу, он заговорил.

Она не сказала Тане одного. До этого она имела дело только с неконтролируемыми вспышками гнева или страха, которые исходили из каких-то темных глубин его существа, где хранились воспоминания, вызванные каким-нибудь словом в ее стихотворении или движением. Эти взрывы эмоций только пугали ее и нередко вынуждали бежать прочь. Вместе с первыми словами, обращенными непосредственно к ней, Амастан легко дотронулся до тыльной стороны ее ладони. Это прикосновение, как удар молнии, потрясло ее до основания.

Неподвижное лицо Таны оставалось бесстрастным. В ответ на слова девушки по нему не пробежало и слабой тени какого-нибудь чувства.

— А ты уверена, что говорил с тобой Амастан, а не злые духи, засевшие в нем?

Мариата перевернула монету, продолжая сосредоточенно ее разглядывать, и только через несколько секунд поняла, что смотрит не на случайное сочетание линий и борозд на куске мертвого металла, а на рисунок, в котором наглядно отразились реалии живого мира. Изображения на коврах или платках были совсем другого рода, да и сами ткани сделаны

из живых материалов. Шерсть давали овцы или верблюды, хлопок прежде был растением, возделываемым по берегам рек. Но в изображениях на металле что-то было не так. Мариата снова перевернула монету и повертела ее. С одной стороны была изображена хищная птица с двумя головами, распростертыми крыльями, маховыми перьями, растопыренными как пальцы, с другой — профиль какого-то толстяка неопределенного пола. Вокруг его головы по краю монеты шли непонятные знаки.

— Кто это? — спросила девушка, показывая Тане кружочек металла. — Мужчина или женщина?

Та нахмурилась и поинтересовалась:

— А что, это так важно знать?

Мариата никогда прежде не видела изображения человека, да и вообще живого существа, которое выглядело бы реальным, как в жизни. Последователи новой религии, именуемой исламом, говорили, что такие изображения — богохульство, неуважение к Аллаху, что нельзя имитировать творение Всевышнего. Изображения, которые они вышивали на своих плетеных коврах, были очень стилизованы. Верблюды изображались в виде треугольников, крупный рогатый скот обозначался ромбами, а пунктирными кружочками — лягушки, символ плодовитости и изобилия. Но девушка еще никогда не видела такой подробности и точности. Можно было разглядеть завитки волос или складки одежды, ниспадающей с плеча. Она поднесла серебряный кружочек ближе к глазам и всмотрелась в изображение. Знаки, идущие по краю, были совсем не похожи на символы тифинага,^[36] но Мариата почему-то не сомневалась в том, что так передаются слова какого-то языка. Она сама не знала, откуда возникла эта уверенность, просто интуитивно чувствовала ее.

— Может быть, и важно, — ответила девушка. — Да и интересно. Просто хотелось понять.

— Ишь ты, всем почему-то хочется знать, мужчина это или женщина. — Тана широко улыбнулась, хотя глаза ее оставались холодными. — Такой вопрос я читаю на губах людей, даже если они молчат. Он горит в их глазах бесплодным ненасытным пламенем, готов слететь с их языка, как пчела, которая жужжит на весь мир, дрожа от сознания своей значительности. Как же это узнать? Прокрасться вечером в шатер и подсмотреть, какие органы скрываются под одеждой? Или прижаться в толпе и все почувствовать, делая вид, что просто проталкиваешься мимо?

— Извини, я вовсе не это имела в виду. — Мариату охватило смятение. — Я просто хотела узнать, почему на монете изображен человек

и кто он такой.

— Монета называется талер, на ней изображена женщина, ее звали Мария Терезия. Она была великая царица, королева. Монета отчеканена во время ее царствования в восемнадцатом веке по христианскому календарю.

— Никогда про нее не слышала.

Тана засмеялась. Ее тяжелые серебряные серьги запрыгали, в них засверкали отблески пламени.

— Еще бы, ты же по прямой ведешь свой род от самой Тин-Хинан и считаешь, что в мире была только одна великая царица, так ведь? Для тебя, Мариата из Хоггара, будет новостью узнать, что в мире было и есть много цариц, а также стран за пределами той, которую ты знаешь. Мария Терезия была больше, чем просто королева. Императрица Священной Римской империи, королева Венгрии, Богемии, Хорватии и Славонии, эрцгерцогиня Австрии, герцогиня Пармы и Пьяченцы, великая герцогиня Тосканы, мать Марии Антуанетты, супруги короля Франции Людовика Шестнадцатого, которому собственный народ отрубил голову.

Мариата ничего не слышала об этих странах, кроме разве что Франции. Их незнакомые названия влетели в одно ухо и вылетели в другое. Но последний факт заставил ее задрожать от страха.

— Ему отрубили голову? — переспросила она, во все глаза глядя на Тану.

— Да, на гильотине. Это такой большой нож, который поднимают на веревках, а потом отпускают. Он падает и отсекает голову.

Тана ладонью рубанула воздух с такой силой, что Мариата вздрогнула.

— Но ведь если в момент смерти голова и тело отделяются друг от друга, душа человека будет вечно скитаться и не найдет покоя. Кель-Асуф рано или поздно схватит ее, и она станет духом пустыни.

Да-а, хуже судьбы для человека не придумаешь. При одной мысли о такой доле девушка содрогнулась. Столь же страшная участь ждала и дочь великой королевы. Она вдруг представила себе, как холодное острое лезвие касается ее шеи...

— Какие жестокие люди.

Тана свесила голову набок, словно тоже размышляя об этом.

— В мире много жестоких людей. Кель-Асуф может быть вполне доволен.

— Откуда ты все это знаешь?

— Ты думаешь, я жила здесь всю жизнь? Я ездила по свету гораздо больше, чем ты можешь представить.

— Я считала, что здесь твой дом.

— Инедены всегда странствуют по миру. Мы не только умелые кузнецы. Нам приходится разносить людям новости и послания. Мы храним знания всего народа, и еще нам известно такое, чего люди не ведают, да и не хотят.

Мариата не знала, как понимать это последнее утверждение, и спросила:

— Значит, ты ходила соляными дорогами?

Тана взяла в руки напильник, провела им по кромке ключа, криво усмехнулась и ответила:

— И буквально, и символически. Мой отец был странствующий кузнец, он часто сопровождал караваны. А мать — рабыня из этого племени. Сначала они ко мне относились как к мальчику. Возможно, отец даже не знал моего секрета. Мать всегда держала меня закутанной и называла сыном. А кто усомнится в ее словах? У отца я выучилась ремеслу, с ним и путешествовала. С караваном я пересекала Джуф.^[37] Мы перевозили соль из Тауденни в Адаг, в Аир и даже на твою родину, в Хоггар. Потом пришло время, у меня начались месячные, стала расти грудь.

— Что ты стала делать? — Мариата слушала ее, наклонившись вперед, как зачарованная.

— Сначала привязывала тряпки между ног и писать стала тайком от всех. Ни перед кем не раздевалась. Это было нетрудно. В пустыне не моются и даже не снимают одежду. Но потом влюбилась в одного человека из каравана.

— Ты сказала ему об этом?

— О чем? Что я люблю его? Или что я «не такой, как другие мужчины»? — Тана все скребла напильником, скрежетала им по металлу, чуть помолчала и продолжила: — Не такая, как и другие женщины, коли на то пошло. Нет, я не стала говорить ему ничего, хотя смотрела на него такими влюбленными глазами, что по вечерам он стал избегать меня. На протяжении всего долгого путешествия, когда солнце жгло меня, как огонь, и кругом не было ни капельки воды, я думала, что умру не от жары и жажды, а от любви. Стоило мне посмотреть на него, как он сразу отворачивался, и я чувствовала, что в сердце мое вонзается острый нож. Когда он смеялся с другими мужчинами и сразу умолкал, если я проходила мимо, мне хотелось плакать навзрыд. Когда мы прибыли в его родное селение, он объявил, что женится. Невеста его была ему двоюродной сестрой. Я ушла в открытую пустыню, легла на песок и умоляла Аллаха послать мне смерть. Я сказала Ему, что готова, настал мой час. Но Он не

взял меня, и вот теперь я здесь и вполне довольна своей судьбой. Я приняла свое место в этом мире, смирилась с тем, что никогда не стану кому-нибудь ни мужем, ни женой. Но все равно ты должна знать: я понимаю, что значит любить мужчину.

У Мариаты было такое чувство, будто она кусочек прозрачного цветного стекла из тех, что эта женщина-кузнец вправляет в свои изделия. Зорким орлиным взглядом она видит ее насквозь. Сердце девушки часто билось, и толчки крови передавались монете, которую она крепко сжимала в пальцах.

— В страстной, горячей любви нет ничего хорошего, дитя мое. — Тана опустила ключ и напильник. — Смотри, вокруг тебя пустыня. Зачем же делать так, чтобы она была и в твоём сердце?

— Человеку нужно, чтобы кто-нибудь любил его.

— Ему хватит того, что его любит мать, — сухо сказала Тана.

— Чтобы разыскать меня, она пешком пересекла пустыню, потому что верит, что я могу ему помочь. Я должна его исцелить, понимаешь! Ему станет лучше, я это знаю.

— Ты еще молода, а молодые не слушают старых, особенно если это касается дел сердечных. — Тана покачала головой. — Не сомневаюсь, до твоих ушей дойдет много слухов. Сама я не очень-то доверяю им. Небеса свидетели, за свою долгую жизнь я достаточно пострадала от них. Но вот что я скажу тебе, деточка: держись подальше от Амастана. Он пахнет смертью. Не похоже, что этот человек может принести счастье тому, кто ему близок, дух от него не тот. — Тут по спине Мариаты побежали мурашки, а женщина-кузнец продолжала: — Задай себе вопрос: почему злые духи преследуют его, не дают ему покоя? Из-за тех жизней, которые он у кого-то отнял, или из-за тех, которые ему еще предстоит забрать?

Потрясенная Мариата смотрела на нее во все глаза. Она просто не могла поверить в то, что Амастан — убийца.

— В него и вправду вселились злые духи. Они преследуют Амастана даже во сне. Но это не его вина, — твердо произнесла девушка. — Их притягивает предмет, который он зажал в руке.

— Ты видела, что это такое?

— Какой-то амулет. На нем засохшая кровь.

Инеден слегка присвистнула... Впрочем, может быть, этот звук вылетел из пылающего горна.

— Когда он впервые явился сюда, в нем было много от отца, — сказала она. — Например, язык, острый как у гадюки, да и злости ему хватало. Первое впечатление о человеке остается надолго. — Тана

поднялась на ноги и прошла по кузнице. — Но когда он пришел ко мне с тем амулетом, надо было бы помочь ему. Все поступки влекут за собой последствия. Вещи возвращаются и начинают тебя преследовать.

Из простой кожаной коробочки Тана достала небольшой мешочек, перетянутый черной ниткой, и повесила Мариате на шею. От него шел неприятный запах плесени. Девушка наклонилась и подумала, что внутри лежит какая-нибудь куриная лапа, а вместе с ней еще что-нибудь в этом роде.

— Этот гри-гри удержит тебя от необдуманных поступков, — заявила Тана. — Но я очень надеюсь, что ты никому не скажешь о том, что сейчас увидишь. Очень трудно быть инеденом и не добавить к своей репутации обвинения в колдовстве, если ты не вполне мужчина.

Мариата округлила глаза.

— Ты колдунья?

— Не совсем так, дитя мое, нет-нет. Просто я умею гадать и время от времени разговариваю с духами. Но здесь всегда найдутся люди, которым нужен повод, чтобы изгнать меня из племени, несмотря на то что я существо слабое.

Высокая женщина-кузнец совсем не казалась слабой. Куда там, с такими мускулистыми руками, огромными кулаками и дородным телом. К тому же на черном, цвета древесного угля, лице ее ярко сверкали живые, полные страсти, карие с золотинкой глаза.

— Пойдем-ка навестим Амастана, и я посмотрю, что там можно сделать.

Увидев, что они входят, Амастан поднял лицевое покрывало и прижался спиной к стенке своего убежища. Мариата подумала, что теперь он похож на собаку, которая боится, что ее сейчас станут бить. Когда они подошли к нему ближе, он не отрываясь смотрел на Тану.

— Амастан, сын Муссы, пора тебе расстаться со своим амулетом. — Женщина-кузнец подошла к нему и протянула руку ладонью кверху.

Амастан продолжал смотреть на нее широко раскрытыми глазами. Правую руку он крепко прижал к груди, а левой придерживал лицевое покрывало, словно оно могло защитить его от инедена. Несколько долгих секунд они стояли неподвижно. Потом Тана заговорила нараспев на языке, которого Мариата не понимала, хотя и слышала имя Амастана, повторяемое снова и снова меж незнакомых, монотонно звучащих слов. Достав из-под платья кусок серебра на длинной нитке, Тана принялась раскачивать его перед ним из стороны в сторону. Видно было, как сверкают

глаза молодого человека. Он не мог оторвать их от раскачивающегося маятника.

Так продолжалось долго, у Мариаты стала кружиться голова.

Наконец Тана прекратила свое мелодичное бормотание и отчетливо проговорила:

— Этот амулет держит тебя в плену, Амастан, сын Муссы. Ты должен отдать его. Духи, томящиеся внутри него, должны быть отпущены на свободу. Жестоко держать их там в неволе. Это касается и тебя тоже. Я не прошу отдать амулет мне. Я знаю, ты меня боишься, как и те духи, которых ты стережешь. Отдай его той, чье сердце открыто для тебя.

Она слегка кивнула Мариате, и та шагнула ближе.

— Отдай амулет, Амастан, сын Муссы. Протяни его Мариате, дочери Йеммы, ведущей свой род от Тин-Хинан, пусть она примет его у тебя. Вложи амулет ей в руку. Ну?

Сердце девушки успело сделать несколько гулких ударов, воздух, разделяющий их, будто сгустился и застыл. Амастан, словно во сне, послушно разжал пальцы правой руки и протянул талисман.

Продолжая все так же раскачивать маятник, не отрывая глаз от его лица, Тана тихо продолжила:

— Прими же его, Мариата. Забери у него амулет, не медли. Только ты можешь это сделать, а от злых духов у тебя есть защита, даю слово. Видишь, он доверяет тебе.

Но Мариата все не решалась коснуться амулета. Вдруг злые духи сейчас роем вылетят из него, набросятся на нее и всю оставшуюся жизнь она будет одержима ими? Мариата сойдет с ума, все отвернутся от нее, и она будет обречена жить вне общества, влачить жалкое существование в убогом шалаше, подобном этому вот, скитаться в поисках куска хлеба, как больная собака. Но прочь эти мысли! Ведь сейчас в ее руках жизнь Амастана, она может спасти его. Тана сказала ей так, и, несмотря на всю странность этого существа, Мариата верила, что это правда. Она быстро опустила перед Амастаном на одно колено и взяла амулет, к которому был подвязан длинный шнурок, унизанный яркими черными бусинами. Ей почудился мгновенный трепет в ладони, словно амулет отдал ей силу, накопленную от Амастана, и замер.

Амастан с трудом оторвал взгляд от маятника Таны и посмотрел на Мариату. Потом он нахмурился, заглянул в свою пустую ладонь, хранившую след амулета, и скривился еще больше. Юноша поднял голову, посмотрел на Тану и тут же снова перевел внимательный взор на Мариату. Наклонившись так, чтобы Тана ничего не заметила, он отнял от лица

другую руку, и покрывало упало. Мариата смотрела на него и глаз не могла оторвать. Второй раз в жизни она видела обнаженное лицо взрослого мужчины, но этот жест, в отличие от высокомерного неуважения Росси к принятым нормам поведения, открывал для нее незащищенность и уязвимость Амастана и был дорогим подарком. Да и лицом юноша совсем не походил на двоюродного брата. Черты его были тоньше, изящней. Щеки, слегка отливающие голубизной под клочковатой бородой, оказались совсем светлыми. Перед ней стоял человек, повидавший мир, потрепанный ветрами пустыни, мужчина, закрывающий лицо тагельмутом, ярко-синяя краска которого въелась ему в кожу. Он склонил голову, провел ладонью по лицу, ощупал непривычно жесткие волоски, пробившиеся на щеках и подбородке, и снова не торопясь плотно обмотал лицо покрывалом.

— Попросите, пожалуйста, мою мать, пусть принесет мне бритвенные принадлежности и тазик с водой. Мне хочется посмотреть на свое лицо, — проговорил он. — Передайте ей: я твердо обещаю, что не стану резать себе бритвой горло.

С этого дня Амастан вернулся в родное племя, хотя пока старался держаться в стороне и почти не общался с другими мужчинами. Впрочем, многие сами его избегали, лишь издали, украдкой, бросали подозрительные взгляды. Мать ухаживала за ним, как за больным, который идет на поправку, готовила ему особые блюда, отдавала свои порции мяса. Она была очень довольна Мариатой, силе которой приписывала чудесное обретение сыном собственного «я». Поначалу девушка не знала, как к этому относиться. Не рассказывать же Рахме о роли Таны в чудесном исцелении, ведь она и сама толком не понимала, как все произошло. То ли женщина-кузнец применила какой-то странный колдовской прием и злые духи ушли по собственной воле, то ли Амастан и в самом деле вернул себе рассудок, расставшись с амулетом. Или же он просто решил, непонятно по какой причине, прервать свое долгое и тревожное одиночество — истиной могла быть любая из этих возможностей. Мариата лишь улыбалась и радовалась тому, что Амастан снова здоров. Она ведь смогла помочь ему.

— Можешь жить с нами сколько твоей душе угодно, — говорила Рахма... Будто у Мариаты был выбор. — Ты для меня теперь как родная дочь.

— Ты очень добра ко мне, — отвечала та, принимая формальное приглашение, но пряча при этом глаза.

Девушка понимала, что старуха вряд ли желает, чтобы ее считали сестрой Амастана. Она отмыла амулет от крови и стала носить его на груди под одеждой, поближе к сердцу.

Глава 12

В нашу первую ночь в Тафрауте мне снились какие-то кошмары. На следующий день, во время двухчасового перехода по потрясающе красивой скалистой местности к подножию Львиной Головы, обрывки этих ужасов продолжали меня изводить. В течение целых четырех часов мы, разбившись на пары — сначала я с Майлзом, следом за нами Джек с Ив, — шаг за шагом продвигались вверх по трехсотметровому маршруту. Я старалась проходить участок за участком с куда большей осторожностью, чем это было характерно для моего обычного стиля, ощущая, как глубоко внутри шевелятся эти тревожные сны. Я как можно более аккуратно ставила ногу на опору и сознательно заставляла себя проверять ее прочность, прежде чем перенести на нее вес. То же самое с каждым страховочным крюком, узлом и стяжкой, в точности как рекомендовалось в учебнике, но с такой невротической тщательностью, что Майлз, могу поспорить, с ума сходил от нетерпения. В общем, мне было ясно, что он с большим удовольствием предпочел бы идти в связке с Джеком, легко и быстро, в альпийском стиле. Но ему повезло. Честно выполнив свою долю работы и уступив ему место ведущего, далее я исполняла свои обязанности достаточно оперативно. Ив, как самая неопытная из нас, весь маршрут шла в качестве ведомой, то есть впереди постоянно продвигался Джек, что неизбежно влекло за собой долгую и утомительную возню с веревками на каждой страховке, обязательные стычки и дальнейшие задержки.

Несмотря на чудесный солнечный день и прекрасный маршрут, на то, что шли мы по большей части неплохо, а порой даже очень хорошо, на последних двух участках Майлз начал потихоньку ворчать и ругаться. Вскоре мы достигли ключевого траверса под обширным и практически непроходимым потолком — длинным, уходящим в сторону, осыпающимся

каменным козырьком, верхние слои которого из-за длительного попеременного воздействия жары и холода потрескались и отслаивались тонкими пластинами. Тут он не выдержал и стремительно двинулся через него в сторону, не задерживаясь, чтобы поставить для меня хоть какую-то страховку. Я сердито травила веревку. Такие длинные траверсы опасны как для первого номера, так и для второго. Свалишься на вертикальном участке, и веревка всегда останется сверху, поэтому будешь падать метр, от силы два. Но если сорвешься на траверсе вторым номером, то будешь лететь от того места, где был, до точки, над которой первый номер закрепил страховку. В моем случае это добрых метров двадцать. Я не выдержала и глянула вниз. Прежде я всегда это делала без особого страха, но тут до меня вдруг дошло, что траверс глубоко подрезан. Когда я начну по нему восхождение, подо мной окажется пропасть глубиной не меньше пятидесяти метров. Пожалуй, даже больше, но точно просчитать расстояние тут невозможно. Внизу виднелись маленькие зеленые пятнышки деревьев на оранжево-розовом фоне каменистой почвы и крохотные точки, черненькие, как муравьи, вероятно козы.

Я обернулась, но Майлз уже скрылся из виду за краем скалы наверху, и веревка больше не шевелилась. Я посмотрела налево. Далеко внизу маячила синяя бандана на голове Джеза. Она медленно, скачками ползла вверх, это парень проходил очередной участок. Ив за неровностями скалы не было видно. Я осталась совершенно одна. Искушение подождать, пока Джез доберется до нужного выступа, чтоб подстраховать меня, было огромно. В тени нависающего козырька было холодно, темно и одиноко. Да и само по себе это местечко не для слабонервных, особенно если тебя ждет перспектива карабкаться дальше. Но уже через пару минут веревки три раза дернулись. Это был сигнал, что Майлз достиг безопасного места и закрепил анкер. Я отцепила веревки от страховочного приспособления и смотрела, как они ползли по скале, пока не натянулись на моей беседке.^[38] Дерг, дерг, дерг! Это следующий сигнал, значит, он взял меня на страховку. Чего только я в этот момент про него не подумала. Дрожащими руками я сняла приспособление, которое держало страхующую веревку, и тоже дернула. Мол, готова подниматься. Я прикоснулась к амулету, который на счастье накануне прицепила к беседке сзади, чтоб не повредить, и начала подъем по траверсу. Первые два движения я проделала, дрожа от страха. Мне казалось, что я абсолютно не защищена. Теперь меня с Майлзом связывала вся длина веревки. Одно неверное движение — и я сорвусь, повисну на ней, как на маятнике, и изо всей силы шмякнусь о скалу. В лучшем случае это грозит ободранными ладонями и исцарапанным лицом.

В худшем — страховка не выдержит нагрузки, и мы оба полетим с горы в пропасть. Дрожь в ладонях перешла в мышцы рук, а потом и бедер, в колени. Я балансировала на одной ноге, опираясь на выступ, несчастные пять сантиметров крошащегося камня. Для рук не было никакой опоры вообще, обе ладони прижимались к кварцитовой поверхности, совершенно ненадежной, если не сказать больше.

«Возьми себя в руки, Иззи, — горячо убеждала я себя. — Возьми себя в руки, черт бы тебя подрал! Ты висишь на веревке и никуда не денешься, ничего страшного с тобой не случится».

Прижавшись всем телом к скале, я еще раз попыталась найти что-нибудь рядом. Нет ни одной приличной опоры. Еще движение — и носок угодил в трещину. Крохотный камешек под подошвой сорвался и полетел вниз, звонко стучаясь о скалу. Слышно было затихающее «щелк-щелк-щелк», а потом все затихло. Он упал в пропасть. Мелкая дрожь сменилась крупной. Меня било как в лихорадке.

«Вот зараза! Иззи, возьми же себя в руки. Маршрут-то всего пятой категории сложности».

Я снова посмотрела вниз, как можно лучше устроила левую ногу в щели, чтобы перенести вперед правую, и пошарила вверху рукой. Ничего интересного, за что можно ухватиться. Все тело мое дрожало, когда я готовилась перенести вес, и вдруг на глаза мне попались свисающие веревки. Между мной и моим невидимым страхующим висела огромная петля. Заскучавший и раздраженный Майлз не подтянул веревку вовремя, как должен был сделать.

— Натягивай! — закричала я, но мой вопль отлетел куда-то в сторону.

Впрочем, мне пришло в голову, что я могла бы потерять равновесие, натяни он веревку сейчас. Черт возьми. Я сделала глубокий вдох, чтоб успокоиться, и перенесла вес вправо...

Кусок кварцита величиной с кирпич вывернулся из-под моей опорной ноги, и я полетела вниз, то и дело входя в соприкосновение со скалой. Все происходило так быстро, что я не успела даже взвизгнуть или почувствовать боль, результат крепких ударов о скалу лодыжкой, скулой, носом, бедром, коленом, лбом. В ушах моих послышался отчаянный крик, пронзительный и какой-то нереальный. Вот только откуда он донесся? Снизу или прозвучал у меня в голове? Да кто его знает. Я ожидала, что сейчас провалюсь в пустоту и мне придет конец, как вдруг наткнулась на какой-то выступ. Толчок был резким и таким сильным, что чуть не вывихнул мне бедро. Падение прекратилось. Я болталась в воздухе как-то боком, лицом вниз. Странно. Если бы меня удерживали веревки, то я

висела бы вертикально, физиономией или спиной к скале, но никоим образом не под этим странным углом. Я посмотрела вверх. Веревки, яркие змеевидные твари, розовая и голубая, безвольно болтались высоко вверху, выделялись на фоне темно-красного кварцита и демонстрировали совершенное равнодушие к моей судьбе. Я висела, боясь пошевелиться, едва осмеливаясь дышать. Значит, меня держит не веревка, а беседка. Вероятно, одной из ее петель я зацепилась за какой-нибудь острый выступ скалы. Меня снова охватила паника. Эти петли не приспособлены для того, чтобы выдерживать ударную нагрузку. В любой момент она оборвется, и я полечу со скалы.

Я медленно повела головой, чтоб посмотреть, на чем повисла. В глазах стоял туман, в голове звенело от полученных ударов. Несколько тошнотворных секунд я не верила тому, что видела. Этого не могло случиться, такого не бывает, но тут на самом деле вышло так, что мой амулет попал в скальную щель, застрял в ней. Теперь я болталась на его тоненьком кожаном ремешке, зацепившемся за карабинчик на петле беседки. Я выпучила глаза, глядя на фантастическую комбинацию причины, следствия и голого, сверхъестественного везения, и не могла поверить, что это именно так. Потом я заставила себя изогнуться, чтобы достать руками и ногами до скалы и снять свой вес с этой хрупкой, ненадежной опоры, нашла вполне приличный выступ для ноги, рукой ухватилась за другой. Слава богу. Только я успела вздохнуть свободно, как кожаный ремешок амулета лопнул. Я прижалась лицом к скале. Сердце мое билось так сильно, что казалось, будто его удары способны оттолкнуть меня от скалы. Тогда я не смогу удержаться на своих ненадежных опорах.

Чувство опасности скоро одержало верх над головокружением. Я быстренько загнала анкер в трещину, приладила к нему конец обвязки, пропустила его через петлю беседки, снова закрепила и сцепила все карабином. Теперь я осмелела и снова посмотрела на амулет. Вот он. Его заклинило в самой широкой части, и солнце играло на серебристой поверхности. Амулет казался мне совершенно, решительно самодовольным, словно создан был вот для этой самой минуты. Правда, мое падение немного подпортило его. Он погнулся и выглядел грубовато. Теперь, наверное, его оттуда недостать. Придется оставить вещицу здесь, пожертвовать в благодарность Львиной Голове, которая еще раз продемонстрировала, что женщины находятся под ее особым покровительством. Я протянула руку, провела пальцами по внешней кромке амулета, как бы прощаясь с ним... и он выпал прямо мне на ладонь.

Вся дрожа, я сунула его в карман штанов, которые всегда надевала на

маршрут, застегнула молнию, потом бодренько отогнала страх, сняла обвязку и с сердцем, бьющимся, как птичка в клетке, полезла туда, где был Майлз. Карабкаться вверх было намного легче, чем в сторону. Когда я показалась над выступающим краем скалы, где он закрепил страховочный анкер, парень все еще с бешеной скоростью выбирал веревку.

— Не так быстро. Я за тобой не успеваю. — Майлз раздраженно фыркнул, запыхтел, прицепляя меня к анкеру, и только потом наконец-то пригляделся ко мне. — Господи, на кого ты похожа, что случилось?

Я провела ладонью по лицу. Она была вся в крови. Только теперь до меня дошло, что на мне живого места нет. Все тело болело, причем довольно сильно.

— Мм... — ответила я, и дальше дело не пошло, слова застряли в горле.

Я опустила голову, в которой сильно стучало. Сквозь ткань штанов на коленке проступала кровь, коленная чашечка сильно болела, но я инстинктивно понимала, что рана моя гораздо серьезней, чем просто ушиб. Теперь, когда прилив адреналина, вызванный падением и отчаянным желанием добраться до обеспечивающего безопасность страховочного анкера, отхлынул, я ощущала тупую боль в левой лодыжке, и это не сулило ничего хорошего. Я осторожно подняла штанину, чтоб осмотреть повреждение. Лодыжка распухла и нелепым пузырьком вылезала из альпинистской кроссовки. Тут еще обнаружилось, что стоять на этой ноге я не могу. Тошнота подступила к горлу.

— Господи, да что это с тобой? — Теперь и Майлз здорово напугался. — Как ты с такой ногой прошла участок, черт бы его побрал? Можешь пошевелить?

Он выпучил глаза на распухший сустав, но даже пальцем не пошевелил, чтобы осмотреть его внимательней. Более того, я видела, как парень скосил глаза в сторону и посмотрел вниз, на скалу, на пройденный нами длинный и непростой маршрут. Тут-то я и поняла, что он уже прикидывает в голове все трудности спуска, отягченного раненой женщиной. Майлз провел ладонью по лицу. Его жест красноречиво говорил: «Нет, я на это не подписывался».

— Стяну ее ремнем, — быстро сказала я, злясь на себя за то, что вообще допустила эту нелепую ситуацию, доверилась человеку, которого совсем не знаю. — Перевяжу и сверху надену ботинок, будет держать.

Майлз закусил губу и пробормотал:

— Не уверен.

Он будто совсем потерял голову, поправил свою страховку и

направился по каменной плите туда, откуда было видно, далеко ли вторая пара. Я злобно подумала, что он должен был прежде всего закрепить там мою страховочную веревку и следить за своим вторым номером. Но чего вешать на него всех собак? В том, что сорвалась, виновата была я сама. Не проверила опору для ноги и перенесла на нее весь вес, несмотря на все предосторожности, которые предпринимала до этого рокового момента. Скалолазы быстро учатся принимать на себя всю ответственность за свои ошибки и за их последствия. Потому я и любила этот спорт. Причина и следствие здесь прослеживаются четко. Так должно быть и в жизни, хотя редко случается.

Майлз вернулся к страховочному анкеру. Лицо его слегка просветлело.
— Через несколько минут здесь будет Джек.

Он уселся и стал молча ощупывать свое снаряжение. Парень повернул голову в сторону, чтобы не встретиться со мной взглядом, и бесцельно перебирал карабинчики на сбруе. Больше мы не сказали друг другу ни слова. Секунды тяжелого молчания тянулись бесконечно. Минут через пятнадцать над гребнем скалы показалась голова Джеза в синей бандане. Он улыбался, рот до ушей. Видно было, что этот тип страсть как любит, когда марокканское солнце печет ему в спину, пальцы ощущают теплый камень скалы, под ногами бездна. Джек получал удовольствие от каждого своего движения. Впрочем, когда он увидел, в каком я состоянии, улыбка его полиняла.

— Черт побери, Иззи, что это с тобой?

Я подождала, пока он не закрепится на анкере и не будет в полной безопасности, и подробно изложила ему все, что случилось со мной. Разумеется так, как я это себе представляла. Говорить о том, что Майлз был нетерпелив и раздражителен, совершенно не умел или не желал поддерживать с партнером связь и не обеспечил безопасность второго номера, не было смысла. Джек сорвал с себя бандану, намочил ее водой из пакета и вытер мне лицо. Я оттолкнула его руку, взяла тряпку и приложила к носу.

— Не сломан?

Я покачала головой.

— Посмотри на ее лодыжку, — уныло сказал Майлз, глядя куда-то в пространство, словно любовался пейзажем.

Я подумала, что если бы мы были где-нибудь на Эвересте, то он поручил бы меня судьбе и бросил помирать, исходя из принципа «спасайся кто может». Но Джек оказался человеком другой породы. Опытной рукой он провел по моей посиневшей и распухшей лодыжке, а я при этом

старалась, правда без успеха, не морщиться от боли.

— Пошевелить можешь?

Нет, не могу. Только попробовала, сразу застонала.

— Черт возьми, Иззи, дело, кажется, дрянь, — сказал Джек и грязно выругался.

Я изумленно разинула было рот, но он тут же постарался ослабить впечатление, ободряюще подмигнул и заявил:

— Это у нас такая специфическая терминология. Ты, главное, сиди сейчас смирно и не волнуйся. Врач во всем разберется.

Быстрым движением он разорвал свою бандану надвое, связал концы и обмотал мне лодыжку так, чтоб она не двигалась.

— Я хотела надеть ботинок, чтоб меньше шевелилась.

— Боюсь, потом ты его не снимешь. — На лице Джека нарисовалось сомнение. — Дай посмотрю.

Через пару минут он снял с меня горный ботинок фирмы «Саломон», ослабил на нем шнуровку, чтоб тот мог налезть на разбитую лодыжку, нацепил башмак обратно и осторожно, чтобы я не упала в обморок, затянул.

Увидев, что я побледнела, Джек слегка потрепал меня по плечу и заявил:

— Будь спок, вытащим тебя отсюда.

— Очень жаль, что так получилось, — сказала я, хотя извинение далось мне с трудом. — Не лучшее начало для вашего отпуска. Надеюсь, вы не очень верите в приметы.

Майлз промолчал, а Джек пожал плечами.

— В альпинизме всякое бывает. Поэтому мы и любим это дело, верно?

Он стравил петлю на веревке, соорудил узел-восьмерку и закрепил его на своей обвязке, потом спустился пониже, где мог страховать Ив, все время держа ее в поле зрения. Я видела, что Джек показал ей два поднятых больших пальца, и подумала, справится ли подруга с траверсом. Когда она показалась над верхушкой гребня с круглыми от страха и сосредоточенности глазами, я заметила, что петли ее снаряжения были увешаны бегунками. Значит, Джек постоянно следил за ее безопасностью, пока она не прошла весь участок. Потом они с Майлзом обменялись несколькими быстрыми спокойными фразами, которые я не вполне поняла.

Тут Ив доползла до страшующего выступа, закрепилась и сказала:

— Господи, Из, это ужасно. Джек говорит, у тебя перелом.

Этого только не хватало. Зараза. Да, попала я в переделку.

— Может быть. — Я выдавила улыбку. — Зато появилась прекрасная

возможность испытать ваше мастерство спасателей, как думаешь?

Майлз уступил Джезу место ведущего. Тот сделал ужасно целеустремленное лицо, не забыл захватить с собой нужное снаряжение и стропы, а потом пошел вперед, к острому гребню горы. Через некоторое время, то пятясь задом, как рак, то передвигаясь боком на манер краба, он направился по каменной плите обратно.

— Мы переправим тебя через этот участок и спустим с края до верхнего уровня расщелины, — сказал он. — Я тут прикинул. Веревки хватит. Потом Ив тоже спустится и побудет с тобой, а мы с Майлзом пройдем верхний участок и по седловине доберемся до вас. Идет?

— Отлично, — сказала я, стараясь говорить твердым голосом. — Главное — спуститься в расщелину, а там уж я доберусь до машины, даже если придется ползти неделю на заднице. Ив, заканчивай подъем, надо ж тебе поставить галочку. Обо мне не беспокойтесь.

Подруга с ужасом посмотрела на меня.

— Да ты что! Разве можно? Я тебя одну ни за что не брошу.

— Честное слово, я лучше справлюсь сама. Зачем портить вам день? — Голос мой звучал довольно бодро, хотя в груди я особой храбрости не ощущала.

Установка веревок, спускаемых в расщелину, по-моему, длилась целую вечность. Мне делать ничего не дали. В один миг из опытного скалолаза я превратилась в бесполезный груз, который нужно спускать вниз и тащить на себе до конца маршрута. В душе у меня все кипело, и я старалась не думать о том, что ждет меня впереди: спуск, поиски квалифицированного врача. Если нога и впрямь сломана, то остаток отпуска я вынуждена буду провести бесполезной обузой, к тому же изнывающей от скуки.

Используя смешанную технику, в которую входило, в частности, подпрыгивание на заднице, а также скольжение на оной, я добралась до исходной точки перед спуском и заглянула за край. Высоковато. Дай бог, шестидесятиметровой веревки хватит, чтобы достать до земли, но точно сказать было трудно, поскольку линия скалы сначала выдавалась вперед, а потом уходила обратно. Узнать это можно было, только спустившись вниз. Я прислонилась к горячей скале, вся мокрая от пота, и наблюдала, как Джек вязал узлы на концах, потом умело смотал обе веревки кольцом и швырнул их вперед. Похоже, он думал о том же. Мы затаили дыхание, ожидая, не донесется ли звук удара концов о землю, но в подходящий момент услышали только, как испуганно заблеял козел.

Джек посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты смотри, кажется, попал. Будет хоть чем поужинать. — Он

протянул мне петли страховочного каната и, понизив голос, продолжил: —
Одного только никак не могу понять. Как случилось, что ты не упала в пропасть. Я же видел, что Майлз не боится траверс.

Про амулет лучше не говорить. Не скажу. Теперь случившееся казалось мне фантастикой, такого просто не бывает.

— Зацепилась за выступ обвязкой, — весело ответила я.

Он только присвистнул.

— Да-а, крупно повезло...

Мне очень не хотелось больше говорить об этом. В голове стучало, пульсирующая боль в лодыжке уже добралась до бедра и поднималась выше. Попеременно то подступала тошнота, то начинала кружиться голова. Я едва не теряла сознание, потом, к собственному ужасу, снова приходила в себя. Перед глазами стояла жуткая картина: полумертвый от страха мешок, набитый нервами и наполненный кровью, с огромной силой бьется о скалу.

— Ладно, — быстро сказала я. — Давай-ка лучше двигать.

— Найди там местечко в тени и жди нас. Через час, а то и раньше, мы будем там. — Он наклонился, проверил хомуты на моей обвязке, контроллер спуска, винтовой паз и вдруг сказал: — А за Ив я пригляжу.

— Она сама способна о себе позаботиться.

— Конечно, понимаю. Современная независимая женщина и все такое. Все-таки я... В общем, она мне очень понравилась.

Его косой глаз вдруг живенько расширился, словно Джезу хотелось прочитать на моем лице реакцию, и он с нетерпением ждал, что я ему отвечу. Парень хотел получить мое благословение?

Я собралась с силами, оскалила зубы и заявила:

— Что ж, желаю удачи.

Я кое-как подползла к краю и повисла на веревках. Я всегда боялась спускаться подобным образом. Особенно страшно в первые секунды, когда повисаешь над пропастью, как джокер в колоде Таро, все доверяя случаю... и крепости анкера. Но когда начался спуск, все пошло не так уж плохо. Первые двадцать метров я проскочила в стиле скольжения, пока еще сохранялся контакт со скалой, а потом повисла, раскачиваясь в воздухе, как паук на своей паутинке.

Тут я пошла вниз с паузами, следя за тем, чтоб не перегревался контроллер спуска, и поглядывая в поисках удобного местечка для приземления. На ярком фоне почвы концы веревок разглядеть было трудно. Вдруг меня потрянуло. Я поняла, почему именно. Концы свободно болтались метрах в пяти от земли, как раз там, где дно лощины вдруг понижалось. Похоже, здесь был пересохший водопад. Голова закружилась,

в висках застучало. Сотрясение мозга у меня, что ли? Этого только не хватало. Черт побери. Прыгать с такой высоты — чистое безумие, тем более с моей поврежденной лодыжкой. Я связала веревки узлом и прикрепила их к обвязке, чтоб можно было остановиться и спокойно подумать. Теперь, когда я скрылась за изгибом скалы, Джебз меня не видит. Я заглянула вниз. Может, попробовать раскачаться и достать до верхнего края русла? Это вряд ли. Скорей всего, меня очень больно протащит по склону и я снова шмякнусь о скалу...

— Хой!

Чей-то голос, где-то внизу, подо мной. Я крутанулась на веревках, вглядываясь. Две человеческие фигуры, одеты по-местному, вокруг толкуются маленькие черные козы, несколько десятков, не меньше, тощие овцы и темно-бурый ослик, нагруженный корзинами. Человек, который обращался ко мне, рукой прикрыл глаза от солнца и снова что-то прокричал на языке, которого я не поняла.

Вдруг он завопил снова, и на этот раз я отчетливо различила знакомые звуки.

— Хотите, мы вам поможем? — Эти слова прозвучали по-французски.

В общем-то, да, но что он может сделать? Я болтаюсь на веревке здесь, а они там.

— Oui, merci! — крикнула я, поскольку совсем ничего не отвечать было бы невежливо.

Человек вскарабкался по склону промоины и снова крикнул на том же языке:

— Видите там выступ?

Он протянул руку к скале над собой. Взглянув вниз, я увидела метрах в десяти подо мной широкий выступ, а за ним — вход в пещеру. Веревка вполне могла бы достать, но скала подрезана, и раскачаться так, чтоб попасть на площадку, было непросто. Но я все равно крикнула, что да, вижу. Человек побежал обратно к ослику, порылся в корзинах и скоро вернулся с короткой веревкой в руке, к концу которой был привязан камень. Потом он сбросил с себя халат, под которым оказались джинсы с футболкой, перекинул веревку через плечо, с обезьяньей ловкостью вскарабкался по скале на выступ, обернулся ко мне и расплылся в улыбке. Я увидела, что это один из местных берберов, который — надо же! — щеголяет неплохим французским. Под грязным белым покрывалом темно-коричневое лицо, острые скулы, характерные для жителей этого региона, и весело сверкающие черные глаза.

— Можете спуститься пониже?

Я ослабила контроллер спуска и съехала немного вниз, потом обмотала веревки вокруг ноги, чтобы в случае чего тормозить и оставить свободной хотя бы одну руку. Адреналин и необходимость сосредоточиться заставили меня забыть о боли и головокружении. Этот человек бросил отягченную камнем веревку в мою сторону, и я довольно ловко поймала ее. Старый, обтрепавшийся обрывок полипропиленового шнура предназначался для того, чтобы стреножить осла. Когда-то он был голубой, а теперь совсем выцвел на солнце, и его жесткие волокна кололи ладонь.

— Держитесь крепко. Я вас раскачаю, и вы достанете до выступа.

Он потянул веревку на себя, стал меня раскачивать и вскоре смог дотянуться рукой до завязанных узлом концов моих веревок. Тогда я съехала последние несколько футов прямо к нему и вот уже стояла на одной ноге на площадке выступа.

— Сломала лодыжку, — сказала я по-французски, указывая на свою левую ногу.

Лицо его сразу изменилось, застыло и посерьезнело. Потом он крикнул что-то на своем языке напарнику, и я увидела, что это женщина. Голова ее была закутана в синий шарф, завязанный узлом на затылке.

— Сестра сейчас приведет осла. Тут есть старая козлиная тропа, — сообщил он мне, указывая туда, где выступ закрывало огромное дерево, которое будто росло прямо из скалы.

Я испытала большое облегчение, сопровождаемое не меньшей болью, и смогла только кивнуть в ответ, а затем непослушными пальцами освободилась от веревок и что было силы дернула их. Джеб понял, что спуск окончен. Я зачарованно смотрела, как веревки, словно по волшебству, поползли вверх и скрылись из виду.

Должно быть, потом на какое-то время я была в обмороке, потому что не помню, как появилась женщина, как с меня сняли рюкзак, положили на осла и по козлиной тропе свезли вниз. Дальнейший мой путь озаряли только яркие вспышки сознания, похожие на моментальные снимки или отдельные кадры в кино: кактус с прекрасными белыми цветками; ящерица, юркнувшая в тень трещины, вильнув пятнистым хвостом; козленок, чуть ли не уткнувшийся своим носом в мой и с любопытством разглядывающий меня живыми желтыми глазками. Розовато-красная скала, огромные плиты и вертикальные колонны, валуны и стены каньона, окрашенные серыми и зелеными полосами света и тени. Крошечные улитки с белыми раковинами, похожие на маленькие камешки кварца, бледно-фиолетовые цветочки, напоминающие аметисты, мелодичные голоса моих спасителей, о чем-то тихо беседующих, и контрапунктом к ним тонкое бляение коз. Я

почувствовала, что погруженная в задумчивость гора, изувечившая меня, отдаляется, уходит прочь, и снова потеряла сознание.

Глава 13

Прошло несколько недель, и племя мало-помалу, вежливо и вместе с тем сдержанно, стало опять признавать Амастана своим равноправным членом, приняло его обратно, по крайней мере внешне, как человека, который оправился от долгого и загадочного недуга. К концу периода выздоровления никто уже не говорил ни о природе, ни о причине бывшего безумия юноши, никто не сплетничал о судьбе его возлюбленной, которую он оставил в горах. Амастан снова стал таким, каким был прежде. Злые духи покинули его, их изгнала девушка из Хоггара, и все гордились тем, что могут считать Мариату своей. Женщины приняли ее в свой круг, с удовольствием с ней общались. После вражды, которую она испытала, живя с народом кель-базган, девушка с большим облегчением видела признание и должное уважение, проявляемое со всех сторон. С еще большим удовлетворением Мариата сознавала, с каким огромным почтением все относятся к ее родословной. Здесь никто с насмешкой не звал ее Тукалинден — Маленькая принцесса, глумливо кривя при этом губы. Она понимала, что без содействия Таны Амастан вряд ли оправился бы так скоро, но видела, что женщина-кузнец ничего не имеет против того, что излечение больного приписывалось девушке из Хоггара. Пожилые женщины приносили ей финики, с искренним удовольствием и пониманием слушали ее стихи. Иногда они приносили с собой барабаны и все вместе распевали их под музыку. Матери просили Мариату познакомить их девочек с алфавитом тифинаг, чтоб те научились писать, незамужние девушки все чаще забегали за полоской бумаги, куда они могли бы завернуть свои амулеты, набожные просили написать какие-нибудь стихи из Корана на счастье, а суеверные — снабдить их любовными заклинаниями и научить колдовать, чтобы отвести техот, то есть дурной

глаз. В ответ все они наперебой давали советы.

— Тебе надо выйти замуж и жить здесь, вместе с нами, — заявила Хадиджа.

— Не говори глупостей, — ворчала Нофа. — Мариата из кель-тайток, с чего она станет опускаться, выходя за мужчину из кель-теггарта?

Остальные закивали головами, но тут вступила Йехали и с вызовом заявила:

— Чем наши мужчины хуже уроженцев Хоггара? Они высокие и красивые. Трудности закалили их характер. Они крепки мышцами и высоки духом.

— Слишком высоки, особенно Ибрагим, — сказала какая-то женщина, и все засмеялись. — Зато его брат Абдалла — человек хороший, да и Акли очень интересный мужчина. Но если Мариата не желает подпортить свою родословную, ей не стоит выходить замуж.

— Ах, как ей, наверное, хочется плясать!

— Если так, то лучшего плясуна, чем Хедду, не найдешь.

— Уж чего-чего, а это дело он любит, — сказала Нофа.

Девушки закрыли рты платками, и раздался оглушительный взрыв смеха.

Мариата вдруг поняла, что слово «плясать» они употребляют в совершенно определенном смысле, и густо покраснела.

— Да-а, мы все знаем, как он пляшет. Каждая хоть разочек, да сплясала с Хедду, — подтвердила Тадла. — Потрясающий плясун. Но если хочешь получить с ним удовольствие, то надо поторопиться. Через месяц он женится на Лейле.

— Бедная Лейла, она ж его не обхватит своими пальчиками, — сказала Нофа с притворной серьезностью.

Двусмысленность все сразу поняли, и снова раздался дружный смех.

Мариата улыбнулась и покачала головой. Эти женщины кель-теггарт — грубый народ, им бы только говорить непристойности. Они много трудятся. Ведь рабов или харатинов тут нет. Переделаешь ежедневную ручную работу, и времени для отдыха не остается. Зато когда уж они веселятся, то делают это от души.

— Найти хорошего мужа здесь нелегко, это правда. — Тадла вздохнула. — Кого-то мы потеряли на соляном пути, другие ушли в горы. Хороших мужчин у нас мало, даже поговорить не с кем.

— А Базу?

— Да он вон какой жирный.

— А Махаммад?

— Все только Богу молится.

— Азелуан?

— Уже почти старик.

— Есть еще Амастан, сын Муссы. В конце концов, он сын аменокаля. Такой человек не запятнает родословной Мариаты.

Повисла пауза, словно все собравшиеся взвешивали свои слова, прежде чем отпустить их на волю.

Первой открыла рот Йехали:

— Сын Рахмы — красивый мужчина. Ни у кого нет таких рук, как у него.

Все наперебой принялись перечислять его достоинства.

— Он лучший поэт в наших землях. Помните ахал,^[39] который проходил за год до нашествия саранчи? Он там всех победил.

— Он хорошо танцует... Нет-нет, по-настоящему танцует. Не надо быть такой грубой, Нофа, а то Мариата обидится. Ноги у него легкие, и прыгает он так же высоко, как газель.

— В скаковых верблюдах разбирается лучше всех.

— А как владеет мечом!

— Метко стреляет!

— Путешествовал, посещал дальние страны.

Из всего этого Мариата узнала, что, перед тем как он, по их словам, ушел, во всем селении Амастан был дорогим гостем. В ежегодных путешествиях по торговым делам он порой заворачивал к своим, чтобы навестить родственников и принести девушкам гостинцев. Он был всеми любим и желанен, настоящий мужчина, за такого каждая хотела бы выйти замуж. Девушки очень опечалились, когда узнали, что он нашел себе невесту в другом месте. Но потом...

Тадла решила сменить тему:

— Нет, ей нужен не Амастан. Он человек несчастливый, а нам требуется тот, кому в жизни везет, правда же, Нофа?

— Да, богатый и счастливый, — согласилась Нофа. — Чтоб у него было не меньше пяти верблюдов.

— Десять!

Теперь Мариата слушала шутливую болтовню уже вполуха. Чтобы разжечь в ней интерес к Амастану, хвалить его не требовалось. Положа руку на сердце, она и без того только о нем и думала. Но Мариате любопытно было видеть, что другие девушки как бы не заметили его внимания к ней в эти несколько недель, и за это она была им благодарна. Каждый вечер после захода солнца он искал ее, они гуляли и

разговаривали. Однажды юноша взял ее за руку и прикоснулся к ней губами. Когда он смотрел на нее, ей казалось, что его горячие глаза прожигают ее насквозь. Мариату охватывало беспокойное волнение, но она все равно желала этого. День будто пропадал даром, если вечером девушка не замечала, что, сидя с мужчинами вокруг костра, он не поглядывал туда, где у отдельного огня устраивалась она с другими женщинами.

Теперь Мариата принимала образ жизни его соплеменников, который прежде считала ниже своего достоинства. Она окунулась в спокойный ежедневный ритм, на рассвете вставала, помогала доить коз. В те дни, когда девушка не гоняла животных на пастбище, а оставалась в деревне, она толкла зерно, чтобы было из чего днем выпекать тагеллу,^[40] работала вместе с другими женщинами, слушала болтовню и сплетни, развлекала их своими стихами, пока они заваривали, а потом выпивали бесконечное количество чайников зеленого чая. Вероятно, простота и всепоглощающая практичность этого нового для нее жизненного уклада приносили ей удивительное чувство покоя.

Но каждое утро, перед тем как приступить к дойке или другим ежедневным обязанностям, она забиралась на самый высокий холм за деревней и внимательно вглядывалась в даль, на восток. Не видно ли каких-нибудь признаков того, что сюда явился Росси, сын Бахеди, чтобы забрать своих верблюдов, да и ее заодно, и снова увезти в Аир? Однажды девушка вдруг поняла, что прошло уже пять полных лун с тех пор, как она бежала от людей кель-базган. Если ему до сих пор не удалось связать ее исчезновение с его ненавистной теткой или заставить харатинов выложить все, что они об этом знали, то его неожиданное появление в Теггарте весьма маловероятно. Кстати, Рахма устроила все так, что оба великолепных белых мехари были отправлены далеко на север, на верблюжий рынок в Гулемиме. Там им слегка подправили клейма, которые говорили о том, что они принадлежат племени кель-базган, и продали задорого, поскольку отборные белые тибестинцы нечасто попадают на рынки в тех местах. Деньги, вырученные за верблюдов, Рахма отдала Мариате и отказалась от положенных ей комиссионных. Это была очень приличная сумма, даже после того как торговцы взяли себе причитающуюся долю.

— Ты сейчас одинока, а я по себе знаю, какво женщине без семьи и денег. Часть можешь вложить в караван, который скоро снова отправится в путь, или доверить Амастану, если он опять возьмет за торговлю.

Мариата думала, что это вряд ли возможно. Из разговоров, которые они вели с сыном Рахмы, не видно было, чтобы он проявлял большой

интерес к торговле солью, кстати, вовсе не потому, что она говорила с ним о вещах более серьезных. Всякий раз, когда они приближались к опасной теме, Амастан умолкал и замыкался в себе. Но однажды ночью, когда они гуляли по берегу реки, девушка снова заговорила об этом.

— В свое время я повидал много старых торговых путей, — сказал Амастан, низкий голос которого звучал очень красиво на фоне хора лягушек, исполненного неги, вызова и страсти. — Но я больше не пойду с караваном.

— Расскажи о том, что ты увидел и узнал. — Глаза Мариаты засверкали. — Твоя мать говорила, что ты однажды поклялся дойти до Дерева Тенере, увидеть море и ощутить холод снегов на вершинах самых высоких гор. Еще она упоминала, что ты достиг всего этого.

Алый закат отражался в глазах Амастана, но выражения его лица, укрытого тщательно уложенным тагельмутом, Мариате не было видно. Амастан сел на камень и заговорил, будто обращаясь к толпе слушателей, то и дело помахивая сухой веточкой олеандра, словно это ритмичное движение помогало ему вспоминать. Девушка сразу подумала об одном рассказчике, который когда-то гостил у них дома в Хоггаре. У того в сумке было полно камешков-голышей, каждый из них означал какую-нибудь длинную историю. Этот человек предлагал женщинам залезать в открытую сумку и самим выбирать, что они хотели бы услышать.

Амастан говорил с таким же авторитетным видом:

— Я пересек пустыню камней, пустыню скал и пустыню песка. Пешком и на верблюде я прошел по всем старинным караванным путям. Я видел, как солнце, словно пожар, встает над бескрайним морем песка, как ночь крадет все краски этого мира, оставляя лишь одну, призрачно-серую, и только в небе сияют звезды, похожие на драгоценности райских дев. Я перевозил индиго из красилен в Кано, просо и финики из Ингала в Гат и обратно. Я видел рынки в Тафилальте, где торгуют золотом, и перешел через великий Атлас. Именно там я увидел чистое белое вещество, которое называют снегом. Он холодный, но обжигает кожу, как огонь. В славном городе Марракеше я ходил по центральной площади. Меня ошеломили крики пляшущих ребятишек и говорящих птиц, зазывания заклинателей змей, чародеев, предсказателей и шарлатанов, которых там были сотни. В Агадире я видел бескрайний синий океан, который, как и наши бесконечные песчаные дюны, постоянно движется и изменяется под ласковой рукой ветра. Я ходил торговыми путями, истоптанными тысячами ног, через Антиатласские горы, спускался от укрепленных стен Таруданта через могучий Джебель аль-Кест в красивый город Тафраут,

расположенный в оазисе. Это случилось, когда мы пересекли великую пустыню, держа путь к соляным копям в Бильме и Кауаре на территории Судана. Там я увидел прославленное Дерево Тенере. Эта одинокая акация, как древний страж, стоит посередине самой суровой пустоши в мире. Люди из нашего каравана окружили ее кольцом и засвидетельствовали ей свое почтение. Так веками делали все, кто проходил в этих местах. Слепая и колючая, одинокая и крепкая, она стойко держится и не гибнет в знойном жаре пустыни. Это талисман, от которого зависит, будет наш народ жив или нет. Говорят, что если дерево погибнет, то не выживем и мы. Исполнилось мое желание хотя бы раз своими глазами увидеть это дерево, убедиться в том, что оно живо. Это было пять долгих лет назад. Я наблюдаю за тем, что происходит теперь, и боюсь, что оно умирает, а может быть, уже погибло.

При этих словах пруттик в его руках треснул так громко, что даже лягушки на мгновение умолкли. Амастан сидел, уставившись в пространство, словно видел, как на огромном небосводе, окрашенном розовым закатом, увядают последние сполохи безрадостного будущего.

Очарованная Мариата глубоко вздохнула.

— Если бы я была мужчиной, то всю свою жизнь провела бы на спине верблюда, в путешествиях от одного чуда света к другому.

Амастан стряхнул с себя оцепенение.

— Маленькая странница, какие романтические мысли витают в твоей головке! Я научился плести словеса, они вертелись у меня, как дервиши. Я тоже умею напускать словесные чары и затемнять смысл реальности. Но часто ли ты слышишь поэтов, поющих о том, как трудно откапывать занесенный песком колодец, о смраде разложившегося трупа и о дерьме, гниющем в заднице, об отвратительном вкусе соленой воды, которую надо пить, чтобы остаться в живых, о мучающих тебя резах в животе, о том, что кожа твоя, выдубленная летящим по ветру песком, становится подобна голенищу старого сапога, а задница так устала сидеть в деревянном седле, что легче сойти с верблюда и идти пешком, даже если горячий песок прожигает подошвы сандалий. Никогда не слагают песен о том, что даже в самом сердце пустыни в хлебе заводятся долгоносики, а полоски вяленой козлятины становятся такими твердыми, что об них можно сломать зубы. Нет воды, чтобы их размочить, да и слюны во рту тоже, вся высохла. Не говорят стихами о том, как распухает язык и тебе кажется, что во рту вместо него торчит тряпка, о том, как страх и жажда приводят к тому, что ты испытываешь ненависть и недоверие к каждому встречному незнакомцу. Никто не говорит ни слова про скорпионов, рогатых гадюк, шакалов или разбойников. Нет, я не думаю, что караван — подходящее место для

девушки.

Дослушав его горячий монолог, Мариата даже обиделась и заявила:

— Ты меня недооцениваешь.

— Разве? Неужто ты не слышала поговорки? Женщины — что козы, ходить по пустыне у них кишка тонка.

— А ты не подумал о том, как я появилась здесь? — гневно спросила она, проглотив приманку. — Не забывай, я родилась в Хоггаре, оттуда проделала большой путь до Аира, а потом пересекла Тамесну, чтобы уговорить джинна оставить тебя в покое! Заруби себе на носу, мой род по прямой линии восходит к самой матери-прародительнице, которая пешком прошла по пустыне тысячу миль, чтобы дать начало нашему народу!

Щеки у нее разгорелись, и к концу тирады она крепко сжала кулачки.

Амастан смотрел на нее с восхищением. Это видно было по морщинкам, собравшимся вокруг его глаз. Он протянул руку к высокому кусту, растущему у них за спиной, сорвал ярко-розовый цветок олеандра, наклонился и воткнул его ей за ухо. Этот жест был столь необычно интимным, что щеки Мариаты вспыхнули еще ярче. Даже цветок на этом фоне выглядел бледновато.

Потом Амастан снова заговорил, и в голосе его слышалась нежность:

— Когда Тин-Хинан совершала свое легендарное путешествие, она проходила по местности, где под ветром колыхались высокие травы, росли акации, в тени ветвей которых всегда можно было укрыться. Всюду паслись стада антилоп и газелей. Тогда здесь была не пустыня, а настоящий рай.

— Но как такое могло быть? Пустыня существует вечно. — Мариата смотрела на него широко раскрытыми глазами. — Всякому известно, что это огненное сердце мира, котел, в котором зародилась жизнь. Даже джинны возникли в пустыне, они состоят из жара и пламени. Разве огненные духи способны появиться в земле, покрытой растительностью?

— Я мог бы отвести тебя в Тассилин^[41] и показать наскальные рисунки, сделанные кель-над, людьми прошлого. Они изобразили животных, на которых охотились: антилоп и газелей, полосатых лошадей и жирафов. Эти божи создания обитают только в саваннах и широких степях. Старейшины считают, что эти рисунки сделаны даже еще до того, как жила мать-прародительница.

Мариата отвернулась. Не это она хотела услышать.

— Они просто все выдумали и нарисовали, — пренебрежительно сказала девушка. — У меня на родине тоже есть такие рисунки. Я видела белую женщину с рогатым месяцем на голове. Под ним течет звездная река,

в животе сияют семена, они же сыплются из ее рук. Эта картина что, тоже нарисована с натуры?

— Здесь ты меня поймала со своей женской логикой. Может быть, сердце твое не такое, как у поэта.

— Оно у меня хотя бы есть, — неосторожно парировала она.

Амастан быстро вскочил и нетвердым шагом пошел прочь, потом, словно передумав, повернулся на пятках и гордо приблизился к ней.

— Не смей больше так говорить! — сердито заявил он. — Никогда, слышишь?

Он выхватил цветок из ее волос, бросил его в пыль, с неожиданной яростью растоптал и зашагал прочь, в подступившую темноту ночи.

На следующий вечер он к ней не пришел, и она плакала до тех пор, пока не уснула. Утром Мариата поднялась еще до восхода солнца, подоила овец, выпустила их обратно к ягням и погнала стадо к реке, на пастбище. Там девушка положила на распухшие веки прохладные речные камешки и держала их до тех пор, пока краснота не исчезла и она не перестала быть похожей на лягушку.

— Прости меня, — прозвучало за ее спиной.

Она испуганно оглянулась. Амастан отделился от ствола дерева — словно тень раскололась надвое. Тагельмуст закрывал все его лицо, и ростом казался он с дерево, даже выше. Головой будто достигал до самого неба. Глаза, подведенные сурьмой, так и сверкали.

— Ты что, не спала всю ночь?

Не доверяя своему голосу, Мариата молча покачала головой.

— Я тоже. Сон не приносит мне того покоя, который находят в нем другие. — Он замолчал, о чем-то задумавшись, и повисла долгая пауза. — Я не гожусь для тебя, вообще для женщин, поэтому больше не стану тебя беспокоить.

— Зачем ты говоришь такое? — Она смотрела на него, охваченная испугом и смятением. — Мне всегда хорошо было с тобой. Я... я надеялась... — Но девушка не осмелилась до конца открыть ему то, что лежало у нее на сердце.

— Не надо надеяться, Мариата. Это очень опасно.

— Вот как?

Он отвернулся, а когда снова посмотрел на нее, ей показалось, что безумие опять полыхает в его глазах.

Амастан открыл рот, и ей почудилось, что сейчас он закричит, но юноша заговорил так тихо, что она едва разобрала его слова:

— У меня есть сердце, только оно расколосось надвое.

«Он все еще думает о своей возлюбленной», — пронеслось у Мариаты в голове, и грудь ее пронзила боль.

— Что ты хочешь этим сказать? — испуганно спросила она.

Амастан приблизил к ней лицо.

— Я желаю, чтоб мир стал другим, Мариата. Как бы мне хотелось уничтожить прошлое! — Он помолчал, глядя ей в глаза, снова отвернулся и сказал очень тихо, почти прошептал: — Как бы мне хотелось начать все сначала. Жениться, родить детей, быть счастливым. Но я не могу.

— Не можешь? — как эхо, переспросила она.

— Мир совсем изменился с тех пор, как я знал его год назад. Я тоже. Теперь я совсем другой человек.

Повисло тяжелое молчание... И вдруг, заливая все алыми лучами, над горизонтом показалось солнце. Воды реки у них под ногами были как кровь.

— Мир постоянно меняется, — мягко произнесла Мариата. — Он не стоит на месте, и мы тоже должны двигаться вместе с ним. Там, где прошло мое детство, неподалеку от нашей зимней стоянки между скал бежал ручей. Когда я была маленькая, то выкладывала ряд камешков на его берегу. Через год, когда мы возвращались на эту стоянку, я прибежала и искала свои камешки, но их нигде не было. Я снова выкладывала, но и на следующий год камешки куда-то пропадали. Я их искала-искала, все думала, что кто-то подшучивает надо мной, но нигде даже следов не было видно. Наконец я поняла, что с каждым годом русло ручья сдвигается в сторону примерно на ширину ладони. Я догадалась, что, когда постарею, это будет совсем другой ручей, а не тот, что тек здесь давным-давно. Пойми, Амастан, ничто в нашем мире не стоит на месте. Мы сами меняемся именно потому, что все вокруг тоже становится иным. Даже на следующий день мы уже не совсем те, что были вчера. Нас меняет наш опыт. Я больше не тот наивный ребенок, который когда-то покинул Хоггар.

Она бросила на него столь красноречивый взгляд, что он отвернулся.

— Может быть, в твоих словах и есть правда, но мой опыт слишком сильно изменил меня. Сказалось все, что я повидал и совершил в жизни. — Амастан умолк на несколько долгих мгновений, потом продолжил: — А сейчас я хочу поведать тебе то, о чем не говорил и не собирался рассказывать никому. Вряд ли это имеет отношение к стихам или песням. Но я слишком долго носил это у себя в груди, и ты должна знать правду. — Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул. — Женщина, которую я любил, ушла из жизни, погибла ужасной смертью.

«Вот оно, — подумала Мариата. — Сейчас Амастан расскажет, как убил ее, и я узнаю, какое он чудовище».

Ей захотелось бежать прочь, но мысль о том, что она должна знать правду, остановила девушку.

— Смерть ее тяжким грузом лежит на моей совести, — начал он, подтверждая худшие опасения Мариаты, но рассказ, который повел молодой человек, через силу вытаскивающий из себя мучительные слова, оказался совсем не тем, что она ожидала услышать.

Он познакомился с Мантой, когда еще только-только вышел из мальчишеского возраста. Их караван проходил через ее селение. Она оказалась не столь застенчивой, как другие девушки, и это произвело на него огромное впечатление. Расставаясь с ним, Манта поцеловала его, и все долгие зимние месяцы путешествия через пустыню он помнил прикосновение ее губ. На заработанные деньги юноша купил ей подарков. Наконец, на третий приезд, она пообещала выйти за него. Чтобы скрепить помолвку, Амастан подарил ей амулет, оберегающий от опасностей.

Мариата вдруг почувствовала, как тяжелый кусок серебра, который она носила на груди, словно живой, прижался к ее телу. Она невольно подняла руку и коснулась его сквозь тонкую ткань платья.

— Так он сейчас с тобой? — спросил Амастан, и его пристальный взгляд заставил ее виновато вздрогнуть. — Нет, не возвращай, не хочу, он приносит несчастье. Да и тебе не советую носить его. Человеку, который владел им до тебя, он не принес ничего хорошего.

Мариата достала амулет из-под платья и через голову сняла его. Он лежал на ее ладони. Они молча смотрели, как блики мерцают на черных бусинах шнурка.

— Но он мне очень нравится, — тихо сказала девушка. — Не понимаю, как такая вещь может приносить несчастье. Смотри, это символы солнца, вот и вот. — Кончиками пальцев она погладила сердоликовые диски. — Красный цвет приносит удачу.

— Открой его, — приказал Амастан, лицо которого оставалось мрачным.

Мариата покрутила в руках талисман, разглядывая со всех сторон, поковыряла ногтем бороздки сверху и снизу, но амулет казался ей цельным. Она покрутила сердоликовые кружки, нажала на шишечку посередине: нет, ничего, посмотрела с обратной стороны, ища, где бы можно было открыть его, но и там ничего не нашла.

— Как? — спросила она.

Амастан протянул руку, взял амулет и сдвинул пальцем шишечку вбок. Амулет открыл свой секрет: потаенную полость, в которой... в которой оказалось пусто. Мариата посмотрела на Амастана. Тот даже не пошевелился, его лицо было очень близко, она ощущала тепло его дыхания.

— Здесь ничего нет, — сказала Мариата, констатируя очевидное.

— Я ходил к Тане и просил ее вложить в него заклинание-оберег. Но она... прикоснулась к амулету, что-то увидела и... поняла. Тана хотела забрать у меня амулет, сказала, что на нем сглаз. Я рассердился, силой отнял его у нее и ушел с проклятиями. Потом я решил пойти к марабу и купить у него стихи из Корана, но так и не дошел. Не знаю, что мне помешало, может быть, предрассудок или гордость. Я думал, что подарок и так хорош, а любовь моя столь сильна, что сама защитит ее от бед. — Амастан покачал головой. — Не знаю, о чем я думал. Манта была рада, когда я вручил его ей. Он очень древний и сделан из чистейшего серебра. Она носила его на себе все время, пока...

— Пока что?

Мариата должна это услышать во что бы то ни стало.

Амастан не торопился с ответом. Дыхание его, затрудненное, неровное, постепенно замедлялось, успокаивалось.

— Наше новое правительство, которое называет себя независимым, состоит в основном из выходцев с юга, то есть тех, кто нас ненавидит. Они обвиняют нас в том, что мы поработили их предков, оскорбляем и бесчестим их народ, и пользуются этим предлогом, чтобы преследовать нас. В правительстве есть силы, которые используют свою власть против нас, устанавливают произвольные границы, препятствуют нашим племенам пересекать их без документов, необходимых по их законам. Но при чем здесь границы и документы? Туареги всегда кочевали и вели торговлю от Сахеля^[42] до самого моря. Кто они такие? Вооружились русскими автоматами, надели западную военную форму и думают, что нас можно называть нецивилизованными варварами и пытаться навязать нам свой образ жизни? Эти люди всегда ненавидели наш народ, потому что мы были свободными, а они — жалкими и ничтожными. Мы отказываемся жить в их убогих и грязных городах, подчиняться их правилам и законам, замыкаться в пространстве, обозначенном их границами. Свои дела они прикрывают словом «закон», а на самом деле это притеснение, гнет и убийства. Труссы! — Он с силой ударил кулаком по скале. — Любое сопротивление они используют как повод для нападения на безоружных стариков, женщин и детей. — Голос его застрял в глотке.

Искоса взглянув на него, Мариата увидела слезы в сверкающих глазах.

Манта жила в одном из северных селений. Она рассказывала Амастану, что прежде случались беспорядки, но главным образом мелкие, незначительные. Люди из народа сонгаи, живущие в деревнях и осмелевшие после смены правительства и ухода французов, стали совершать набеги и грабить все, что попадет им под руку, не брезгуя ничем. Они угоняли скот, забирали запасы пищи, одеяла, даже кухонную посуду. Все жалобы оставались без ответа. Все больше распространялось слухов о нападениях и несправедливости. Молодые люди, которые были в отлучке с соляным караваном или на охоте, возвращались домой и видели, что стоянка разорена, их невесты и матери ограблены и обесчещены, но власти никаких мер не принимали. В других местах было и того хуже. Стали пропадать люди, которых якобы вызывали на допрос. Всплыли на поверхность старые обиды и неприязнь; отравлялись колодцы, уничтожались посевы.

Молодежь многих племен пыталась организовать сопротивление, но у них не было внятной и согласованной стратегии, силы разрознены. Ответные действия местного масштаба против зверств, которым подвергались их близкие, похоже, только ухудшали положение. Все же это было лучше, чем просто сидеть сложа руки. Амастан вступил в один из таких отрядов сопротивления, действующий в горах Адрар-н-Фугас.

— Мы следовали примеру Каоцена,^[43] героя первого восстания туарегов, дрались не как львы, а как шакалы. Нападали, наносили врагу урон сколько могли и скрывались. — Он замолчал, глубоко вздохнул и провел рукой по лицу.

Однажды до них дошел слух о нашествии военных в отдаленные южные районы. Как раз там и жила Манта. Вести были тревожные: женщин намеренно насиловали, чтобы испортить славные родословные туарегов, а детей насильно забирали в города. Амастан пытался убедить остальных бойцов отряда двинуться с ним туда, но у них здесь были свои враги, поэтому он отправился в одиночку.

— Я хотел забрать ее оттуда, увезти подальше от опасности.

Он закрыл глаза. Нависшее над ними синее небо выглядело бледным и угрожающим. Мариате казалось, стоит ей произнести хоть один звук, и оно обрушится на них.

Наконец Амастан подавил волнение и продолжил свой рассказ. Голос его звучал глухо, а глаза застыли, словно он не мог оторвать их от какой-то невидимой точки на реке.

— Я ехал всю ночь через предгорья, вздрагивая от каждого звука. Никогда в жизни мне не было так страшно, сам не знаю почему. Когда мой

верблюд поднимал какую-нибудь птицу из кустов, я сам пугался до смерти. Каждая тень таила угрозу. Местность, в которой я за многие годы странствий знал каждый камень, в темноте казалась совсем незнакомой, чужой, наполненной афритами, гулами^[44] и мстительными духами мертвых. Еще не видя селения, я почуял какой-то странный запах. Его невозможно описать, ты даже представить себе этого не можешь. Скажу только, что если бы ты хоть раз ощутила этот запах, то запомнила бы его навсегда. Он будет преследовать меня всю жизнь. Мой верблюд тоже почуял его и стал пуглив. Он не хотел идти дальше, едва волочил ноги, упрямылся, ревел так, что его крик будто достигал звезд на ночном небе. Мне пришлось гнать его силой, он ни в какую не хотел двигаться. Даже в темноте мне стало ясно, что в воздухе висит пелена дыма, густого, черного, смрадного. Мне казалось, что язык мой от этого дыма покрылся слоем прогорклого жира. От селения не доносилось ни звука — не лаяли собаки, не блеяли овцы, никто не сидел вокруг костра. Я подумал, может быть, люди покинули это место и двинулись дальше в горы... — Амастан секунду молчал. — Когда я подъехал поближе, в нос мне ударила вонь бензина, а это очень нехорошо. Какая польза туарегам от бензина? Это был чужой, враждебный запах. Меня охватило дурное предчувствие. Я хотел повернуть назад, но понимал, что не смогу этого сделать. Я увидел, что у входа в селение была навалена пирамида из камней, чуть не проехал мимо, не обратив на нее внимания, но вдруг лунный луч упал так, что она ярко осветилась. Я увидел, что там лежат не камни, а человеческие головы. Я был так потрясен, что упал с верблюда и лежал на земле без чувств, пока не взошло солнце. Если быть точным, там было тридцать четыре головы. Тридцать четыре человека, души которых будут вечно блуждать и скитаться по свету. Я ощущал их присутствие, они сердито кружились вокруг меня. Голова Манты была по счету тридцать первой. Я сидел, положив ее себе на колени. Та, что была так красива, так полна жизни, теперь превратилась в кусок твердого холодного мяса, покрытый сгустками запекшейся крови. Светлые, всегда сияющие глаза замутились и остекленели... — Ручеек его слов иссякал, видно было, что Амастан будто весь погрузился в себя и едва мог говорить. — Я призывал дух ее, умолял его поговорить со мной, но он молчал, и в этом молчании мне слышался упрек. Меня не оказалось рядом, я не спас ее. Амулет, который я подарил ей, не сделал ничего, чтобы отогнать зло, которое пришло в ее селение. Я отыскал этот амулет, он все еще был на теле Манты. Они не сожгли ее, как многих других, а вместе с ними коз и коров. Она была разрублена на части, зловонные куски мяса валялись повсюду. Не стану говорить, как Манта была одета, когда я нашел

ее. Я сделал все, чтобы соединить голову с тем, что осталось от тела, но не мог, кричал и плакал. Должно быть, тогда разум покинул меня, и мной овладел Кель-Асуф, потому что больше я ничего не помню. Понятия не имею, как я вернулся в Теггарт, не знаю, как мне удалось выжить, что ел, пил и спал ли. Я был уже не человек. Потом ты пришла ко мне и посмотрела мне в глаза. Я подумал, что ты — это она, что Манта вернулась ко мне. Только потом я понял, что ты — совсем другая девушка.

— Так вот почему ты плакал.

Мариата взяла его руку, положила себе на колени, и на мгновение перед ее глазами вдруг предстала страшная картина: Амастан сидит на земле уничтоженной деревни, и на коленях у него отрезанная голова возлюбленной. Он с ней разговаривает как безумный, гладит ее по щекам.

Она сама не помнила, как вскочила и побежала, словно тысяча джиннов гналась за ней. Девушка не останавливалась до самого селения, опомнилась лишь в шатре Рахмы. Она в замешательстве озиралась вокруг и не понимала, как здесь оказалась.

Глава 14

Где я? Я заморгала и попыталась сосредоточиться, но в голове стоял туман. Земля перед глазами куда-то поплыла, и не успела я что-то сделать, как меня стало рвать, неудержимо, снова и снова. Мне казалось, что желудок вот-вот вывернется наизнанку.

— Как поживаете? — спросил кто-то по-французски.

Голос был мягкий, сочувственный, но сам вопрос прозвучал нелепо. Я сглотнула остатки желчи и попыталась понять, где нахожусь. Постепенно до меня дошло, что я еду лицом вниз на спине у осла.

— Можете остановиться? — хрипло прокаркала я. — *Pouvons-nous arrêter?*

Учитывая обстоятельства, я могла поздравить себя с тем, что обладала столь необходимым в жизни умением говорить на двух языках.

Произошло чудо. Мир вокруг перестал трястись и куда-то ехать, тошнота отступила. Чьи-то сильные руки помогли мне устроиться на спине животного поудобней, потом в поле зрения появилось незнакомое темное лицо.

— Как дела? Все в порядке? — услышала я и вспомнила одетого по-местному молодого человека, который помог мне спуститься со скалы.

— Куда вы меня тащите? — нелюбезно спросила я, испугавшись, что полностью нахожусь во власти какого-то незнакомца.

— К нане, — был ответ.

— К какой такой нане?

— К нашей бабушке, Лалле Фатме. Она у нас известная знахарка и травница. Тут растут всякие травы, которых больше нет нигде в мире, и нана знает, как ими пользоваться.

Мной овладела настоящая паника.

— Нет-нет, не хочу, — заявила я, стараясь говорить твердым голосом, медленно и отчетливо произнося каждое слово, как всегда разговаривала с непонятливым мальчишкой-секретарем, приставляемым ко мне, когда отсутствовал мой постоянный помощник. — Вы, конечно, очень добры, но нет. Мне надо в больницу. Придется сделать рентген.

Мужчина засмеялся. Интересно, что смешного в желании человека поскорей попасть в больницу, когда он подозревает, что у него сломана лодыжка?

Я собралась с силами и предприняла еще одну попытку:

— Послушайте, мне нужно сделать рентген и наложить гипс, чтобы правильно срослось. Я очень сомневаюсь, что мне помогут какие-то там травмы.

Но мой спаситель молча отвернулся, и мне вдруг пришла в голову страшная мысль о том, что по-французски он понимает не так хорошо, как я думала. Я вздохнула. Глядя через его плечо, я увидела, что мы приближаемся к деревне, дома в которой были, вероятно, построены еще в Средние века и представляли собой путаницу глинобитных строений все того же красновато-розового оттенка, что и окружающие скалы, словно были естественным продолжением природного ландшафта. Плоские крыши, крохотные, украшенные железными наличниками окошки. Некоторые дома были такие старые, что, казалось, вот-вот рассыплются, превратятся в груды камней и пыль. Какая уж здесь может быть больница. Женщины, одетые в черные платья, прекратили полоть борозды и ковыряться в земле и молча настороженными, черными, как ягода терновника, глазами смотрели, как мы проходим мимо. Дети же, напротив, увидев европейскую дамочку на осле, бегали вокруг нас, что-то кричали и смеялись. Кругом оказалось много коз и овец, которые испуганно мекали и блеяли. Странно, в это время они должны еще пастись высоко в горах. Что происходит? На стене стоял огромный белый петух с кроваво-красным гребнем и гордо поглядывал на кур своего гарема, которые, квохча, ковырялись под ним в пыли.

— Больницы у нас нет, — словоохотливо заговорил мой спаситель, подтверждая мои самые худшие опасения. — В том смысле, который вы имеете в виду. Нет рентгена, нет врачей, но... — Он помолчал немного и продолжил: — Зато моя бабушка знает свое дело лучше всякого доктора. К ней за советом приходят и из Таруданта, и из Тизнита, и даже из Марракеша.

Я живо представила себе, как всю оставшуюся жизнь хожу с палочкой, а все потому, что кость срослась криво из-за неправильного лечения. Нет-

нет, воспаленный мозг рисовал мне еще более страшную картину: заражение крови, гангрена, потом ампутация. В результате я хожу на скрипящем протезе, и во всем виноваты никому не известные травы.

— Ради бога! — взмолилась я уже на грани истерики, не в силах больше держать себя в руках. — Мне нужен врач!

Но никто не обратил на мой вопль ни малейшего внимания, не считая оборванных ребятишек с темными смеющимися глазками. Они, видно, решили, что я очень смешная.

Девушка, ведущая осла, передала повод мужчине, побежала вперед и закричала:

— Лалла Фатма! Лалла Фатма!

Из глинобитных домишек показались женщины самых разных возрастов и наружности, чтоб узнать, что за шум. Увидев европейскую женщину, они стали поправлять платки, прикрывать волосы и лица, словно ждали, что я, как и остальные невежды туристы, немедленно начну их фотографировать. Местные жители считают это оскорбительным для себя. Через несколько секунд осел остановился у стенки, окрашенной, как и все остальные постройки в деревне, все той же розовой охрой. Мой спаситель осторожно снял меня с осла, поднял на руки, вдруг обнаружив в жилистом теле недюжинную силу, и понес через сад, благоухающий апельсиновыми и лимонными деревьями, оливами и розами. Он прошел по утоптанной дорожке, потом согнулся чуть не пополам в низеньком дверном проеме и перешагнул порог.

Контраст между ослепительным солнцем улицы и похожим на пещеру помещением был такой сильный, что в первую минуту я совершенно ослепла. Когда глаза привыкли, я увидела, что мы находимся в большой комнате, где было много женщин. Почти все занимались каким-нибудь домашним делом или просто сидели, подпирая спинами стенку, и щебетали как птички, оживленно размахивая руками, окрашенными хной. Одна что-то толкла в большой каменной ступке, другая подкладывала угли в жаровню, стоявшую посередине комнаты, и размешивала их. Здесь грелся, пуская пар, большой потускневший медный чайник. Третья перебирала чечевицу в миске, отбрасывая мелкие камешки, четвертая чесала шерсть. Пятая женщина поистине необъятной толщины расставляла на низеньком круглом столике глиняные кружки. Ей уже помогала девушка, которая только что привела с гор осла, нагруженного мною. В довершение ко всем впечатлениям через открытую дверь вслед за нами с громким бляением в комнату ворвалось четыре козы. Одна из присутствующих женщин вскочила, схватила метлу и выгнала их из помещения. При этом она

обращалась к каждой рогатой твари по имени: Тиза, Имши, Туфила, Азри! Голова моя снова куда-то поплыла.

Тут толстуха поднялась и что-то сказала. Одна за другой женщины стали вставать, почтительно целовать ей руки и уходить. В комнате остались лишь мы четверо. Только что здесь царила суета, было шумно, и вдруг наступила какая-то странная, торжественная тишина. Мужчина осторожно опустил меня на циновку, расстеленную на полу, но старуха что-то сердито проворчала, и он мигом раздобыл где-то подушки и устроил для меня мягкую постель. Я лежала и смотрела на старуху снизу вверх, не зная, что говорить и делать. Ее внешность была, конечно, весьма замечательна: внушительная фигура, темная кожа лица. В отличие от других женщин в простых черных платьях, на ней была длинная синяя рубаха, а сверху какая-то шелковая шаль в частую оранжевую и черную полоску, закрывающая складками голову и завязанная узлом на необъятной груди. На шее висело янтарное ожерелье, каждая бусина которого была величиной с яйцо. Мочки ушей оттягивали тяжелые серебряные серьги. Рукава рубахи, закатанные и подколотые, открывали мускулистые руки, унизанные серебряными браслетами. Когда она, жестикулируя, разговаривала со мной, браслеты звенели и брякали.

— Мархабан, мархабан!^[45] — воскликнула старуха и сразу же принялась громко о чем-то болтать с мужчиной и девушкой, которые притащили меня сюда.

Пока эти трое были заняты горячей дискуссией, я огляделась. Вдоль двух стен выстроились в ряд кувшины для масла, такие огромные, что в них мог спрятаться Али-Баба вместе со всей своей разбойничьей шайкой. Рядом стояли несколько мешков, скорее всего с зерном, мукой или рисом. Остальное место вдоль неровных глиняных стенок занимали большие и маленькие кувшины, коробки и жестяные банки, в которых с незапамятных времен хранят китайский зеленый «пороховой» чай — в данном случае, судя по виду торговых марок и упаковке, товар был приобретен еще до войны, хотя позолота на них блестела как новенькая. Тут меня охватило новое ощущение. Нос мой почуял не менее десятка разных запахов — от самой отвратительной вони до пикантнейших ароматов. Среди них я безошибочно узнала помет какого-то животного, ланолин, то бишь воск, получаемый при промывании овечьей шерсти, растительное масло, пряности и пот. Кроме того, воздух наполнял еще какой-то аромат, совершенно мне незнакомый и чуждый. От боли, шума, всех этих запахов и ощущения абсолютной нелепости происходящего у меня кружилась голова, волнами накатывала тошнота, сопровождаемая пляшущими черными

мушками в глазах. Все это предвещало скорую потерю сознания.

Молодой человек опустился рядом со мной на колени, осторожно приподнял мою голову и, положив руку себе на сердце, сказал:

— Нана говорит, что я был очень невежлив и должен попросить у вас прощения. Меня зовут Таиб, Та-иб, — повторил он по слогам. — А это моя сестра Хасна. — Он кивнул в сторону тоненькой серьезной девушки, стоявшей поодаль. — Вы сейчас в доме моей бабушки, Лаллы Фатмы.

Услышав среди незнакомых иностранных слов свое имя, бабуля поклонилась, похлопала себя по огромной груди и подтвердила:

— Фатма, эйай, Фатма.

Все они с выжиданием уставились на меня. Я не сразу вспомнила свое имя, но потом сделала над собой усилие, сравнимое с одним из подвигов Геракла, перепахала всю память и добралась-таки до нужной информации.

— Изабель Треслов-Фосетт, — представилась я и увидела на их физиономиях выражение озадаченности. — Изабель, — поправила я и заметила то же самое. — Иззи, — уступила я в конце концов.

Как только они услышали это слово, все разом вдруг громко рассмеялись. Потом бабушка Фатма издала низкий, гудящий звук, и смех усилился. Интересное кино.

— Простите, — сказал наконец Таиб. — «Иззи» по-берберски значит «комнатная муха», отвратительная и жалкая тварь.

Значит, отвратительная и жалкая. Неплохое начало.

Таиб повернулся к бабушке, и они вышли, о чем-то болтая на своем гортанном языке. Он отчаянно жестикулировал, показывая в сторону двери, через которую виднелись горы, потом на меня, лежащую в полном альпинистском снаряжении. Пожилая женщина оглядывалась на незваную гостью с крайним изумлением. Она громко и возбужденно что-то сказала, ударила кулаком по ладони и покачала головой. Подтекст был совершенно ясен: ох уж эти европейские женщины! Они полагают, что способны делать то же, что и мужчины! Лазить по горам, вы где-нибудь видели такое? Ничего удивительного, что она попала в беду.

Старуха замахала руками, словно от чего-то отказывалась, потом поспешила к Хасне, чтоб проследить, что она там готовит над жаровней, и через минуту ко всем прочим ароматам, заполнявшим комнату, добавились тона розового масла, смешанные еще с каким-то странным горьковатым запахом. Очистив таким образом воздух, хозяйка постелила на пол овечью шкуру, опустилась на нее, скрестила ноги с изящной ловкостью человека, который не один год тренировал мышцы бедер, и без дальнейших церемоний положила ладони на мою злосчастную лодыжку. Крик мой

потряс стены, но никто не обратил на него внимания. Вместо этого все уставились на мой башмак от «Саломона» с таким видом, будто перед ними была змея. Великолепная обувь, еще старой модели, моя любимая, с изысканным шитьем и с молнией, спрятанной под клапаном из гортекса. Для неискушенного глаза она выглядит сплошной, непонятно, как надевается и снимается. Потрясающие, сказочные башмаки. А Таиб уже выхватил нож и приготовился взрезать ботинок.

— Нет! — Не обращая внимания на тошноту, я наклонилась вперед, показала ему, где находится потайная молния, а потом промямлила по-французски: — Но осторожно, пожалуйста. Очень осторожно.

Повинуясь моей просьбе, он медленно расстегнул молнию, как можно свободнее распустил шнуровку и с предельной осторожностью освободил мою ногу от обуви. При этом я все равно не смогла удержаться от едких слез. Потом, непонятно зачем, парень передал мне ботинок. Я прижала его к груди как чудодейственный талисман.

Лалла Фатма обхватила ладонями поврежденную лодыжку и с необыкновенной сноровкой мастерски намертво зафиксировала сустав, одновременно тщательно ощупывая подвижными пальцами опухоль, окружающую его. Было больно, но не так чтобы очень. Я ожидала худшего.

— La bes, la bes, la bes, — бормотала она непрерывно, как бы успокаивая меня.

Очень скоро я успокоилась, хотя, как выяснилось, напрасно. Одной рукой нана вдруг прижала мою лодыжку к себе, а другой резко повернула ее и изо всей силы дернула. Раздался, как мне показалось, оглушительный треск, словно кто-то рядом выстрелил из пистолета. В глазах у меня пошли красные круги. Я почувствовала не простую, но глубинную боль, пронизавшую все мое существо. С этим звуком будто открылся некий клапан, и я с головой ухнула в бурный поток кроваво-красного адреналина. Потом вдруг все кончилось, и меня снова окатило, но на этот раз освежающим душем белого света. Кто-то заплодировал, вокруг раздались оживленные голоса.

Я снова открыла глаза и увидела перед собой лицо старухи. Оно было чрезвычайно довольным, словно она совершила нечто такое, что еще более прославил ее и без того громкое имя. Как по команде, в комнату вернулись все остальные женщины. Хозяйка немедленно принялась руководить ими, покрикивая и всплескивая руками. После недолгих минут тишины и покоя в помещении снова воцарились гвалт и суматоха. Хасна передала бабушке тарелку с какой-то мутно-зеленой мазью. Старуха быстро разбила яйцо, выпила белок, желток добавила в тарелку, поставила ее возле жаровни,

чтоб она прогрелась, направилась к полкам и вернулась с глиняным кувшином, крышка которого была запечатана воском. Лалла Фатма не без некоторых усилий откупорила его, и комнату заполнил густой, отвратительный запах какой-то тошнотворной тухлятины, гнили, словом — чего-то неопишимо вонючего. Старуха удовлетворенно втянула в себя воздух, сунула руку в кувшин и вытащила полную горсть какой-то темной и вязкой дряни. Потом она улыбнулась мне, продемонстрировав отсутствие многих зубов, и протянула руку. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы эта ведьма приближалась ко мне со своей бурдой.

Я прижалась спиной к стене, изо всех сил замотала головой и взмолилась:

— Нет-нет. Пожалуйста, дайте воды. Просто воды.

Таиб перевел, но его бабуля и слышать ничего не хотела.

— Охо, охо, — повторяла она снова и снова и грозила мне пальцем. — Аман, охо.

Потом с неожиданной, зверской силой Лалла Фатма ухватила меня за лодыжку и принялась размеренными круговыми движениями размазывать по ней и втирать это омерзительное вонючее вещество. Когда мой ужас перед запахом немного поутих, до меня дошло, что ощущение там, в общем, было довольно приятное, как при хорошем массаже. От поврежденного места по всей ноге и выше стало распространяться тепло. Наверное, эта женщина и вправду знала, что делает.

Лодыжка произвольно, сама по себе дернулась. Двигается! Значит, не сломана. Я подумала об этом с внезапной надеждой, несмотря на то что все еще испытывала чертовскую боль. Теперь старуха накладывала на мою ступню толстый слой теплой зеленой мази, закончив, накрыла ее пучком тростниковых стеблей вместо шины и замотала все тряпичной полоской, оторванной от белого покрывала Таиба.

— Две недели нельзя наступать на эту ногу, — перевел он. — Вы повредили связки, возможно, и сухожилие, но кости остались целы.

Добрая новость после моих фантазий на тему ампутации. Зато о скалолазании теперь не могло быть и речи, так что отпуск мой, считай, накрылся. Не прошла до конца даже одного-единственного маршрута.

Я уныло размышляла об этом, скорчив недовольную гримасу, потом вспомнила о хороших манерах, которые мама-француженка вдолбила в меня, и поблагодарила лекарку:

— Танмирт, ^[46] Лалла Фатма.

Это был весь запас языка, который я успела усвоить, но старуха так и просияла. Она быстро вскочила на ноги, подбежала к мешкам у стены и

вернулась, держа в руках что-то темно-красное. Таиб пытался скрыть улыбку. Так фокусник, на мгновение показавший публике кролика, который сейчас исчезнет, старается сохранять непроницаемо-каменное лицо. Я посмотрела на него, но старуха теперь, кажется, обращалась ко мне, протягивая что-то на раскрытой ладони. Приученная за долгие годы соблюдать правила учтивости, я автоматически протянула руку, но тут же в ужасе отдернула ее.

— Это саранча, — перевел Таиб, стараясь сохранить серьезный вид. — Она питается только самыми высококачественными травами, ее задние, толчковые ноги обладают огромной силой. Если вы съедите все это, то сила насекомых перейдет к вам в лодыжку, и она быстро заживет.

— Вот еще, стану я есть вашу саранчу, — заявила я и осторожно, но вместе с тем твердо отвела руку Лаллы Фатмы.

— Но ее пожарили и обваляли в сахаре. Очень вкусно, — продолжал Таиб. — Мы едим ее как конфеты. Смотрите.

Он сунул одну из них в рот и смачно разгрыз. Я с ужасом смотрела на него, а потом в голос рассмеялась, глядя, как парень сделал испуганное лицо и выплюнул мясистые остатки себе в ладонь.

— Ладно, они и правда противные. Нана будет недовольна нами обоими и очень огорчится.

Лалла Фатма посмотрела на него, потом на меня, прицелкнула языком и вышла из комнаты. Неужто я ее смертельно обидела? Кто знает. Но через пару минут она вернулась с каким-то блестящим предметом в руке, который принялась закреплять на моей лодыжке.

— Барака, — сказала она с таким видом, словно я знаю, что это такое. — Барака.

— Это на счастье, — перевел Таиб. — Предохраняет от дурного глаза и поможет быстрее залечить ногу. Раз уж вы не едите саранчи, амулет поможет вам быстрее стать здоровой и сильной.

Я наклонилась, чтоб посмотреть поближе. Это был небольшой серебряный квадратик, привязанный к бинтам тоненьким кожаным шнурком. У меня перехватило дыхание.

Я расстегнула карман, вынула свой амулет, протянула его на ладони и сказала:

— Смотрите.

Таиб и его бабушка уставились на огромную копию предмета, привязанного к моей лодыжке, а потом оба быстро заговорили, склонив друг к другу головы, она свою, закутанную в яркую шелковую шаль в оранжевую и черную полоску, а он свою, коротко стриженную, с черными

волосами, в которых местами уже пробивалась седина. Внук Лаллы Фатмы был старше, чем мне показалось вначале.

— Очень похожи, правда? — оживленно спросила я.

Таиб поднял голову.

— Они сделаны в разных регионах. Маленький принадлежит нашим мавританским предкам, а этот, думаю, сделан где-то на юге, хотя по происхождению явно туарегский. Откуда он у вас?

— Это... подарок.

— Дорогой подарок. Очень хороший талисман. Что вы о нем знаете?

— Кажется, его нашли в пустыне, неподалеку от одного могильника. — Я не стала вдаваться в подробности и никак не могла вспомнить, как звали особу, упомянутую в археологическом документе. — Там была похоронена женщина, имя которой означало «Та, что владеет шатрами» или что-то в этом роде.

— Уж не Тин-Хинан ли вы имеете в виду? — Таиб так и вздрогнул.

Да-да, я вспомнила. Именно это имя было в бумагах отца.

— Да, — ответила я. — Так оно и есть. Но вполне возможно, что амулет не имеет к ней никакого отношения.

Таиб снова принялся внимательно разглядывать мою вещицу, потом покачал головой и пробормотал совсем тихо, словно про себя:

— Он не может быть таким древним. Наверное, просто совпадение. А вы не позволите купить его у вас?

Это что, такой закон вежливости? Я должна подарить этому семейству свой амулет за то, что они спасли меня? Я вдруг без всякой причины разозлилась. Они притащили меня к этой старой ведьме с ее вонючей мазью и приемами деревенской знахарки и требуют мой амулет? Он принадлежит мне, и я с ним ни за что не расстанусь.

— Он не продается, — зажав его в руке, заявила я.

— Даже если мы не сумеем доказать его происхождение, за него можно выручить хорошие деньги. Понимаете? — пожал плечами Таиб. — В Париже. За такими артефактами охотятся многие коллекционеры. Это работа настоящего инедена, а не современная копия из никеля.

— Странно! Откуда вы так много про это все знаете? — Я недоверчиво посмотрела на него.

— Вы имеете в виду, слишком много для бедного, отсталого берберера? — Он коротко и резко рассмеялся. — По правде говоря, я здесь в гостях, приехал повидаться с сестрой Хасной. — Таиб кивнул в сторону девушки, и она улыбнулась в ответ. — С наной и другими родственниками. Вообще-то я торгую североафриканскими древностями, большей частью в

Париже.

Я вдруг догадалась, кто он такой. Господи, какая же я дура! Это ведь тот самый родственник хозяина ресторана, о котором тот упоминал.

— А-а, — протянула я. — Значит, вы — тот самый Таиб.

Когда ему стало ясно, что я не собираюсь объяснять, что значит мое странное замечание, он продолжил:

— Можно посмотреть его поближе? Это по-настоящему интересный экземпляр.

Я неохотно протянула амулет, но, как только это сделала, мне показалось, что внутри него что-то сдвинулось. Я перевернула его и стала внимательно разглядывать.

— Кажется, он сломался. Должно быть, когда я сорвалась.

Внезапно тошнота снова подступила к горлу. Этот амулет спас мне жизнь — и вот, пожалуйста, сломался.

Таиб вытянул шею.

— Нет, не сломался, смотрите.

Центральная шишечка была не на месте. При ударе во время падения она сдвинулась в сторону. Под ней скрывалась потайная ниша. Про свою травму я уже позабыла!.. Внутри ниши приютилась крохотная трубочка, похоже, из бумаги, может, из пергамента или даже папируса... На чем там еще писали древние люди? Дрожжащими пальцами я попыталась выковырять ее оттуда, но, видно, она пролежала там очень долго и никак не хотела выковыриваться.

— Попробуйте вы. — Я протянула амулет Таибу, но Лалла Фатма положила руку ему на плечо, что-то очень громко и быстро сказала, и он в испуге оцепенел.

— Нана очень суеверна. Она говорит, что мертвых лучше всего не беспокоить.

— Мертвых?

— Это такая поговорка. Не надо ворошить прошлое. Она боится, что там какое-то недоброе заклинание или, еще хуже, проклятие, и не хочет, чтоб оно перешло на всю семью.

«Не будить спящего зверя». Я вдруг вспомнила эти слова из письма отца. Не может этого быть! Я решительно полезла пальцами в узенькую щель, и скоро свернутый в трубочку листок бумаги оказался у меня в руке. Я ждала того странного ощущения дрожи, которое меня охватило при первом прикосновении к амулету... но так и не дождалась. Бумага выглядела очень тонкой и ломкой. Я боялась, что она рассыплется, как только я попытаюсь ее развернуть. Но надо ведь узнать, что в ней

содержится. Я осторожно расправила свиточек. Что я хотела обнаружить внутри? Что-нибудь типа послания в бутылке с призывом о помощи! Я смотрела на загадочные символы: кружок, перечеркнутый по диагонали, как на знаке «вход воспрещен», треугольник, из которого торчала палочка, человечек с поднятыми руками, похожий на закрытый зонтик, буква X с перекрытыми верхними и нижними концами, какой-то знак, похожий на перевернутую букву А с выступающими по обе стороны концами поперечной перекладины, два крошечных кружочка, один сверху другого. Надпись эту можно было читать как по горизонтали, так и по вертикали. Все значки были искусно выстроены так, чтобы любопытный глаз постороннего, каковой я и являлась, ничего не понял.

— Вы знаете, что это такое, можете прочесть? — повернувшись к Таибу, поинтересовалась я.

Он покачал головой.

— Это письмо называется тифинаг, особый алфавит языка тамашек, им у туарегов до сих пор пользуются женщины. Могу ли я прочесть это? — Таиб снова покачал головой. — Моя семья имеет туарегские корни, но все, кто мог бы читать подобные надписи, давно в могиле.

— А ваша бабушка?

Я заметила, что старуха тянет шею. Ей тоже любопытно было узнать, что мы такое обнаружили. Глаза ее были широко раскрыты, словно она что-то такое знала, но предпочитала держать при себе. Потом Лалла Фатма подняла руки, словно предохраняя себя от злых сил, повернулась и вышла. Мы смотрели, как она нырнула в низенький дверной проем, вышла во двор и пропала из поля зрения.

Глава 15

После тяжелого признания Мариата стала избегать Амастана. Девушка не знала, что ему сказать. Почему она не могла найти нужных слов, никак не откликнулась на огромную жертву, когда он раскрыл перед ней душу? Какой же она тогда поэт, хуже того, что за женщина? Судя по взглядам, которые молодой человек бросал на нее и тут же отворачивался, ее нежелание разговаривать с ним принесло ему новую боль. Тень Манты всегда маячила между ними. Мариата пыталась представить, какой она была. Должно быть, живой, уверенной в себе. Конечно, красивее многих, немного своенравная, из тех, кто не боится поцеловать молодого человека, если он ей нравится, готовая доверить ему свое сердце, даже едва его зная. Словом, Манта очень походила на нее. Придя к этому выводу, она тем более не могла подойти к Амастану. У нее возникло странное чувство, что это было бы в каком-то смысле предательством по отношению к погибшей девушке и к их трагической любви.

Где-то через неделю Амастан с группой охотников отправился на север поискать дичи для свадебного пира в честь новобрачных Лейлы и Хедду. В первые несколько дней Мариате было даже легче, ничто не напоминало о его постоянном присутствии. Потом она так по нему соскучилась, что ей казалось, будто сердце ее превратится в камень, если она вскоре не увидит его. Словно в отместку за эту тоску по нему, по ночам ей стала сниться Манта, и Мариата всякий раз просыпалась в холодном поту. Она слышала ее голос, видела обезглавленное тело, которое двигалось само по себе, а голова катилась у ног. Из окровавленного рта торчал тот самый амулет, который Мариата теперь носила на груди.

Однажды утром к ней пришла Рахма, присела рядом, принялась месить тесто для тагеллы и сказала:

— Что-то у тебя усталый вид, доченька.

Мариата призналась, что плохо спала.

— Ночь была очень жаркая, — согласилась Рахма и слегка усмехнулась.

Мариата поняла: та догадывается, что дело тут не только в этом. Старуха опять заговорила о том, что Амастан собирается снова пойти по соляному пути.

Девушка с силой шлепнула ладонью по тесту и заявила:

— Не думаю, что твой сынок еще хотя бы раз отправится с караваном.

Рахма перестала стряхивать пыль и песок с камня, на который собиралась вывалить тесто, внимательно посмотрела на Мариату и спросила:

— Что он тебе говорил? Сын уже рассказал про Манту?

Даже звук этого имени был для Мариаты как нож в сердце... Но она промолчала. Если даже она что-то и знает, то говорить об этом не имеет права.

Но Рахма продолжала:

— Я считаю, нам с тобой надо все разузнать, но спрашивать должна ты. У него всегда имелись от меня какие-то тайны, даже в детстве. Когда сыну было пять лет, дядя подарил ему ножик, и он прятал его в песке за шатром, пока я не обнаружила и не отобрала. Однажды Амастан играл с большими мальчиками и повредил колено, а мне ни слова, гордый был, да и боялся, что не пушу его больше к ним. Кровь залила штанишки, а он целую неделю скрывал это, пока ткань не срослась с раной. До сих пор шрам остался. — Она печально вздохнула. — Ради нас обеих обещаю, Мариата, что все узнаешь.

Девушка бросила на нее любопытный взгляд.

— А почему ты просишь об этом меня?

— Я же видела, как ты на него смотришь, — ответила старуха и махнула рукой, не давая Мариате возразить. — Мы с тобой любим его. Когда он вернется, я помогу тебе, ты — мне, и Амастан получит от нас все, что ему надо.

— О чем ты говоришь?

Сузив глаза, Рахма посмотрела на Мариату.

— Он останется с нами здесь, женится и снова станет человеком. Семья даст ему надежду. Она очень нужна сыну, чтобы зажить по-новому.

— Не думаю, что он готов к этому, — осторожно произнесла Мариата. — Со мной или с кем-то еще.

— Тогда нам придется позаботиться о том, чтобы события не застигли

его врасплох, — поджав губы, сказала Рахма.

На свадьбу стали съезжаться гости со всей округи, даже из Тафадека и Иферуана, далеких оазисов, расположенных на территории Нигера. Прибывали многочисленные тетушки со своими детьми, братья и дядюшки, старые друзья. Хозяева позаботились о том, чтобы разместить и накормить всех, зарезали лучших коз и кур, хотя пожилые люди их уже не ели, для них это было табу. В качестве сладостей приготовили особо изысканное угощение: саранчу, обсыпанную сахаром.

Через несколько дней вернулись охотники и привезли кроликов, диких пятнистых кур, во множестве водившихся среди холмов, и двух газелей, которых они загнали на плато неподалеку от селения. Немолодой уже баран, которого приготовили на заклятие, заклеив ему ухо на случай, если добытки вернутся с пустыми руками, временно был помилован. Мужчины в деревне отпускали шуточки по этому поводу, а один из них повесил ему на шею кожаный амулет в знак того, что скотине повезло, ей улыбнулась барака, то есть удача. Все веселились от души, не считая Рахмы с Мариатой, поскольку Амастан еще не вернулся. Охотники сказали, что он отправился по своим делам, но не сообщил, куда именно.

Мариата пыталась отвлечься, включилась в приготовления к свадьбе, но мысли и сердце ее были далеко. Все утро она одну за другой выпекала лепешки: замешивала тесто, клала его на нагретый солнцем хлебный камень и поддерживала огонь в костре, пока от него не оставались светящиеся уголья. Потом девушка сгребала их в сторону, клала тесто в горячий песок и засыпала его угольями. Главное здесь — вовремя перевернуть хлеб. Работа требовала сосредоточенности. Пусть отсутствие Амастана и оставило у нее в груди невосполнимую пустоту, но она делала все аккуратно, тщательно и заслужила похвалу даже от иссохших от времени старух, которые уже полвека выпекали свадебный хлеб.

Днем, когда стало слишком жарко, чтобы готовить еду и даже двигаться под палящим солнцем, женщины разбрелись по шатрам поспать, посплетничать, примерить наряды и украшения для предстоящего вечера, подкрасить глаза и приготовить хну. Мужчины же укрылись в тени деревьев на другой стороне селения.

Пока Нофа краской из хны рисовала на руках и ногах невесты цветы и язычки пламени, Лейла упросила Мариату заплести ей волосы, как это делают в Хаггаре, — женщинам из кель-теггарт такая прическа казалась особенно необычной и эффектной. Несколько часов девушки провели за плетением косичек и беззаботной болтовней. Увидев, что получилось,

остальные потребовали, чтобы им тоже сделали такую прическу, но Мариата замахала руками.

— Это только для невесты. Должна же она выделяться среди других! Каково ей будет, когда она увидит у вас то же самое?

Они так расстроились, что Мариата в конце концов уступила и самым молоденьким переплела волосы по-своему. Когда нетерпеливая очередь желающих подошла к концу, у нее болели пальцы, но вдруг она увидела перед собой четырехлетнего Идриссу, который тоже хотел не пропустить волнующего зрелища, главную роль в котором будет исполнять его старшая сестра.

— И мне, — заявил он. — Заплети мне тоже.

Несмотря на усталость, Мариата не сдержала улыбки.

Как и у остальных мальчишек племени, волосы его были заплетены в косу, которая шла от макушки бритой головы.

Мариата взяла ее в руку и спросила:

— Но, Идрисса, если я заплету тебе волосы, как у твоей сестры, за что тогда ангелы подхватят тебя, если ты упадешь?

Мальчик призадумался, а потом лукаво улыбнулся.

— Заплети как у Таришат, а я обещаю, что буду ходить осторожно и постараюсь не упасть. А завтра опять сделаешь как было.

Девушки дружно рассмеялись.

— Ишь ты, да из него выйдет хороший торговец!

— Да, торговаться он хорошо умеет, — согласилась Мариата. — Но понимаешь, Идрисса, если я сделаю тебе прическу как у Таришат, ты будешь похож на девочку, и другие мальчишки станут над тобой смеяться.

Идрисса снова подумал и сказал:

— Не хочу быть похожим на девчонку.

Он важно удалился, но скоро уже бегал, кричал и смеялся с другими мальчишками, бросал палку собакам возле загона для коз.

Войдя в огражденный участок, Мариата все еще улыбалась, как вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Она обернулась. За ее спиной стояли шатры женщин, там то и дело раздавался громкий смех. Все были заняты радостными приготовлениями к свадьбе и не обратили на уход девушки никакого внимания. Справа — загородки для скота, там играют детишки, слева — безлюдная оливковая роща, прямо перед ней — площадка, где распивали чай, курили и беседовали мужчины племени. Никто не смотрел в ее сторону. Мариата снова почувствовала неприятное покалывание и обернулась к оливковой рощице. Медленно, словно смысл слов давно забытого языка, перед глазами ее проступали очертания чьей-то высокой

неподвижной фигуры в темной одежде. Какая-то тень выделялась на фоне серебристо-зеленой листвы. У нее вдруг забилося сердце. Даже на таком расстоянии невозможно было не узнать Амастана. Но почему он стоит там и молча смотрит на нее? Кругом шум и гам свадебных приготовлений, люди смеются, поют, тащат горшки и кухонные принадлежности, еду, ковры и барабаны туда, где должно состояться празднество. Среди всей этой суеты и суматохи, неподвижно застывший, наблюдающий со стороны, он был как чужой. Мариату тянуло к нему так сильно, словно между ними была протянута веревка.

«Я должна подойти, — думала она. — Мне надо поговорить с ним, загладить трещину между нами. Да-да, именно сегодня».

Девушка дрожала, все еще не решаясь... Как вдруг перед ней возникла чья-то фигура. Это была Тана, руки которой все еще покрывала кровь. Она только что разделывала мясо.

— Не надо, — сказала Тана, напряженно глядя Мариате в глаза.

— Не надо чего?

— Не ходи к нему. Оставь его.

— А я и не собиралась, — ответила Мариата, и у нее задрожали коленки.

Как могла эта женщина-кузнец прочесть ее мысли? Рука девушки потянулась к амулету, висящему на груди под платьем, но это движение не ускользнуло от острых глаз Таны.

— Вижу, что уже поздно. Впрочем, талисман тебе не поможет, да и защищаться нужно не от меня. Говорю еще раз: не ходи к нему. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Не понимаю, о чем ты. Я просто хотела помочь Лейле подобрать украшения.

— Для этого у нее есть сестры.

— Почему ты со мной разговариваешь так, словно я здесь незваный гость, не имеющий никаких прав?

Глаза Таны потемнели, взгляд стал непроницаем. Все тайное, что в нем выражалось, пропало.

— Во внутренностях животных я увидела смерть и сразу пошла предупредить тебя. Ты должна уйти. Можешь взять моего мула.

— Что? — Мариата вытаращила на нее глаза. — Чью смерть ты увидела?

Но женщина-кузнец уже шагала прочь.

— А куда же я пойду? — крикнула Мариата ей вслед, но та не ответила.

Ее бросило в жар, потом в холод. Она считала Тану подругой, тем более что та тоже была здесь чужой, племя приютило ее у себя. Но недружелюбный взгляд и слова женщины-кузнеца разбредили, растревожили Мариате душу. Впрочем, Тана предложила девушке своего мула. Неужели она так сильно хочет, чтоб Мариата покинула племя? Правда ли, что она увидела во внутренностях животных смерть? Чью, уж не самой ли Мариаты? Ее поразила еще одна мысль, даже страшней, чем первая. А вдруг Тана увидела кончину Амастана, причиной которой должна стать она, Мариата? Значит, вот почему ей надо уйти.

Шли долгие часы праздника, играла веселая музыка, все танцевали, разыгрывалось ритуальное похищение невесты, новобрачных провожали в новый шатер Лейлы. Все это время слова инедена вертелись в голове Мариаты, сплетались в крепкую сеть мыслей, в которой она запутывалась, как муха в паутине. Когда солнце село, ей стало холодно. Девушка никак не могла согреться, дрожала, даже когда села поближе к костру. Она совсем не слушала пения и сама не хотела петь, хотя и очень любила. Когда Мариата пошла танцевать, ей казалось, что она не попадает в такт с остальными девушками, что ноги ее словно слушаются замедленного и навязчивого ритма барабана, доносящегося откуда-то издалека. Стихи уже не сходили с ее губ так легко, как это всегда бывало во время состязаний в искусстве слагать песни. Она сбивалась, забывала ключевые слова, становилась косноязычной, говорила какую-то невнятицу. Девушка не могла не заметить, как раздраженно переглядывались Йехали с Нофой.

«Что это сегодня с Мариатой? Все она делает не так. Из-за нее мы выглядим дурами!» — красноречиво говорил этот взгляд.

Даже Амастан глядел на нее как будто насмешливо. По складке на лбу, не до конца закрытом тагельмутом, она поняла, что он хмурится. Мариата не стала этого терпеть и потихоньку ускользнула из толпы. Она собрала в шатре вещи, с которыми пришла сюда, прихватила бурдюк для воды, сделанный из цельной шкуры козы, — вряд ли за это на нее кто-нибудь рассердится, — немного хлеба, который сама пекла накануне. Потом, словно в каком-то трансе, девушка вышла за селение, направилась к кузнице и оказалась в загородке, где стоял привязанный к столбику мул. Она заглянула ему в равнодушные глаза, блестящие в темноте, и он ответил ей тем же.

— Вот ты где. Я пришла за тобой, — прошептала ему Мариата. — Хотя сама не знаю, куда мы с тобой поедем.

Мул, конечно, ничего не ответил, но за спиной Мариаты шевельнулся ночной воздух, и послышался чей-то низкий голос:

— Хочешь, я отвезу тебя, куда пожелаешь?

Она обернулась и увидела Амастана. Его синяя одежда была будто соткана из ночи.

— Ты тоже желаешь, чтобы я ушла?

— Я? Нет.

— Несмотря на то что я обошлась с тобой так жестоко?

Амастан ничего не ответил, но ей показалось, что в глазах его мелькнул огонек, будто он улыбнулся. Ночные цикады стрекотали так, будто с ума посходили, издали, со стороны реки, ветерок доносил дружное пение брачующихся лягушек.

— Где жестокость, там и доброта, где доброта, там и жестокость, — сказал он чуть позже. — Разве можно точно отделить одно от другого? Это две стороны одной монеты, которую подбросили в воздух.

Мариата нахмурилась.

— Ты, конечно, видел, что я сегодня не в своей тарелке. Даже с песнями все было плохо, так что не дразни, я не маленькая. — Она подняла с земли вьючные корзины, погрузила мулу на спину, разложила в них свои скудные пожитки, потом со вздохом повернулась к Амастану спиной. — Я сейчас уйду, поэтому буду говорить прямо. Я пришла сюда, чтобы помочь человеку, которого все считали безумным, убийцей, одержимым джинном или злыми духами. Скорее всего, во время очередного приступа помешательства он убил свою возлюбленную. Чтобы отыскать меня, твоя мать пересекла Тамесну, она была убеждена, что благодаря своей родословной я смогу помочь тебе. Но скоро выяснилось, что во мне нет магической силы, у меня ничего не получалось. От злых духов освободила тебя не я, а Тана, и сделала она это не ради тебя, а ради меня. Потому что, пойми... Ой, как это трудно!.. — Она провела ладонью по лицу и быстро продолжила, перейдя почти на шепот: — Потому что, пойми, ей не тебя было жалко, а меня.

Девушка оглянулась и бросила на него испуганный взгляд. Как он к этому отнесется? Но Амастан, похоже, ничего не понял.

— Потом ты рассказал мне, что на самом деле случилось с... Мантой, раскрыл передо мной душу. Вместо того чтобы посочувствовать тебе, человеку, видевшему весь этот ужас, я убежала, как ребенок, испугавшийся страшной сказки про чудовищ! Ты так долго хранил в душе эти ужасные воспоминания, потом открылся мне, а я... взяла и убежала. Мне очень стыдно за себя. Может быть, я еще не совсем взрослая, как думала до сих пор, но даже если это так, ты не должен дразнить меня, как ребенка.

— Поверь, я совсем не считаю тебя ребенком, — серьезно сказал

Амастан. — Честное слово, я волнуюсь, когда думаю о тебе.

— Волнуешься?

— В моем помрачении я чувствовал себя в безопасности, спрятался от всего мира. Никто не мог тронуть меня, мои демоны были мне щитом. Потом пришла ты и пробила этот щит сиянием своих глаз и звучными стихами. Может быть, Тана и изгнала из меня моих демонов, но именно ты проломила брешь, через которую они бежали. Твоя красота пронзила все мое существо, и твое молчание было для меня ужасной пыткой. Когда ты не захотела говорить со мной, даже глядеть на меня, мне показалось, что я снова поглощен черной ночью. У меня больше не осталось надежды. Когда мужчины отправились на охоту, я поехал с ними, чтобы быть подальше от тебя, от племени, от всего. Потом я бросил охотников и пошел пешком один. Я ушел далеко, без еды, без воды, хотел, чтобы ко мне поскорее пришла смерть. Я сидел там один, ждал ее и вдруг увидел, что весь мир продолжает идти своим путем, словно меня в нем нет, будто я какая-нибудь сухая веточка на песке или мертвый камень. Вокруг меня бегали скальные белки, они собирали и прятали орехи, помечали свои тайники. Им казалось, что я нечто неодушевленное, просто препятствие, которое приходится обегать. Ящерица скользнула у меня под ногами, так быстро перебирая лапками, что они едва касались горячей земли. Она не успела скрыться, как из камней высунулась голова гадюки, и ящерица уже торчала меж ее челюстей. Когда опустилась ночь, я лег на спину и стал смотреть на звезды, на Орион, который своим посохом из трех звезд пасет остальные, рассыпавшиеся по всему небу. Мне казалось, что я велик, как небо, и мал, как одна из этих крошечных светящихся точек. Я понял, что, скорее всего, ничего не смог бы сделать, чтобы спасти Манту. Не существует таких заклинаний, которые предотвратили бы ее смерть. Вселенная слишком велика, один человек не в силах познать ее. Может быть, на свете нет никаких духов, ни злых ни добрых, да и магии тоже. Проклятия не имеют никакой силы. Всего этого люди боятся лишь потому, что не могут принять горькой правды. Человека постоянно поджидают опасности и смерть, и не в наших силах предотвратить их. Я думал о том, что жизнь коротка, трудна и ужасна, но звезды, эти крохотные огоньки над нами, окруженные кромешной тьмой, вечны. Возможно, когда все для нас будет кончено, мы тоже уйдем туда, к ним. Ты веришь в это, Мариата? Когда мы умираем, не станем ли звездами, маленькими блестящими точками в черной и холодной бесконечности? Или же наше тело просто закапывают в землю, оно сгнивает и от нас не остается следа?

Мариата печально смотрела на него, не зная, что и сказать. На

мгновение девушке показалось, будто душа его раскрывается перед ней и он хочет говорить о делах сердечных, которые всегда понимают и способны обсуждать между собой мужчина и женщина. Но потом он ступил на зыбкую и опасную почву. Мариата с детства была приучена верить в существование духов — джиннов во всех их различных видах. Говорить так не стоит, иначе можно накликать их в огромном количестве. Ведь добрый джинн в это ночное время ни за что не явится, зато Кель-Асуф всегда тут как тут. С ним его воинство, живущее в пустыне, все, кто совращает души людей, заставляет забыть семью, костры родного племени. Человек дичает, как шакал, питающийся падалью пустыни. Это африты и демоны, духи ночи, упыри, мстительные души несчастных и проклятых, которые скитаются в местах, где их настигла безвременная смерть, одержимые страстным желанием причинять боль другим, чтобы облегчить собственную, карины, то есть личные демоны, всегда готовые нашептывать нечистые желания здоровой душе и сбить ее с пути истинного.

А все эти разговоры про звезды и смерть. Откуда это у него? Бабушка рассказывала Мариате об устройстве Вселенной. В ее повествованиях и стихах все было так, как ей, в свою очередь, рассказывала ее бабушка, а к той эти сведения дошли от прежних поколений. Девушка знала, что души мертвых, которые не обрели покоя, остаются с нами. Покойника надо немедленно предать земле, целым и невредимым, чтоб он лежал лицом к востоку. На могилу сверху принято класть семь плоских камней, чтобы душа оставалась на своем месте, там, где ей положено быть, а еще ветки колючего растения, чтобы животные не растерзали труп. Тело почившего, разумеется, разложится и сгниет. Все в мире умирает и уходит в землю: козы и собаки, верблюды и дети. Этого факта отрицать невозможно, но вот душа — это совсем другое дело. Сторонники новой религии толкуют о каких-то небесах, куда улетают души избранных, но такие люди, как ее бабушка или Рахма, отрицают истины ислама и смотрят на мир куда более мрачно и просто. Но ни те ни другие не говорят, что звезды — это души умерших. Дикая мысль о том, что они висят у нее над головой в бесконечном небе, переворачивала все представления Мариаты о мире, ей тяжело было это допустить. Сама такая возможность возмущала ее разум.

Она покачала головой.

— Нельзя говорить о таких вещах к ночи. Можно привлечь к себе внимание злых сил. — Мариата прикоснулась к амулету, висевшему у нее на шее.

— А-а, ты все еще носишь мой амулет. — Амастан улыбнулся.

— Да, с тех пор, как мы взяли его у тебя.

— Когда-то я считал, что в нем собралось все зло в мире. — Он шагнул к ней, ухватил за нитку ярких бусин, на которой был подвешен амулет, и вытащил его из-под платья. — Но вот я вижу его на тебе, и у меня радуется сердце. Я понимаю, что это неправда. — Амастан долго и внимательно смотрел ей в глаза. — До того как я встретил Манту, ни одна девушка не вызывала у меня такого чувства. Я думал, что со мной этого больше никогда не случится.

— А теперь? — дрожащим голосом спросила Мариата, и в глазах ее загорелся огонек желания.

Он долго молчал, и Мариата было подумала, уж не слишком ли прямо задала этот вопрос, не зашла ли слишком далеко.

Амастан взял ее руку, повернул ладонью кверху и внимательно стал разглядывать.

— Какая она у тебя маленькая, — заметил он и прижал ее ладонь к губам.

Сквозь мягкую ткань лицевого покрывала девушка почувствовала жар его губ, и у нее задрожали колени.

— Пойдем, — сказал Амастан и повел Мариату к реке.

Глава 16

Отчаянный крик ребенка вырвал меня из нежных объятий сладкой дремы. Я перевернулась и увидела белокурого мальчишку, лежащего на дорожке, по которой он бежал и упал. Ребенок с покрасневшей от воплей мордашкой молотил кулачками землю. Испуганная мамаша, тоже блондинка, выскочила на гостиничную террасу, украшенную гирляндами растений, подбежала к нему и взяла на руки.

Над их головами сияли на солнце вершины гор, окружающих долину Амельн. Львиная Голова будто дремала, сморенная жарким солнцем.

— Ему здесь до смерти надоело! Не понимаю, с чего ты взял, что нам тут будет хорошо. Ему просто скучно, совершенно нечего делать, черт бы тебя подрал! — кричала дамочка, обернувшись через плечо к мужу, уже лысеющему, сосредоточенно склонившемуся в нескольких метрах справа от меня над картами, развернутыми на столе.

Она решительным шагом подошла к мужу и бесцеремонно сунула визжащего ребенка ему на колени. Тот озадаченно посмотрел на него, словно впервые в жизни видел это визгливое существо, потом протянул руку, взял с чайного подноса миндальное печенье и сунул ребенку в рот. От неожиданности тот сразу умолк, и вопли стихли.

Я невольно позавидовала карапузу. Если бы я могла позволить себе устроить такую истерику, то давно сделала бы это не задумываясь. Но вокруг нет никого, кто мог бы поднять меня с земли, отряхнуть и сунуть мне миндальное печенье, чтобы я заткнулась. Ну да ладно, я тоже могу себя кое-чем побаловать. Ведь я заказала мятный чай со всякими вкусностями и уснула, пока ждала. Мальчонка, обслуживающий столики, вероятно, был столь деликатен, что не стал меня будить. Я налила чаю в стакан, но он уже успел остыть, перестоял, потемнел и по вкусу был как горькая отвара. Зря я

его попробовала.

Уже три дня своего замечательного отпуска я провела в номере тафраутской гостиницы либо на ее террасе, в то время как другие напропалую бросились на поиски приключений. Моей несчастной лодыжке нужен был покой. В первый день после того, как Таиб спас меня, снял со скалы и доставил сюда, Ив еще оставалась со мной, но я скоро не вынесла угрызений совести. Ив делала вид, что все в порядке, но отчаянно скучала. Для меня это еще хуже, чем оставаться одной, и я прогнала ее с Майлзом и Джемом.

На второй день мне было даже приятно: никуда не надо спешить, ничего не надо делать. Я сидела на террасе, подставляя лицо солнечным лучам, как некий цветок, любящий свет, и мне казалось, что все мои жилочки, прежде стянутые в тугие узлы, медленно расправляются, а напряженные нервы успокаиваются. Я бездумно созерцала прекрасный пейзаж перед глазами и дивилась тому, что впервые в жизни посетила часть света, где зародился и откуда по всему миру расселился человек. Разглядывая огромные неподвижные кварцитовые скалы, нагромождения красновато-оранжевых гранитных валунов и яркую зелень оазиса в долине, я легко представила себе, как здесь шла жизнь с древнейших времен. Бесконечные вереницы людей и вьючных животных отправлялись в дальний путь, чтобы продать свой товар, обменять зерно и ремесленные изделия на вещи, которые они не могли изготовить или вырастить сами. Я видела, как неторопливо занимаются ежедневными делами местные жители. Все они были закутаны в длинные одежды, с покрытыми головами — женщины в платках, а мужчины в тагельмустах. Люди этих мест, должно быть, носят такое веками. Я воображала себя чуть ли не путешественницей во времени, этаким туристкой, которая проделала не только тысячу миль по воздуху, но и забралась на столько же лет в прошлое.

Но скоро новизна впечатлений побледнела, я стала все больше скучать и уже сожалела о том, что рассталась с Таибом. После того как его бабушка проделала со мной свои колдовские штучки, он бросил меня одну-единешеньку в этой дурацкой гостинице. Впрочем, нет, не бросил, настоял на своем, снял меня с осла и на руках перенес в холл гостиницы, как жених невесту через порог своего дома. Такая фамильярность показалась мне излишней и так меня разозлила, что уже в холле я вырвалась из его лап и, кажется, громко нагубила ему, чтобы мрачный человек, торчавший за стойкой администратора, не усмотрел чего неприличного.

— Хотите, заеду за вами завтра или послезавтра и покатаю по окрестностям, — нисколько не смутившись, радушно предложил Таиб.

Я, разумеется, отклонила такую инициативу, а теперь жалела об этом.

Я взглянула на часы. Только что минуло три. Невероятно, как долго тянется время, когда нет возможности заняться чем-то полезным. Я потянулась к изрядно захватанному путеводителю, тщетно надеясь найти в нем раздел, ускользнувший от моего внимания, но, разумеется, все страницы были читаны-перечитаны. Я успела пролистать и еще одну книжку, которую прихватила с собой, а именно биографию Гертруды Бэлл, [47] на грани отчаяния перерыла багаж Ив, нашла там какой-то дамский роман, пробежала пару страниц, где героини болтали только про тряпки и про мальчиков, и абсолютно утратила к нему интерес. Работа, отличающаяся жестким распорядком и немалыми ограничениями, обычно держала меня в форме, как китовый ус корсета. В отпуске ту же роль играло скалолазание. В нем тоже была своя дисциплина. Но без того и другого я чувствовала себя лишенной опоры, была не человек, а бесформенная медуза, желе. Меня убивало чувство собственной беспомощности, ощущение внутренней пустоты. Неужели я и вправду лишь робот, запрограммированный на тупые, скучные обязанности западного образа жизни, не могу найти иного способа дышать полной грудью, когда меня связывает всего только вывихнутая лодыжка? Ведь другие люди попадали в гораздо более худшие обстоятельства. Как они умудряются преодолевать их и жить полнокровно?

Рассердившись на себя, я решила во что бы то ни стало выбраться в город, посетить какие-нибудь лавки с местными украшениями, о которых говорила жена хозяина ресторана, поспрашивать про амулет. Судя по всему, французский у меня вполне подходящий и я сумею поддержать разговор, расспрашивая о людях, об их культуре и обычаях. Возможно, смогу от нечего делать побродить между лавчонок местного базарчика, который я заметила, когда мы покупали продукты в день восхождения на Львиную Голову. Кто его знает, какие еще странные вещи могут мне попасться в местах, где люди с удовольствием едят саранчу?

Воодушевившись этими планами, я решила немедленно действовать. Боясь передумать, я положила двадцать дирхемов на чайный поднос, сунула путеводитель в сумку на ремне и осторожно встала на здоровую ногу, стараясь сохранять равновесие. Потом я так же бережно коснулась земли поврежденной ступней и попробовала перенести на нее часть своего веса. Ой, мама! Обжигающая боль пронизала ногу так сильно, что я чуть не задохнулась. Вцепившись в край стола, я ждала, когда боль пройдет. Через несколько секунд мне действительно стало легче, но стоило пошевелить пальцами ноги, а не то чтобы сделать хотя бы маленький шаг, как по

икре прошла еще одна волна боли, хотя и не столь сильная. Ой-ой-ой! Провести еще целый день в этой треклятой гостинице, даже хотя бы час! Я сделала шаг, потом другой.

— Мадмуазель!.. — прозвучало вдруг у меня за спиной.

Застигнутая врасплох, я резко повернулась, потеряла равновесие и бесформенной кучей рухнула на землю, стукнувшись к тому же лодыжкой о металлическую ножку стула и проехав щекой по камням, выстилавшим дворик. Мне было так больно, что из взрослого цивилизованного человека я мгновенно превратилась в ребенка, который ругается самыми последними словами.

— Сволочь! Что ж ты себе, скотина, думаешь?! До смерти перепугал, козел, ишь, подкрался! Господи, проклятая лодыжка, черт побери, зараза...

Я бушевала и долго ругалась, сначала от боли и злости, потом для порядка, используя лучшие в данной ситуации словечки английского языка, входящие в набор скалолаза, пока боль, а с нею и ярость постепенно не успокоились. Все это время маленький чертик сидел у меня на плече и нашептывал на ухо о том, что совсем недавно в городе я видела человека без ног, который передвигался на маленькой тележке, перекидываясь шуточками с попадавшимися навстречу детишками. Старушка шла, согнувшись чуть ли не пополам. Она поворачивала лицо вверх под невыносимым углом, улыбалась каждому встречному и желала ему здравствовать. Болезненно худой мальчишка упал посреди улицы головой вниз с осла, но тут же вскочил и, как на пружинах, снова запрыгнул ему на спину. Он отряхнулся от пыли и засмеялся, несмотря на то что ему было очень больно и все кругом тоже хохотали над ним. У меня всего лишь несчастная вывихнутая лодыжка, а я закатила нелепую, позорную сцену. Моя мама так бы мне и сказала.

«Иzzi! — заявила бы она таким тоном, будто я совершила самый постыдный в мире поступок. — Немедленно прекрати истерику».

Я подняла голову и увидела, что даже белокурый карапуз смотрит на меня, разинув рот.

«Все правильно, — злобно подумала я, лежа на неровной земле в весьма неудобной позе, лишенной всякого достоинства. — Смотри на меня как следует и запомни, сынок. Вот так устраивает истерику взрослый человек. Советую тебе усвоить прекрасные англо-саксонские вокабулы, которые ты только что слышал, чтобы как-нибудь от души потрясти своих папашу с мамашей, этих самодовольных и чопорных буржуа!»

Но тут кто-то подхватил меня под мышки и поставил в вертикальное положение, а потом усадил на стул. Поднялась суматоха, все забегали,

залопотали на своем непонятном берберском. Через несколько секунд прибежал человек из обслуги с кувшином воды и небольшим белым полотенчиком. Я почувствовала, что кто-то легко шлепает меня по щекам.

— Пустяки, царапина, ничего страшного, — бормотал по-французски утешающий голос.

Я сорвала с лица полотенце, мне вдруг стало ужасно противно, что кто-то позволил себе такую фамильярность.

— Оставьте меня в покое!

— Простите, ради бога, я хотел вам только помочь...

Конечно, это Таиб, его резко очерченное лицо, мрачающее под складками тагульмуста.

— Извините, — сказала я, смущенная своей резкостью. — Просто мне до чертиков надоело нуждаться в чьей-то помощи.

— А я было подумал, не захотите ли вы прокатиться со мной в одну деревеньку в горах. Там живет пожилая женщина, которая могла бы сказать вам, что написано на листке в вашем амулете.

— Это правда? — Я вскинула на него глаза.

Любопытство в душе моей боролось с осторожностью. Можно ли довериться этому человеку? Ведь я лишь недавно с ним познакомилась.

«А можно ли вообще доверять людям?» — продолжал изводить меня внутренний голос.

Я сделала глубокий вздох, прогнала прочь эту недостойную мысль и согласилась:

— Хорошо...

— Да и хватит вам уже бездельничать на солнышке, ведь правда же?

Я улыбнулась в ответ. Что и говорить, убедительно сказано.

— Пожалуй.

— Европейцы не привыкли сидеть сложа руки. — Он присел рядом, внимательно посмотрел мне в глаза и засмеялся. — А вот мы, марокканцы, можем бездельничать по несколько дней подряд. В Париже я работаю без перерывов, днем и ночью, а здесь снова становлюсь самой собой. — Таиб провел рукой вокруг, как бы охватывая жестом и город, и великолепный горный пейзаж, окружающий его. — Успокаиваюсь, почти не работаю, иногда вообще ничего не делаю. Встаю поздно, завтракаю не торопясь, долго, потом сижу в кафе с друзьями. Мы пьем кофе, разговариваем. Я хожу в гости к родственникам и знакомым, по которым соскучился в городе, узнаю, что у них нового, весь день провожу с ними. Смотрю, как горы меняют цвет под лучами солнца. Много сплю, сижу и созерцаю, просто гляжу, как перед глазами проходит жизнь. Но для вас, я вижу, такое

существование в тягость.

— Терпеть не могу ничего не делать. Начинаю от этого беситься, — покачала головой я.

— Очень жаль. Отказываетесь от собственного же блага.

Я бросила на него быстрый взгляд, но решила прикусить язычок и полюбопытствовала:

— А что... эта ваша старушка? Где она и как вы ее нашли?

— Живет в одной деревушке, Тиуада называется, пара часов на машине к югу отсюда. Нана знала ее, когда еще была маленькой. Она... в общем, наша дальняя родственница.

— Эта женщина умеет читать тифинаг?

— Не знаю, нана так говорит. — Таиб пожал плечами. — Что вы теряете? Проведете время с одним из самых обаятельных сынов Тафраута и вдобавок полюбуетесь замечательной местной природой. Это уже немало.

— Вы считаете себя обаятельным?

Он одарил меня лукавым взглядом из-под ресниц, и, к своей досаде, я заметила, что они значительно длиннее моих.

— Мне часто так говорят.

— Во что вы оцениваете честь, которой меня удостаиваете?

Я уже привыкла к поведению местного населения. Улыбаясь и делая вид, что оказывают одолжение, эти люди на самом деле только и думают, как бы одурачить глупых туристов.

Но Таиб, похоже, обиделся, хотя тут же спрятал это чувство.

— Если уж вам так хочется, можете оплатить бензин, — отрывисто сказал он и встал. — Не забудьте захватить какой-нибудь плащ. Когда солнце садится, в горах бывает прохладно.

Я смотрела, как он сбегает по ступенькам к автомобильной стоянке гостиницы, и чувствовала какую-то странную нервную дрожь, потом встала и кое-как доковыляла до номера, чтобы взять куртку, которую всегда надевала, отправляясь в горы.

Спустившись к стоянке, Таиба я не увидела — как сквозь землю провалился. На площадке, оставленная непрактичными хозяевами под палящими лучами солнца, жарилась парочка автомобилей из тех, что можно взять напрокат. Доисторический «рено» управляющего самодовольно пристроился в тени фигового дерева. Еще здесь стояли пустой пикап «дакия» и навороченный внедорожник, сияющий черным лаком. За то короткое время, что я провела в Марокко, нетрудно было научиться мгновенно отличать местные машины от иностранных. Я

решила, что Таиб, должно быть, отъехал заправиться перед поездкой, поэтому очень удивилась, когда внедорожник заворчал, тронулся с места, сделал разворот и остановился возле меня.

— Ишь ты, «фольксваген туарег», — сказала я, падая на сиденье рядом с водителем. — Вы купили его за название?

— Вовсе нет, — с непроницаемым лицом ответил он.

Утопая в роскошных кожаных креслах, наслаждаясь прохладой кондиционеров, мы двинулись в путь, покатали вниз по длинному склону холма, мимо покрашенных в терракотовый цвет современных домов, интернет-кафе с нарисованной от руки рекламой в витрине магазинчика, где можно купить местный антиквариат, старика, сидящего боком на изнуренном муле. Работники снимали с грузовика ящики с безалкогольными напитками и таскали их в какое-то складское помещение, которое и так, на мой взгляд, было забито под завязку.

Я вытянула шею.

— Высококалорийная кока-кола, — заметила я. — Ведь это ужасно.

— Да, — отозвался Таиб. — Здесь не любят диетическую. Люди с детства считают сахар большой ценностью. Если пьешь низкокалорийную кока-колу, значит, ты бедняк. Даже если стоит она столько же. Мы ведь всегда торговали сахаром. Не знаю, в курсе ли вы, но марокканский сахар продавали по всему свету. До сих пор новобрачным у нас дарят сахарные головы, да и не только им. У моей мамы есть такие, ей на свадьбу подарили, а еще когда я родился.

— Правда? — Мне стало интересно. — Сахарные головы? Никогда их не видела.

— Увидите.

В центре города было много школьников. Стайками по три-четыре человека они куда-то шли, оживленно переговариваясь. Мальчики в купленных на базаре паленых джинсах, футболках и кроссовках под «найки», девочки все худенькие и темноволосые, в брюках и белых курточках, словно в городе проходил съезд юных фармацевтов, а сейчас их выпустили на перерыв. Почти все они были с непокрытыми головами. При этом те немногие взрослые женщины, которых я видела, — их матери, тетушки или старшие сестры — были одеты в обязательный черный хайк. [48] Они оставляли открытыми только лицо, всегда подвижные смуглые руки и ярко обутые ноги. По обеим сторонам за столиками уличных кафе сидели мужчины, курили, пили чай, разговаривали и лениво поглядывали вокруг. Впрочем, глаза их подмечали мельчайшие подробности происходящего. Общая атмосфера была умиротворенная и спокойная,

никто не трудился не разгибая спины, кроме разве работников кафе. На центральной площади Таиб остановился и вышел, оставив меня в машине. Я огляделась. По одну сторону площади виднелся ряд магазинчиков с покрытыми пылью витринами. Прямо на улице были выставлены ковры. Их яркие краски каждый день вылизывались солнечными лучами, которые превращали в тени, как на старых цветных фотографиях, полосатые шерстяные накидки и халаты с капюшонами, выглядевшие слишком уж толстыми, хоть на Южный полюс бери с собой. Здесь красовались сабли и кинжалы с великолепными орнаментами, серебряные украшения и короткие низки крупных бусин, развешанные на обитом фетром щите, позеленевшие от времени медные чайники, огромное количество больших старых глиняных кувшинов. Подобные я видела в доме старой Лаллы Фатмы. Все эти товары предназначались для туристов, но были достаточно потрепанными и наверняка подлинными.

В машине становилось душно. Я повернула ключ зажигания, нажала на кнопку, опустила стекло и тут же увидела каких-то двух подростков, лениво едущих мимо на древнем раздолбанном велосипеде, расставив в стороны колени и локти. Один из них обернулся, через плечо посмотрел на меня и сказал что-то приятелю, который сидел впереди и рулил, упираясь обеими ногами в раму. Тот развернул велосипед и, вихляя во все стороны, снова проехал мимо, но в противоположном направлении.

— Газель! — громко в унисон прокричали они и, хихикая, укатили прочь.

Хм, газель! Это непонятное мне оскорбление или комплимент? Да откуда ж мне знать. Я подумала, что это все-таки лучше, чем услышать что-нибудь вроде «корова» или «слониха», но все-таки...

Я огляделась и заметила, что некоторые мужчины, сидящие за ближайшими столиками, услышав их крик, повернули в мою сторону головы и рассмеялись. Другие просто лениво смотрели на меня черными блестящими глазами, и одному Богу было известно, что у них на уме. Я с облегчением увидела возвращающегося Таиба, который был не один. Вместе с ним шел человек в ярко-синей одежде, вышитой по краям золотом, и в необъятном черном тагельмусте. Они что-то горячо обсуждали. Гортанные слова вылетали из их уст, как из пулемета, оба яростно размахивали руками. Потом Таиб схватил своего собеседника за плечо. Я подумала, что все, сейчас они подерутся, но через мгновение увидела, что мужчины крепко обнялись и расхохотались. Тут я догадалась, что ничегошеньки не понимаю в культуре этих странных людей, не воспринимаю не только их языка, но и жестов.

Дойдя до машины, Таиб раскрыл дверцу и представил мне своего товарища:

— Знакомьтесь, это мой двоюродный брат Азаз.

Для членов одной семьи они совсем мало походили друг на друга. У Таиба были тонкие черты лица и красиво очерченный подбородок, в то время как Азаз оказался толстощек и носил усы как у Саддама Хусейна.

— Добро пожаловать к нам, добро пожаловать, — сказал он, энергично пожав мне руку. — Я говорю очень хороший английский, французский и немецкий тоже. Все туристы приходят ко мне посоветоваться. Очень жаль, что с вами случилось несчастье на Львиной Голове.

От удивления я раскрыла рот и довольно сердито спросила:

— Выходит, в Тафрауте все уже знают об этом?

— Да, — заверил он меня. — Все до единого знают про молодую англичанку в горах. Но мы очень рады, что наш Лев позаботился о вас и послал вам Таиба на помощь.

— Вообще-то я лишь наполовину англичанка. Мать у меня французенка.

— Вот и хорошо. Ваши друзья очень встревожились, когда не нашли вас, спустившись с нашего Льва.

— Так вы и про них знаете?

— Конечно! Я знаю про всех скалолазов, которые приезжают сюда. Много англичан! Я знаком с Джо Брауном, Крисом Бонингтоном,^[49] с журналистами, которые пишут путеводители и статьи. Все они идут ко мне, я рассказываю им про наши горы и маршруты. Так что, конечно, я знаю ваших друзей Майлза, Ив и ее симпатичного мужа Джеза.

— Он ей не муж, — бросила я.

Азаза эта информация несколько не шокировала. Напротив, он весело рассмеялся и всплеснул руками, пухленькими и мягкими ладошками, пальцы которых были унизаны какими-то необычными серебряными кольцами. Нет, это не руки скалолаза, отнюдь.

— Насчет этого мы тут придерживаемся широких взглядов. У нас нет строгих правил, — сказал Азаз. — В таком случае мы говорим, что он ее товарищ, очень близкий друг.

Азаз отступил назад. Краем глаза я заметила, что они с Таибом обменялись быстрыми взглядами и потом залезли в машину. Азаз устроился сзади, но высунулся так далеко, что вполне можно было считать, что он сидит впереди, рядом с нами. Они с Таибом снова разразились горячим диалогом на местном диалекте, совсем не заботясь о том, чтобы

переводить для меня. Машина с ревом вырвалась за пределы города и помчалась по дороге, ведущей вверх по длинному склону холма по направлению к плато. В душе у меня сначала робко, потом все живее зашевелился страх. Куда это мы едем? Я ведь даже не помню названия деревеньки. Как, в случае чего, принять надлежащие меры предосторожности и послать Ив сообщение с координатами? Опять же, ведь я совсем не знаю Таиба, а этого его двоюродного брата и подавно. Вдруг они сейчас отвезут меня куда-нибудь к черту на кулички, сделают со мной что-нибудь ужасное, а тело мое бросят где-нибудь посреди пустыни на растерзание шакалам и стервятникам? Интересно, у них тут водятся стервятники? Я вспомнила про мужчин, сидящих за столиками уличного кафе, как они обменивались улыбками, когда меня дразнили мальчишки на велосипеде. Допустим, я пропаду. Неужели все они будут так же сидеть с непроницаемыми, пустыми лицами, похожими на стены их домов, за которыми таятся бог знает какие тайны, все знать и делать вид, будто ничего не произошло? Мол, мы ведать ничего не ведаем!

— Мне надо сообщить подруге, ее зовут Ив, куда я поехала, а то она будет беспокоиться, — сказала я, встречая в их болтовню.

— А зачем? — весело спросил Таиб. — Ведь и так все знают, что вы отправились с нами в Тиуаду. Там сегодня вечером будет праздник, фишта.

— Что-что?

Но они уже снова принялись за свою болтовню.

Так. Значит, Ти-вада. Или Ти-уада. Как это пишется? Я порылась в сумочке в поисках телефона, включила его и совсем уж было собралась набирать текст, как раздался громкий гудочек и на экране появился значок с конвертиком. Похоже, сообщение.

Я нажала на кнопку и прочитала: «Местн. парни пригл. нас обед, в св. дер. Над. ты не прот! До встр. Ив».

Отлично. Только я хотела ответить, как сигнал мигнул и исчез. Что ж, так даже лучше.

— А что такое фишта? — спросила я, вклинившись в секундную паузу в разговоре.

— Un fête, праздник, вечеринка!

— Бо-ольша-ая вечеринка, — просиял Азас. — Много музыкантов, все будут очень-очень счастливы. А мы с Таибом будем играть.

— Играть?

— На барабанах! На агвале и тамтаме, а Мохаммед принесет гангу...

Гангу? Не хотел ли он сказать «ганджу»?^[50] Интересно, что это за вечеринка такая? Меня снова охватила паника.

— А где эти ваши барабаны? — решительно спросила я.

— Вон там, сзади, за спиной Азаза.

Я обернулась. За задним сиденьем видна была целая куча всякой всячины: одеяла, коробки, какой-то ящик. Гляди-ка, тут и вправду лежат каких-то два больших предмета, укрытых разноцветным ковром, хотя трудно сказать, барабаны ли это.

— А я думала, что мы едем просто заскочить на минутку к какой-то старушке, порасспросить ее про амулет и сразу назад.

Таиб повернул ко мне безмятежное лицо и заявил спокойно и вежливо:

— У нас в Марокко никто и никогда ни к кому не заскакивает на минутку. У нас издавна существует традиция гостеприимства. Так что приготовьтесь вкушать еду, пить чай и слушать музыку.

— Надолго все это? Мне надо пораньше вернуться в гостиницу.

— У вас будут занятия повеселей.

Густо покраснев, я устала на него. Я понимала, что веду себя грубо, нельзя так реагировать на столь искреннее приглашение. Я получила возможность увидеть подлинную жизнь народа Марокко, но не была к этому готова, чувствовала, что теряю над собой контроль, еще немного — и сорвусь. Я уж было хотела потребовать развернуться назад и отвезти меня обратно в Тафраут, но призадумалась. Что, в конце концов, меня там ждет? Буду сидеть на террасе гостиницы, далеко не пятизвездочной, и скучать на солнышке, пока оно не закатится, потом в одиночестве обедать в убогой столовой.

«Да черт возьми, Иззи! — выругала я себя. — Что это с тобой? Живи ты на полную катушку. Риск — благородное дело».

— Ладно, — сказала я. — Отлично.

— Вам очень понравится, — пообещал он.

Они с Азазом продолжили свою болтовню на грубоватом на слух и непонятном наречии. Берберский язык очень экспрессивен, в нем много гортанных звуков, порой похожих на кашель, которые, кажется, вырываются из самого низа гортани. Звучит он, как, впрочем, и всякий другой язык, которым ты не владеешь, грубо и даже агрессивно. А тут еще энергичная жестикуляция, сопровождающая самый простой и невинный разговор двух друзей или родственников. Чужаку начинает казаться, что собеседники спорят или даже ссорятся. Но я скоро привыкла, их беседа даже действовала на меня так же успокаивающе, как море с его величавым ритмическим шумом. Я уже не обращала на них внимания, любуясь пейзажами, пробегающими за окошком.

А они того стоили. Обширные пространства этой, казалось бы,

непроходимой местности проплывали мимо, словно в широкоформатном кино. Что сулят мне эти необъятные просторы, что они таят, надежду или угрозу? У нас в Британии нет ничего, что могло бы сравниться с этим пустым раздольем, с его гигантскими масштабами. Равнина, по которой мы сейчас ехали, производила на меня огромное впечатление. То здесь, то там вздымались валуны невероятных размеров, которым природные стихии придали самые фантастические формы. Вот гриб пятиметровой высоты, ножку которого, некогда крепкую и толстую, обгрыз, как слизняк, песок, переносимый ветром. Вот величественная скала, похожая на высокую стопку толстых оладий. Вот остроконечные пики с торчащими выступами, напоминающими клювы хищных птиц. Множество округлых, живых форм, например припавший к земле заяц или спящая женщина, десятки башен, вырастающих из земли.

Таиб дотронулся до моей руки, желая показать мне на одну из них, стоящую поодаль, совершенно поразительную по виду.

— Видите ту скалу, вон там? Мы зовем ее Аглаин.

Азас на заднем сиденье неожиданно фыркнул и засмеялся.

— Что это значит? — спросила я, тут же пожалела об этом и почувствовала себя круглой дурой, поскольку ответ был до нелепости очевиден.

— «Член с яйцами», — тем не менее ответил он, озорно сверкнув на меня глазами.

— Женщины, которые хотят иметь детей, идут к нему пешком, чтобы только прикоснуться, — услужливо добавил Азас. — И помогает! Мои двоюродные сестры, например, как сходят в паломничество к Аглаину, так ждут ребенка.

— Хотите, подведем, и вы тоже прикоснетесь, — с невинным видом спросил Таиб. — Моя машина где угодно проедет.

— Нет! — резко ответила я. — Не хочу. Что за глупые предрассудки, чушь какая-то!

— У вас уже есть дети? — серьезно спросил Азас.

Похоже, он не поддерживал игру, которую затеял со мной его двоюродный братец, но я все никак не могла успокоиться.

— Нет.

— Но вы уже не так молоды. Почему же нет детей? — продолжил он, видимо не имея понятия о простых человеческих приличиях и еще более усиливая мое беспокойство.

— Там, где я живу, женщины могут посвящать себя любимому делу, — объяснила я ему сквозь зубы. — Мы считаем, что это не менее важно, чем

иметь детей.

— Разве может быть что-нибудь важнее детей? — с серьезным видом спросил Азас.

Но я не ответила и отвернулась, чтобы только не видеть этих сверкающих пытливых глаз.

Немного погодя мы свернули влево. Скоро дорога пошла круто вверх, виляя в стороны, взлетая и резко падая среди потрясающих нагромождений красноватой горной породы. Когда мы почти достигли высшей точки, я обернулась, чтобы еще раз взглянуть на места, через которые только что проехала, и ахнула от изумления. Они показались мне величественными до невероятия. Огромное пространство почти бесплодной каменистой земли, усеянной огромными валунами. Лишь кое-где пробивается скудная растительность, и, насколько видит глаз, ни единой души, ни одного человеческого жилища. Далеко позади неприступная мрачная стена Джебель аль-Кеста, темнеющая над долиной Амелън. Просто изумительно, что резкие, словно кем-то вырубленные черты Львиной Головы ясно видны даже на таком расстоянии. Не удивительно, что ее с такой любовью упоминают в здешнем фольклоре. Имея перед собой такой ориентир, невозможно заблудиться даже в этой безлюдной местности. Я представила себе торговцев прошлого, которые проделали нелегкий путь из пустыни на север, их караван верблюдов, груженных золотом, слоновой костью и страусовым пером. Поднявшись на эту гору, туареги останавливались и с легким сердцем брали курс прямо на Львиную Голову. Они уже не сомневались в том, что после нескольких недель, а то и месяцев трудного пути по пустыне их ждет буйная растительность оазиса.

По ту сторону перевала пейзаж снова изменился. Перед нами открылась великолепная извивающаяся долина, прорезанная некогда полноводной, но потом куда-то исчезнувшей рекой. Ее воды оставили после себя лишь отвесные красные скалы, чем-то напоминающие Гранд-Каньон в Колорадо, и даже не совсем в миниатюре. Пласты разных пород здесь различались так же отчетливо, как на рисунке в учебнике по геологии. Но в Гранд-Каньоне до сих пор течет огромная река, а здесь, в высохшем русле, не осталось ничего, что указывало бы на стремительный и мощный поток, который создал это впечатляющее ущелье. Кругом лишь сухие валуны, некогда отполированные и выбеленные речной водой. Мы покатали вниз, с одной стороны у нас был отвесный провал, а с другой — громадная масса вздымающейся нетвердой скалы, усеянной маленькими звездочками каких-то оранжевых цветов и колючим кустарником дикой фиги. Козы, пасущиеся вдоль призрачной реки, провожали нас своими

узкими глазками. Мы мчались по ухабам, колеса поднимали облака пыли. В ней совсем не видно было дороги, по которой машина только что проехала. На мгновение в моей голове мелькнул очень странный образ. Будущее разворачивалось передо мной так же, как узкая полоска этой дороги, ведущей в неизведанное, а прошлое медленно, но верно исчезало позади, превращаясь в пыль и прах.

Глава 17

Наконец мы добрались до Тиуады. Это селение оказалось ничем не примечательным скоплением старых, крошащихся от времени глинобитных домиков и новых построек из шлакобетонных блоков. По сравнению с Тафраутом деревенька казалась захудалой, убогой дырой, в которой люди существуют на грани выживания. Куда ни посмотришь — везде сушь, и ничего больше. Мы проехали какое-то ограждение, к столбу которого обрывком старой грязной веревки был привязан ослик. Он поднял голову и проводил нас мутным, ничего не выражающим взглядом, словно уже устал от жизни и покорился своей судьбе. За забором не видно было никакой зелени, ни листика, ни травки. Самым съедобным, на что бедняга мог рассчитывать, оказалась эта самая веревка, которая удерживала его на месте.

Деревня казалась пустой, ставни везде были закрыты, двери захлопнуты, даже железная решетка непряменного бакалейного магазинчика опущена. Нигде ни единого признака какой-нибудь жизни. На злом полуденном солнце жарились несколько ржавеющих автомобилей, на пустой улице не было даже играющих ребятишек. Беспризорные кошки или собаки не лежали на площади, в тени тонких, как бумага, листьев эвкалипта. Нет, деревня не показалась мне тем местом, где могла бы жить единственная хранительница утерянного древнего языка и где я получила бы разгадку тайны талисмана. Какое там, у меня возникло ощущение, что здесь вообще никто не живет. Я решила, что в один прекрасный день все население деревни собралось на площади и после долгих дебатов приняло давно откладываемое решение покинуть эту Богом проклятую дыру, которую вскоре совсем поглотит безводная пустыня. Люди собрали все пожитки и отправились куда глаза глядят, на поиски лучшего места для

жизни и достойной доли, туда, где грунтовые воды повыше и есть хоть какая-нибудь растительность.

— Куда это все подевались? — не выдержала я в конце концов.

— Скоро увидите, — коротко ответил Таиб.

Мы проехали мимо ряда административных зданий, на которых безжизненно повисли красно-зеленые государственные флаги. На стене одного из них кто-то намалевал огромными буквами: «VIVE LE TIFINAGH!» — «Да здравствует тифинаг!» Рядом черной краской было изображено что-то вроде пляшущего человечка. Руки вверх, ноги в стороны, впечатление такое, будто он то ли сошел с ума, то ли демонстрирует свой бунтарский дух. Фигурка почему-то показалась мне смутно знакомой. Я спросила Таиба, что она означает.

— Берберскую гордость, — загадочно произнес тот. — Его зовут Аза. Таков символ амазигов,^[51] свободного народа.

— Да? — Мне стало любопытно. — А кто это?

Таиб мрачно улыбнулся.

— Мы. Берберы — коренной народ Северной Африки. Мы жили здесь еще до того, как пришли римляне, задолго до нашествия арабов. У нас были свой язык, культура, религия, обычаи и верования. Арабы пришли из восточных пустынь в семнадцатом веке и принесли с собой ислам, который был для нас как огненный меч. После вторжения арабов их законы запрещали говорить на берберском языке и писать, используя алфавит тифинаг. Даже тот человек, который дома говорил на берберском, считался подрывным элементом. Но берберы — народ гордый, всегда живущий на грани нужды и знающий, как противостоять превосходящим силам. Они стали сопротивляться, но были жестоко подавлены. Однако берберы все равно продолжают бороться, все эти века упрямо сопротивляясь арабскому, а потом и французскому влиянию. Сформировалось берберское сепаратистское движение сопротивления. В правление марокканского короля Хасана Второго всякий, кто поддерживал его, рисковал получить наказание в виде ударов палками, а то и похуже. Но чем сильнее наступишь на змею, тем больше ей захочется тебя укусить.

— Да, — сказал Азас, всегда веселое и жизнерадостное лицо которого теперь стало серьезным. — Плохие были времена. Многие наших сторонники тогда просто куда-то исчезали.

— Отец Азаза был членом сепаратистского движения, но не брал в руки оружия, просто выступал за свободные выборы и погиб в тюрьме, — мрачно произнес Таиб. — Теперь о таких вещах никто не говорит. Новый король совсем другой, куда более прогрессивный, чем его дедушка

Мохаммед Пятый или отец Хасан Второй. Он понимает, что если удастся сделать Марокко современной преуспевающей страной, то можно будет избежать брожений и политических беспорядков.

Мы еще раз завернули за угол и наткнулись на отару тощих овец, перекрывшую дорогу. Я глазам своим не верила. Где же они тут пасутся? Вокруг, насколько хватало глаз, ни единого пятнышка зелени. Ей-богу, животные здесь, должно быть, столь же закаленные, как и люди. Таких даже есть жалко.

— А почему движение не получило большой поддержки? — спросила я.

Таиб немного подумал, выстукивая пальцами по рулю какой-то незнакомый сложный ритм и пережидая, пока овцы пройдут, потом ответил:

— У большинства марокканцев берберские корни, но далеко не все они считают себя таковыми. Просто не могут себе позволить. В прошлом веке было особенно трудно. В Марокко пришли французские колонизаторы и принялись выкачивать наши ресурсы. Пыхали войны, в результате, конечно же, распространилась нищета. Если хочешь преуспеть в жизни, надо хорошо говорить по-арабски и по-французски. Того человека, который владеет лишь берберским, все считают бедняком, невежественным крестьянином и относятся к нему соответственно. Молодое поколение отказывается зарабатывать на жизнь в деревне. Там ты обречен сводить концы с концами. Все стремятся переехать в город и перенять западный образ жизни, не бороться с системой, а вписаться в нее. — Он глубоко вздохнул и продолжил: — Далеко ходить не надо. Пример — моя семья. Одна Лалла Фатма остается надеждой на спасение нашего культурного наследия. Мы утратили родной язык и наши обычаи. Даже в самых отдаленных местах люди уже не умеют читать на тифинаге и писать на нем. Устный язык худо-бедно удалось пока сохранить, но алфавит мы давно утратили. Сейчас власти хоть как-то поддерживают обучение нашему письму в школе. Король назвал культуру амазигов национальным достоянием. Но вред причинялся слишком долго. Мне очень стыдно, что вы не можете подойти в Тафрауте к любому человеку и попросить его прочитать, что написано в вашем амулете. Сейчас никто такого не сделает, хотя это письменная форма нашего собственного языка, на котором мы говорим каждый день.

До сих пор я не отдавала себе отчета в том, что язык, на котором говорят все вокруг, и странные значки в амулете связаны между собой. Вдруг я поняла, почему человек на стенке показался мне столь знакомым.

Точно таким был один значок в тексте, хранящемся в амулете. Как удивительно! Эта неожиданная связь вызвала у меня странное чувство, душевный подъем и смятение.

Наконец последняя овца запрыгнула на каменистую насыпь, мы повернули налево и двинулись вверх по немощеной дороге, громко шурша колесами по камням.

— А какое место во всем этом занимают туареги? — спросила я.

Таиб, мастерски вертя баранку, лихо объезжал выбоины на дороге.

— Хороший вопрос, — заметил он. — Когда-то мы все были единым народом. Берберы жили по всей Северной Африке, от Марокко на западе до Египта на востоке. Когда римляне завоевали Магриб, часть местного населения капитулировала перед ними, другие продолжали сопротивляться, а кое-кто отступил в пустыню. Это были туареги. Там, живя вне политических границ и всякой верховной власти, они ухитрились избежать даже бедуинских набегов, а потому сумели сохранить корни нашей культуры, включая древний алфавит. Теперь они единственные хранители письменности тифинаг, в частности древнейшей его формы, как в вашем амулете.

— Вы уверены, что надпись древняя?

— По форме и стилю исполнения амулет традиционный, я не сомневаюсь в этом. Что же касается туарегов, то не забывайте, что их образ жизни почти не менялся целое тысячелетие, до самого недавнего времени. Но последние поколения сильно пострадали от засухи, голода и преследований. Число туарегов значительно сократилось. Разумеется, современный мир оказал на них некоторое влияние. Говоря, что ваш амулет древний, я имею в виду, что его узор и форма выглядят как у древних, они передаются поколениями кузнецов от отца к сыну в течение веков. Так что вашему ожерелью может быть тысяча лет, сотня и даже меньше. Точно сказать пока трудно. Я узнаю этот узор, но хорошо бы выяснить что-нибудь о его происхождении. Тогда можно будет наверняка определить возраст этой вещицы. Впрочем, записка внутри. Может быть, она что-нибудь и подскажет. Вот тут-то нам и пригодится Лаллава.

— А-а, Лаллава, — сказал Азас, и я поняла, что упоминание этого имени в высшей степени обрадовало его. — Лучше ее никто в мире не умеет готовить мсмен!^[52]

Лаллава. Это имя я уже слышала, ну да, во сне, причем не раз. Сердце мое сжалось.

Мы постучали в дверь, но Лаллава нам не ответила. Таиб подошел к

окну, стал вглядываться в стекло и громко звать ее по имени.

— Она уже совсем плохо слышит и в последнее время много спит, — сообщил он мне.

Но как Таиб ни стучал, как ни кричал, никто ему не ответил.

Мы зашли с задней стороны ее маленького домика, сложенного из сырцового кирпича и выкрашенного, как и все остальные строения по соседству, той же терракотовой краской. За загородкой было пусто. В пыли валялись куриные перья, засохший козий помет, но самих животных не было и следа, если не считать затхлого запаха, висевшего в жарком дневном воздухе.

Аزاز нахмурился и что-то сказал Таибу.

Тот покачал головой и пояснил:

— Куда-то пропали животные, а она ими очень гордилась. Тут что-то не так. Пойду поищу Хабибу. Она должна знать.

— А кто это — Хабиба?

Интересно, мне показалось или он на самом деле несколько замялся?

— Да так... одна родственница, — ответил он наконец. — Наша с Азазом. Лаллава когда-то жила в ее семье.

Мы вернулись обратно в селение, покинутое жителями, проехали мимо административных зданий, разрисованных подрывными граффити, пересекли площадь и встали в тени стены, также покрытой яркими рисунками, только теперь это были персонажи диснеевских мультфильмов, знаменитые футболисты и изящная вязь арабских букв.

— Хабиба здесь преподает, — пояснил Таиб, когда мы снова выбрались на воздух.

Дневное солнце било нам в затылки, словно молотком, и несколько запоздало мне пришло в голову, что я уже несколько часов ничего не ела, а главное, не пила. Таиб подошел и молча, не спрашивая разрешения, обнял меня за талию, как бы желая помочь мне идти с больной ногой. Я разинула было рот, чтобы протестовать, но передумала. Ведь он делал это из добрых побуждений, да и тень на школьном дворе манила своей прохладой. Но сознание его физической близости смущало меня. Наши бедра тесно соприкасались, я ощущала его крепкие руки и крутые плечи, а также жар тела под хлопчатобумажной рубашкой.

Аزاز перегнал нас и первым подошел к двери в школу — небольшое сборное здание с крыльцом, к которому вели несколько шатких деревянных ступенек. Он исчез в темноте коридора, и через мгновение я услышала уже привычное для меня стаккато — отрывистую берберскую речь, сопровождаемую громкими восклицаниями и смехом. Таиб помог мне

взойти по ступенькам и ввел в гостеприимную сень коридора.

Несмотря на довольно позднее время, в единственном помещении теснилось не менее тридцати, а то и все сорок детей самого разного возраста. При виде иностранной туристки, к тому же подпрыгивающей при каждом шаге, все они как один отчаянно заулыбались, сверкая в полумраке комнаты поразительно белыми зубами. Самые маленькие глазели на меня не отрываясь, с откровенным восхищением, не вынимая пальцев изо рта. Другие выкрикивали что-то совершенно непонятное и без остановки смеялись. Наконец их учитель, сухощавый человек с большими серьезными глазами, в коричневом пыльном халате, похожий на нищенствующего монаха, знаком заставил их замолчать и успокоиться. Те подчинились, и в классе установился некоторый порядок. Потом он повернулся к Таибу с Азазом, и все трое затеяли жаркую оживленную дискуссию.

Я осмотрелась. Когда глаза привыкли к свету, мне показалось, что все детишки в классе были совсем разные. В Тафрауте, всего в двух часах езды на машине, они выглядели более или менее одинаково: кожа цвета кофе с молоком и блестящие черные волосы. Здесь же были представлены самые разные оттенки, кроме разве что самых светлых европейских тонов. Глазки одной девочки напоминали ягоды терновника. В своем светлом платочке, с бусинками-сережками в ушах, она выглядела такой же хорошенькой, как арабская принцесса. Кожа малышки была совсем светлой, прямо как у меня зимой. Зато ее соседка оказалась черной, как эбеновая древесина, с круглой, как шар, головкой, жесткие волосы заплетены в какие-то очень сложные и тугие косички. Рядом с ней стоял совсем еще маленький мальчик, наверное лет шести, почти в половину моложе ее и ниже ростом, с острыми скулами и тонкими чертами лица, столь характерными для местных берберов. За ним пристроилось совсем миниатюрное создание, прямо эльф неопределенного пола. Он непрерывно вертел наголо обритой головой, только из темечка росла единственная длинная косичка. Двое мальчишек щеголяли в обвисших футболках явно с чужого плеча, но почти все остальные были одеты в традиционные халаты бледно-голубого и горчичного цвета.

Класс был безупречно чист, и слава богу, потому что во время урока все — учитель и дети — сидели на полу. На стенах были развешаны поделки школьников, все те же рисунки с примитивно изображенными домиками, солнышками, у которых рот до ушей, человечками с торчащими палочками рук и ног. В общем, такое можно найти в любой школе, расположенной в какой угодно части света. Между ними размещались

образцы вышивки и маленькие коврики, сплетенные вручную, с тем же геометрическим узором, какой я видела на выгоревших до неразличимости коврах на рынке в Тафрауте.

Вдруг кто-то дернул меня за рукав. Я посмотрела вниз и увидела маленькую девчушку, которая улыбалась мне щербатым ртом.

— Садитесь, мадам! — настойчиво прощепетала она по-французски и потащила меня к подушечке, специально лежащей на полу в передней части класса.

Я неуклюже устроилась на ней, и сразу же детишки окружили меня, как саранча. Они хихикали, что-то лопотали, требовали моего внимания. Они решили, что, опустившись на уровень их глазенок, я выдала им особую лицензию и теперь со мной можно было обращаться как с ровней.

Одна из них так и шлепнулась мне на колени, принялась разглядывать огромными черными глазами и прощепетала:

— Bonjour!

— Bonjour, — неуверенно ответила я.

Не помню, когда я в последний раз прикасалась к ребенку, не говоря уже о том, чтобы он с веселой и счастливой уверенностью падал мне на колени.

— Как тебя зовут? — Лучшего способа поддержать разговор я не нашла.

— Смотри! — потребовала она на французском и сунула мне под нос свою тетрадку.

На странице шариковой ручкой огромными неровными линиями было выведено пять незамысловатых значков: маленькое колечко, вертикальная линия, большой кружок с точкой посередине, потом маленький и снова большой, разделенный пополам вертикальной линией.

— Мое имя! — торжествующе заявила девчушка. — Хасна.

Вздвогнув от неожиданности, я испуганно посмотрела на Таиба и спросила:

— Она написала свое имя? На тифинаге?

Он с гордостью усмехнулся.

— Да, Хабибы сейчас нет. Вместо нее урок ведет Абделькадер, который подменил ее сегодня. Нам здорово, просто невероятно повезло, ведь он один из активистов в изучении берберского. Слушайте, давайте покажем ему амулет!

Тут, когда дошло до дела, я вдруг подумала, что мне что-то не очень хочется раскрывать перед всеми тайны своего амулета. Вдруг эти знаки в нем — всего лишь имя, написанное каким-нибудь давно умершим

человеком, которое для ныне живущих людей, а уж тем более для меня, ничего не значит? Или же это какое-нибудь древнее заклятие, как того опасалась бабушка Таиба? У меня забилось сердце, все сильнее и сильнее. Но, видя глаза, устремленные на меня со всех сторон, вопрошающие, ждущие моего ответа, я поняла, что специально за этим сюда и приехала, проделала столь долгий путь. Отказываться было нелепо, просто неприлично. Я вынула из сумочки амулет и протянула Таибу. Тот взял его, осторожно сдвинул в сторону выступ посередине, потряс, и бумажная трубочка выпала ему на ладонь. Абделькадер расправил ее, посмотрел, и вертикальная морщина меж его бровей сделалась еще резче и глубже.

В классной комнате воцарилась непривычная тишина, словно все, даже дети, поняли, что сейчас происходит нечто важное. Если они будут вести себя очень тихо, то прямо на их глазах свершится какое-то волшебство. Никто не шевелился, все затаили дыхание и ждали.

Через какое-то время учитель перевернул бумажный квадратик, внимательно взглянул на него с другой стороны, подошел к окну, посмотрел листок на свет, вернулся на прежнее место и прошелся по комнате взад и вперед. Широко раскрыв глаза, дети смотрели на него и ждали, что будет дальше. В ладонях у меня появился странный зуд, они вспотели. Так происходило всегда, когда я обдумывала, как пройти по сложному маршруту в горах.

Наконец Абделькадер глубоко, как-то истово вздохнул и сообщил мне на идеальном французском:

— Моих скромных познаний в тифинаге, увы, недостаточно для того, чтобы понять это. Конечно, кое-какие символы я могу разобрать, но их написание очень сильно различается в разных местах обширной территории, где пользовались тифинагом. Ведь это почти половина континента! Кроме того, я не могу понять, с какой стороны это надо читать... Нет-нет, не смейтесь, пожалуйста, это действительно не так-то просто. На тифинаге пишут по горизонтали и по вертикали, справа налево и снизу вверх. Я не знаю, где тут начало. Больше распространен вариант справа налево, но древние надписи могли быть сделаны снизу вверх. Как-никак первые тексты высекались на скалах, тогда вполне логично было начинать снизу. Разумеется, туареги используют самый древний способ письма, максимально строгий, так сказать. В нем опускаются гласные звуки. С древних времен способы написания символов разошлись как географически, так и лингвистически. Увы, я не могу разобрать, что тут написано. — Он виновато развел руками.

Таиб сказал ему что-то по-своему, Абделькадер почесал за ухом и

кивнул, потом снова махнул рукой на бумажку, как бы обращая на что-то его внимание, и оба уставились на амулет. Потом Азиз что-то спросил, и все враз громко заговорили, не слушая один другого. Я представить себе не могла, как они, общаясь таким образом, понимают друг друга, впрочем, судя по всему, с этим все обстояло прекрасно.

Но тут забеспокоились детишки, да и я вместе с ними.

— В чем дело? — властно спросила я. — О чем это вы разговариваете?

В конце концов, чей это амулет, мой или не мой?

Таиб с готовностью повернулся ко мне.

— Извините. Абделькадер считает, что письмо очень старое и, скорее всего, туарегского происхождения. Там нет никаких современных добавочных значков. Их стали использовать, чтобы компенсировать отсутствие тех символов, которых в алфавите прежде не было. Например, для гласных звуков. Старые формы этой письменности весьма редко включают гласные, которые мы привыкли обозначать теперь. Все это довольно сложно...

Он умолк с таким видом, словно хотел сказать, что обыкновенной женщине этого не понять. Я почувствовала, что начинаю злиться.

Таиб словно интуитивно почуял это, поднял обе руки, будто защищаясь, и поспешил добавить еще кое-что:

— Он говорит, что Лаллава сейчас очень больна. Хабиба сидит с ней. Все женщины деревни по очереди ухаживают за этой несчастной. Поскольку мы уже приехали, нам обязательно надо зайти, хотя бы пожелать скорейшего выздоровления.

Дом, в котором обитала семья Хабибы, оказался довольно скромным, в два этажа, сложен из прессованных шлакобетонных блоков, с маленькими оконцами, прикрытыми пыльными железными решетками, и с крыльцом под яркой фабричной черепицей. Дверь была открыта. Таиб зашел в дом и позвал хозяев.

Из комнаты выбежала какая-то женщина, на ходу накрываясь платком. Увидев первого гостя, она остановилась, и тревога на лице ее мгновенно сменилась самой бурной радостью. Таиб шагнул вперед и четырежды поцеловал ее в щеки. Это приветствие показалось мне слишком уж экспансивным, горячим и даже интимным. В нем было очень мало обычной сдержанности, которая, как мне казалось, характерна для отношений между мужчинами и женщинами в этой стране. Я смотрела, как они разговаривают, стоя совсем близко друг к другу, чуть не касаясь головами. Женщина не отнимала рук, которые он все еще держал меж своих ладоней.

У меня возникло такое чувство, будто я подглядываю.

Потом она посмотрела через его плечо, увидела меня и на мгновение сощурила глаза.

Таиб повернулся к нам. Лицо его было серьезно.

— Лаллава очень больна, но Хабиба говорит, что нам можно зайти повидаться с ней.

По его тону было понятно, что другого случая мы вряд ли дождемся.

— Может, мне лучше подождать снаружи? — спросила я.

Быстрый взгляд Хабибы дал мне понять, что я здесь посторонняя. Этот мир, где сейчас царит болезнь и страдание, для меня чужой, как и я в нем. Но Таиб и слышать ничего не хотел. Пока Аزاز здоровался со своей дальней родственницей, кстати, на мой взгляд, не столь интимно, как его кузен, Таиб провел меня в гостиную. Она оказалась довольно маленькой и темной. На низеньких кушетках, расставленных вдоль трех стен, сидели несколько женщин в черных платьях, с покрытыми головами. На полу перед ними был постелен тюфяк, а на нем лежала неподвижная фигура. Женщины напоминали ворон, слетевшихся к мертвому телу. Но как только они увидели Таиба и Азаза, мрачная атмосфера сразу преобразилась, все вдруг повскакивали с мест, принялись громко разговаривать, пожимать друг другу руки и раздавать поцелуи. Потом Таиб встал на колени подле распростертой на полу женщины. Я вытянула шею. Сначала мне показалось, что она умерла, но вдруг я увидела, как больная поднимает руку и треплет его по щеке. Аزاز тоже встал на колени рядом, и старая женщина, улыбаясь, несколько раз перевела взгляд на него, потом обратно на Таиба. Лицо ее было черным, как сгоревший древесный уголь, и казалось почти безжизненным. Белки глаз отливали болезненным ярко-желтым цветом, а на зрачках виднелись белые пятна катаракты. Наконец Аزاز жестом подозвал меня. Я услышала, как Таиб произносит мое имя, объясняя, кто я такая, и тоже неуклюже встала на колени.

— Салам, — проговорила я, употребив словечко, которое вычитала в словарики, приведенном в конце путеводителя, и протянула руку.

Пальцы ее коснулись моей ладони так же легко, как крылья бабочки. Прикосновение было слабым и едва ощутимым.

— Салам алейкум, Лаллава, — повторила я.

Мутные глаза остановились на мне с пристальным вниманием, а пальцы вцепились в мою руку, как когти птицы. Я попробовала отдернуть ладонь, но она не отпускала ее и держала довольно крепко для столь больного человека. Губы бедняги шевельнулись, но изо рта вылетело даже не слово, а какое-то бульканье.

— Покажите ей амулет, — сказал Таиб.

— Вы уверены? Она же очень больна, зачем беспокоить ее лишней раз?

— Нет, пожалуйста, — произнесла Хабиба, вдруг появившаяся рядом с Таибом и бесцеремонно, с видом собственницы положившая руку ему на плечо. — Это напомнит ей о той хорошей жизни, которую она прожила, очень обрадует ее, честное слово.

Я достала амулет, птичья рука нащупала его, и старуха поднесла вещицу к своему лицу, да так близко, что ее дыхание затуманило блестящую серебряную поверхность. Потом Лаллава с глубоким вздохом прижала его к губам и откинулась обратно на подушку. При этом один уголок рта ее поднялся вверх, а другой вяло опустился, и я запоздало поняла, что у нее был удар.

Бедняжка произнесла что-то неразборчивое, нахмурилась и попробовала еще раз:

— А... да-а-а...

— Адаг? — спросил Таиб, и она кивнула.

Он открыл потайное отделение в талисмানে, вынул свернутую бумажку, передал амулет мне, осторожно развернул трубочку и поднес к ее глазам.

— Она не сможет разобрать, почти слепа, — покачала головой Хабиба.

Но старуха, похоже, не собиралась сдаваться. Мы видели, как она сощурила глаза, оторвала голову от подушки и напряглась, словно эта попытка разобрать написанное требовала от нее физического напряжения. Лаллава ощупала значки и что-то пробормотала. Таиб наклонился еще ближе, и бумага была уже в дюйме от ее глаз. Я видела в ее лице недовольство собой. Она пыталась сфокусироваться на значках, но никак не могла. Наконец из одного глаза больной женщины выкатилась огромная слеза и побежала по глубокой складке, проходящей вдоль носа.

— Перестаньте, — тихо попросила я. — Вы ее расстраиваете.

— Танмирт, Лаллава. Танмирт, — мягко потрепав старуху по щеке, произнес Таиб.

Он снова свернул пергамент и поместил его обратно в нишу амулета, лежащего на моей ладони. Мы слегка коснулись друг друга пальцами, и я вдруг почувствовала, как между ними пробежал электрический разряд, пронизавший мне всю руку.

Потрясенная этим ощущением, я не сразу отреагировала на то, что Хабиба прикоснулась к моему плечу.

— Пойдемте со мной.

Я двинулась за ней. Мы вышли из комнаты, проследовали мимо женщин в черном, которые с любопытством провожали меня блестящими темными глазами, потом по длинному коридору, дверные проемы в котором вели в маленькие темные комнатки, и наконец вышли в небольшой квадратный дворик, неравномерно крытый стеблями тростника. Между ними, прорезая тенистый полумрак, били ослепительно-яркие солнечные лучи. Посередине дворика имелся фонтан, правда без воды. Хабиба жестом подозвала меня к нему, потом щелкнула выключателем на стене. Где-то с урчанием заработал насос, и струйка воды стала наполнять трубу, подходящую к фонтану.

— Мне жаль, что вам пришлось ехать так далеко и безрезультатно, — сказала она. — Зрение ее вот уже два месяца все слабеет, а последний приступ, похоже, совсем ухудшил его. Вымойте здесь руки и амулет. Проточная вода ублаживает злых духов.

Злых духов? Хм, что за чушь! Но я, ковыляя, подошла к фонтану и сделала все так, как она говорила, омыла руки, потерла пальцами серебро и камни амулета, стараясь, чтобы вода не попала в потайное отделение. Ритуальное омовение, кажется, меня успокоило. Впрочем, скорее всего, это было действие холодной воды в изнуряющий жаркий день и после пребывания в мрачной комнате больной. Хабиба подала мне полотенце, я тщательно вытерла руки и амулет.

— Это очень красивая вещь, — заметила она. — У Лаллавы тоже есть такие амулеты. Помню, когда я была маленькой, она жила вместе с нами. Я нашла украшения у нее под матрасом, вытащила, надела на себя и посмотрела в зеркало. Мне казалось, что я похожа на принцессу туарегов, но Лаллава поймала меня и отшлепала. — Хабиба улыбнулась, и лицо ее просветлело. — Я закричала, побежала жаловаться маме, но та сказала, что Лаллава правильно сделала. Каждая вещь принадлежит только одной женщине, и неважно, насколько низко ее положение в обществе. Лаллава уже очень стара. Никто не знает, сколько ей лет, и меньше всего — она сама. Эта женщина прожила очень долгую и хорошую жизнь, принимая во внимание все то, что с ней случилось. Она очень любит пустыню. Перед последним приступом я пообещала ей, что она увидит ее еще раз... — Голос Хабибы пресекся, я догадалась, что она пытается сдержать слезы, и тут вдруг почувствовала, что у меня тоже защипало в глазах. — Я пообещала, что перед смертью она еще раз пройдет по соляному пути. Но, как видите, теперь Лаллава слишком слаба.

— По соляному пути?

— Так зовутся караванные тропы, ведущие в соляные копи в самом

сердце пустыни Сахары. По ним торговцы водили караваны верблюдов туда и к рынкам, где можно было продать и купить рабов или поменять их на соль и другие товары. Туареги часто употребляют это понятие, оно означает «дорога жизни» или даже «дорога смерти», иногда то и другое сразу. Мне очень совестно, что я не могу исполнить свое обещание. Теперь ей трудно будет умереть спокойно. Но ваш амулет явился для нее частичкой пустыни.

Я почувствовала на лице что-то влажное и поняла, что слезы, которые в поисках выхода щипали мне глаза, уже текут по щекам. Не помню, когда плакала в последний раз. Я с детства привыкла с презрением относиться к подобной чувствительности и была очень недовольна собой, впрочем лишь отчасти. Во мне, как ни странно, появилось нечто новое, или же эта сторона моей личности была давно глубоко похоронена и вот сейчас снова явилась на свет. Теперь мне не было стыдно своих слез.

Впрочем, Хабиба не смотрела на меня. Она отвернулась, чтобы взять мяту из переполненного тазика, стоявшего за дверью кухни, потом жестом позвала меня внутрь. Я смотрела, как Хабиба готовит чай: кипятит воду на единственной газовой конфорке, нагревает серебряный чайник, кладет туда горсточку шариков зеленого чая, добрую горсть свежей мяты и три огромных куска сахара.

— Господи, неужели столько сахару кладется в каждый чайник?

Я вспомнила, сколько стаканов этой жидкости выпила с тех пор, как нахожусь в Марокко, и содрогнулась.

— Ради вас я положила совсем немножко. Ведь вы, европейцы, не любите сахар, — засмеялась она. — Я заметила, что даже у Таиба изменились вкусы с тех пор, как он уехал в Париж.

Последние слова Хабиба произнесла как-то резковато, и я не могла не озадачиться мыслью о том, что бы это значило, не почудилось ли мне.

— А что, все молодые люди уезжают отсюда, чтобы найти работу?

— Да, у нас здесь трудно заработать на жизнь. Сами видите, кругом бедность и скука, и чем дальше, тем хуже. Работы нет, денег и удовольствий тоже. Поэтому молодые люди — а в наши дни и женщины тоже — уезжают учиться, получают образование, устраиваются на работу и посылают деньги домой, тем, кто остался на родине. Вот так мы теперь и живем в Марокко.

— Тем, кто остался, наверное, приходится нелегко, — сказала я, наблюдая, как она вылила стакан, который только что наполнила чаем, обратно в чайник и круговыми движениями перемешала в нем содержимое. — Особенно женщинам.

— Всем трудно. Иногда люди не возвращаются совсем.

— Как Таиб?

Она бросила на меня внимательный взгляд и сказала:

— Мы с Таибом обручились, когда были детьми.

— Долго же длится ваша помолвка.

— Мы решили отложить свадьбу, пока не добудем средства на строительство дома. Я уехала в Агадир, чтоб продолжить образование и получить диплом учительницы, а Таиб отправился во Францию и... в общем, остался. Ему нравится тамошний образ жизни. По крайней мере, так мне кажется.

Слова «образ жизни» она произнесла таким неодобрительным тоном, что я услышала в нем все презрение человека ислама по отношению к несправедным, эгоистичным, аморальным обычаям и нравам Запада. Что и говорить, я была уязвлена.

— Теперь вы дипломированная учительница, он зарабатывает достаточно, разъезжает в навороченном автомобиле. Когда же свадьба?

Хабиба крепко сжала губы, словно сдерживала просившийся с языка грубый ответ, и резким движением пустила струю булькающей золотистой жидкости в красивый стакан.

— А кто вы такая, чтобы судить нас? Не все и не всегда решают деньги, — зло сказала она. — К Таибу я не предъявляю никаких прав, не считая тех, что требуют наши родственные узы. Можете спать с ним сколько угодно, если хотите.

В общем-то, глагол «спать» — эвфемизм. Хабиба сказала иначе. Она употребила французское слово «baiser»,^[53] которое прозвучало для меня как пощечина. Я вздрогнула и увидела в ее глазах торжествующий огонек. Хабиба повернулась, подхватила поднос и зашагала в гостиную, где женщины, похожие на печальных ворон, ожидали, когда им принесут угощение. Мне пришлось ковылять вслед за ней. Я была смущена, потрясена, ошеломлена и, надо сказать, изрядно сердита.

Мне очень хотелось схватить ее за плечо и развернуть кругом, чтобы этот смертельно сладкий чай разлетелся во все стороны, потребовать от нее прямого ответа, что она хочет сказать этим своим словечком. Но, конечно, ничего такого я не сделала, кротко присела на краешек диванчика, стала прилеживать этот отвратительный чай и старалась не встречаться с ней взглядом, не говоря уже о том, чтобы вступать с ней в беседы, да и вообще ни с кем. Впрочем, и необходимости в этом не было. Все присутствующие одновременно тараторили на своем жутком языке, не обращая на меня внимания, но время от времени я чувствовала на себе невидимый

пристальный взгляд умирающей женщины, странно настойчивый, немигающий и бередящий душу. Я вздохнула с облегчением только через несколько невыносимо долгих часов, когда мы наконец-то уехали.

Глава 18

— Кажется, вам было там не очень уютно, — сказал мне Таиб в машине.

— Просто задумалась, — пожала я плечами.

— Да, я вас понимаю. Мне тоже есть о чем подумать. — Он кивнул, но так и не сказал, о чем именно.

Мой первоначальный гнев давно утих, но враждебная вспышка Хабибы потрясла меня до основания. Да бог с ней, просто ревнивая женщина, которая видит во мне угрозу своему счастью. Что бы она там ни говорила, но интересно, они с Таибом все еще официально помолвлены или нет. Теплое чувство друг к другу, проявленное в моем присутствии, казалось искренним, но мне было трудно судить, настолько ли оно глубоко, как это демонстрировала их встреча, сопровождаемая поцелуями. Не усмотрела ли Хабиба в его отношении ко мне чего-то такого, не существующего на самом деле? Может быть, ее враждебность ко мне порождена ощущением, что она его потеряла, он пожертвовал ею ради Франции и женщин чужой страны? Учитывая тот факт, что она похоронила себя в этой Богом забытой пыльной деревеньке, в мрачном доме, занятом старухами со сверкающими бусинками глаз и умирающей гостьей, я хорошо понимала разочарование Хабибы. Всякая на ее месте позавидовала бы современной европейской женщине, которая, пританцовывая — пардон, прихрамывая, — опирается на руку мужчины, за которого ты собиралась выйти замуж. Эта бесстыдница ходит с непокрытой головой, дорогущими часами на загорелой руке и модной сумкой на плече. Она может, если, конечно, захочет, в любую минуту отобрать у нее Таиба, не привыкла отказывать себе в удовольствиях, не заботится о мнении окружающих и не думает о нежелательных последствиях своего поведения. Сегодня такая

персона здесь, а завтра ее нет. Но одна мысль не давала мне покоя. Я считала, что это была не одна только ревность, чувствовала это в том странном тоне ее голоса, с которым она обрушилась на меня. В нем звучало глубоко засевшее высокомерное презрение. Хабиба увидела во мне нечто такое, что вызвало у нее жуткое отвращение. Я полагала, что, несмотря на все мои западные ухватки и непокрытую голову, вела себя вполне учтиво и почтительно. Да, я не умела говорить на ее языке. Часто бывает так, что иностранца считают невеждой, если он тебя не понимает и не может с тобой общаться. Но тут было что-то еще, не просто холодность, но язвительная резкость. В отношении к моей особе проглядывало осуждение, словно она видела во мне человека, который двинулся по кривой дорожке, в моральном смысле сошел с истинного пути и провалился в болото.

Я хорошо это понимала, сама привыкла, что ко мне относились с определенной долей уважения. Я жила в мире, где меня рассматривали под углом зрения моего социального положения и места в профессиональной иерархии. На работе меня характеризовала руководящая должность в компании, власть, которой я обладала, высокое положение клиентов, с которыми имела дело, и немалое жалованье. Даже вне работы, на улицах столицы я привыкла к тому, что окружающие догадывались о моем положении по внешнему виду — ухоженной прическе, маникюру, дорогой одежде, неброским, но очень качественным аксессуарам, по моим манерам и умению держаться. Чувство собственного достоинства мне придавали даже эти, в сущности, пустые атрибуты. Но кто на самом деле эта Изабель Треслов-Фосетт сама по себе? Действительно, что я за птица? При внимательном рассмотрении величественная и стройная система, в рамках которой я считалась во всех отношениях успешной женщиной, оказывалась довольно хрупкой. Я чувствовала в ней нечто иллюзорное, словно смотрела сон о себе самой. Деньги, конечно, хорошее дело, но сами по себе они ничего не значат, являют собой сделку с будущим, а какое оно у меня? Семьи нет, друзей тоже мало, ни веры в Бога или богов, ни убеждений, которые выходили бы за пределы моего опыта. Теперь мне стало ясно, что всю свою жизнь я прожила, затворившись от внешнего мира в своей раковине, старалась не замечать сложные или непонятные его элементы, чтобы они не навредили мне, обнесла себя крепкой стеной финансовой независимости и работы, не требующей эмоционального участия. На то, что я с таким тщанием выстроила вокруг себя крепость, были свои причины. Я хорошо это понимала. Выбранная мною стратегия помогла мне продвинуться в жизни и без особых потерь занять приличное положение в обществе. Но Хабиба потрясла фундамент этой крепости и основы

стратегии.

А тут еще эта старуха, которая медленно угасала на полу ее гостиной. Меня глубоко тронуло, с каким смирением Лаллава принимала свой жребий, с какой теплотой пожимала руки своих гостей. С ее доброго, кроткого, измученного заботами лица не сходила улыбка, пусть и слегка перекошенная. Я вспоминала, как ее лицо часто поворачивалось ко мне. Каждый раз в течение этих долгих и тягостных часов, проведенных в маленькой комнатке, она безошибочно узнавала меня. Ей словно хотелось узнать, что у меня на душе, что я за человек, и даже, может быть, понять, в чем заключается мое достоинство. Что должна чувствовать она, вырванная с корнем из почвы родной пустыни и пересаженная в такое гиблое место, как Тиуада? Эта женщина страстно желала еще раз увидеть перед смертью суровую красоту пустыни, успокоить душу ее бескрайними просторами и бесконечными дюнами, которые она помнила в лучшие свои годы. Вместо этого ей приходилось неподвижно лежать в четырех мрачных стенах под неусыпным надзором этих старых ворон во главе с языкатой Хабибой, видеть, как чувства одно за другим покидают тело...

Пока мы ехали обратно по пыльным дорогам, окрашенным в какой-то лиловый оттенок лучами заходящего солнца, Таиб с Азазом молчали, что было даже как-то странно и непохоже на них. Каждый думал о чем-то своем. В тишине, под негромкое шуршание шин по неровной дороге, я издали услышала, что мы приближаемся к пункту нашего назначения. В сумеречном воздухе разносился низкий рокот барабанных ударов, сопровождаемый резким бряцаньем струн какого-то инструмента и не менее пронзительным женским голосом такой высоты, что певица, кажется, рисковала сорвать себе голосовые связки. Мы остановились возле высокой глинобитной стены, Аزاز открыл передо мной дверцу, и шум обрушился на меня со всей оглушительной мощью.

Таиб наклонился к моему уху так близко, что я почувствовала на шее его горячее дыхание.

— Добро пожаловать на настоящую берберскую фишту!

Сказав это, он немедленно сгреб меня в охапку и увлек за собой туда, где происходило нечто удивительное. С деревьев, украшенных гранатами и апельсинами, свисали десятки светильников, пламя которых мерцало в такт движениям танцующих: мужчин в тагельмустах и развевающихся халатах, женщин с густо насурмленными глазами и сверкающими серебряными серьгами в ушах, ритмически покачивающих над головой руками, окрашенными хной. В толпе шныряли разряженные мальчишки в длинных белых рубахах и ярко-желтых туфлях без задников, девочки в цветастых

халатиках с поясом. Тут были и совсем карапузы с огромными черными глазищами и дырками вместо передних зубов, вцепившиеся в черные платья своих мамаш, головы которых были покрыты ярко расшитыми платками. Мужчины в полосатых халатах и белых тагельмустах, у каждого ритуальный кинжал на поясе, били в разнокалиберные барабаны, оглашая ночь мощными звуками какого-то сложного ритма, угрожающего поглотить целиком всякий след индивидуальности. Ошеломленная, оглушенная, я озиралась, желая отыскать уголок поспокойнее, но, увы, покой нынче ночью найти мне было не суждено.

Вокруг сада были расставлены низенькие кушетки и диванчики, небольшие деревянные табуреточки. На них восседали все те же старые вороны в черных одеяниях с головы до пят, что поджидали в гостиной Хабибы, когда же смерть приберет Лаллаву. Лица их были коричневыми и морщинистыми, как скорлупа грецкого ореха, птичьи пальцы крепко вцепились в стаканы с чаем.

Таиб усадил меня на свободную подушку возле группы хихикающих девушек, присматривающих за своими младшими братишками и сестренками, а сам куда-то ушел.

— Ждите меня здесь, — сказал он... Хм, как будто у меня был выбор. — Я на минутку.

Я смотрела, как он пробирается через толпу, и вдруг почувствовала на себе взоры старух, сверлящих меня сверкающими черными глазами так, словно они хотели что-то выпытать. Эти вороны заметили, что я тоже на них смотрю, твердо выдержали мой взгляд, а потом вдруг снова затрещали, как сороки, то и дело бросая на меня острые взгляды и шевеля птичьими пальцами. Ясно, о чем они думают. Теперь, после случившегося в Тиуаде, я читала мысли этих женщин так же легко, как собственные. Чувствуя себя крайне неуютно под их явно неодобрительными, испытующими взглядами, я порылась в сумочке в поисках мобильного, чтобы послать Ив еще одно сообщение, готовая на все, лишь бы дружески пообщаться на родном языке хоть с кем-нибудь, но сначала мне под руку попался амулет.

Я нащупала его грани, и вот он лежит у меня в ладони, твердый и уже столь знакомый. Странное дело, прикосновение к нему успокоило меня. По руке будто прошла волна тепла, и я вдруг подумала, что, в конце концов, все идет хорошо. Я не враг, вторгшийся на чужой праздник, не чужеземка из далекой страны, но желанная гостья. Даже более того, я участница праздника, как и все остальные. Этот барабанный бой, громкий, проникающий до мозга костей, уже стал частью моего существа, и сердце мое билось в том же ритме. Когда Таиб наконец протолкался ко мне, я с

веселым видом сидела на своем месте, у меня на коленях устроилась какая-то девчушка, другая заплетала мне волосы. Я хлопала в ладоши и покачивала головой в такт музыке, словно делала это всю жизнь.

Он улыбнулся и изящно опустился на землю рядом со мной, держа в руке большую тарелку с какой-то едой. За ним явился и Азиз с двумя серебряными кувшинчиками, один из которых был с узким горлышком, и перекинутым через руку белым полотенцем. Азиз встал рядом со мной на колени и полил мне на руки. Как это утонченно-вежливо! Вымыв руки и вытирая их полотенцем, я улыбнулась ему. Он ответил мне тем же, снова обрел свой обычный веселый вид, потом быстро исчез вместе со своими сосудами. Дети тоже куда-то пропали, но сначала Таиб сделал пассы руками и достал из ушей полные горсти миндаля, а они в ответ счастливо захихикали.

— Да вы просто фокусник, — заметила я, когда музыка на минутку смолкла.

— У меня много племянников и племянниц. Упражняюсь каждый день.

— А своих детей что ж не заведете? Не хочется?

Он подал мне тарелку с дымящейся бараниной с овощами и большим куском лепешки. От еды исходил потрясающий аромат специй и фруктов. Нос мой сам собой зашевелился, словно у собаки. Он смотрел, как я ем, не отвечая на вопрос. Стоило мне попробовать эту вкуснятину — и я сразу обо всем забыла. Сочное, в меру сдобренное мясо молодого барашка весьма удачно дополнялось мягким черносливом, перцем чили, чесночком и еще какими-то специями, которых я не могла угадать. Это было что-то вроде лепестков розы и сандалового дерева или еще чего-то, не имеющего названия в нашем языке. Такое знают и употребляют только берберы. Я запомнила и про свой вопрос, и про то, что на него полагается получить ответ, пока не уничтожила половину предложенной мне порции. Тут я виновато подняла голову и увидела, что Таиб смотрит на меня изумленными и пристальными глазами.

Я проглотила очередной кусок и повторила вопрос:

— Так у вас нет своих детей?

— Это мое личное дело.

— Правда? Сегодня мне весь день везет на личные разборки. Например, ваша дорогая кузина Хабиба мне нахамила.

— Не может быть! — Брови его взлетели вверх.

Я не собиралась в точности передавать ее слова. Неловко все-таки, еще обидится, да и ни к чему. Не дай бог, подумает что-нибудь не то, будто я с

ним флиртую или еще что.

— А еще она сказала, что вы с ней помолвлены.

Лицо его застыло, замкнулось, стало отстраненным, словно окошко, закрытое ставнями.

— Было такое, — отозвался он после долгой паузы. — Когда-то давно.

— И что случилось?

— Это дело семейное и касается нас двоих. Я не хочу обсуждать его с посторонними.

Так, получила. Я обиженно откинулась назад, пока Таиб приканчивал еду. Потом он поднялся, взял пустую тарелку, не сказав ни слова, исчез в толпе, но через несколько минут вернулся. Под мышкой у Таиба торчал барабан, огромный, как тамбурин, в руке он сжимал еще один, представляющий собой два глиняных горшка, обтянутых кожей. Большой Таиб передал Азazu, они уселись, с крестив ноги, на циновку прямо посередине толпы и принялись отбивать какой-то задорный синкопированный ритм. Скоро с десятков или даже больше мужчин образовали вокруг них широкое кольцо, подхватив ритм каждый на своем инструменте или просто прихлопывая в ладоши. К ним подсел высокий молодой человек, в руках у которого было что-то очень похожее на банджо, и бойкие струны вплелись в общую мелодию.

Я сидела и смотрела, как Таиб играет и поет. Он закрыл глаза и всем своим существом отдался музыке. У него был негромкий приятный тенор. Таиб пел задушевно, страстно и свободно, бередил, что называется, душу и сам не сдерживал своих чувств. Видно было, как сухожилия растягиваются на его шее. Сама не знаю почему, но меня это удивило. До сих пор я и подумать не могла, что он, человек страстный и по-своему харизматичный, способен, как говорится, держать пением аудиторию. Теперь танцевали все. Мужчины делали шаг или два в сторону, почти не отрывая подошв от земли, и, хлопая в ладоши, возвращались на прежнее место. Женщины помоложе быстро двигались, покачиваясь из стороны в сторону, исполняя нечто вроде сдержанного танца живота, к тому же скрываемого одеждой. Их руки трепетали в воздухе, порхали туда-сюда, а те, кто постарше, раскачивались, подпрыгивали, приседали и при этом смеялись. Они больше не походили на черных ворон, как мне казалось еще совсем недавно. Песня все продолжалась, ей будто не было конца, она без перехода сменилась другой, потом третьей. Кто-то принес зеленый чай в стаканчиках, маленькое печенье, пахнущее миндалем, финики, что-то еще, внешне напоминающее сливочную помадку, и я с энтузиазмом протянула руку к лакомству. Увы, по вкусу оно оказалось не лучше древесины бальзы,^[54] так

что в моем рту, наполненном слюной, мгновенно стало сухо, и мечты получить удовольствие как ветром сдуло.

Я бросила взгляд на часы. Боже праведный, какой ужас! Почти двенадцать ночи! Музыка наконец-то ненадолго умолкла, я поймала взгляд Таиба, и он подошел ко мне.

— Когда вы собираетесь ехать назад? — спросила я. — Мне надо предупредить Ив.

Его сдержанное лицо стало озабоченным, он потер ладонью щеку и сказал:

— Да-да, конечно. Подождите немного, я кое с кем переговорю. Всего несколько минут. Позвоните подруге, скажите, что с вами все в порядке, вы скоро вернетесь. Здесь должна быть хорошая связь.

Неужели? У черта на куличках, где-то посреди пустыни это казалось маловероятным, но я достала мобильник, посмотрела на экран и действительно увидела три палочки — связь почти идеальная. Я нашла в списке имя Ив, нажала на кнопку, и, что вы скажете, раздался гудок, за ним еще один.

«Эй, Ив! — подумала я. — Где тебя черти носят?»

Буквально через секунду, словно она подслушала, в трубке раздался голос:

— Алло!

— Ив! Это я!

Раздалось какое-то шуршание, будто подруга переключала аппарат к другому уху.

— А, это ты... Привет, Из.

Голос ее звучал как-то немного отстраненно, нечетко и вяло, казалось, она спала и еще не совсем проснулась.

— Извини, я не хотела тебя будить. Просто хочу попросить, не запирай дверь, я скоро приеду, хотя, наверное, уже будет довольно поздно.

Она что-то проговорила, но не мне, и так приглушенно, словно прикрыла телефон рукой. Я попыталась сосредоточиться, но вокруг все смеялись и болтали напропалую.

— Договорились, Ив? С тобой все в порядке? Как прошел день?

— Что? Мм... Ах да. Спасибо, отлично, просто здорово.

Вдруг, словно ее кто-то застиг врасплох, она испустила пронзительный визг, который быстро перешел в громкое и недвусмысленное хихиканье.

Потом подруга снова, правда безуспешно, попыталась закрыть ладонью мобильник, и я довольно отчетливо услышала ее голос:

— Отстань, Джекз. Нет, отстань, говорю! Тсс, тихо, это Иззи.

Я тупо уставилась на телефон, будто на экранчике можно было увидеть нашу гостиничную комнату с темно-коричневыми изразцами и занавесками мышинового цвета. Интересно, зажгли они одну из ароматизированных свечей, которые Ив привезла с собой, или отдали себя в заложники суровой шестидесятиваттовой лампочке, которая свисала с потолка без всякого абажура? Сдвинули ли они две односпальные кровати или теснятся на узеньком матрасе Ив, переплетясь всеми своими голыми конечностями и лоснящимися от пота тренированными телами?

— Ох, Ив!..

Я вдруг почувствовала, как устала и опустошена.

— Что? Что ты сказала? С тобой все в порядке? Где ты?

— Да нет, ничего, все хорошо. Я с Таибом, у нас что-то вроде вечеринки в одной деревне к югу от города. Не знаю, долго ли будем добираться обратно, но ты за меня не волнуйся, хорошо?

Я дала отбой, и меня вдруг охватило отчаянное чувство полного одиночества. Я ощутила себя маленьким островком посреди огромного человеческого моря. Некоторые музыканты уже грели кожу своих барабанов у костра, а женщины играли на струнных инструментах, похожих на маленькие скрипочки странной формы. Детишки у их ног сосали финики. Вернулся Таиб об руку с человеком немного постарше, с сединой в волосах и густыми усами.

— Это Мустафа, он отвезет вас в Тафраут, — сказал он без всяких предисловий.

Таиб казался утомленным, словно уговорить Мустафу в том, что это сделать необходимо, ему стоило большого труда. Я во все глаза глядела на него, и мне стало еще более одиноко.

— Вы что, смеетесь? Я же совсем его не знаю. Кто он такой, откуда и так далее.

— Это мой дядя. С ним вы будете в полной безопасности. Кроме того, с вами поедет моя тетя с тремя дочерьми.

— А вы что, намерены оставаться здесь, гулять до утра?

— А я повезу Лаллаву в пустыню. — Он глубоко вздохнул. — Это ее последнее желание, а у меня есть и время, и транспорт. Я должен сделать это для нее.

Челюсть у меня так и отвалилась, по крайней мере мне так показалось.

— А-а-а... — сказала я, но на большее меня не хватило.

Он присел рядом со мной на корточки.

— Видите ли, сначала я собирался спросить у вас, не хотите ли вы прокатиться со мной, посмотреть Сахару, ведь до нее отсюда всего

несколько часов езды, потом подумал, что это было бы сущее безумие. Вы едва меня знаете, а Лаллаве, несмотря на весь ее стоицизм и мужество, наверняка потребуются внимание и уход. Вы в Европе к этому не привыкли, у вас так не принято, вот я и подумал, что лучше попросить Мустафу доставить вас до гостиницы. Но если вы не хотите с ним ехать... — Он вздохнул и беспомощно развел руками. — Извините. Раз я обещал доставить вас в Тафраут, то сдержу свое слово. Едем сейчас, а завтра я вернусь за Лаллавой.

— Нет.

У меня было такое чувство, что это сказала не я, а кто-то другой, отчаянный и безрассудный. Я словно смотрела на себя со стороны. Вот моя рука касается губ Таиба, чтобы он молчал и не говорил ни слова.

— Нет, — повторила я. — Я поеду с вами. Я тоже хочу посмотреть пустыню. С вами и с Лаллавой. Возьмите меня в Сахару.

У меня было такое чувство, словно я сорвалась с цепи или, держась за веревку, шагнула в пропасть. Так или иначе, но дело было сделано, и с этой минуты жизнь моя покатила совсем по другой колее.

Глава 19

Последующие дни и даже недели все мысли Мариаты были заняты только одним. Она пробуждалась к новому, чувственному миру, с которым ее познакомил Амастан. Девушка снова и снова думала об этом, и порой ей казалось, уж не злой ли дух засел у нее в голове и как-то по-новому изобретательно преследует ее, не давая ни минуты покоя. Каждая подробность свиданий с Амастаном, словно некая галлюцинация, преследовала ее воображение. Она переживала их опять и опять как душой, так и телом. Например, как они лежали под олеандрами, окутанные их густым запахом, и Амастан нарочито спокойно, не торопясь разматывал свой тагельмустан. С какой жадностью Мариата разглядывала черты его лица, открытые для нее во второй раз, но уже совсем в другой обстановке. Их щеки соприкоснулись. Мариата едва не потеряла сознание, потом почувствовала его горячее дыхание на лице, а чуть позже и на груди. Вспоминая об этом, девушка снова дрожала от восторга и наслаждения, с нетерпением предвкушая новые ласки.

Теперь она другими глазами смотрела на остальных членов племени. Интересно, они тоже переживали такое чудо? Чем пристальней Мариата вглядывалась в них, погруженных в дневные дела и заботы, тем менее вероятным ей это казалось. Вот старый Таиб, сидит себе на камне, ковыряет иголкой кусок какой-то цветной тряпки. Билось ли его сердце от одного взгляда на кого-нибудь так сильно, что готово было сейчас же выскочить из груди? Или вот Надия, коричневое лицо которой от солнечных лучей и частого смеха избородили морщины. Муж ее теперь ушел с караваном. Думает ли она о нем, лежа в своем шатре и сунув руку себе между ног? Или вот вечно злая и вздорная Нура. У нее шестеро детей, она наверняка чувствовала нечто подобное к Абдельрахману, хотя, глядя на

них теперь, такого не скажешь. Они вечно ругаются то из-за моли, которая завелась в шерсти, то из-за кончающегося сахара. Трудно представить, что эта пара тоже когда-то не могла наглядеться друг на друга, как теперь они с Амастаном. А уж когда женщины перемывали косточки новобрачным Хедду и Лейле, то говорили про них не с завистью и горячим томлением в голосе, но с грубыми и грязными непристойностями. Все-таки, когда Лейла вышла из шатра жениха, глаза ее влажно поблескивали, а щеки пылали, да и потом Мариата видела, как она смотрит куда-то в пространство или на пламя вечернего костра и чему-то про себя улыбается. Девушка поняла, что не только она испытывает эти чувства. Мир для нее словно окутался удивительным, ослепительным туманом. Она с трудом понимала, где находится и что делает, день перепутался с ночью. Выполняя ежедневную работу, Мариата не видела, чем занимается, разум ее блуждал где-то далеко. Хлеб постоянно подгорал, курам она высыпала за раз недельную порцию, проспала, когда настала ее очередь доить коз, возненавидела дневные часы и с нетерпением ждала ночи. У нее пропали все желания, кроме одного: лежать в темноте, обнявшись с Амастаном, и чувствовать, как в унисон бьются их сердца. Иногда, правда, девушка замечала устремившийся на нее строгий взгляд сощуренных глаз Таны, но женщина-кузнец больше не заговаривала о том, что ей надо покинуть племя. Теперь Мариате казалось, будто ничто не может нарушить удивительное, прекрасное состояние непрерывного счастья, укрытого от любой опасности мощным щитом ее чувственности, в котором она купалась днем и ночью. Девушка не встревожилась, даже когда увидела, как однажды вечером, на закате, Амастан вместе с другими мужчинами племени разговаривал с какими-то двумя незнакомцами в темных одеждах, подъехавшими к селению. Ее несколько не смутило то, что эти двое были перетянуты патронташами крест-накрест, а за спинами у них торчали стволы винтовок. Когда в ту ночь он пришел к ней позднее обычного, она сразу позабыла, что хотела спросить, кто были те чужаки, настолько мощной была волна желания, повлекшего ее к нему.

Но когда молодой человек уже наматывал лицевое покрывало, собираясь потихоньку вернуться на мужскую половину селения, Мариата взяла его за руку и поинтересовалась:

— С кем это ты сегодня разговаривал? Кто они?

— Так, друзья... Просто друзья. — Амастан скосил глаза в сторону. — Тебя это не должно волновать.

— Потому что я женщина, да? — Мариата старалась держать себя в руках.

— Потому что тебя это не касается.

— Не надо так говорить! Все, что важно для тебя, безразлично и мне!

— Есть вещи, которые могут касаться только меня одного.

— Например, Манта? — От ревности у нее перехватило дыхание.

— Я всегда буду чтить ее память.

— А я заставлю тебя забыть ее! — Она охватила его голову руками, притянула к себе и крепко поцеловала.

Амастан не сразу, осторожно оторвался от нее, с нежностью положил ладонь ей на щеку и произнес:

— Сердце мое теперь принадлежит тебе, но Манту я все равно никогда не забуду.

— Так, значит, мы поженимся?

Она смотрела на него во все глаза, во взгляде ее сверкал вызов. Слово было сказано и требовало ответа. Но Амастан молчал, и лицо его было непроницаемо.

Прошло несколько долгих секунд.

— А ты, с твоей знатной родословной, примешь меня? Ты же знаешь, что я не могу предложить тебе ни состояния, ни благородного происхождения.

— У нас будет свое состояние. Мы создадим свою родословную. Ты и я.

Он задумчиво кивнул, освободился из ее объятий, встал и заметил:

— Мне надо об этом подумать.

Скованными движениями наматывая лицевое покрывало, молодой человек избегал смотреть ей прямо в глаза и словно хотел поскорее уйти.

Мариата вскочила на ноги, сжала кулачки, будто хотела ударить его, но вместо этого принялась яростно хлопать себя по платью, стряхивая пыль, приставшие сухие листья и обрывки лепестков. Она чувствовала, как горячая жидкость, которую он оставил в ней, побежала по внутренним сторонам ее бедер.

— Не о чем тут думать, — сказала Мариата сквозь зубы. — Неужто мы с тобой лишь забавлялись тут, как детишки, все эти несколько недель? Думаешь, я занималась этим с тобой так, для удовольствия? Или, может, для того, чтобы потренироваться, научиться хорошо плясать, как деликатно выражаются ваши женщины, прежде чем выбрать настоящего мужа? Ты думал так или, может, еще как-то? — страстным шепотом говорила она, сверля его горящим взглядом.

— Прощу тебя, Мариата, не надо. — Амастан примирительно поднял

руку ладонью кверху. — По правде говоря, я вообще ни о чем не думал. Время, которое мы провели с тобой, было для меня благословенным бальзамом, излечившим мои старые раны. Понимаю, надо было подумать не только о своих личных проблемах. Но слишком много для нас поставлено на карту, чтобы пожениться сейчас. Для тебя и для всех.

— Прошу тебя, не надо мне говорить, что для меня лучше, а что хуже. — Мариата окинула его высокомерным взглядом, чувствуя в себе силу и мощь своих предков. — Многие пытались это сделать, но у них ничего не вышло. Когда я была маленькой, братья говорили мне, что от укуса скорпиона лучше всего помогает горячий песок, а на самом деле это очень плохо. Я потеряла им палец, и тот распух, как куриное яйцо. Когда умерла мать, отец забрал меня из моего племени, привез к людям кельбазган и оставил меня там на их милость. Он ошибся еще больше. Именно я захотела пересечь Тамесну с твоей матерью, решила лечь с тобой и ни с кем другим, потому что знала, что нам нужно пожениться. Только я одна понимаю, что для меня хорошо и что плохо. Мы любим друг друга, поэтому я не вижу никаких препятствий. — Мариата взялась за амулет, висящий у нее на шее, и заявила: — Я беру тебя, Амастан, сын Муссы, своим мужем на все времена до самой смерти и в знак нашего союза буду и впредь носить твой талисман. — Потом она наклонилась, подобрала свой платок, решительно отряхнула его и повязала голову так, как это делают замужние женщины. — Видишь? Это легко. Завтра пойдем к твоей матери и заявим, что мы с тобой обручились. Она назначит день свадьбы и придумает, как послать весточку моему отцу и братьям и пригласить их на свадебный пир. Больше ни о чем думать не надо.

Амастан взял ее за плечи, но это не было нежным объятием. Пальцы его, напрягшиеся от подавленного гнева, больно вонзились ей в плечи.

— Мариата, — начал он.

Его тагельмуст еще не до конца был обмотан вокруг лица. Длинный хвост свисал вдоль халата, оставляя непокрытыми губы, еще несколько минут назад жадно целовавшие ее. Их уголки были теперь безрадостно опущены.

— Сейчас не время для праздников и свадеб. Скоро к нам придет война не на жизнь, а на смерть, и если наш народ не хочет погибнуть, придется драться. Если мы бежим, проиграем войну, то больше не будем свободны, от нас не останется и следа. Тех людей, что приходили сегодня вечером, правительство называет бунтовщиками. Они из отряда, который входит в движение сопротивления, борются за создание Азавада, независимого государства туарегов на территории от гор Аира и Адага до

вашего Хоггара. Они набирают бойцов из каждого племени этого региона. Уходят Хедду, Ибрагим, Базу, Амуд, Азелуан, Илли, Махаммад, Джибрил, Абдалла, Хамид и все остальные, кто здоров и может носить оружие. Мы должны идти. Если не станем драться, с нами случится то, что с деревней Манты. Девушку изнасиловали, опозорили и убили — то же самое будет и с моей матерью, с родственниками и друзьями. С тобой тоже, Мариата, а я этого уже не перенесу. Они ненавидят нас, хотят уничтожить, стереть с лица земли, по которой мы ходим, отнять воздух, которым дышим, воду, которую пьем. Само наше существование бросает вызов и им самим, и всему, во что они верят. Поэтому мы должны драться так же жестоко, как они поступают с нами. Пламя может победить только встречный огонь. Нам остается яростно сопротивляться. Чтобы противостоять их оружию, газам, злобе, понадобится вся наша сила, умение и хитрость, удача наших предков. Ты не должна удерживать меня, Мариата. Когда мы победим, обезопасим наш народ, можно будет подумать и о свадьбах. Только тогда у нас с тобой будет шанс обрести счастье и надежду на будущее для себя и наших с тобой детей.

Глаза его сверкали гневом и страстью, словно он уже видел это будущее, распростершееся перед ними.

— А как же Хедду и Лейла? Ведь только несколько недель назад ты танцевал на их свадьбе и ни слова не говорил о войне.

— Я не могу решать за других.

— Тогда не смей решать и за меня! Неужели я слабое и ничтожное существо, которое надо защищать от ужасов этого мира? Мать всегда мне говорила, что все самые важные события в жизни начинаются от сердца. — Мариата нарисовала на земле круг и поставила посередине точку. — Волны от него идут все шире и шире, пока не станут кругом жизни. Так горизонт окружает со всех сторон тебя и все твоё племя. Мы — часть всего мира, а он — нас самих. Если должна быть война, то пусть будет, — горячо говорила она. — Но мы должны встретить ее вместе, как муж и жена перед глазами всего мира. Если ты будешь драться, то и я тоже. Возьму в руку копье, повешу на пояс меч и стану биться не хуже любого мужчины. Если все вокруг потонет в море крови, пусть она смоет и меня. Если мы победим, я хочу разделить торжество с тобой.

В темноте лунный свет отражался в ее глазах, которые будто сияли холодным огнем, и Амастан подумал, что сейчас перед ним стоит не женщина из плоти и крови, а некий природный дух, сама стихия. Всякий, увидев ее сейчас, испугался бы, но Амастан вдруг почувствовал гордость, видя такую решимость и любовь к нему. В нем снова разгорелось желание.

Что может противостоять такой силе? Попробуй, и она тебя уничтожит, но он с радостью готов пойти на эту гибель.

— Да ты у меня не женщина, а просто львица. — Он привлек ее к себе и страстно прижался к губам.

— Львица? — засмеялась она и покачала головой. — Вовсе нет. Покровитель нашего рода — смиренный и робкий заяц.

— Смиренный и робкий? Я так не думаю. Заяц — самое благородное существо на свете, как и женщина, которая станет моей женой.

Наутро они отправились к Рахме и объявили ей о своем намерении пожениться.

Рахма поцеловала руку сына и прижала ее к своему сердцу, потом обняла Мариату.

— Ах, доченька, более приятной новости ты не могла мне принести!

Видя, как мать и невеста смотрят друг на друга, Амастан подумал, что они очень похожи. У обеих строгий профиль и сверкающие темные глаза. Пара бесстрашных львиц, готовых сражаться с целым миром, чтобы защитить своих близких.

«Я не стою их», — подумал он, но не стал этого говорить.

Новость об их помолвке распространилась по селению так же быстро, как саранча по посевам. Все об этом только и говорили. Мнения были разные. Мариата в целом произвела на соплеменников жениха благоприятное впечатление, однако нашлись и такие, кто считал, что род ее стоит слишком высоко для мужчины из народа кель-теггарт, даже если отец его был аменокалем всего Аира. Старые люди еще помнили свои дурные предчувствия по поводу женитьбы Рахмы и Муссы, сына Ибы. Они качали головами и цыкали зубом, когда она прибежала обратно, поджав хвост. После двенадцати лет мучений с человеком, про которого все знали, что он высокомерен и жесток, эта женщина не привезла с собой ничего, кроме шатра, с которым она к нему и уехала, чуть живого осла и вечно угрюмого ребенка, слишком мелкого для его возраста, легко впадающего в ярость и острого на язык. Со временем мнение людей об Амастане изменилось. Он вырос высоким, стройным и сильным юношей, мастерски слагал стихи и танцевал. Его ценили за то, что он был искусным охотником, но все равно не доверяли вспыльчивому характеру и трезвости ума, считали человеком не очень везучим, притягивающим к себе дурной глаз. Мысль о том, что он станет жить здесь со своей женой, беспокоила соплеменников. Они спрашивали себя, долго ли еще добрый джинн будет покровительствовать

ему. Рано или поздно он снова покинет Амастана, и тогда Кель-Асуф придет за ним и за всеми, кто ему близок. Все здоровались с ним так же учтиво, как и всегда, поздравляли его, желали ему удачи, долгой жизни и много детей, а сами горячо молились о том, чтобы он сделал то, что надлежало, то есть отвез бы Мариату, дочь Йеммы, в деревню ее матери, расположенную в далеких горах Хоггара. Люди напоминали друг другу о ее благородной родословной и говорили, что только так и подобает поступить.

Но женщины помоложе не имели дурных предчувствий, характерных для их родителей, бабушек и дедушек, и относились к Мариате так же, как и к любой другой девушке, которая выходит замуж за красивого молодого человека. Темной мазью из хны они разрисовали ей руки, изобразив луну, месяц и цветы. Эти рисунки означают, что она помолвлена. Через день мазь засохла и отвалилась, оставив после себя темно-красные узоры, отпечатавшиеся на коже. Амастан любил прижиматься к ним губами во время ночных свиданий. Женщины приглашали ее в шатер и учили петь непристойные песни и куплеты, от которых она так громко хохотала, что к ним в шатер забегала старая Надия, думая, что это мычит телка, забредшая, куда ей не положено.

Лейла, которая сама недавно стала женой, брала на себя роль умудренной опытом женщины и где-нибудь в сторонке делилась с ней секретами насчет супружеского ложа.

— В первую брачную ночь ты должна противиться его приставаниям. Пусть он ведет себя с тобой только как брат. Так будет правильно. На вторую ночь ему можно по-дружески поцеловать тебя, обнять, когда ты спишь. Только на третью муж может сделать все.

Она принялась объяснять, приводить много практических подробностей и очень удивилась, когда увидела, что эта совсем юная девушка хладнокровно, глазом не моргнув, слушает подробнейшие натуралистические описания. Мариата с важным и серьезным видом поблагодарила Лейлу и в знак дружбы надела ей на смуглое запястье один из самых красивых своих серебряных браслетов. Потом Лейла по секрету рассказывала Нофе и Йехали, что Мариата представила, что ее ждет, испугалась и задрожала, как молодая газель при виде охотника.

Счастье Мариаты омрачало только одно. Рядом не было родственников, готовых разделить с ней радость. С заданием разыскать ее отца и братьев были посланы гонцы в сторону южных караванных путей и на восток, в направлении Бильмы. Всех путешественников, проходящих через селение, подробно опрашивали, не встречали ли они где на пути родичей Мариаты. Некоторые торговцы, державшие путь из Зиндера в

Тимбукту, сообщали, что на городском постоялом дворе, где они провели несколько ночей, ходили разговоры про какой-то караван, возвращавшийся из соляных копей Бильмы, в котором был отец с двумя сыновьями. С этим караваном в пустыне Тенере якобы случилось несчастье, но никто не мог вспомнить, как звали этих людей. Поскольку такое бывает со многими торговыми экспедициями, никто этих слухов близко к сердцу не принял. Однако Мариата, стараясь не показывать тревоги, наконец-то набралась смелости и пошла к женщине-кузнецу, чтобы та объяснила, что могут означать эти слухи.

Она нашла Тану на краю селения в тени огромного тамариска. Та что-то мастерила, сшивая разноцветные, яркие, как свежие фрукты, куски кожи. Мариата не могла понять, что это такое. Ей не часто приходилось видеть столь красивые вещи со сложным узором и декоративной каймой. Она глаз не могла оторвать от этой поделки.

Тана встретила ее тяжелым взглядом. С той самой ночи, когда была свадьба Хедду и Лейлы, они ни разу не разговаривали.

— Дорожная сумка, — сказала женщина-кузнец без всяких предисловий, подняла свое изделие повыше, и бахрома на нем затрепетала. — Тебе она очень пригодится.

— Мне?

— Тебе предстоит долгое путешествие.

Мариата призадумалась. Уж не собирается ли Тана снова принудить ее к отъезду? С другой стороны, Мариата ведь сама предложила Амастану после свадьбы отправиться в Хоггар, чтобы сообщить о своем замужестве родственникам, последним представителям уважаемого рода матери, и перезимовать с ними в безопасности под защитой холмов, возвышающихся за Абалессой. Она очень хотела показать любимому человеку горы, в которых выросла, их острые вершины, багровеющие на закате солнца, прохладные тенистые озерца, где круглый год сохраняется вода. Амастан отвечал вежливо, но уклончиво. Он не сказал, что думает по этому поводу, но Мариата понимала, что его мысли сейчас о войне, а вооруженные столкновения происходили все ближе. Но даже если и так, она была уверена, что после свадьбы сможет убедить мужа.

Поэтому Мариата не стала спрашивать у Таны, что все это значит, а задала вопрос, с которым пришла:

— Ты можешь погадать мне и сказать, видишь ли моего отца и братьев среди живых?

Острые глазки Таны буравили девушку с такой силой, что ее взгляд, как копьё, будто пронзал самое сердце.

Наконец женщина-кузнец вздохнула, отложила работу и позвала:
— Пойдем.

В полумраке кузницы Тана заварила чай, положив туда травы техергеле, тинхерт и еще какую-то, которой Мариата не знала. Затем Тана отколола несколько кусочков от сахарной головы, бросила их в чайничек, размешала, потом встала и налила чай в стакан, как это делает мужчина, пуская струю с большой высоты. На золотистой жидкости образовалась такая же пена, как в водопаде зимой.

— Ты должна выпить три стакана. В первом чай крепкий, как сама жизнь, — сурово сказала Тана, села напротив и подтолкнула стакан, стоявший на подносе, поближе к ней.

Мариата выпила его до дна, смакуя вкус и аромат трав.

Тана снова наполнила стакан.

— Второй стакан сладок, как любовь. — С этими словами она посмотрела на Мариату ненавидящим взглядом.

Та поднесла стакан к губам. Теперь напиток и вправду был куда слаще, чем в первый раз.

— А теперь последний. — Тана подтолкнула напиток к ней и ждала.

Мариата подняла стакан и увидела, как в янтарном напитке плавают, вертятся, чаинки и кусочки травы. Он казался холоднее и темней, чем первые две порции. Девушка подумала, что это, должно быть, потому, что заваривался чай дольше, но попробовала его и чуть не подавилась.

Она поставила стакан обратно.

— Ужасный вкус.

— Надо выпить.

Инеден села на пятки, строго посмотрела на Мариату и только потом, когда та осушила стакан, удовлетворенно улыбнулась.

— Третий стакан горек, как сама смерть.

На языке Мариаты остался привкус, и она пережила страшную минуту. Вдруг эта женщина-кузнец отравила ее? Девушка отнюдь не успокоилась, когда увидела, что та встает, закрывает вход в кузницу длинной кожаной шторой и ставит на песке возле порога несколько амулетов гри-гри. В кузнице стало совсем мрачно. Мариата сидела не двигаясь, не осмеливаясь даже пошевелиться и едва дыша. Пламя в горне вспыхнуло, и резкие черты Таны вдруг приняли мрачное, демоническое выражение. Разгладив песок на полу, она начертила квадрат и в каждом его углу поместила по амулету. Потом подошла к столбу, который поддерживал крышу, и посмотрела вверх. Через дымовое отверстие в помещение сочился тусклый свет, позволяющий разглядеть простой кожаный мешочек, висящий на крючке.

Воздух вокруг него будто мерцал. В нем плясали пылинки и кусочки пепла, которые поднимались все выше и исчезали в отверстиях. Они вертелись и кружились подобно дервишам, и Мариате на секунду показалось, что она видит перед собой духов, готовых обрести плоть и ожить на ее глазах. Голова девушки закружилась, видимо, начал действовать чай. Тана протянула руку вверх, достала мешочек и взвесила его на руке. Внутри что-то звякнуло.

— Что там? — спросила Мариата, стараясь не показывать, что ей страшно.

Тана перевернула мешочек, высыпала на коричневую ладонь часть его содержимого и задумчиво посмотрела на все это, перебирая большим пальцем. Потом она протянула руку и показала Мариате круглые камешки — гальку, отполированную водой. Такой много лежит на дне рек и ручьев. Вынутая из воды, она была тусклой и невыразительной. Мариата разочарованно смотрела на них. Камешки как камешки, таких девушка видела много.

Женщина-кузнец со стуком высыпала их обратно в мешочек.

— В каждом из них сидит дух, — сказала она и с удовлетворением заметила, как Мариата испуганно отшатнулась. — Я собираю их во время сухого сезона. Духи, живущие в них, зовут меня. Когда течет река, делать это опасно. Все знают, что именно вода притягивает к себе духов. А в сухих камешках они теряют часть своей силы, и я могу ими командовать. Я покажу тебе дорогу жизни и смерти, и мы увидим то, что увидим.

Она притронулась к амулету Мариаты, три раза стукнула по нему, потом коснулась ее лба, плеч, ступней и ладоней. Видимо, удовлетворенная возведенной защитой, Тана левой рукой стала вынимать из мешочка камешки, подбрасывать их в воздух и ловить правой. Порой она хватала по два сразу, иногда по одному. Потом Тана выложила пойманные камешки перед собой на землю вертикальной линией, как буквы тифинага, начертанные на валунах возле селения: сначала один, потом пару, снова пару и еще один. Вслед за этим женщина-кузнец повторила процедуру подбрасывания и ловли камешков и стала внимательно их рассматривать, шевеля губами, словно что-то подсчитывала. Время от времени у нее вздымались брови, словно от удивления, она то поджимала губы, то хмурилась.

Следующие две пары и два одиночных камешка Тана разместила иначе. Они лежали на земле так, будто были брошены случайно, наугад, но Мариата видела, что женщина-кузнец вкладывает в гадание все свое внимание, и понимала, что в выборе камешков и в их расположении есть

какой-то порядок, ей непонятный.

А Тана продолжала подбрасывать камешки. Те, что попадали ей в руку, она выкладывала рядом с первыми двумя столбиками: на этот раз три пары и один красный камешек в самом низу. Тана присвистнула, и на лице ее появилась гримаса. Похоже, увиденное не доставило ей большого удовольствия.

— Что?.. — спросила Мариата, не в силах больше выдерживать напряжение, но Тана лишь мотнула головой и резко ответила:

— Не мешай духам делать свое дело.

Наконец был выложен последний столбик: две пары, одиночный, на этот раз черный, и конечная пара. Инеден откинулась назад и задумчиво уставилась на то, что получилось. Она взяла одиночный красный камешек, перевернула и снова положила на место. Обратная поверхность его была темно-коричневого цвета, не столь зловещая. Или это не так?

— Твой отец и братья все еще идут по дороге жизни, но смерть следует за ними по пятам, — наконец сказала она. — Прольется кровь.

Мариата не знала, как понимать это загадочное заявление, и спросила:

— Так они живы?

— Да.

Инеден провела рукой над четырьмя столбиками, а затем стала быстро передвигать камешки и кончиком пальца делать на песке какие-то пометки. Она словно играла в захватывающую военную игру, которой иногда забавляются старики. В ней нужно, переставляя камешки, стараться захватить позиции противника.

— Путешествия, путешествия, путешествия, — пробурчала Тана. — Да, так мы и знали, — продолжала она, разговаривая как бы сама с собой. — Тайное становится явным... Явное — тайным. Жертва... Предательство... Неотвратимый ход событий. — Тана взяла в руку белый камешек и принялась внимательно его разглядывать. — Что ты делаешь тут, на дороге смерти, если сам обозначаешь новую жизнь? — обратилась она к нему с сердитым вопросом, точно ожидая, что камешек ни с того ни с сего раскроет рот и ответит.

Разумеется, тот ничего не сказал.

Тана положила его на место, нахмурилась, взяла черный камешек.

— Дух, обитающий в нем, упрям и своеволен. Он обожает уводить гадание в сторону.

Мариата долго ждала, что она скажет дальше, и спросила сама:

— А что означает этот черный камешек?

— Возможность. Путаает все гадание. — Тана глубоко вздохнула.

— Так мой отец и братья уже мертвы.

— Нет-нет, я не вижу членов твоей семьи среди мертвых, зато замечаю там много других людей, — поджав губы, прошептала Тана.

— Что? — наклонившись к ней, спросила Мариата. — Что ты сказала?

Инеден быстро встала на ноги, откинула кожаный полог, закрывающий вход, и впустила в кузницу яркие лучи солнца.

— Это уже неважно. Все написано, и я все равно не смогу ничего предотвратить. Я не знаю, когда и где это произойдет, просто вижу кровь и глаза. Все мы должны пройти через дверь смерти. Нам остается только молиться, чтобы не шагнуть в нее слишком рано, иншалла.

Глава 20

Никто, казалось, не увидел ничего странного в том, что в три часа ночи мы снова явились в дом Хабибы, забрали с собой Лаллаву и повезли ее в пустыню. Наоборот, все эти похожие на ворон женщины, увидев нас, заулыбались и дружно согласились: чем раньше выехать, тем лучше. Сама Лаллава, узнав, что ее ждет, была вне себя от радости. Она схватила Таиба за руки, без конца целовала их и непрерывно что-то бормотала. Я слышала часто повторяемое слово «барака».

— Оно означает «блаженство», — пояснила мне Хабиба.

Она вела себя так, будто и не случилось нашей давешней размолвки, и была, похоже, очень довольна тем, что мы отвезем Лаллаву в пустыню. Но одна мысль сверлила меня и не давала покоя. Мне почему-то казалось, что Хабиба довольна тем, что мы с Таибом не останемся вдвоем. Старуха Лаллава станет играть роль, так сказать, дуэньи, сопровождающей нас на увеселительную прогулку. Впрочем, может быть, она просто была рада, что хоть на время отдохнет от обязанностей сиделки.

Черные женщины повели Таиба в недра дома, чтобы приготовить какой-нибудь завтрак и собрать необходимое для поездки.

Стоило мне податься за ним, как Хабиба схватила меня за руку.

— Прошу вас, помогите мне с Лаллавой.

Собирали мы старушку немислимо долго, и не просто потому, что я была неопытна в таких делах. Лаллава настояла на том, что для этой поездки она должна одеться во все самое лучшее, вот поэтому мы так долго копались. Я-то полагала, что ей не захочется расставаться с вечным черным, как у собравшихся вокруг нее ворон. Ах, как я оказалась не права. Хабибу снабдили длинейшим списком. Старуха крепко вцепилась ей в руку и привередливо, по пунктам выговаривала, что надо принести,

выразительно подняв вверх корявый палец. Мысль о том, что она скоро увидит пустыню, сотворила с ней настоящее чудо. Она снова была полна самой живой и деятельной энергии. Оставшись с Лаллавой наедине, я не могла решить, что сказать, как с ней общаться. Ведь я не знала ни слова из ее языка, а она — из моего. Чтобы не очень нервничать, мне оставалось лишь глупо улыбаться. Старуха ни с того ни с сего вдруг снова оживилась, потрепала меня по руке, что-то пролепетала, притронулась к шее, а потом начертила пальцем в воздухе квадратик. Ага, амулет. Я выудила его из сумочки, передала ей и смотрела, как она скрюченными пальцами поднесла его близко к глазам, принялась вертеть и внимательно разглядывать со всех сторон. Интересно, что она там такое узрела? Неужели видит и форму амулета, и узор, вытравленный на нем? Или просто хочет на ощупь прикинуть его размеры, потрогать диски из самоцветного камня и выступающую шишечку? Нет, это, похоже, ее не очень интересовало. Лаллава вдруг с чистой радостью улыбнулась, возвратила мне амулет и погладила меня по щеке с такой нежностью, ничем, казалось бы, с моей стороны не мотивированной, что у меня перехватило дыхание.

Хабиба вернулась с полной сумкой и еще целой охапкой тряпок, которые, видно, в нее не влезли. Лаллава полностью отдалась в наши руки, стала послушной, как ребенок. Мы сняли с нее ночную рубашку, и Хабиба достала огромный рулон темно-синей ткани с бледным металлическим отливом.

— Это называется тамельхафт, — сказала она, складывая ткань вдоль и наматывая на тело женщины, в то время как я ее поддерживала. — Так одевались в старину. Теперь подобного не носят. — Хабиба скрепила ткань на плечах старухи двумя большими декоративными булавками из серебра, разгладила складки и сделала шаг назад. — Очень красиво.

Лаллава блаженно улыбнулась и с гордостью постучала по одному из этих серебряных украшений.

— Очень древние, — пояснила мне Хабиба. — Таких красивых булавок теперь не найдешь.

Последовали другие украшения: пара тяжелых серебряных серег, десятки браслетов, некоторые тоненькие, как лучик света, другие толстые и крепкие, с крупным геометрическим узором, два тяжелых ожерелья из раковин каури и три небольших амулета, которые Хабиба прикрепила к платью в разных местах. Наконец появилась красиво расшитая шаль, которой она покрыла голову старухи.

Меня заинтересовал узор, повторяющийся на всех предметах.

— Как много тут трюгольничков, — обронила я.

Хабиба засмеялась.

— Острая вершинка отпугивает дурной глаз, наверное, даже прокалывает его насквозь.

— Ужас какой!

Она пожала плечами и продолжила:

— Старые люди верят в это. Они говорят, что нас всегда окружают темные силы. Не только дурной глаз, но и джинны — злые духи.

Должно быть, у меня было глупое лицо, поэтому Хабиба наклонилась поближе и спросила:

— Вы что, никогда не слышали про джиннов?

Я покачала головой, и вдруг меня осенило:

— Может быть, вы имеете в виду тех, о которых говорится в сказке про Аладдина?

Я в двух словах пересказала ей содержание книги «Арабские ночи», которую читала в детстве.

Она сначала нахмурилась, потом засмеялась.

— Вы, наверное, говорите про Ала ад-Дина и его лампу, которую послал ему волшебник-мавр. Это в книге «Альф Лейла Ва-Лейла»!^[55] Да-да, тот самый джинн и есть, великий и сильный дух, хотя там он послушен человеку, не то что злые и страшные твари, в которых верят старые люди. Они постоянно подстерегают нас, чтобы сбить слабого или глупого с пути истинного, расстроить наши планы, испортить еду, лишить человека разума. Все, что Лаллава надевает на себя, должно отпугивать этих духов. Тут важен цвет платья, сурьма вокруг глаз, даже хна, которой окрашены ее пальцы.

Она что-то сказала старухе, та энергично кивнула и ответила длинной тирадой.

— Лаллава говорит, что в пустыне ей очень понадобится такая защита, ведь пески — это дом не только для нее, но и для легиона злых духов. Она очень рада, что у вас тоже есть амулет, который всегда будет защитой, и просит надеть его.

— Правда? — Я вынула амулет из сумочки и взвесила на руке.

— Ей это будет очень приятно.

Я неохотно повесила кусок серебра на шею.

Хабиба с серьезным лицом наблюдала, как я это делаю, потом сказала:

— Вот и хорошо.

Мне стало как-то неловко под ее испытующим взглядом, поэтому я быстренько постаралась сменить тему:

— А какие лекарства она берет с собой?

Хабиба засмеялась.

— Доктора ей там что-то прописывают, но она ничего не принимает, кроме трав, которые ей готовят старые женщины, а недавно и от них отказалась.

— Надеюсь, с ней ничего не случится. Как вы думаете? — несколько нервно спросила я.

Мне вдруг пришло в голову, хотя и довольно поздно, что везти такую больную старуху в недра самой большой в мире пустыни — идея, мягко говоря, не очень правильная.

Хабиба по моему лицу сразу догадалась, о чем я думаю.

— Нет, не волнуйтесь, с ней ничего не случится, иншалла. А уж если... — Она развела руками. — Таиб знает, что надо делать, он человек опытный. Не стоит беспокоиться, а уж тем более вам.

Опять она меня уколола... Понимаю, намекает на эгоизм западного человека. Если уж быть до конца откровенной, я вдруг испугалась возможной близости смерти. Но для этих людей она всегда рядом, составляет часть их жизни, не то что у нас на Западе, где ее тщательно прячут, стараются отделить от нашего существования, объективировать, табуировать, превратить в то, чем она не является, словно мысль, что не все в этом мире находится в нашей власти, способна разрушить до основания шаткий фасад западного образа жизни, его внешнюю сторону.

В дверь просунулась голова Таиба. У него был такой вид, будто он только что принял душ: волосы мокрые, тюрбан размотан, свободно болтается на шее, свисает поверх футболки и джинсов, которые, как оказалось, он носил под халатом, зажатый сейчас у него под мышкой.

Увидев Лаллаву во всех украшениях, Таиб просиял и сказал:

— Тфулкит.

Что бы это ни значило, лицо старухи немедленно покрылось сеткой морщин — она улыбалась. Потом он посмотрел на меня. Взгляд его скользнул по амулету, и наши глаза встретились.

— Красиво, — тихо сказал он, не отрывая взгляда, и я отвела глаза в сторону.

Таиб наклонился и поднял старуху на руки, прямо как меня, когда нес в гостиницу. Только я тогда вся напряглась и пыталась сопротивляться, а Лаллава улыбалась во весь рот.

Мы устроили ее поудобней на заднем сиденье, закутали со всех сторон одеялами, пристегнули ремнем безопасности, чтобы ей легче было сидеть прямо. Потом я вернулась в дом за сумкой с едой и напитками, уже приготовленными старыми воронами, позаботившимися о том, чтобы мы

не погибли от голода в пустыне.

На самом пороге Хабиба коротко, но крепко обняла меня, внимательно взглянула прямо в глаза и сказала:

— Спасибо вам, что согласились. Простите меня за то, что вчера я с вами резко разговаривала. Вы с Таибом делаете благое, доброе дело.

Она повернулась, махнула рукой и исчезла в доме.

— Вам удобно, мадам? — обратилась я к старой женщине по-французски, хотя прекрасно знала, что она меня не поймет.

Ее маленькое морщинистое личико выглядывало из-под платка. Старуха со своими украшениями была похожа на цыганку из какого-нибудь дурацкого шоу. Одеяло зашевелилось, из него высунулась рука, коричневая, как лапа обезьяны, пальцы сложились, а большой поднялся. Этот знак узнают в любой точке земного шара: «Отлично!»

Мы выехали из Тиуады, когда над холмами показался краешек солнца, и скоро оно уже залило машину яркими лучами. Утро стояло тихое, нигде не было видно никакого движения, только на обочине дороги стайка ласточек купалась в пыли. Они вспорхнули, серые крылышки на фоне лазурного неба, как по волшебству, вспыхнули золотым пламенем в лучах солнца.

Я обернулась к Лаллаве, чтобы поделиться впечатлением, но она уже клевала носом. Руки, сложенные на мощной груди, мерно поднимались и опускались.

— Она уснула, — тихо сообщила я Таибу.

Он быстро глянул в зеркало заднего вида.

— Можно говорить в полный голос. Лаллава очень плохо слышит.

— Бедняжка. И видит тоже плохо. У нее глаукома, да?

— Скорее всего, катаракта. Да, солнце пустыни вредно для зрения. Но кое-что она все еще различает.

— А я думала, что Лаллава почти слепая. Надеюсь, поездка не пройдет для нее впустую.

— Это неважно, слепая она или нет. Пустыню она все равно увидит, — загадочно проговорил Таиб. — Уж таков народ покрывала.

— Кто?

— Кель-тагельмуст, народ, который закрывает лицо. Так называют себя люди пустыни. Слово «туарег» они употребляют редко.

— Но вы-то как раз именовали себя именно так, когда рассказывали о своих корнях.

Он едва заметно повел плечами.

— Так проще, да и короче. Это арабское слово. Есть версия, что оно

происходит от названия региона Тарга в Ливии, поскольку в единственном числе у нас «туарег» звучит как «таргуи». Другие считают, что слово «туарег» означает «изгнанный Богом», или «тот, кого проклял Бог». Вероятно, это потому, что туареги сопротивлялись вторжению бедуинских племен, которые пришли сюда с востока в восемнадцатом веке, принесли с собой ислам и силой стали насаждать его.

— А что такое «синие люди»? Я слышала, что туарегов еще и так называют.

— Тут дело в том, что туареги превыше всего, кроме, правда, верблюдов, ценят одежду и покрывала цвета индиго. Хорошую ткань, окрашенную так, найти трудно. Она очень дорогая и по всей Африке веками служила чем-то вроде валюты. Должное качество требует большого труда. Мастера из народа хауса^[56] красят ткань десять раз подряд, а потом отбивают ее, пока она не приобретет блестящий отлив. Чем лучше качество, тем больше на ткани краски. Она постепенно переходит на кожу, въедается в нее, и тогда уже человека из народа кель-тагельмуст ни с кем не спутаешь. Странное дело, это предохраняет кожу. Краска удерживает в теле влагу, а женщины уверяют, что она обладает еще и косметическими свойствами. Поэтому туарегов и называют синими людьми.

— Простите меня. — Я улыбнулась. — Но кожа Лаллавы гораздо темней, чем у других ваших родственников. На вас она что-то не очень похожа.

Даже разглядывая его в профиль, я увидела, что он смутился.

— Лаллава не совсем, так сказать... родственница по крови. Она иклан.

— Иклан?

— Рабыня.

— Вот как! — Мне будто со стороны показалось, что голос мой поднялся на целую октаву.

Таиб глубоко вздохнул.

— Прадедушка Хабибы купил Лаллаву за несколько голов соли у торговцев из Южного Алжира. Никто точно не знает, откуда она родом, даже сама Лаллава. Когда ее похитили, она была совсем ребенком. Вероятно, Лаллава оказалась жертвой межплеменной войны на территории Гвинеи или Кот-д'Ивуара. Она стала частью добычи победителей. Все пленники были проданы торговцам, проходящим мимо. Это было еще в те времена, когда наша семья жила в пустыне. Лаллава была молодой и крепкой. С тех пор она и оставалась у нас. Иклан — это не совсем то, что раб в вашем понимании. Такие люди становятся членами племени. Когда

отец Хабибы в шестидесятые годы решил отказаться от кочевой жизни и переехал жить в Тиуаду, Лаллава, естественно, отправилась с ним. Она говорила, что всегда хотела иметь собственный дом и своих животных. Перед тем как отправиться на работу в Касабланку, братья Хабибы построили ей домик и завели для нее небольшое хозяйство. Лаллаве очень не хотелось покидать его, но Хабиба рассказывала, что она тяжело болела, ее нельзя было оставлять одну.

Я слушала его с широко раскрытыми глазами. Невозможно себе представить, что в наши дни бывают рабы, что тебя могут силой вырвать из дома и семьи, увезти куда-то далеко и продать как товар. Трудно поверить, что женщина с такой сложной судьбой живет в XXI веке, но вот она крепко спит сейчас за моей спиной, на заднем сиденье автомобиля, в котором нахожусь и я. Такое не укладывалось у меня в голове, я не находила оправдания ничему подобному, хотя Таиб рассказывал об этом легко и просто.

— А когда все это, ну, я имею в виду рабство, перестало у вас существовать? — Я пыталась скрыть свое негодование, но меня выдавал голос.

Таиб открыл рот лишь после довольно долгого молчания.

— В общем-то по-разному, где когда. Туареги не признавали границ, поэтому традиционно не подчинялись ни закону, ни центральному правительству, только своим вождям и главам региональных групп. Не надо забывать, что большая часть Северной и Западной Африки до недавнего времени оставалась в зависимости, главным образом от Франции. Колониальные власти, как правило, закрывали глаза, просто не обращали внимания на рабство. Это продолжалось, пока отдельные страны не получили независимость в шестидесятых годах. Тогда рабство было официально запрещено, а образ жизни коренных туарегов стал разрушаться, часто с помощью силы.

— А как вы относитесь к такому своему... культурному наследию? — с любопытством спросила я.

Он бросил на меня быстрый взгляд и ответил:

— А как вы относитесь к своему культурному наследию? У вас мать француженка, а отец англичанин. Я так понимаю, что среди ваших предков тоже имеются рабовладельцы.

Это было не вполне справедливо, но я не сумела сразу парировать, да, по правде говоря, и нечем было. Некоторое время мы молча ехали по пыльным теснинам, мимо высоких, как башни, крошащихся скал и высохших русел, на берегах которых виднелась чахлая растительность, и

только время от времени нам вдруг попадались потрясающе зеленые олеандры или пальмы. Несколько селений с разбросанными то здесь, то там домишками не вызвали моего интереса. Это были припавшие к самой земле одноэтажные глинобитные, совершенно убогие строения, такие же красновато-коричневые, как и почва, из которой они росли. Чем дальше мы ехали на юг, тем примитивнее становились постройки, тем больше попадалось голых неоштукатуренных шлакобетонных стен. Здесь словно ни у кого не хватало ни оптимизма, ни сил покрасить, облагородить их. Битву с природой человек в этих местах явно проигрывал, его влияние терпело одно поражение за другим. Вот уже несколько километров навстречу нам не попало ни единого транспортного средства.

За нами клубилось густое облако пыли. Несмотря на работающий кондиционер, я ощущала ее — пряную, пахнущую плесенью, забивающую ноздри, покрывающую ротовую полость, тяжело оседающую в гортани и легких. Но скоро пыльная равнина сменилась пересеченной, похожей на лунный пейзаж местностью с бесплодными скалами и обломками вышедших на поверхность пород аспидного сланца, под разными углами торчащих из земли, похожих на останки кораблей, погибших в океане, где полно рифов. Невзирая на разницу в цветовой гамме и окружающем пейзаже, они напомнили мне северное побережье Девона возле Хартленда и Шарпноуза, где как-то летом я занималась скалолазанием, но из суеверия больше туда не ездила. Местность на этом побережье даже в самый солнечный день выглядела неприветливо и мрачно. Там часто терпели крушение корабли и тонули люди, в общем, побережье издавна имело репутацию гиблого места, где тебя подстерегает беда или даже смерть. Вот и здесь у меня возникло почти такое же чувство. Мы — непрошеные гости, природа не желает никого здесь видеть. Она нарочно приняла столь безобразный и неприветливый вид, чтобы отпугнуть нас.

Я все еще обсасывала эту засевающую в голове варварскую мысль, когда вдруг раздался голос Таиба:

— Смотрите!

Он резко затормозил и остановился как раз вовремя, чтобы я смогла увидеть лисицу с громадным пушистым хвостом, огромными прыжками улепетывающую вверх по почти отвесной скале. Видимо, ее спугнул грохот нашего двигателя.

Я была поражена и с восхищением наблюдала за ней. Меня привел в восторг ее яркий пушистый хвост и густая лоснящаяся шерсть цвета ржавчины с черными подпалинами. Я удивилась, что столь красивое и сильное животное может жить в такой, казалось бы, бесплодной, пыльной

местности. С нами словно случилось маленькое чудо из тех, что нечасто бывают в жизни.

Я поделилась своими ощущениями с Таибом.

Он хмыкнул.

— А вы думали, что здесь совсем нет никакой жизни? Раз никого не видеть, значит, кругом пусто. Если не встретишь человека, то это мертвая зона, так, что ли? Лисица живет здесь, потому что тут водятся дикие кролики, а те едят растения, которые им по зубам, и могут укрыться среди валунов и скал. Откройте пошире глаза и смотрите внимательней. Вы увидите орлов и сов, а когда сядет солнце, услышите, как воют шакалы и кричат дикие кабаны. По этим долинам к сочным пастбищам на севере проходят стада газелей. Жизнь есть везде, и вы это увидите даже в самом центре пустыни.

— А что это была за лисица? Я никогда не видела лисиц с таким пушистым хвостом и столь темной шерстью.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Лисица как лисица.

Через несколько минут прямо перед капотом машины низко над землей порхнула какая-то черная птица с белым хвостом и исчезла в ветвях колючего дерева.

— Что это? — спросила я.

— Дерево — акация, а как птица называется, не знаю.

— А я-то думала, что вы знаток дикой природы, — поддразнила я его и увидела в ответ недовольное лицо.

— Наш народ лишен этой европейской мании все называть и раскладывать по полочкам, — проворчал он. — Вам кажется, что если вы что-то назвали, дали ему имя, то вам об этом все стало известно. Сказал бы я, как называется эта птица, вы что, узнали бы про нее что-нибудь новое? Нет, ни о ее свойствах, ни о повадках, вообще ничего существенного. Просто придуманное человеком слово, возможно случайное. От этого птица не станет лучше летать или нести больше яиц. Это еще одна форма колониализма, когда существам и явлениям нашего мира вы даете свои имена.

Я была уязвлена, поэтому спросила:

— Послушайте, разве я колонизовала вашу несчастную страну? Я и своих французских родственников не очень-то люблю.

Я увидела, как задрожали его губы, и поняла, что сейчас он поймает меня на слове. Так оно и вышло.

— Кстати, Изабель, — улыбнулся Таиб, — расскажите про себя, про

свою семью, про свое детство.

— С какой это стати? — недовольно пробурчала я.

— Что, хотите наказать меня за резкость суждений?

— Дело не в этом. Просто... в общем, особенно нечего рассказывать.

— Если так человек говорит о своем детстве, то это очень печально.

Неужели вы с такой легкостью отказываетесь от него?

— Тогда я была совсем другая.

— Разве так бывает? Я вспоминаю себя в четыре года, потом, скажем, в девять или в пятнадцать лет и вижу, что я все тот же человек, каким был тогда. Неважно, хожу ли я по улицам Парижа или по базару Тафраута. В моей личности мало что изменилось. Просто я больше узнал о жизни, о других людях и о самом себе. Но я надеюсь, что не потерял своей сути, внутренней чистоты, невинности и радости жизни того мальчишки, которым был когда-то.

Я молчала, обдумывая эти слова и завидуя простоте, чистоте его взгляда и ясности жизни. А я могу вспомнить себя в четыре года? Можно было бы, если как следует постараться, причем довольно отчетливо. Вот маленькая Иззи. Она вечно играет в саду и постоянно чем-то занята: строит замки, устраивает какие-то тайники, плетет веночки из маргариток, сооружает садки для разведения червей, вьет гнезда для птиц, которые никогда ими не пользуются.

Я улыбнулась, хотя воспоминание было окрашено печалью, поскольку та Иззи давно уже исчезла.

— Лучше вы расскажите о своем детстве, — попросила я, желая сменить неловкую для меня тему.

Мы мчались по необъятным просторам совершенно дикой местности, усыпанной обломками скал, с невысокими обрывами, черными пирамидальными холмами, неясные, расплывчатые очертания которых проступали в воздухе, наполненном пылью. Лаллава тихо посапывала на заднем сиденье, а Таиб рассказывал мне о своем детстве. Он был вожаком мальчишеской банды, державшей в страхе весь городок. Они воровали из чужих садов яблоки, играли среди скал в войну, в базарный день пробирались на рынок, в загон для ослов, отпускали на волю всех стреноженных животных и уводили их в холмы. Бедные владельцы скотины возвращались с базара с полными корзинами и мешками и вдруг обнаруживали, что их транспорт отправился своим ходом домой, в отдаленную деревню. Что тут начиналось, не передать. Они убегали в горы, прихватив совсем немного еды, которую удавалось выпросить или украсть.

Однажды Таиб пообещал притащить живую курицу, прокрался в

сарай, где соседи держали птиц, сунул отчаянно сопротивляющуюся несушку за пазуху и дал деру. Они поднялись высоко в горы и на привале уже хотели отрезать бедняжке голову, но единственный перочинный нож, который у них был, оказался таким тупым, что не мог даже перепилить куриную шею. Мальчишки режут, а ей хоть бы что, зато уж кричала так, что за перевалом, наверное, слышно было. Потом птица вырвалась и, хромя, удрала в пустыню, правда, голову держала как-то странно набок и крыльями хлопала так, что перья сыпались. Они хохотали ей вслед, и ни у кого уже не было ни сил, не желания ее догонять.

— Я иногда думаю, что бедняга до сих пор где-то там живет, и мне становится приятно, — сказал Таиб, весело сверкая черными глазами. — Она основала свою династию или породу кривошеих горных кур.

Когда мы проехали указатель на Акку, Лаллава вдруг проснулась. Я видела, как она наклонилась к окошку, близоруко сощурила глаза, приставила ладонь ко лбу и затуманила дыханием стекло. Старуха что-то сказала Таибу, он притормозил, остановился и вручил мне пачку бумажных салфеток, на которой было написано слово «Beauty»^[57] и изображена застенчивая арабская принцесса в украшенном бисером головном уборе, с подведенными сурьмой глазами и едва заметными усиками.

— Ей надо... Ну, сами понимаете.

Несмотря на возраст Лаллавы, ее болезненную слабость и довольно крупное тело, а также мою поврежденную ногу, мы справились с проблемой прекрасно и с замечательным достоинством. Тело старухи оказалось совсем дряхлым под намотанными метрами ткани. Приобняв ее, чтобы помочь забраться обратно в машину, я почувствовала торчащие косточки, дряблые мышцы, и мои опасения снова всплыли на поверхность. Я искоса взглянула на Таиба. Он устраивал Лаллаву поудобнее, о чем-то шутил с ней и на меня совсем не смотрел. Лицо его улыбалось, но глаза были грустные, и на щеках прорезались морщины. Ну так вот, он сосредоточенно занимался Лаллавой, и меня вдруг словно что-то толкнуло. Я увидела, что Таиб очень привлекателен, и не просто физически, с мужественными чертами лица, высоким ростом и стройным телосложением. Когда он возился с этой старухой, красивым казалось каждое его движение, в них сквозило искреннее тепло, чистосердечие и доброта. Я увидела всю мелочность и эгоистичность своих опасений.

Через полчаса пути Таиб вдруг свернул с дороги и остановился на площадке перед глубоким провалом. Мы вышли, чтобы полюбоваться потрясающим видом. Прямо под нами на огромном пространстве красноватой, покрытой пылью земли виднелись живые, изумрудно-зеленые

пятна оазисов, похожие на яркие вспышки. За ними пейзаж разглаживался и уходил вдаль до самого горизонта бесконечным одеялом из песка и камня.

— К югу отсюда — золотые прииски Акки, а за ними уже сама Сахара. — Таиб приставил ладонь козырьком ко лбу и небрежно добавил: — Кстати, там одни из самых крупных разработок в Африке.

Я увидела, что Лаллава скорчила гримасу и притронулась к одному из своих амулетов.

— Это она услышала слово «Акка», — с улыбкой сказал Таиб, заметив, как у меня изменилось лицо. — Не такая уж она глухая. Ей известна легенда.

— Какая?

— Когда в этой части Марокко нашли золото, люди словно с ума посходили. Они бросали жен и детей, отправлялись на поиски драгоценного металла, копали днем и ночью. Их обуяла жадность, а может, и злые духи, джинны. Увидев это, Бог наслал на эту землю наводнение, за ним последовала засуха и нашествие саранчи, чтобы люди поняли истинную ценность того, от чего по-настоящему зависит человеческая жизнь. У нас считается, что золото приносит несчастье. Богатство не дает человеку ничего, кроме горя, эксплуатации и смерти.

— А я всегда считала, что именно бедность, а вовсе не какой-то кусочек золота несет с собой несчастье и приближает смерть, — едко сказала я.

— Если у человека нет золота, он не погибнет, — тихо ответил Таиб. — Но в погоне за золотом умирают многие, а еще больше бывают убиты. Мой жизненный опыт говорит о том, что богатство никогда не приобретается честными средствами.

— Тогда что же вы делаете в Париже, почему не остались здесь и не женились на Хабибе? — уязвленно заметила я. — Распродаете там артефакты своей культуры богатым клиентам, да небось по искусственно вздутым ценам?

Он посмотрел на меня в упор, и взгляд его был как удар.

— Деньги, которые я зарабатываю, продавая товары туарегов, поступают в нашу экономику. На вырученные деньги мы основали передвижную школу, чтобы дети кочевников научились всему, что им понадобится в жизни, приспособились к условиям современного мира и смогли передать знания своим детям. Они изучают свою историю и культуру, заучивают наизусть рассказы и легенды, услышанные от бабушек и дедушек, устную традицию переводят в письменную форму для

последующих поколений. Мы также финансируем работу мобильных медпунктов с врачами, которые объезжают дальние селения и стоянки.

Я покраснела.

— Простите, я этого не знала.

— А чем вы занимаетесь, Изабель, когда не в отпуске и не падаете со скал в пропасти?

Я стала объяснять, что такое корпоративный бухгалтер по налогообложению. Мало-помалу меня охватывало чувство глубочайшего и всепоглощающего стыда, которого я никогда еще не испытывала по поводу своей работы. Прежде я гордилась тем, что у меня было полно солидных клиентов, гордилась своим знанием налоговых процедур и всяких лазеек, усердием в работе, образованностью, хитростью и умением ловко обдeldывать делишки. Объясняя Таибу суть работы, которой занималась почти двадцать лет, я чувствовала все большее отвращение к себе и к миру, в котором жила и частью которого являлась.

— Вот этим, значит, я и занимаюсь, — наконец устало произнесла я. — Помогаю жирным котам избегать уплаты налогов правительству, которое старается улучшить жизнь всего остального населения. На эти деньги можно было бы оплатить льготы для бедняков, бесплатное отопление для престарелых, построить школы, больницы...

— Жирным котам, говорите? — перебил он меня.

В пылу своего монолога я сбилась и вставила английское выражение там, где не знала, как сказать по-французски.

— Les gros chats, — перевела я и увидела, что он еще больше смутился.

Я попыталась еще кое-что добавить, объяснить, но Таиб тут же заявил:

— Ah, les rats dans un fromage! Жадные, те, кто не хочет делиться с другими.

«Как крысы в сыре». Я хмуро кивнула. Да, это хорошее выражение для жадных, аморальных людишек, живущих за чужой счет. Как крысы в стаи, они сбиваются в свои корпорации, на одну из которых я работаю. Я поняла, что уже довольно давно испытываю подспудное негодование по поводу всех этих пронырливых, самодовольных деловых людей в костюмчиках, приобретенных на Сэвил-роу,^[58] с ослепительными улыбками, над которыми поработали самые дорогие дантисты. Они выходят возле наших офисов из сверкающих лаком лимузинов, за рулем которых сидят личные шоферы. Их безликие транснациональные компании бодренько и с удовольствием копают, сверлят недра стран третьего мира, а потом с песнями вывозят все, что добыли. Их социальная совесть, похоже, была

удалена еще с самого рождения в какой-нибудь дорогущей частной клинике. Все эти капитаны индустрии, которые за очень приличное жалование и, всякие бонусы, в несколько сотен раз превышающие среднюю зарплату по стране, дали мне работу, использовали меня. Я искала и находила для них скользкие лазейки в налоговом законодательстве, через которые они могли бы скрыть свои доходы. Стоило мне всего на несколько недель уехать, как я вдруг серьезно призадумалась, смогу ли туда вернуться. Когда до меня дошла эта мысль, мне стало очень даже не по себе.

Мы все ехали и ехали, иногда обгоняя пыльные грузовики с брезентовым верхом, наматывали километры дороги в окружении безводной суровой пустыни, миновали совершенно безобразный современный городишко Тата и контрольно-пропускной пункт в Тиссинте. Здесь Таиб провел несколько тягостных минут, так как нужно было предъявить документы на транспортное средство, мой паспорт и удостоверения личности на себя и Лаллаву, рассказать о том, куда и зачем мы едем, ответить на множество посторонних и глупых вопросов. Перед самым Фоум-Згидом Таиб свернул на какую-то грунтовку, где не было никакого указателя. Скоро автомобилю пришлось подтверждать свое звание настоящего внедорожника. Таиб включил в работу обе оси, чтобы справиться с выбоинами, похожими на воронки от бомб, и множеством бульжников. Пыль теперь была повсюду. Мы продолжали наш путь, трясясь по изрезанной колеями дороге так, что у меня во рту стучали зубы. Я боялась прикусить язык и благодарила Бога за то, что у меня довольно маленькая грудь, которую к тому же поддерживал хороший бюстгальтер.

Я обернулась назад, коснулась руки Лаллавы и спросила, употребив одну из фраз, которые мне удалось подцепить за последнее время:

— Labes?

— La bes, la bes, — ответила она, блаженно улыбаясь.

После одного особенно тряского участка я озабоченно взглянула на Таиба.

— Это надолго? Будет когда-нибудь наконец нормальная дорога?

Он скосил на меня глаза, отвернулся и пробубнил:

— А вы думали, что в пустыне к вашим услугам будет автострада?

— Нет, конечно, но... — Я почувствовала себя глупо и замолчала.

— Не беспокойтесь, я знаю куда ехать, хотя дорога не для туристов, это точно.

— Здесь вообще люди ездят хоть когда-нибудь? Наверное, легко

заблудиться, потеряться... или машина может сломаться.

— Да, — весело ответил он. — Такое случается постоянно. Некоторые думают, что Сахара — это им игрушки. Пусть знают, что это не так, поделом.

— Что же происходит тогда?

Таиб не отрываясь смотрел на дорогу, но я видела, что он усмехнулся как-то по-волчьи.

— Как что? А вы разве не заметили, сколько здесь кругом валяется костей?

Он кивнул головой влево, и я увидела там низкорослое деревце, пробившееся сквозь камень и песок, а под ним...

— Ой, что это там?

Охваченная ужасом, я присмотрелась, но не сразу догадалась, что это ветки, опавшие и выбеленные солнечными лучами. Таиб несколько минут беззвучно смеялся, глядя на дорогу. Придя в себя, я стала наблюдать за тем, как он уверенно работает рукояткой переключения скоростей, и обратила внимание на движения его мускулистой руки с гладкой и смуглой кожей, поросшей курчавыми черными волосками. При этом я почувствовала удовольствие, хотя и непрошеное. Как правило, я терпеть не могла ездить в машине пассажиром, да и вообще чувствовать над собой чью-то власть. Что это со мной такое? Неужели это Таиб, человек, которого, казалось, не способно смутить ничто на свете, а уж тем более тот факт, что он везет в своей тачке в Сахару двух женщин, одна из которых вот-вот помрет, а другая — иностранная туристка с вывихнутой ногой?.. Неужели это он своей непринужденной уверенностью в себе и спокойной энергией произвел во мне такую перемену? Или что-то стало меняться глубоко внутри моей персоны?

Мои чувства можно было сравнить с окружающим нас совершенно диким пейзажем, который резкими скачками прыгал за окнами автомобиля. Мне казалось, будто я сейчас болтаюсь в каком-то подвешенном состоянии, между цивилизацией и дикой пустыней, между тем, что мне хорошо известно, и неизвестностью, не вполне беспомощна, но и не могу управлять ситуацией.

Но очень скоро размышления мои были прерваны. Я вдруг заметила, что стрелка уровня бензина в баке дрожит совсем рядом с красным делением.

— Таиб! У нас бензин почти на нуле!

Он искоса сверкнул на меня глазами. Мой испуг его несколько не тронул.

— Знаю.

— Может, лучше развернуться и поискать, где заправиться?

— Нет нужды.

Нет нужды? Мы что, дальше полетим по воздуху или пешком пойдем? Широко раскрыв глаза, я смотрела на каменистую пустыню, раскинувшуюся до самого горизонта. Везде одно и то же. Позади, у самой черты, где небо сливалось с землей, далекой голубой дымкой виднелось плато, по которому мы проехали. По обе стороны бесплодная, усеянная камнями земля, лишь кое-где торчат огромные обломки голой скальной породы. Впереди, где-то в дрожащем раскаленном мареве, — плоская дикая равнина, переходящая в бледное небо. Я смотрела на эту мертвую, покрытую камнем бесконечность, где не за что глазу зацепиться, и не находила ни пятнышка жизни, одни только камни да пыль до самого горизонта. Я подумала, что некогда, тысячелетия назад, отсюда схлынуло бескрайнее море, дно которого оказалось теперь под жгучими лучами солнца. А стрелка на приборе клонилась все ближе и ближе к красной черте.

Прошло какое-то время, и Таиб вынул из кармана на дверце мобильный телефон, потыкал пальцами в кнопки и принялся с кем-то разговаривать. Современный мир протянул свои длинные пальцы и сюда, как бы насмехаясь над самим понятием «пустыня». Как существо, порожденное этим миром, я должна была успокоиться. Помощь можно найти вот так, простым нажатием кнопок. Мне вспомнилась история про альпинистов, которые попали в беду на Эвересте и просто позвонили и вызвали службу спасения. А вот теперь выходит, что и Сахара не так уж недоступна. В душе я даже почувствовала некое разочарование, словно меня лишили единственной возможности пережить опасности, преподносимые настоящей пустыней.

Доехав до какой-то точки на хрусткой трассе, где, казалось бы, не было ни указателя, ни другого какого знака, Таиб свернул на едва заметную... нет, не дорогу, а автомобильный след, отходящий от трассы под прямым углом. Между разбросанных повсюду бесконечных валунов и обломков скал стали попадаться пятна песка, скудная растительность еще более поредела, увеличилось число колючек, а деревья, и без того нечастые, сменились низкорослым кустарником с перекрученными стеблями вперемежку с кактусами. Дорога пошла под уклон к высохшему речному руслу, потом машина поползла вверх по противоположному склону. Когда мы взяли подъем, вдали, на самом краю тусклой равнины, я увидела крохотные пятнышки мерцающей зелени. Чем больше я в них

вглядывалась, тем они казались дальше и неразличимее, но Таиб направил машину прямо туда. Через несколько минут на фоне безупречно чистого синего неба показались раскидистые верхушки финиковых пальм, а под ними — серебристая водная поверхность, в которой они так красиво отражались. В изумительно прохладной тени под кронами этих деревьев Таиб остановил свой «туарег», и мы помогли Лаллаве выбраться на воздух. Я смотрела, как она оперлась одной рукой о горячий металл капота, крепко зажмурила глаза, словно даже самые смутные зрительные образы могли при тупить остроту остальных ее чувств, и принялась.

— Заир-Фукани, — повернувшись к Таибу, произнесла Лаллава, и у него брови от удивления подскочили вверх.

— Она узнала место, куда мы приехали, — пояснил мне Таиб.

Казалось, он и сам поражен этим фактом.

Я улыбнулась и сдержанно кивнула. Что тут такого сверхъестественного? Даже я не глядя поняла бы, что мы попали в оазис. Тень деревьев, запах воды!.. Почувствовать это не так уж трудно.

— Да нет же, — сказал Таиб, заметив мой скепсис. — Лаллава точно знает, где именно мы находимся, как называется оазис. Ей известно, куда мы отправимся дальше — к древнему торговому маршруту, к соляному пути.

Несмотря на жару, по спине у меня побежали холодные мурашки.

Глава 21

Еда у нас была простая, но очень вкусная: козий сыр с хлебом, миндаль и финики — так, наверное, веками подкреплялись здесь, под пальмами, тысячи путешественников. Прикрыв глаза козырьком ладони, я смотрела на ослепительно сияющую пустыню и с легкостью представляла себе, как из раскаленных просторов Сахары выходит караван, силуэты верблюдов на фоне бледно-синего неба. Они с облегчением чувствуют, что пустыня кончилась, их ждет благословенная тень и прохладная вода оазиса. Но к концу нашей трапезы на горизонте показались не верблюды, а нечто совсем иное, больше похожее на армейский джип цвета хаки с пыльными бортами, покрытыми вмятинами и царапинами. Такие машины часто можно видеть в каком-нибудь старинном чернобелом кино про войну. Было такое чувство, будто он вырос из-под земли, точнее из-под песка, и, крутя колесами, помчался прямо к нам. Должны ли мы обеспокоиться? В путеводителе я читала душераздирающие истории о том, как на беспечных туристов в пустыне нападают грабители, отнимают транспортные средства, а самих оставляют на верную смерть. Я бросила взгляд на Таиба, который уже встал. Легкая усмешка блуждала по его губам, когда он принялся неторопливо наматывать вокруг головы ткань своего тюрбана.

Джип остановился возле нашей машины, и из него вышли трое мужчин. Одежда на них, как и на Таибе, представляла собой странную комбинацию элементов Востока и Запада: джинсы с футболками, а на голове тагельмуст. Головной убор Таиба почти не закрывал лица, свисал свободно, а вот у этих людей сквозь щели в плотно намотанной ткани видны были только темные сверкающие глаза. Они что, прячут свои физиономии, чтобы их никто не узнал? Я внутренне напряглась, повернулась было к Таибу, собираясь что-то сказать, и с удивлением

увидела, что лицо его сейчас плотно закрыто, как и у незнакомцев. Двое из них подошли ближе и обменялись с ним легкими поклонами и чем-то вроде сдержанного, осторожного рукопожатия. Точнее сказать, они просто коснулись ладонями и пальцами друг друга, что было совсем не похоже на горячие приветствия, которые я наблюдала в берберских поселениях. Третий держался позади, на расстоянии. Глаза его скользнули по мне, потом по Лаллаве. Он подождал, пока в разговоре наступит пауза, и резким, громким голосом что-то сказал Таибу. Тот небрежно махнул в мою сторону рукой, мол, просто туристка. Незнакомец как будто смягчился, кивнул, повернулся к джипу и стал что-то доставать из его задней части. Вытянув шею, я увидела там много больших канистр оливкового цвета. Он выгрузил три из них, получил из рук в руки деньги и тщательно пересчитал их, в то время как двое других помогали Таибу перелить топливо в бак нашего автомобиля. Потом все вежливо распрощались, эти трое уселись в свой джип и уехали.

— Да-а, такой заправочной станции мне еще не приходилось видеть, — со смехом сказала я, когда мы покинули гостеприимный оазис и помчались на юг.

— Вот так мы здесь и живем, — вполголоса отозвался Таиб.

Он уже распустил нижнюю часть тагельмуста, и теперь мне снова можно было любоваться его носом и подбородком. А также улыбкой. Да, он улыбался!

Я подозрительно посмотрела на него.

— Кто эти люди?

— Лучше не спрашивайте.

— Нет, я хочу знать. — Сперва я обиделась, а потом меня вдруг осенило: — Контрабандисты?

Он оторвал взгляд от дороги, на мгновение задержал его на моем лице, а затем снова уставился на дорогу.

— Если вам так угодно.

— Черт возьми, а где они берут топливо?

Таиб только пожал плечами, не собираясь отвечать на столь глупый вопрос, потом все-таки смилостивился.

— Алжир — один из крупнейших в мире производителей нефти. Повсюду есть трубопроводы, огромные нефтеперегонные заводы. Если где-то пропадет несколько несчастных баррелей...

Значит, контрабандное топливо. А за воровство в этой части света, похоже, полагается расстрел. Если поймут.

— А что, алжирская граница уже близко? — спросила я, помолчав.

— Мы давно ее пересекли.

— Что-о?

Я потрясенно смотрела на него, с неожиданной дрожью вспомнив о том, что в бумагах отца упоминалась Абалесса.

— Но я не видела никакой границы, контрольно-пропускного пункта или еще чего-нибудь в этом роде.

— Из Марокко в Алжир законным путем попасть невозможно. С девяносто четвертого года граница закрыта. Вообще-то связи между нами затруднены еще со времен так называемой войны в песках, это шестьдесят третий год.

— Фантастика, прямо как у Толкина!

Он слегка улыбнулся.

— Скорее всего, война была из-за нефти, и пески здесь ни при чем. Но ведь так происходит всегда, верно? Сейчас вот войны нет, но ситуация все равно напряженная. Обе стороны стараются держать границу на замке, но протяженность ее — тысяча восемьсот километров, патрулировать невозможно, нужны колоссальные человеческие ресурсы, я уж не говорю про деньги. Обе страны стараются следить, чтобы границу не нарушали. Существуют армейские блокпосты с мощными подзорными трубами, биноклями и прочей техникой, но народ все равно каждый день проскальзывает туда-сюда: люди из Полисарио,^[59] контрабандисты, беженцы, кочевники.

— А что с нами сделают, если обнаружат? — дрожащим голосом спросила я.

У меня перед глазами уже сам собой возник образ переполненной, кишачей крысами алжирской тюремной камеры. Я не ожидала, что мы вляпаемся так серьезно, и уже заранее скулила.

— Простите меня. Но посмотрите вокруг, это же пустыня. Нелепо предполагать, что в такой местности можно контролировать умозрительную линию, которую политики провели между двумя странами. Как можно владеть такой территорией? Это совершенно дикое пространство, оно принадлежит всем. Попробуйте перегордить колючей проволокой Атлантический океан и запретить рыбе пересекать ограждение, то же самое и будет.

Между тем песчаные горы вокруг становились все выше. Я задумалась о том, что же все-таки заставило меня ввязаться в это дело и поехать сюда. Скоро видимая дорога практически исчезла из виду, и начались неприятности. Таиб остановил машину, проворно выскочил из нее и слегка приспустил шины, но нас все равно швыряло то вправо, то влево, словно

«туарег» пробирался по снегу. Мы проехали местность, где почву покрывала хрупкая корка глины, сквозь которую то здесь, то там пробивались острые стебли травы, потом преодолели подъем и вдруг оказались перед бескрайним морем неподвижных рыжевато-коричневых песчаных валов. Начались настоящие дюны, бесконечные, идущие до самого горизонта.

«Какая красота», — думала я, разинув рот, глядя перед собой и не в силах оторваться.

«Красота» — именно это слово сразу пришло мне в голову. Не безжизненность пустыни, несущая ужас и смерть, но именно ее красота поразила меня. Если ты родился в городе, то пустынную, безлюдье всегда поражают тебя своей красотой. Ведь есть же что-то бесконечно изысканное, необъяснимо изящное во всех этих копирующих друг друга изгибах, округлостях и складках. Глаза мои пробежали по изящным линиям, и, странное дело, страх мой куда-то пропал. Монотонное повторение одних и тех же плавных кривых, постепенные переходы от света к тени, чистые очертания одной дюны на фоне другой — все это странно успокаивало нервы. Периодичные, вторящие один другому узоры на минуту отвлекли меня от мысли о том, что посреди этого великолепного и, казалось бы, безжизненного пространства всякого излишне доверчивого и не готового встретить опасность человека подстерегают отчаяние и смерть. Очень вероятно, что это относится и к нам. Мне казалось совершенно удивительным, что мы находимся всего только в шести часах езды от относительно цивилизованных берберских деревень, где есть даже магазины, школы и бетонированные дороги.

Я не удержалась и поделилась этими мыслями с Таибом.

— Восемь часов на кват-кват, ^[60] но на верблюде или пешком больше недели, — заявил он.

— Не может быть!.. Правда? — присвистнула я.

Что это был бы за переход — настоящее испытание на выносливость и решимость, к тому же невозможное без знания местности. А ведь мы находимся все еще лишь на северной границе этой величайшей пустыни в мире. Даже представить трудно, как торговцы, пересекавшие пустыню с грузом золота и слоновой кости, соли и страусовых перьев, ухитрились не погибнуть в таких местах. Потрясающие, по-настоящему мужественные люди, истинные герои. Но потом я вспомнила, что золото, слоновая кость, соль и птичьи перья — не единственный товар этих героев. Из районов, окружающих Сахару, они гнали на продажу тысячи рабов.

Я обернулась к Лаллаве и увидела, что она смотрит прямо на меня.

— Бидд! — вдруг произнесла старуха.

Таиб осторожно поставил ступню на педаль тормоза, нажал, и машина медленно остановилась. С озабоченным видом он обернулся к Лаллаве, что-то спросил, и она ему быстро ответила. Таиб задал еще один вопрос, на этот раз горячая реплика тоже не заставила себя ждать. Похоже, ей срочно нужно было остановиться, чтобы сходить по нужде. Я внутренне застонала, тут же упрекнула себя за свой европейский эгоизм, отстегнула ремень безопасности и открыла дверь. После кондиционера в кабине перемена температуры меня потрясла. Несколько первых секунд мне казалось, что ноздри мои вдыхают чистое пламя. Палящее солнце било по голове, словно кузнечный молот. Я помогла Лаллаве выйти в это пекло и поморщилась, когда вся тяжесть моего тела пришлась на поврежденную лодыжку. Старуха стояла, слегка покачиваясь, закрыв глаза и подняв лицо к небу. Солнце играло на ее украшениях и маслянистом отливе синего одеяния. Потом она шагнула вперед.

Я немедленно обняла ее за талию, чтобы поддержать, но Лаллава оттолкнула меня и повторила несколько раз:

— Охо, охо!

С трудом волоча ноги, вспахивая песок носками кожаных туфель без задников, она зашагала вперед, но совсем не так, как ходят слепые, вытянув руки вперед для равновесия и опасаясь не наткнуться на препятствие. Так выглядит человек, который с большими усилиями, но решительно пробивается сквозь снежную бурю.

Я двинулась было за ней, но Таиб схватил меня за Руку.

— Не трогайте ее. Она должна это сделать без помощи. Не упадет... А если и так, то ничего страшного, песок не твердый. Пусть идет. Лаллава сама этого хочет.

Мы наблюдали за ней с безопасного расстояния, а она вдруг остановилась и опустилась на колени. Я бросилась к ней, уверенная в том, что старуха обессилела и упала, но в эту минуту Лаллава неожиданно запела. Неземная мелодия дрожала в воздухе, как трель какой-нибудь райской птицы, и у меня перед глазами вдруг возник образ купающихся в ярких лучах солнца ласточек, серые перышки которых сверкали золотом. Просто мороз по коже.

Инеден говорит, что у всякой вещи свое время:

У букашек, что ползают, у птиц, что летают,

У цветов, распускающих бутоны, когда идет дождь,

У верблюдицы, которой настало время рожать

верблюжат.
Дни мои теперь столь же темны, как и ночи.
Тинад говорит, начало жизни во мраке и конец во мраке.
Во мраке я пришла к вам теперь, о духи пустыни,
К вам, кто терпеливо ждал меня.
Я слышала, как звали вы меня в ночи, и ветер нес ваши
голоса.
Время масла и фиников давно миновало,
И дни мои ныне так же темны, как и ночи.
Солнце погасло на западе, как гаснет костер.
Настало время и мне отправиться с караваном
В долгий и трудный соляной путь и обрести вечный
покой.

Были ли слова ее песни именно такими или все это мне только послышалось, показалось? Я не знаю этого и поныне, зато уверена в том, что, когда последние звуки песни умолкли, я опомнилась и увидела, что сжимаю в руке амулет так крепко, что его острые грани оставили на ладони красные рубцы.

Я повернула голову к Таибу, по щекам которого текли слезы. Он не скрывал их, не делал попыток сдержаться. Они капали на нижнюю часть тюрбана под подбородком, оставляя в складках темные пятна. Я снова обернулась к Лаллаве, лежавшей на песке.

— Что это она делает? — шепотом спросила я.

Таиб, не отвечая, подошел к ней, встал рядом на колени и взял ее руку. Я услышала, что они обменялись тихими фразами. Потом он встал и прошел мимо меня к машине. Обрато Таиб шагал с рулоном какой-то белой ткани под мышкой. Он жестом попросил меня сесть на песок, сам сел рядом, постелил ткань себе на колени и уставился в пространство, словно чего-то ждал.

Солнце палило немилосердно, небо было почти белым от жары, а под ним раскинулось бесконечное море песка, непрерывно меняющаяся палитра всевозможных оттенков серого. Казалось, весь мир накрыла полная тишина, только кровь ритмически пульсировала у меня в ушах. Я зачерпнула горсть песка. Он был такой горячий, что больно жег кожу в тех местах, где острые грани амулета оставили свои следы, поэтому я пропустила песок сквозь пальцы. Несчетное число крохотных песчинок! Они некогда образовались из каменных глыб и тысячи лет назад

таинственным образом были перенесены сюда ветрами пустыни. Время словно замедлило свой ход, почти совсем замерло. Я смотрела, как они падают вниз, песчинка за песчинкой, и смешиваются с миллиардами остальных, снова зачерпывала их и пропускала сквозь пальцы. Я делала это, словно повинуюсь чужой воле, словно у меня не было ни сил, ни желания остановиться. Это занятие помогало сдерживать поднимающийся в груди страх.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг боковым зрением я увидела какой-то движущийся предмет. Это был черный жук. Быстро перебирая длинными лапками, он бежал по песку, напоминая водомерку, скользящую по поверхности пруда. Вот он стал карабкаться вверх по крутой песчаной складке, осыпающейся даже под его тоненькими лапками. Не достигая вершины, жук все время съезжал вниз и снова лез вверх. Я поймала себя на том, что мысленно стараюсь помочь ему, словно сила моего внушения, сила моего взгляда действительно могла сделать это. В конце концов он попытался взобраться наверх под другим углом, и его упорство возымело успех. Жук перевалил через край складки и исчез из виду, оставив на песке только загадочные иероглифы следов.

Понятия не имею, как долго мы ждали. Таиб, сидящий неподвижно, напоминающий камень, наконец-то решил, что пора. Он вдруг распрямил свои длинные конечности, встал и подошел к старухе. С минуту, которая показалась мне вечностью, он смотрел на нее сверху вниз и молчал. Глядя на его застывшую фигуру, я поняла, что Лаллава умерла.

Сердце мое сильно забилося... Но чего еще можно было ожидать? С самого начала, с той минуты, как мы покинули Тиуаду, мне было ясно, что иного результата нашего путешествия просто быть не могло. Вот я, современная, разумная женщина XXI века по имени Изабель. Я живу и работаю в европейском городе Лондоне, послушно следую законам западной цивилизации, ношу профессиональную униформу, меня воротит от всякого грубого натурализма в этом мире. Но какой ужас, как я могла допустить такое, почему не потребовала от Таиба немедленно, хотя бы даже против ее воли, погрузить Лаллаву в машину и отвезти в ближайшую больницу? Однако я увидела, с каким мужеством и достоинством эта старуха встретила собственную смерть, и в душе моей поднялось некое чувство исступленного восторга, глубоко запрятанное в подсознании. Я даже позавидовала такому спокойствию, подошла к Таибу и вблизи посмотрела на мертвое тело старой женщины. Глаза ее были закрыты, на губах застыла улыбка, все лицо выражало совершенное блаженство. Ярко сверкали на солнце ее украшения: амулеты и бусы, браслеты и серьги.

— Вот и все, — сказал Таиб. — Теперь помогите раздеть ее.

— Что? — Я непонимающе уставилась на него.

— Надо ее обмыть.

Я огляделась. Да, точно, это не сон, вокруг нас Сахара, самая настоящая.

— Но здесь нет воды, — возразила я, понимая, что мои слова звучат глупо.

— Просто помогите мне раздеть ее, — вздохнув, повторил Таиб.

До этого я ни разу в жизни не видела мертвого тела и уж тем более не трогала его руками. Суеверное и брезгливое чувство, коренящееся в душе, протестовало при самой мысли об этом, но Таиб посмотрел на меня таким суровым взглядом, что я затрепетала.

— Мне нельзя, — сказал он. — У нас такой обычай. Делать это обязана женщина. Вы сейчас не в Лондоне и должны понять. Забудьте на время о том, что вы из Европы.

Я судорожно сглотнула слюну.

— Хорошо.

Вместе мы осторожно размотали сложные одеяния Лаллавы, сняли с нее украшения и отложили их в сторону. Когда она осталась почти совсем без одежды, Таиб встал.

— Продолжать для меня было бы неприлично, поэтому слушайте, что надо делать дальше. Я понимаю, для вас это нелегко, но, Изабель, помните, вы делаете это для Лаллавы, тем самым чтите ее память и оказываете уважение нашим обычаям. Сначала нужно промыть ей рот изнутри. Я сейчас схожу за водой, она у меня в машине.

Он принес двухлитровую пластиковую бутылку с минеральной водой, которой угощал меня в Тафрауте, то есть в условиях еще сравнительной цивилизации, где можно что-то купить. Там никто не вел разговоров про похороны мертвых рабов в пустыне. В бутылке оставалось не так уж много, но, по-моему, вполне достаточно для того, чтобы промыть рот мертвеца. Я взяла бутылку, стиснула зубы и осторожно прикоснулась к лицу мертвой старухи. Окоченение еще не наступило, она оставалась теплой. Впрочем, в таком-то пекле, почему бы и нет. Все это не сразу вызвало во мне чувство отвращения, которого я боялась, но ждать пришлось не так долго. Я раскрыла ей рот и заглянула в беззубый провал, в котором лежал, завернувшись назад, серый язык. Пытаясь усмирить разыгравшееся воображение, я влила туда воды, зажмурилась и прошлась пальцами по ротовой полости. Она была склизкой и клейкой, покрытой бугорками, выступающими, как камни из морской поверхности. Потом я повернула ей

голову в сторону, вода вытекла изо рта и впиталась в горячий песок.

— Теперь смочите руку и три раза омойте ей лицо.

Я молча повиновалась. В третий раз все прошло как по маслу. Я все сделала как надо, ощущая под ладонями упругие косы.

— Так, а теперь зачерпните чистого песка и слева направо мягко протрите ей кисти, локти, все руки, ступни и колени.

Тут уж мне потребовалось время. Этим воспользовался какой-то зловредный голосок в голове, который принялся нашептывать, что руки мои, оказывается, трогают труп женщины, да еще со странной на ощупь кожей чужеродного цвета. Где это видано, чтобы я предавалась столь дикому занятию! Я омыла ноги старухи песком. Ее мышцы, как тесто, перекачивались под моими руками. Плоские груди безжизненно свисали, закрывая выступающие ребра. Я подняла голову. Таиб смотрел в сторону.

— Да, это тоже, — сказал он. — И все остальное.

Сжав зубы, я смиренно продолжила ритуал, стараясь не слушать противный голосок до глубины души оскорбленной дамочки, которая и прежде старалась как можно реже прикасаться даже к живым людям, а теперь, похоже, вообще не понимала, что тут, собственно, происходит. Потом Таиб перевернул ее. Я «омыла» ей спину и ягодицы. Тогда наконец он объявил, что с работой я справилась хорошо. Мы снова одели ее и обрядили во все украшения.

Я стояла над ней, не отрывая от нее взгляда. Одетая Лаллава теперь казалась спокойной и даже красивой, и я вдруг почувствовала какую-то странную гордость за нее и за себя тоже. Таиб пошел к машине и вернулся с длинным куском белой ткани.

— Это ее саван. Она попросила прихватить его с собой.

— Так, значит, вы с самого начала знали, что она...

— Да, она знала, да и я, конечно, тоже, — кивнул он. — Но если бы я сказал вам о том, что, вероятно, вас ждет, то, по-моему, день прошел бы для вас гораздо трудней, согласны?

Где уж тут не согласиться. Я помогла ему завернуть Лаллаву в саван так, чтобы он закрыл ее полностью. Потом Таиб снова пошел к машине и через минуту вернулся с лопатой.

— Вы что, собираетесь хоронить ее прямо здесь, одну?

Глупый, конечно, вопрос. А что же еще тут происходит? Для чего я исполняла все ритуалы омовения тела? Зачем мы завернули умершую в погребальный саван? Правда, где-то глубоко внутри у меня еще теплилась надежда на то, что мы отнесем ее в машину и отвезем обратно, туда, где есть цивилизация.

— Конечно, — был ответ. — Именно этого она и хотела.

— А что скажут власти? Разве не надо куда-то сообщить, что она умерла? Получить свидетельство о смерти, в общем, оформить все как полагается? Жила-жила и вдруг куда-то пропала... Разве не будет проводиться расследование?

Он посмотрел на меня долгим выразительным взглядом.

— Изабель, забудьте про свой Лондон и вспомните, где вы сейчас находитесь. Лаллава принадлежит пустыне, которая взяла ее к себе.

— Как это «принадлежит пустыне»? Родом она совсем из других мест. Ее украли и привезли в пустыню, — упрямо, совсем как ослица, твердила я. — Почему это вдруг ей взбренило умирать здесь? Чего ради ее надо хоронить в песках, далеко от близких людей? Я лично этого не понимаю, вообще ничего... — Я захлебнулась и взяла себя в руки, опасаясь совсем потерять самообладание.

Таиб нерешительно коснулся пальцами моего плеча.

— Она знала, чего хочет, Изабель. Для чего еще, по-вашему, Лаллава разоделась как королева? Если мне выпадет умирать хотя бы вполовину так тихо и мирно, то я буду считать себя очень везучим.

Как королева!.. Эти слова не выходили у меня из головы. Как королева, нарядившись во все свои украшения и лучшие одежды, она будет погребена в песках пустыни.

Я оттолкнула его руку.

— Господи!..

— Что? В чем дело, Изабель?

— Сама не знаю, что-то очень... странное. Я... Не обращайтесь внимания, я просто немного расстроилась, вот и все.

Тыльной стороной ладони он коснулся моего лба.

— Это у вас от солнца. Я об этом не подумал. Идите в машину и посидите там, Изабель. Все, что нужно, я теперь сделаю сам.

Устроившись на переднем сиденье, я смотрела, как он копает и выравнивает могилу. Солнце уже клонилось к закату. Наконец я снова обрела спокойствие и силу, выбралась из машины и пошла ему помогать. Мы опустили обмотанное белой тканью тело Лаллавы в яму и засыпали песком. Я осталась стоять над могилой, а Таиб пошел искать камни, чтобы положить их сверху. Один за другим он притащил семь плоских камней, и мы с благоговением уложили их на могилу.

— Да будет земля тебе пухом, Лаллава, — тихо сказал он.

С серьезным видом я сняла с себя амулет, взвесила на ладони и наклонилась, чтобы положить его сверху.

— Пусть он хранит тебя... — начала было я, но мои слова потонули в шуме моторов.

Прямо к нам с грохотом направлялись какие-то транспортные средства.

Закрываясь от солнца, Таиб приложил к глазам ладонь козырьком, потом схватил меня за руку и потащил за собой, да так грубо, что я даже взвизгнула.

— Сядьте в машину, — приказал он. — Быстро.

— Но почему? Кто они такие?

На руке у меня все еще болтался амулет, красные камешки которого ярко сверкали на солнце.

— Ничего не спрашивайте, сидите и помалкивайте, — резко ответил он.

Но не успела я последовать его приказу, как в облаке пыли прямо перед нами остановились два больших внедорожника. Из них вылезли какие-то люди в темной одежде и туго замотанных тюрбанах. У некоторых в руках были автоматы.

— Дерьмо! — выругался Таиб. — Похоже, мы вляпались.

Глава 22

А время все шло. Девушки упражнялись в танцах и разучивали песни. Мужчины занимались своими делами, и никаких из ряда вон выходящих разговоров не было. У Мариаты, как и всегда, начались, а потом и закончились месячные. В общем, жизнь шла своим чередом. Мариата возражала, но о предстоящей свадьбе дали знать и людям кель-базган. Это на тот случай, если на обратном пути из Бильмы ее отец и братья будут проходить через их селение. Но данная причина была не единственной.

— Уж я-то, как никто другой, понимаю, почему ты не хочешь этого, — устало говорила Рахма. — Но, Мариата, у тебя ведь там родственники. Сообщить им о свадьбе — наш долг. Если этого не сделать, сама можешь представить, как они разозлятся, станут бранить нас, обвинять в том, что мы их опозорили, даже в том, что похитили тебя у них.

— А как же Росси? Он и так злой на нас из-за своих верблюдов.

Рахма сжала челюсти и заявила:

— Каких это верблюдов? Ничего про них не знаю. Ты видела двух дорогущих мехари в бедном стаде народа кель-теггарт? — Она приложила к глазам ладонь козырьком и повертела головой. — Ну вот, и я не видела. Если уж ты хочешь свадьбу, надо сделать все нормально, как положено. Иначе на вас падет дурной глаз, а моему Амастану и так уже выпало на долю много страданий, куда больше, чем он заслужил. На свадьбу они не придут, слишком далеко, да неудобно... И вряд ли рассчитывают на гостеприимство и богатый пир. Ты можешь представить, что твоей тетке Дассин или новым женам Муссы понравятся наши условия?

Это правда. Представить такое Мариата не могла, но все равно не переставала думать о подобной перспективе и нервничала. Ее тревога отнюдь не уменьшилась, когда из селения исчезли Амастан и еще

несколько молодых мужчин. Они, очевидно, отправились на базар, который был в трех днях пути, чтобы продать козье молоко и сыр, изделия из кожи, шкуры, а взамен купить для свадьбы рису, специй и меду. Прошла неделя, потом и десять дней, а они все не возвращались. Остальные, похоже, этого и не заметили. Люди чистили песком свое серебро, выбивали пыль из лучших нарядов, чинили украшения, заплетали друг другу волосы в косы и втирали в кожу масло. Хна на руках Мариаты, знак ее помолвки, побледнела, остался только светло-коричневый узор, тоненький, как кружево, и едва заметный на темном загаре.

Потом некоторые мужчины вернулись с припасами и с сахарными головами в подарок для новобрачных, но Амастана среди них не было. Мариата заметила, что не пришли Базу и Азелуан. Базу не был женат, и отец его теперь находился далеко, ушел с караваном за солью. Никого, похоже, не волновало, что молодой человек пропал.

— Он, скорее всего, отправился в племя кидаль. Там у него невеста, — сказала Тадла, и все рассмеялись.

— Бедному да вору всякая одежда впору!

— Но почему не вернулись Амастан с Азелуаном?

Все сразу замолчали. Нура посмотрела на Нофу, а та едва заметно покачала головой. Она была племянницей Азелуана. Мариата заметила, как девушки обменялись взглядами, и ее сердце часто забилося.

— Что такое? — спросила она. — Вы что-то от меня скрываете?

Нофа потянулась к ней, положила ладонь на руку Мариаты и сказала:

— Ничего особенного. Не беспокойся. Азелуан уже не юнец. Они, скорее всего, решили немного развлечься еще денек-другой.

Мариата не стала продолжать этот разговор, но слова Нофы ее не убедили. Азелуан уже не молод, но крепок, как дерево акации. Годы и жизненный опыт сделали из него настоящего мужчину, да и характер такой, что ему все нипочем. Нет, она подозревала, что отсутствие Амастана никак не связано с Азелуаном. Он, наверное, передумал жениться, у него, как говорят, кишка оказалась тонка. А вдруг, того хуже, с ним случилось какое-нибудь несчастье? Упал с верблюда в скалистом ущелье, лежит там и из его ушей и носа сочится кровь? Или на него напали разбойники и убили? Или... Нет, это совсем невыносимо представить: он лежит сейчас в объятиях другой женщины где-нибудь в чужом селении. Мариата понимала, что эти мысли нелепы, но поделать с собой ничего не могла. Она не спала, не справлялась с самой простой работой, все у нее валялось из рук. Девушка пристально глядела в воду, принесенную в ведрах с реки, называла его имя, но не получала никакого ответа. По ночам она мысленно

обшаривала все караванные тропы пустыни, но тщетно, в часы бессонницы бродила по селению под молчаливым звездным небом. Козы, почуяв ее присутствие, блеяли, надеясь, что Мариата пораньше выпустит их на пастбище или покормит. Однажды ночью, когда в небе ярко сиял месяц, тонкий, как кривой кинжал, она бросила вызов джиннам, которые могли подстергать ее повсюду, и поднялась на холм, расположенный к западу от селения. Две его вершины странной формы назывались Орел и Заяц. Девушка стала осматривать окрестности, ища хоть какой-то знак, говорящий о возвращении Амастана. Она не очень-то надеялась увидеть его, но ведь всегда лучше что-то делать, чем сидеть сложа руки. Ее саму бодрил этот смелый поступок. Теперь весь мир погрузился в сон, а Мариата ушла далеко за пределы селения, не обращая внимания на то, что повсюду кишели духи из воинства Кель-Асуфа. Она заметила фигуры двух всадников, молча приближающихся к седловине, и была так поражена, что даже почти не испугалась.

Восседая на спинах верблюдов, всадники вели за собой еще двух животных, нагруженных тюками. Лица их были плотно закрыты, оставались только щелки для глаз, за спинами торчали стволы винтовок. Девушка пристально вглядывалась в эти фигуры. Похожа ли передняя на Амастана? На таком расстоянии определить невозможно. А кто второй, Базу или Азелуан? Или это разбойники, которые собираются напасть и ограбить селение? Но кем бы ни были эти люди, через минуту они окажутся совсем рядом. Надо немедленно спуститься с холма, бежать назад в селение и поднять тревогу. Но тут ее охватило страшное любопытство, кроме того, она поняла, что не сможет вот так просто повернуться и уйти — разве что полететь, как сова. Тогда Мариата потихоньку забралась в холодную, узкую, мрачную расщелину между двумя высокими скалами и притаилась в прохладной темноте. Она так плотно прижалась грудью к скале, что слышала, как ее сердце бьется, словно птичка, угодившая в клетку.

Когда всадники поднялись на самый верх седловины, она сразу узнала первое животное. Это был уродливый пегий мавританский верблюд, принадлежащий Базу аг Акли. За ним вышагивал второй, крупный, бледного окраса. Мариате показалось, что он очень похож на Таорка, верблюда Азелуана. Значит, Базу и Азелуан. Она так была разочарована, что у нее на глаза навернулись слезы. Где же Амастан?

Вот кто-то что-то сказал, и Мариата узнала голос Азелуана, старого хитрого вожака караванов. Всадники остановились, заставили своих верблюдов опуститься на колени и спешили. Потом они начали

разгружать животных, и только теперь она поняла, что третий верблюд привез совсем не тюки. На его спине лежал человек. Он был мертв либо тяжело ранен. Из груди девушки вырвался сдавленный вой, но мужчины были заняты разговором и ничего не услышали. Человек, лежащий на спине верблюда, пошевелился и поднял голову. Даже на таком расстоянии, несмотря на ночь, Мариата сразу узнала Амастана. Она уже хотела выскочить из своего укрытия, как вдруг услышала его голос.

— Нет, я еще не помер, — отчетливо произнес он, и спутники его засмеялись. Амастан огляделся и продолжил: — Эта дорога ведет прямо к селению. Вдруг они придут?..

— Нет.

— Откуда такая уверенность?

Азелуан пожал плечами и заявил:

— В селении это хранить нельзя. Людям доверять не стоит. Я сомневаюсь, кому они больше сочувствуют, во всяком случае часть из них. Сами не знают, чего хотят. Время нынче другое, не как прежде.

— Кто его знает, — нервно произнес Базу.

— А что мы скажем насчет моей руки? — с раздражением спросил Амастан.

— Никто не должен видеть твою рану.

— Даже Мариата?

— Особенно Мариата. Она из народа кель-тайток из Хоггара. Это племя сдалось без боя, как и всегда. Они сражались за французов, которые убили Фирхауна, когда тот бежал из тюрьмы в Гао, но это исключение. Мне отец рассказывал.

— Отец Азелуана сражался вместе с Каоценом во время большого восстания, — напомнил Амастану Базу.

Мариата спряталась еще глубже в тень. Ей очень хотелось выскочить и защитить доброе имя своего народа, которое они сейчас пятнали, но нельзя было обнаруживать себя. Она чувствовала, что это опасно. Девушка прекрасно представляла себе, что случилось с Амастаном и что лежит в двух больших тюках, которые они теперь сгружали с четвертого верблюда. Тяжело дыша, Азелуан и Базу стащили первый тюк и положили его на землю. Слышно было, как в нем что-то звякнуло.

Азелуан выпрямился, огляделся, указал на расщелину, в которой пряталась Мариата, и заявил:

— Вон туда. Между Орлом и Зайцем.

Господи!.. Мариата бросила последний взгляд на Амастана, который сейчас уже твердо стоял на ногах, и плотно прижалась спиной к задней

части расселины, куда не проникал свет месяца. Ее совсем не было видно. Базу с Азелуаном подтащили первый тюк к расселине, и она услышала, как груз с глухим стуком опустился на песок. Тяжело дыша, Базу запихнул его как можно дальше, и тюк уперся в ноги Мариате. В нем было что-то тяжелое и твердое. Когда Базу еще раз попытался протолкнуть его дальше, девушка чуть не потеряла равновесие и не упала прямо на тюк. Базу, похоже, был доволен тем, как спрятан груз, и шагнул назад. Через пару минут оба вернулись со вторым тюком, который бросили поверх первого. Он уперся Мариате в живот и прижал ее к скале.

— Нормально, — сказал Азелуан. — Теперь поехали домой. Если все будет хорошо, устроим верблюдов и пару часиков поспим до восхода.

Шаркая по песку подошвами, они отошли. Через некоторое время девушка услышала, как недовольно засопели верблюды, заскрипели под седоками деревянные седла. Мужчины отправились дальше, а она осталась одна, в темноте, припертая к скале грузом контрабанды.

Мариата хорошо понимала, что заглядывать в тюки не стоит. Надо только перелезть через них и быстро бежать обратно в селение, сделав крюк, чтобы не столкнуться с всадниками. Не стоит, конечно, но... как тут не заглянуть? У народа покрывала существует множество историй о том, как любопытную женщину, которая открывает чужой сундук, кувшин или короб, неизменно постигает несчастье. Ее проглатывает неизвестно откуда взявшийся джинн, она превращается в ворону или оказывается в безлюдной земле, где воют непрерывные ветра и бушуют песчаные бури. Но Мариата была женщиной и ничего не могла с собой поделаться. Она осторожно вскарабкалась на тюки, ощущая, как под ее весом двигаются лежащие в них предметы, и подошла к выходу из расщелины. Уже отсюда, при тусклом свете месяца, падающем ей через плечо, девушка развернула одеяло на нижнем тюке. Перед ней лежала куча тяжелых черных жестяных коробок. Она понятия не имела, что это такое. Когда Мариата взяла в руки одну из них, в ней что-то загремело. Там явно лежало много каких-то маленьких и тяжелых штучек. Девушка нахмурилась, положила коробку обратно, снова накрыла ее, как было прежде, и полезла во второй тюк. В нем лежали твердые предметы из дерева и странного темного металла, который, казалось, поглощал свет месяца. Мариата взяла один из них в руки и отшатнулась. Девушка сразу поняла, что это винтовка, но какая-то странная, непохожая ни на одну из виденных ею прежде. Мужчины брали с собой на охоту совсем другое оружие. Еще меньше эти винтовки напоминали богато украшенные старинные ружья, используемые в ритуалах. Они были намного легче, сложнее устроены и казались куда

более опасными. Та, что она сейчас держала в руках, напомнила ей скорпиона. На стволе было что-то написано, буквы оказались схожи со знаками тифинага, но прочесть их Мариата не могла. Уже это одно заставило ее положить винтовку обратно и снова закрыть тюк.

Значит, оружие. Иностранное, ворованное. И целая гора боеприпасов.

Она долго сидела на корточках перед тюками. Восстание. Большое!.. Мысли лихорадочно сменяли одна другую. Так, значит, они мятежники. Участники сопротивления. Выходит, свободный народ больше не свободен. Все это крутилось у нее в голове. Девушка поняла, что война, о которой говорил Амастан, началась. Он больше не сторонний наблюдатель, значит, и она тоже. Ведь Мариата ему почти жена.

Глава 23

— Так где ты пропадал?

Они лежали в своем потаенном месте, в ложбинке между олеандрами возле реки. Лягушки теперь не кричали. Вода почти иссякла под жаркими лучами солнца, которое с каждым днем жарило все сильнее, пока Земля продолжала свой путь вокруг него. Там, где была ее родина, настоящий дом, они ушли бы сейчас куда-нибудь в холмы, где в тенистых прудах оставалась вода, или в низины, к орошаемым пастбищам, на которых трудились харатины. Но народ кель-теггарт был слишком беден, чтобы содержать таких работников, чересчур слаб, чтобы удерживать их от бегства в города.

Амастан протянул руку и убрал волосы с ее лица. Кожа Мариаты покрылась потом и была липкой. Совсем недавно она широко расставила в темноте ноги и взобралась на него верхом. Тайну соития двух тел скрывали широкие одежды. Он провел пальцем по ее лбу, нащупал складку меж сдвинутых бровей и подумал о том, что каждый раз, совершая это, они искушают судьбу, становятся жертвами многочисленных злых сил, оставаясь здесь ночью и не имея от них ни укрытия, ни защиты.

— На базар ездил, — весело ответил Амастан, разглаживая ей складку. — Сама же видела, чего только мы не привезли. Я купил тебе замечательный платок. Представляю, какая ты будешь в нем красивая. Ракушки на нем называются каури. Их привезли с островов в океане, у берегов Индии, это вон там, далеко на востоке. Говорят, купцы доставляли их сюда еще во времена великих фараонов. Ты только представь, еще до того, как жила Тин-Хинан! Кто знает, может быть, некоторые из этих ракушек даже старше, чем твои предки, наша мать-прародительница. Все эти годы они, прямо как деньги, ходили из рук в руки, от Мальдивских

островов до Египта, через всю великую пустыню, а вот теперь попали в руки самой красивой девушки на свете. Какое это будет зрелище, когда в день нашей свадьбы они украсят мою невесту! Они чисты, как твои зубы, белки твоих глаз, которые смотрят на меня в темноте, как две звездочки. Теперь эти каури станут сиять на тебе!

Мариата закусила губу. Она очень любила, когда он говорил ей такие слова, сплетал их в фантастический узор, создавал целый мир, которого ей никогда не увидеть.

Но на этот раз девушка решила, что он ее не собьет, и повторила:

— Где ты пропал, кроме базара? — Молодой человек не ответил, поэтому она сжала бедра так сильно, что он вздрогнул. — А как рука, болит? Где это тебя? Ну-ка, рассказывай.

Амастан сощурил глаза.

— Нельзя таким тоном задавать вопросы мужу. Это унижает мое достоинство.

— А ты мне еще не муж, Амастан, сын Муссы. Можешь не говорить, что упал с верблюда. Я все равно не поверю. Ведь ты опытный наездник.

Зажав руку жениха у себя под коленом, она подтянула вверх рукав его халата, и под ним обнаружилась повязка. Амастан лежал не сопротивляясь и позволил ей размотать бинт, один жесткий слой за другим, пока не показалась темная рана, покрытая коркой. Запекшаяся кровь в свете звезд казалась черной.

— Разве такое бывает после падения с верблюда?

— Я дал слово, что ничего тебе не скажу.

— Потому что мои соплеменники — предатели?

Услышав это, он вздрогнул от неожиданности, потом перевернулся, оказался сверху, уперся локтями в землю и спросил:

— С чего это ты взяла?

— Амастан, где ты взял оружие?

— Похоже, ты у нас колдунья и тебе служит сам Кель-Асуф. Ты что, оборотилась в филина и незаметно летела над нами? Или послала свой дух в виде даманы,^[61] шныряющего меж скал? Ты что, оборотень? Вдруг на третий день после нашей свадьбы люди откроют шатер и найдут там мои обглоданные косточки?

В его глазах читались настороженность и уважение... Или, может быть, это был страх?

— Перестань нести чушь, — раздраженно сказала она. — Я все слышала своими ушами и понимаю, что это значит. Тана говорит, что нас ждет опасность, и я хочу быть к ней готова. Женщины туарегов всегда были

такими же храбрыми и яростными в бою, как и мужчины. Научи меня, Амастан, пользоваться этим твоим ворованным оружием. Когда придет время, я докажу, что люди кель-тайток не предатели и не трусы!

Амастан смотрел на нее с изумлением, потом не выдержал и засмеялся.

— Калашников — оружие не для женщин! Я и сам не очень-то знаю, как из него стрелять. Хотя вот рука заживет, и Азелуан мне все покажет. Но если хочешь, я научу тебя пользоваться винтовкой, опять же когда смогу, конечно. — Он вдруг замолчал, но потом продолжил: — Слушай, Мариата, я не могу сказать тебе, где мы достали автоматы. Это слишком опасно. Если об этом узнает кто-то чужой, то случится ужасное, все мы попадем в беду. Так что ты должна мне в этом верить, договорились?

— Хорошо, — твердо выдержав его взгляд, ответила Мариата.

Мариата ощущала, что с каждым днем, приближающим свадьбу, в душе ее, словно надвигающаяся гроза, нарастают напряжение и тревога. Ах, скорее бы все закончилось раз и навсегда, чтобы ее связь с Амастаном обрела общественное признание и получила благословение, словно такая легализация способна отпугнуть злые силы, которые, вне всякого сомнения, сгущались вокруг них. Ее нетерпение видели все. Она не могла устоять на месте, даже когда примеряла роскошные ткани для свадебного платья.

— Эта, цвета индиго, куплена на базаре в Кано, да и зеленая тоже оттуда. Какая красивая!.. Смотри, как она блестит!

— Зеленый цвет приносит несчастье, — сказал кто-то, и все посмотрели на Мариату, ожидая, что та скажет.

Но ее мысли были далеко. Она не сразу поняла, что все смотрят на нее и ждут ответа.

«Им это нравится больше, чем мне самой, — думала Мариата. — Что со мной происходит?»

Нормальные девушки наслаждались бы каждым мгновением этих приготовлений, смаковали бы мельчайшую подробность, подбирали бы вышивки, украшения и расшитые бисером туфельки без задников, браслеты и серьги, образцы хны, зная, что станут с благодарностью вспоминать об этом всю свою жизнь, оглядываясь в прошлое, когда замуж пойдут их собственные дочери, а там и внучки. Но Мариата никак не могла избавиться от ощущения, что вокруг сгущается зловещий мрак. Оно пробуждало в ней желание очертя голову немедленно сыграть эту чертову свадьбу, хоть в том платье, которое было на ней сейчас, не устраивая всей

этой глупой и вздорной суеты. Но, глядя на лица, полные предвкушения праздника, видя перед собой доброжелательные и восхищенные глаза, девушка понимала, что свадьба нужна не столько жениху и невесте, сколько всему племени. Это событие должно еще теснее сплотить всех людей в достижении единой цели, несущей радость. Мариате лучше помалкивать и смиренно делать то, что положено.

— Нет, не надо зеленое, — наконец сказала она. — Индиго лучше. Смотрите, какая красивая ткань.

— Как раз по нашим обычаям, — одобрительно прибавила Рахма.

Мариата поймала ее взгляд. Что ж, почему бы и не порадовать будущую свекровь? Тем более что это не требует от нее много усилий.

— Значит, индиго, — поставила она точку.

Дошла очередь до платков и обуви, а еще красивых вышивок, украшений, бус, поясов и брошек. Ей снова надо было принимать пусть маленькие, но весьма ответственные решения. Все спорили по поводу мельчайших деталей. Мариате казалось, что ей все это снится, что она парит над присутствующими, как некий неясный призрак, а мысли ее блуждают где-то очень далеко.

— Побольше сурьмы. Глаза надо красить как следует.

Глядя на свое отражение в зеркале, Мариата критически сощурилась. Глаза ее и так уже были просто изумительными, белки потрясающе контрастировали с темной радужной оболочкой и сурьмой. Они казались просто огромными.

— Да зачем еще-то? Я в жизни не красила так густо.

Но Нофа неодобрительно покачала головой.

— Это же твоя свадьба. Все будут говорить только о тебе. Того и гляди, попадешь под дурной глаз. Он будет тебя поджидать везде, куда бы ты ни пошла, поэтому надо наложить как можно больше сурьмы. Как же еще отвести злую силу? — Нофа поболтала серебряной палочкой в кувшинчике, вынула ее и осторожно сдула лишнее. — Ну-ка, закрывай глаза и не мешай мне закончить работу.

Мариата повиновалась. Не было смысла поднимать из-за этого шум. Накануне невеста уже потратила целых пять часов на то, чтобы ей поновому заплели косички и разрисовали хной руки и ноги ради защиты их от злых сил. Девушки, не занятые этой работой, пререкались, спорили, даже ссорились из-за рисунков. Во время этого действия Мариата не сказала ни слова, зато ее через край переполняло счастье при мысли о том, что она наконец-то станет женой Амастана. А что она делала за день до этого?

Мариата чуть не рассмеялась вслух, вспомнив о том, что было вчера. Такой странный контраст с миром женщин, со всеми этими церемониями выбора наряда, прихорашивания. В тот день она на рассвете ушла с Амастаном в холмы и там старательно училась, как нацеливать длинный ствол охотничьей винтовки, чтобы попасть в выступ скалы, как правильно задерживать дыхание, чтобы не промазать, как мягко нажимать на курок, чтобы предохранить плечо от сильной отдачи во время выстрела. К концу дня ей удалось-таки попасть в два кусочка дерева и в черепок глиняного кувшина, которые Амастан поставил для нее в качестве мишеней. Но вот движущийся объект... О-о, это было совсем другое дело. Она с восхищением смотрела, как быстро и сноровисто Амастан выстрелил и попал на лету в горного голубя, а потом и в дикого кабана, которого они спугнули из кустарника.

— Что ты с ним будешь делать? — спросила Мариата, глядя на это странное создание со шкурой, покрытой жесткими, как проволока, волосами, и раздвоенными копытцами. — Мы хоть сможем притащить его домой? — Она тронула ляжку животного носком ноги, решила, что ноша, похоже, будет нелегкая, и добавила: — Мяса в нем много.

— Маленькая моя язычница! Да к нему не притронется половина племени, а то и все. Ты разве не знаешь, что свинья — нечистое животное? Ислам запрещает есть ее мясо.

— Так это, значит, свинья?

Мариата прежде не видела кабана. Она с удивлением разглядывала его губу, покрытую жесткой щетиной и загнутую кверху, острые клыки, торчащие из-под нее.

— Отличный кабанчик. Не беспокойся. — Молодой человек потрогал пальцем ноздрю зверя. — Не пропадет, съедят.

— Вот шакалы!

— Можно и так сказать. — Амастан засмеялся.

В конце концов он оттащил тушу кабана в укрытие между скал и соорудил над ней пирамиду из камней, чтобы до нее не добрались стервятники и шакалы.

— Не надо отказываться от такого хорошего мяса! Не волнуйся, все пойдет в дело.

Он нацарапал несколько знаков на скале, прямо над полостью, где укрыл мертвого кабана.

— «Амастан приглашает всех на пир», — вслух прочитала Мариата знаки тифинага и улыбнулась.

Теперь она вспомнила, что ждет их обоих совсем скоро, и улыбка ее

стала еще шире.

— Ты смотри, она небось уже думает о своей третьей ночи, — сказала Бика и толкнула локтем Нофу.

Рука у той дрогнула, длинная черная линия сурьмы протянулась чуть не до самого носа Мариаты. Женщины присвистнули и дружно засмеялись.

Всю неделю на праздник прибывали люди, некоторые с подарками, но большинство с пустыми руками. Мариата удивлялась. Прежде она не видела никого из них, но Амастан, похоже, знал всех хорошо. Невеста смотрела, как он приветствует их. Амастан сначала слегка поправлял лицевой платок, чтобы продемонстрировать свое уважение, потом чуть прикасался к ладони прибывшего и, наконец, прикладывал руку к сердцу. Большею частью это были мужчины, одетые не в пышные наряды, а в пропитанные пылью простые халаты. Несмотря на то что у каждого в руках был какой-нибудь инструмент, лица их оказались что-то уж слишком серьезными для музыкантов.

— Кто они такие? — спросила она у Рахмы, но старуха только пожалала плечами.

— Амастан говорит, что друзья.

Тисагсар, подарки для невесты, лежали на широком голубом ковре посередине площадки для танцев. Здесь были резная деревянная коробка с пряностями от мужчин племени, платье и янтарное ожерелье, бусины которого величиной не уступали птичьему яйцу, мешок риса, еще один с просом, ступка и пестик, связка горного тимьяна, собранная этим утром одной старухой, точильный камень, нож с костяной рукояткой, совсем новенький бурдюк, несколько горшков, одеяло, циновка из тростника, пара кур и штука белой ткани из чистого хлопка, которую Амастан привез с базара в Кидале, а также серебряная подвеска с изысканным узором, тяжелая, как гребень, длиной в ладонь. Мариата будет носить ее, когда станет его женой.

Она наконец-то вышла на яркое полуденное солнце в своем переливающимся синем свадебном платье. Лицо ее было подкрашено охрой, глаза и губы подведены черной сурьмой, руки и ноги разрисованы яркой хной, мочки ушей оттягивали большие треугольные серьги, по всей одежде были приколоты серебряные амулеты на счастье. Целая дюжина ярких браслетов позвякивала на запястьях. Женщины племени как раз ставили свадебный шатер на приличном расстоянии от того, в котором она жила с Рахмой. Шатер был сшит не меньше чем из сорока козьих шкур. Как женщинам удалось сложить вместе так много шкур и тайком сшить их?

Ведь невеста даже не видела, как они это делают. Мариата была глубоко тронута. Кель-теггарт — племя небогатое, где им взять целых сорок лишних шкур! А вот поди ж ты, собрали и сделали это для нее, человека им чужого, почти без родственников и семьи. Это так поразило ее, что неожиданно для самой себя она расплакалась.

К Мариате торопливо подошла Тадла, обычно суровое, хмурое лицо которой расплылось в покровительственной улыбке. Она тепло обняла Мариату. Многолетний опыт позволил ей сделать это так, чтобы не сбить амулетов и не попортить свадебного наряда. Слезы девушки и так повредили макияж, над которым Нофа трудилась несколько часов.

— Ну-ну, моя милая, не волнуйся. Это твой самый счастливый день, и все мы рады за тебя. Ты принесешь нам большую радость и удачу, дашь нашему племени сильную, свежую кровь. Смотри, как рада и счастлива моя дорогая подруга Рахма. Она гордится тобой. Разве не так?

Мариата подняла глаза и увидела Рахму, вытирающую руки о платье. Ее потный лоб блестел. Она тоже вместе со всеми только что ставила шатер, а работа эта непростая, весьма тяжелая. Улыбка у старой женщины расплылась от уха до уха.

— Ты сама знаешь, что, пока не выйдешь замуж, не можешь заходить сюда, иначе тебя постигнет страшное несчастье. Предоставь все нам. Мы украсим его и устроим все сами. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Мы соткали тебе новый ковер для пола. Смотри. — Она махнула рукой женщинам, те куда-то побежали и через минуту вернулись с длинным рулоном, который с гордостью развернули перед невестой.

— Цвета подбирала я! — заявила Нура. — Нравится? Мох для этой удивительной зеленой краски мы собирали в холмах, пришлось потратить кучу времени! Но смотри, этот цвет подойдет самому пророку! Для синего мы взяли индиго и тут уж не сэкономили! А здесь мы использовали волчий лук, и смотри, какой красивый и яркий получился красный.

— А я выткала по краю лягушек, видишь? — сказала Лейла, тыча пальчиком в ровные треугольнички с точками по периметру ковра.

Она лукаво подмигнула Мариате, и обе захихикали. Лягушки славились своей плодовитостью, а еще были символом удачи, поскольку жили в воде.

— Смотри, как следует выбери на этом ковре место для кровати и тогда подаришь мужу много красивых сыновей!

Тут поднялся шум и гам, все одновременно весело загалдели, а потом вдруг куда-то убежали.

Рахма взяла Мариату за локоть.

— Пойдем поглядим на жертвоприношение.

На площадку, где должен был проходить праздник, привели молодого бычка, которого теперь окружили юноши племени с лучшими ритуальными копьями в руках. На запястьях у них сверкали браслеты. Солнце пекло немилосердно. Бычок было попятился, но уперся задом в плотный строй молодых людей, обезумел от страха, закатил глаза, захрапел и побежал по кругу, неуклюже вскидывая длинные нескладные ноги.

На свадьбе Хедду и Лейлы бычка не закалывали, для них это было слишком дорого. Но Амастан много путешествовал, торговал и за несколько лет накопил порядочную сумму. Калым, который он давал за Мариату, тоже оказался немалым, хотя тут не было никого, кому он мог бы его выплатить. Эти деньги взял на хранение амграр^[62] племени, вдовец Рисса, сын Зейка. Калым будет находиться у него, пока не объявятся ближайшие родственники Мариаты. Тогда он передаст его им для дальнейшего хранения. Если с Амастаном что-то случится или их брак распадется, то эти деньги понадобятся Мариате, чтобы растить детей.

Наконец из круга выступил Амастан в халате цвета индиго. Ткань блестела в лучах солнца металлическим отливом, а его тагельмуст венчала диадема из амулетов. Копье, зажатое в руке, было изготовлено несколько поколений назад, но наконечник этого оружия оказался так остро заточен, что бычку грозила быстрая и неминуемая смерть. Бедное животное остановилось перед ним, но тут же увернулось и бросилось прочь, словно почуяло роковой смысл сверкающего металла. Молодые люди сделали шаг назад, слегка расширив круг, чтобы дать Амастану побольше места. Бычок остановился как раз напротив него и не отрывал глаз от человека, который с явной угрозой направился прямо к нему.

— А разве нельзя, чтобы кузнец просто взял и перерезал бедняге горло? — тихо спросила Мариата, сжав руку Рахмы.

— Вряд ли годовалый бычок сможет серьезно поранить нашего мальчика, — рассмеялась та.

Но Мариата думала вовсе не об этом. Прежде она не чувствовала отвращения, когда видела, как забивают животное для еды или в качестве жертвоприношения, но тут ее охватило глубокое предчувствие какой-то опасности. На ум ей невольно пришли грозные слова женщины-кузнеца: «Прольется кровь». Так или иначе, но сегодня уж точно погибнет невинный бычок. Мариате вдруг расхотелось видеть, как у нее на глазах убивают животное, пусть этот ритуал был традиционным и обязательным, а зрелище захватывающим.

— Нет! — закричала она, и пораженные люди обернулись к ней. —

Убивать его таким образом — дурной знак. Я чувствую это... вот здесь. — Мариата прижала ладонь к тому месту под грудью, где у человека рождаются самые глубокие, подлинные и несомненные убеждения.

Все изумленно смотрели на нее. Впервые с тех пор, как она покинула кель-базган, Мариата почувствовала во взглядах этих людей неподдельную враждебность.

Амастан вышел из круга и через площадку, подготовленную для праздника, зашагал прямо к ней. Не дойдя нескольких шагов, он вонзил наконечник копья глубоко в землю.

— Ты не хочешь смотреть, как убивают это животное, и я от всей души исполню твоё желание. — Амастан повернулся и обратился к толпе: — Как вы все знаете, Мариата спасла меня из лап Кель-Асуфа. Она может общаться с духами. Если моя невеста говорит, что убивать бычка сейчас — дурное предзнаменование, то мы должны с уважением прислушаться к её природному чутью.

В толпе раздался глухой ропот, все заговорили вполголоса, многие трогали свои амулеты. Одно дело не проводить ритуала из-за отсутствия средств, совсем другое — собраться, начать и не совершить его.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — сказал какой-то мужчина.

— Женщины не должны вмешиваться в мужские ритуалы, — заявил другой.

— Сразу видать, кто будет главой в этой семье, — добавил третий, и все засмеялись.

Амастан печально покачал головой.

— Можете дразнить меня, сколько вам хочется, но я слишком высоко ценю мою невесту, чтобы омрачить ей этот радостный день. Для праздника у нас уже жарится добрый баран. Его с лихвой хватит на всех, так что нет особой нужды проливать лишнюю кровь. Я решил помиловать этого зверя и сохранить ему жизнь.

Он прижал ладонь к сердцу, поклонился Мариате, выдернул из земли копье и пошел к своим товарищам, предоставив толпе ловить бычка и возвращать его в свой загон.

Рахма похлопала Мариату по плечу.

— Думаю, пора начинать музыку. Как считаешь?

Она кивнула ведущему музыканту, оркестранты быстренько схватились за свои инструменты и грянули мелодию «Охотник и голубь», которая скоро отвлекла народ от беспокойных мыслей о неудавшемся жертвоприношении.

Тут появилась Тана, пересекла площадку для празднества и

остановилась перед Мариатой.

— Смелей, детка! Хотя, в конце концов, вряд ли это поможет. — Склонив голову в сторону, как орел, который рассматривает свою жертву, она окинула взглядом платье девушки и ее украшения. — Неплохо. Хотя я вижу, что ты все упорно вешаешь на себя эту проклятую вещицу.

Амулет, прежде принадлежащий Амастану, действительно занимал почетное место на груди невесты. Тана протянула руку и похлопала по нему достаточно сильно, чтобы Мариата почувствовала, как он больно давит ей на грудь. Тут вдруг крышка амулета щелкнула и открылась. Придерживая ее пальцем, женщина-кузнец вложила в нишу крохотную трубочку свернутого пергамента, снова прижала крышечку и защелкнула центральной кнопкой.

— Это тебе на счастье, — сказала она. — На всю твою жизнь. Там заклинание, которое я должна была приготовить для Амастана, когда он однажды попросил меня об этом. Может быть, на этот раз оно сослужит свою службу. Но это не свадебный подарок.

Словно откуда-то из воздуха, у нее в руках возникла чудесная кожаная сумка с бахромой изумрудно-зеленого, алого и синего цветов, та самая, которую видела Мариата, когда Тана шила ее под сенью тамариска. Тана перекинула ремень через голову девушки, пропустила его под мышкой и расположила сумку так, чтобы та сидела на пояснице. Обновка улеглась аккуратно и ладно, будто всегда там и была, и это несмотря на то что в ней лежали какие-то довольно тяжелые предметы. Страшное любопытство овладело Мариатой. Она резким движением переместила сумку вперед, полюбовалась великолепной чистотой цветовой гаммы, прекрасным орнаментом в виде солнца с лучами и изящной мелкой строчкой, а потом попробовала было открыть ее.

— Не надо, сейчас не время, — строго сказала Тана, отправляя сумку обратно девушке за спину. — Когда надо будет, сама почувствуешь. Ты встанешь перед выбором: спасти одну из двух жизней. Делай его с умом, несмотря на то что это будет очень нелегко. — Она улыбнулась, и жесткий взгляд ее старых глаз смягчился. Женщина-кузнец протянула руку и погладила Мариату по щеке. — Береги себя, малышка.

Тана пошла прочь, а Мариата осталась на месте, глядя ей в спину и размышляя о странных словах. Но думать об этом сейчас не было времени. Уже прибыл марабу, чтобы совершить недолгий обряд бракосочетания. Амастан и Мариата обменялись короткими брачными обетами, свидетели произнесли поздравительную речь отдельно для жениха и невесты, а потом те возложили руки на Коран, обменялись свадебными дарами и через

непостижимо короткое время стали мужем и женой.

После формальных поздравлений и благословения марабу остаток дня был посвящен обычным удовольствиям свадьбы. Люди пели, играли на барабанах. Баран, который с самого рассвета крутился на вертеле, был с удовольствием съеден вместе с финиками, пряностями и хлебом. За обедом последовали скачки на верблюдах и танцы с саблями, во время которых мужчины похвалялись своим мастерством и ловкостью. Потом незамужние девушки исполнили красивый танец гуэдра, составляющий часть обряда благословения. Их прически были украшены раковинами каури, девушки выделяли ножками незаметные, но очень точные движения. Потом солнце зашло, и старики уже клевали носом, убаюканные монотонными, мягкими ритмами хлопающих ладоней, но вскоре темп достиг крещендо. Головы качались, косы взлетали, падали и металась в разные стороны, как атакующие жертву змеи. Атмосфера была насыщена силой, приносящей удачу. Это чувствовалось везде. На селение будто опустилось огромное облако, заряженное энергией добра и счастья. Женщины радостно завывали. Амастан прижал руки Мариаты к своему сердцу. Наконец-то они женаты.

Пир продолжался горой, музыка все не кончалась. Мужчины разогрели у костров свои барабаны, чтобы кожа натянулась потуже, готовясь выстукивать ритмы самых быстрых танцев. Люди постарше выпили очередной стакан укрепляющего чая и заели его горстью фиников, чтобы продержаться хотя бы первые часы после полуночи, разбились на кучки и принялись перебивать косточки знакомым. Молодые напропалую пустились заигрывать, поддразнивать друг друга, нисколько не стыдясь того, что за ними наблюдают те, кто уже женат.

Луна уже была высоко в небе, когда на горизонте, к востоку от селения, где лежали огромные валуны, появились какие-то темные фигуры, большая группа всадников, сидящих на верблюдах. Тревогу поднял музыкант, который на минутку отошел в кусты, чтобы облегчить мочевой пузырь. Барабанный бой резко оборвался, танцоры остановились и встревоженно переминались с ноги на ногу. Амастан тихо сказал что-то Базу, и тот, не поднимая шума, растворился в ночи. За ним так же тихо исчезли еще несколько мужчин.

— Кто это? — спросила Мариата.

На ее бледном лице, окрашенном охрой, глаза, подведенные сурьмой, казались огромными.

— Не знаю, — ответил Амастан, потуже затягивая лицевое покрывало. — Может быть, запоздалые гости задержались в пути. Или же

нет. Сбегай-ка к нашему новому шатру, Мариата. Возле входа найдешь меч. Я воткнул его в землю, чтоб не допустить туда злых духов. Принеси его, хорошо?

— Что-то мало они похожи на духов, — неуверенно сказала она, но послушно пошла исполнять приказание.

Эфес и крестовина старинного меча были изящно обмотаны медной проволокой и украшены ленточками цветной кожи. Этот клинок Амастану одолжил Азелуан. Мариата выдернула его из земли и побежала обратно. При каждом шаге сумка, подаренная Таной, стучала ей по спине, а меч путался под ногами. Но Амастана уже не было там, где она его оставила. С бьющимся сердцем Мариата увидела, что он далеко на краю селения, бежит к скалам, а на спине его болтается охотничья винтовка. Мариата стояла, держа в руках старинный меч и чувствуя себя полной дурой, потом не выдержала и метнулась за ним. Другие мужчины тоже достали свое оружие и побежали куда-то. Это были те самые гости, которых Мариата прежде никогда не видела или же просто не узнала их в воинственном облике. Всадники, до сих пор никем не остановленные, приближались, пока не прогремел первый выстрел.

— Кто вы? — раздался крик амграара.

Голос вождя, человека уже немолодого, звучал так же высоко, как у женщины.

Никто не ответил, возможно, потому, что его не услышали.

— Это джинны, — испуганно сказал кто-то. — Надо было забить бычка. Злые духи гневаются, они пришли требовать крови, которой не дождались.

— Назовитесь, или мы будем стрелять! — крикнул Амастан как мог громко.

Один из верховых чуть выехал вперед и заявил:

— Меня зовут Усман, сын Хамида, я из кель-ахаггар, Мариата — моя дочь. Я приехал с людьми кель-базган, со мной мои сыновья Азас и Байе!

Мариата от удивления открыла рот, потом подбежала к Амастану и закричала:

— Это мой отец и братья!

Она всматривалась в темноту, пытаясь узнать очертания троих человек, которых так долго не видела. Сильно ли они изменились, пока странствовали под жгучими лучами солнца пустыни? С веселым ли чувством приехали, чтобы отпраздновать ее замужество, или только лишь повинувшись родственному долгу? Ее тревога вдруг сменилось бурной радостью при мысли о том, что теперь уже и не важно, прибыли ли они

благословить ее или нет. Они с Амастаном — жена и муж по закону, теперь никто не в силах разлучить их.

— Добро пожаловать! — крикнула Мариата. — Приглашаю всех на наш свадебный пир!

Так вот кто это! Напряжение сразу разрядилось, раздался смех, музыканты снова потянулись к своим инструментам. Кого-то отправили забивать еще одну козу и подкинуть дров в костры, другие засуетились, ставя на огонь чайники. Гости, должно быть, проделали долгий и нелегкий путь, раз приехали так поздно. Всем известно, как трудно путешествовать через Тамесну.

Всадники уже почти подъехали к площадке, где проходило торжество, как вдруг один из них отделился от группы, и пляшущее пламя костра осветило его.

— Но перед тем как праздновать, надо уплатить один должок! — крикнул он грубым, неприятным голосом.

Мариата вскинула голову и пристально взгляделась. Еще до того как огонь осветил его лицо, она поняла, что это Росси, сын Бахеди.

— Эта женщина — воровка! — во весь голос объявил он. — Она украла у меня двух верблюдов! Хуже того, похитила мое сердце!

Люди с недоумением смотрели друг на друга. Это что, шутка такая или он говорит серьезно?

Росси выпрямился в своем высоком седле и продолжил:

— Мариата, дочь Йеммы, без предварительной договоренности увела у меня двух прекрасных тибестийских верблюдов. Кроме того, всему племени кель-базган известно, что она была обручена со мной. До сих пор для всех загадка, почему она так неожиданно уехала, но теперь я понял. Человек из племени кель-теггарт украд ее. Поэтому вам надлежит заплатить мне долг чести. Я принес вам слово аменокаля Аира Муссы, сына Ибы. Он заявляет, что дело это достаточно ясное. Его следует решить без промедления. Отдайте мне моих верблюдов, а также девушку, и я уеду к себе, не имея в душе обиды.

Но тут подал голос Усман, развернувший своего верблюда прямо перед Росси.

— Когда мы отправлялись сюда, ты ни слова не сказал мне о вашем обручении, — проговорил он тихим, но твердым голосом.

— А если бы сказал, разве ты провел бы меня через Тамесну?

Отец Мариаты так посмотрел на него, что все стало ясно и без ответа.

— Вот видишь!.. — засмеялся Росси. — Будем так говорить, я просто не считал нужным упомянуть про эту частность. Но со своим дядей я все

обговорил, а он, как тебе известно, теперь умирает. Ты знаешь, что это означает для тебя, твоей сестры и всех близких родственников.

Усман все смотрел на Росси не отрываясь, пока тот не отвернулся.

— Я проделал долгий путь, чтобы найти свою дочь, — негромко, но уверенно сказал он. — Надеялся успеть отговорить ее от этой свадьбы. Если бы ты не упал с верблюда, когда мы пересекали границу, то наше путешествие завершилось бы еще вчера. Если бы ты постоянно не жаловался на неудобства, не просил то и дело останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей нежной заднице и смазать ее какой-то мазью, от которой никакого толку, да подложить на седло еще подушек — женщина столько не наваливает! — мы приехали бы еще на день раньше. Теперь ты говоришь мне про какое-то там обручение, о котором я ничего не знал! Что касается верблюдов, этот вопрос решить легко, не стоило даже затевать переход через Тамесну. Ты можешь предъявлять претензии от имени Муссы, даже стать следующим вождем племени кель-базган, но Мариата — моя дочь. Если у тебя есть к ней какой-то интерес, ты должен предоставить это дело мне, и я устрою все так, как тому подобает быть.

Он шлепнул своего верблюда по макушке, и тот послушно опустился на колени. Потом отец спешил и направился туда, где стояли рядом и молча наблюдали за происходящим Амастан с Мариатой. Амастан все еще держал в руке винтовку, а Мариата сжимала старинный меч.

Не дойдя до них нескольких шагов, Усман склонил голову и произнес:

— Дочь моя.

— Да, отец.

Они не стали обниматься.

— Я думал, что оставил тебя в безопасности с тетушкой Дассин, но ты, похоже, поступила по-своему. Весть о твоей скорой свадьбе дошла до племени кель-базган только неделю назад, и я должен сказать, что твоя тетушка была очень недовольна.

— Оставаться с кель-базган для меня было небезопасно, отец, — твердо ответила Мариата. — Я решила покинуть их и отправилась сюда.

— О безопасности поговорим немного позже. Но по всему выходит, что ты улизнула от людей кель-базган, как тать в ночи, не сказав никому, куда отправилась. Я так понимаю, два верблюда пропали в это же самое время. Что ты на это скажешь?

Мариата поджала губы.

— Сейчас не время говорить о таких вещах. У меня были на то причины. Если ты узнаешь о них, то разгневаешься, но только не на меня. Пока я скажу одно: добро пожаловать на наш свадебный пир и тебе, и моим

братьям, и всем, кто пришел с тобой. Будьте нашими дорогими гостями. Но Росси, сын Бахеди, сюда не зван, как и в любое другое место, где нахожусь я.

При этих словах Амастан резко повернул голову к ней.

— Росси?

Костяшки его пальцев, сжимающих винтовку, побелели.

Мариата положила ладонь ему на руку.

— Теперь еще не время. — Она повернулась к Усману. — Отец, это Амастан, сын Муссы, сын аменокаля и прекрасный, честный человек. Поэтому я не понимаю, почему тетушка должна быть недовольна моим выбором. Наверное, беда в том, что я не посоветовалась на этот счет с ней самой. Мы посылали гонцов во все концы торговых путей, чтобы сообщить об этом тебе, моим братьям и самым близким родственникам, но не получили от вас никакой весточки. Поэтому мне самой пришлось принимать решение выйти замуж за Амастана. Это было мое право.

Выслушав ее, Усман неторопливо кивнул и заметил:

— Таков древний обычай. Я это знаю. Но мир в наше время меняется слишком быстро, и старые обычаи за ним не успевают. Скажу тебе прямо и откровенно, Мариата, я ничего не имею против человека, которого ты избрала, но хочу, чтобы ты отложила свою свадьбу и отправилась со мной. Наши люди теперь в опасности, и здесь больше, чем где бы то ни было еще. Поэтому я приехал, чтобы забрать тебя с собой туда, где ты поселишься постоянно и будешь в полной безопасности.

— Поселюсь постоянно? — Мариата смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— У меня теперь новая жена. Она живет в Тафилальте, это небольшой городок на юго-востоке Марокко. Я оставил дороги пустыни и решил поселиться там с ней. Мы с ее отцом организовали общий бизнес. Вы с братьями отправитесь со мной, и у нас начнется новая, куда более счастливая жизнь.

— Марокко?

Мариата с ужасом смотрела на отца, но тут вперед вышел Амастан.

— Я понимаю вашу заботу о благополучии дочери, но могу заверить вас, что теперь, когда мы поженились, это моя забота. Я душу свою положу ради этого.

— Но ведь это первая ночь после вашей свадьбы?

Голос, который вмешался в разговор, принадлежал Росси. Он прозвучал довольно спокойно, но белки его глаз налились кровью, а во взгляде метались искры.

Амастан признал, что это именно так.

Росси повернулся к Усману.

— Тогда ты не очень-то опоздал. Всем известно, что только на третью ночь брак считается законным! Отдайте безопасность вашей дочери в мои руки, господин мой. Вскоре я стану вождем, буду беречь и охранять ее жизнь, опираясь на все могущество Аира.

— Это прекрасное предложение, Росси, но я уже решил, что она отправится со мной в Тафилальт, — покачал головой Усман.

— Отец, без мужа я никуда не поеду.

Тут в разговор вступил еще один человек, амграр Рисса, сын Зейка.

Он обменялся с Усманом должными приветствиями, а потом заговорил как вождь народа кель-теггарт:

— Эти двое молодых людей поженились так, как положено по обычаю. Их сочетал марабу перед глазами всего племени. Амастан хороший человек. Я знаю его с детства и могу ручаться...

— А я знал его двенадцать лет перед тем, как он уехал в эту крысиную дыру, и могу сказать, что он жалкий червяк! — перебил его Росси.

— А ты всегда был хвастун и трус. Это может подтвердить каждый ребенок из вашего племени кель-базган! — прокричал в ответ Амастан.

Тогда Росси бросился на него и обеими руками изо всех сил толкнул в грудь. Амастан пошатнулся и чуть не упал.

Мариата прыгнула между ними и закричала:

— Прекратите! Как тебе не стыдно, Росси, сын Бахеда! Это моя свадьба. Теперь время праздновать и веселиться. Всякий, кто не хочет разделить с нами нашу радость, может уходить хоть прямо сейчас.

Амграр улыбнулся. Его хитрые, лукавые глаза сверкнули в свете костров.

Он обратился к Мариате, но все свое внимание сосредоточил на Росси, сыне Бахеда:

— Вряд ли сейчас возможно прогнать столь усталых путников, не предложив им своего гостеприимства, несмотря на то что материальные средства наши не столь велики, как у народа кель-базган. Я надеюсь, что наше селение придется вам по душе своей теплотой и удобствами, особенно в этот радостный день. Сердечно прошу вас, отложите в сторону ваши разногласия. Усман аг Хамид, твоя дочь законным порядком и по своей воле сочеталась браком с этим человеком, порадуйся же за нее. Росси, сын Бахеда, о твоих пропавших верблюдах мы поговорим завтра, но мне кажется, ты сам убедишься в том, что у нас, в этой, как ты говоришь, крысиной дыре, нет и не может быть прекрасных тибестийских мехари.

Живем мы скудно, и верблюды у нас простые, обыкновенные, рабочие. Мы не можем позволить себе держать такие дорогие игрушки.

Росси выпрямился и заявил:

— Мои верблюды не были игрушками. Я купил их на племя, у них прекраснейшая тибестийская родословная. Доход от продажи потомства украденных верблюдов, который я потерял, не поддается исчислению.

— Что поделаешь, — пожал плечами Амастан. — Если он не поддается исчислению, то мы тут мало чем можем помочь, а уж тем более компенсировать их потерю, даже если они и были украдены, в чем я очень сомневаюсь. Скорее всего, ты плохо за ними смотрел, не стреножил как следует. Верблюды ушли от тебя поискать себе место получше, туда, где их не станут по любому поводу пинать ногами.

— Вы все хорошо знаете, что это она их украла! — расвирипел Росси. — Может, формально она тебе и жена, но я спал с ней первый!

Услышав эту отвратительную претензию, все потрясенно замолчали, разинув рты. Пользуясь наступившей тишиной, Росси назвал огромную, немыслимую сумму компенсации за украденных верблюдов, такую, что могла бы быть выплачена разве что султанами древней Сонгайской империи, стены дворца которых сияли золотом.

Росси с удовлетворением обвел взглядом лица, охваченные смятением, и продолжил:

— А если не сможете отдать деньги, то ничего, кроме этой вот женщины, я не приму, и мне плевать, замужем она или нет!

Мариата не могла больше этого выносить и закричала:

— Да ты с ума сошел! Во-первых, я с тобой не спала, и ты это прекрасно знаешь. Ты пытался взять меня силой. Это первая веская причина, по которой я спешно и тайно покинула кель-базган. Во-вторых, когда я отбивалась, то ударила тебя по лицу и ты заплакал как ребенок. В-третьих, давай поговорим о верблюдах. Это правда, я воспользовалась парой животных, которые, как мне было известно, принадлежали тебе. Но я взяла их в качестве платы за оскорбление моей чести. По моим подсчетам, за это, а также за второе, гораздо худшее оскорбление, только что нанесенное открыто, при всех, ты должен мне еще трех верблюдов! Тех, которых я у тебя забрала, здесь больше нет. Они были проданы на базаре в Гулемиме. Деньги, полученные за них, хранятся у меня до сих пор, и дали за них не так уж много, так что не стоит завышать им цену. Я так думаю, что они даже не были самцами, а возможно, вообще кастрированы. Я, по крайней мере, не заметила, чтобы они вели себя так, как настоящие самцы. В мире есть много существ, которые внешне выглядят очень даже неплохо,

гордятся своим рождением и хвастаются прекрасной родословной. Но частенько бывает так, что, когда дело доходит до спаривания, они оказываются не на высоте!

К этому времени вокруг них собралась уже огромная толпа. Раздался смех, и скоро все мужчины кель-теггарт хохотали, глядя на Росси. Для них не надо было многого. Все сразу невзлюбили этого надутого типа, тем более что дурное обращение вождя Аира с Рахмой являлось оскорблением, нанесенным всему племени.

Взбешенный Росси схватил Мариату за руку, злобно повернул ее и завопил:

— Говори правду, сучка! Ты раскинула свои ножки передо мной, и тебе очень все понравилось. Ты прибежала ко мне каждую ночь!

В следующее мгновение Мариата почувствовала, как кто-то схватил ее за другую руку и вырвал из нее старинный меч. После короткой яростной схватки она была свободна. Росси лежал на земле, Амастан сидел на нем верхом, приставив старинный клинок Азелуана к его горлу.

Тут вдруг началось черт знает что. Раздался выстрел, и ночь раскололась вдребезги. Все растерялись, никто не понимал, в чем дело. Люди застыли как вкопанные и ошеломленно озирались вокруг. Может, это просто треснула скала или у кого-то ружье по ошибке шарахнуло? Но тут прозвучал второй выстрел, свистнула пуля, кто-то вскрикнул. Потом грянул оглушительный треск. Отдельные винтовочные выстрелы накрыл страшный вал плотного, непрерывного автоматного огня. Как в кошмарном сне, Мариата увидела, что Амастан вдруг опрокинулся назад. Незримый удар сбросил его с поверженного Росси. Передняя часть халата, сшитого из красивой дорогой ткани цвета индиго с удивительным отливом, теперь, в свете луны, имела совсем другой оттенок. По ней медленно расползлось какое-то черное и влажное пятно. Он неподвижно лежал на земле, у ног Росси, сына Бахеди, откинув руки назад. Старинный меч, теперь бесполезный, валялся рядом. На твердой, темной и пыльной земле его руки казались бледными и хрупкими, легкими и мягкими, как лепестки цветов олеандра.

Раздался пронзительный крик какой-то женщины.

— Амастан, Амастан, Амастан! — снова и снова повторяла она.

Это слово гулко отдавалось у Мариаты в голове, пока не превратилось в какой-то бессмысленный набор звуков. Она не сразу поняла, что это ее собственный голос, безумный и жалкий.

Все снова потонуло в оглушительном шуме. Раздавались выстрелы и пронзительные вопли, жалобный вой и drobный перестук автоматных

очередей. Вокруг, хватаясь друг за друга, крича от боли и страха, размахивая руками и суча ногами в поисках опоры, падали люди. Их словно косил на месте бешеный ураган.

Ревели верблюды, метались чьи-то фигуры в пылающей одежде. В одном из этих живых факелов Мариата, к собственному ужасу, узнала Лейлу. Потом появился какой-то человек — нет, много людей, группы, будто целые сотни. Они, словно муравьи, кишели по всему селению. Их бритые лица были открыты и тускло светились бледными пятнами в ночи. Она двинулась вперед, туда, где на земле еще недавно лежал Росси.

«Где же он?» — стучало у нее в мозгу, но ответа не находилось, да ей на это было уже плевать.

Мариата схватила Амастана за руку и закричала:

— Вставай! Вставай! На нас напали!

Но его рука безвольно повисла и не двигалась. Она висела, словно мертворожденный ягненок, которого Мариата весной извлекла из умирающей овцы, была невероятно, поразительно безвольной, вялой, как тряпка. Мышцы этой руки навсегда покинула воля, делавшая их упругими и заставлявшая сокращаться.

Мариата все равно продолжала истерически трясти ее и звать:

— Амастан!

Она знала, что муж просто потерял сознание. Глаза закрыты, веки плотно сжаты, словно в самый разгар свалки он вдруг взял и уснул.

— Амастан! Вставай!

Ей удалось подхватить его под мышки. Мариата попыталась поставить мужа на ноги, но он оказался очень тяжелым. Амастан всегда был легкого телосложения, тонкий, гибкий и подвижный. Как же так, почему теперь его так трудно сдвинуть с места? Мариата почему-то туго соображала, никак не могла понять, что случилось?

— Амастан! — снова завопила она над ним голосом, полным ярости, смешанной со страхом.

Тут кто-то схватил ее, попытался оттащить в сторону.

— Ему уже никто не поможет!

Крепко сжав пальцы, Мариата изо всех сил вцепилась в рукав мужа и уперлась в землю пятками, понимая, что если она отпустит его сейчас, то больше никогда не увидит.

— Нет! — кричала она. — Нет!

Дорогая ткань цвета индиго оказалась крепкой и не пускала борющиеся фигуры, являющие собой причудливую картину. Вдруг раздался треск, слышимый даже в этом шуме. Ткань не выдержала, и в руке

у Мариаты остался лишь окровавленный кусок халата. Кто-то обхватил ее, перевернул, поднял, перекинул через плечо и понес прочь.

Находясь в таком вот странном положении, она видела, как Росси стащил с верблюда ее брата Азаза. Мальчик бесформенной кучей упал на твердую землю. Ее враг влез в седло и злобно ударил животное пятками по бокам. Верблюд поднялся и бегом скрылся в темноте. Байе наклонился над Азазом и взвалил его на своего осла. В голове у Мариаты осталась только одна мысль. Теперь ей все равно, что будет с другими, пусть даже это ее собственные братья, хотя она и понимала, что думать так нехорошо. Все происходящее казалось ей нереальным, тем более что видела она это в перевернутом виде. Единственное, что было для нее теперь реально, — неподвижная фигура на земле, которая с каждым шагом уплывала все дальше и дальше, а потом совсем пропала во мраке, как Мариата ни выворачивала голову и ни вытягивала шею.

Потом она видела, как какой-то человек повалил на землю Тану и стал срывать с нее одежду. Двое каких-то темнолицых, еще совсем мальчишек, мимоходом сбили с ног амгара. Азелуан быстро шел куда-то, а вокруг него кипела рукопашная схватка. В руках он сжимал черный автомат Калашникова. Его лицо, искаженное яростной гримасой, освещали вспышки выстрелов. Талда, всегда такая добрая, вопила диким голосом и защищала ребенка, прячущегося за ее спину, от человека в форме, который пытался убить его. Последним, что разглядела Мариата, была Рахма, которая храбро отмахивалась пылающей веткой от нападавшего на нее мужчины. Тот небрежно, от бедра наставил на нее черный ствол зловещего, как скорпион, автомата и спокойно выпустил очередь прямо ей в лицо. Вспышки выстрелов осветили ночной мрак. Рахма дернулась и упала. Другой человек схватил ее за длинные косы и, торжествуя, одним ударом клинка, блеснувшего в свете луны, отрубил ей голову.

Глава 24

— Кто вы такие и что здесь делаете?

Вопрос был задан уже во второй раз, теперь на французском.

Таиб стоял, подняв руки вверх. Люди в тагельмустах вышли из запыленных внедорожников. Их лица были закрыты, глаза прятались за темными солнцезащитными очками, все вооружены. Всего их оказалось семеро. Вопросы задавал высокий и жилистый тип с обветренной и очень смуглой кожей. Ствол его полуавтоматической винтовки хищно смотрел на Таиба. Другой наставил оружие на меня. Прежде я никогда не видела автомата, настоящего, несущего смерть в руках человека, который, судя по всему, знал, как с ним обращаться, и в случае чего без сожаления или угрызений совести мог выпустить в меня очередь, а то и не одну, и бросить меня здесь, на горячем песке, истекать кровью. Но странное дело, подобная перспектива не вызвала во мне никаких особых чувств — ни страха, ни злости. Меня охватило какое-то странное оцепенение, словно все это происходило не со мной, мое сознание будто накрыл некий прозрачный защитный колпак.

— Мы приехали просто полюбоваться пустыней, — ответил он. — Это моя очень хорошая знакомая, мой друг, она туристка, англичанка.

— Сюда просто так никто не приезжает. Вы незаконно пересекли границу. Никакой гид ни для каких туристов на это не пойдет. Кто вы такие? Дайте ее паспорт и покажите свое удостоверение личности.

Властный голос был естественным, спокойным, звучал убедительно даже и без красноречивой поддержки автоматного ствола. Таиб без промедления подал этому человеку свой документ и мою сумочку. Мужчина с автоматом раскрыл ее, перевернул, и на песок, вздымая легкие облачка пыли, посыпались косметичка, шариковые ручки, расческа,

записная книжка, губная помада, кошелек, сложенные пополам бумаги, паспорт.

Человек наклонился, поднял документ, перелистал и сунул в карман рубашки. Потом он поднял кошелек, открыл его, ухмыльнулся, оглянулся на своих товарищей и сказал:

— Смотри-ка, полно евро и всего несколько дирхемов.

Он швырнул кошелек другому, тот ловким движением спрятал его в карман. Я раскрыла было рот, чтоб протестовать, но тут же передумала. Кто эти люди? Разве полицейские отбирают деньги так беззастенчиво? Я много раз слышала про стражей порядка, любящих мзду, но всегда думала, что это просто бакшиш, мелкие, незначительные поборы. Но эти люди что-то не очень похожи были на полицейских или еще на каких-то представителей власти. Они скорее напоминали тех ребят, у которых Таиб покупал ворованный бензин. Вон какие у них ботинки, разбитые и стоптанные, я уж не говорю о том, что они даже не соизволили нам представиться.

Еще один человек отделился от всей компании и направился прямо ко мне. Он шел свободной, самоуверенной походкой, с видом хозяина... Интересно, может ли кому-то принадлежать пустыня? Если у него и было оружие, то я такового не заметила.

— А это что такое? — Он протянул руку к небольшому холмику песка, поверх которого лежали семь плоских камней. — Что вы тут закопали?

Не зная, что ему ответить, я посмотрела на Таиба.

Человек ткнул ботинком в холмик и сдвинул один из камней.

Почему-то именно это его движение разбудило во мне оцепеневшие чувства.

— Не делайте этого! — решительно крикнула я.

Таиб тоже выкрикнул что-то на своем языке, и тогда один из этих людей с силой ударил его прикладом автомата. Таиб схватился за голову и навзничь опрокинулся на землю. Если у меня и была надежда, что эти люди наконец оставят нас в покое и отправятся дальше своей дорогой, то она мгновенно испарилась.

Но тут ко мне подошел тот самый, который, похоже, был у них за главного. Сердце мое забилося.

— Что вы там спрятали? Наркотики? Оружие? — резко спросил он. — Говорите, иначе мы расстреляем вашего гида.

Заявление было настолько шокирующим, что я не удержалась от смеха.

— Ни то ни другое!

— Изабель, расскажи им про Лаллаву, — крикнул Таиб из-за моей

спины.

Я подняла голову и посмотрела прямо в глаза этому человеку, угрожающе надвинувшемуся на меня. В своем наряде, где старинная одежда смешалась с современной, он показался мне совсем чуждым и непостижимым.

— Там лежит тело одной старой женщины, — вяло проговорила я. — Ее зовут Лаллава, она... родственница моего друга Таиба. Ей хотелось в последний раз перед смертью увидеть пустыню, и мы привезли ее сюда. Она здесь умерла, и мы ее похоронили. Больше мне сказать нечего.

Мужчина с оружием долго, не отрываясь смотрел на меня. За черными очками, в которых отражалось солнце, глаз не было видно, и это внушало мне тревогу.

— В жизни не слыхал столь нелепой сказки, — презрительно сказал он.

— Но это правда!

Этот тип что-то сказал своему товарищу. Тот упал на колени и принялся убирать камни с могилы.

— Неужели у вас нет никакого уважения к мертвым? — сердито спросила я.

Никто не удостоил меня ответом. Я смотрела, как они доставали из машин лопаты, а потом неторопливо и методично принялись раскапывать могилу Лаллавы.

— Прекратите! Остановитесь немедленно!

Я посмотрела на Таиба, но он все еще сидел на земле возле внедорожника, обхватив голову руками. Еще один человек обыскивал его «туарег», выбрасывая из него на песок одеяла, компакт-диски и барабаны.

— Неужели вы не можете остановить их?

Таиб медленно поднял голову, посмотрел мне в глаза и спросил:

— А вам кажется, что я в состоянии это сделать?

Его поведение и тон, которым был задан вопрос, говорили о том, что он смиренно принимает ситуацию такой, какая она есть, понимает, что изменить ее под силу только самому Господу Богу.

Я думала, что, увидев мертвую женщину, люди с оружием прекратят свое занятие, но нет. Найти обернутое белым саваном тело им не составило труда. Главный наклонился над ним и стряхнул песчинки с ткани, покрывавшей голову, но, чтобы убедиться в правдивости моих слов, ему этого было мало. Он сорвал с лица покойницы белую ткань, потом, наверное, увидел на ней богатые украшения и еще ниже опустил саван, открыв яркие амулеты, браслеты и кольца на сложенных руках. Этот тип

опустился на колени и так долго разглядывал украшения Лаллавы, что я уж подумала, будто он сейчас начнет ее грабить. Но остальные отступили на пару шагов и нервно что-то забормотали, притрагиваясь к амулетам, спрятанным у них под лицевыми покрывалами, и делая руками странные пассы. Они будто пытались кого-то отогнать или отпугнуть. На фоне постепенно темнеющего неба все это выглядело довольно жутковато. Наконец, стараясь не притрагиваться к украшениям Лаллавы, командир снова закрыл ей лицо и пролаял что-то своим подчиненным. Те опустились на колени, с явной неохотой подняли старуху с места ее упокоения, которое она занимала столь недолгое время, и повернули на бок.

Я глаз не могла оторвать от тела Лаллавы, столь бесцеремонно извлеченного на свежий воздух. Чистый белый саван теперь был испачкан. Ткань, в которую Таиб так тщательно и аккуратно обернул ее, делая все для достойного погребения почтенной женщины, измялась. Их грубые пальцы осквернили ее. Я еще не вполне привыкла к мысли о том, что она уже умерла, уж не говорю про свою роль в этом невероятно странном обряде похорон посреди пустыни. Но, увидев, как ее выкапывают из могилы, так вот небрежно и вместе с тем с каким-то мистическим почтением, я не выдержала. В душе моей что-то сломалось, и я расплакалась. Я плакала долго, не в силах сдержать обильных слез, вцепившись пальцами в свой амулет. Безудержные рыдания душили меня, рвались откуда-то из самых глубин моего существа, темных и неизведанных, которых я сознательно старалась не касаться, боялась заглядывать в них. Так люди страшатся проникать в недра древних пирамид со всеми их жуткими, отвратительными сокровищами. Слезы бежали и бежали из моих глаз, неожиданные, обильные и горячие, прямо потоп в пустыне. Этот поток невозможно было остановить. Я совсем растерялась и не знала, что теперь делать. Почему я плакала? Может быть, потому, что увидела, с каким неуважением эти люди отнеслись к телу усопшей женщины? Или же я была потрясена, когда Таиба повалили на землю ударом приклада? Может, причина в том, что мы оказались во власти грубых вооруженных людей? Впрочем, наверное, подействовало все это, вместе взятое, плюс переживания, накопившиеся за весь день путешествия. Небольшая трещинка — и мое хваленое умение владеть собой рухнуло, как подмытая плотина.

Никто из этих людей не обратил на меня внимания, что, я считаю, оказалось для нас благом. Они были слишком заняты поисками. Трудно сказать, что мужчины с оружием искали в могиле, но они все копали и копали. Таиб склонил голову к земле, словно молился. Его страж курил, и

табачный дым спиральной струйкой уходил в закатное небо.

Наконец главный что-то сказал, и подчиненные отложили лопаты в сторону.

— Похоже, вы сказали нам правду, — неохотно заявил он мне.

На французском этот тип говорил гнусаво, с сильным африканским акцентом. В его речи не было той беглости и лоска, которые можно получить, обучаясь в марокканской школе или совершая частые поездки во Францию. Значит, родом он был откуда-то с юга.

— Теперь вставайте и топайте к своей машине.

Я с трудом поднялась на ноги и спросила:

— А как же Лаллава? Вы что, так и оставите ее здесь на съедение шакалам?

— Мы не дикари, — коротко ответил он и отдал приказание подчиненным еще раз захоронить бедную женщину.

Я медленно заковыляла к нашему «туарегу» и уселась рядом с Таибом. Охранник, стоявший неподалеку, наблюдал за мной сквозь узенькие щелки глаз. Ему вряд ли стукнуло больше двадцати, кожа его была чиста, покрыта нежным пушком, между бровями виднелась глубокая складка и еще одна в уголке рта. Когда он глубоко затягивался дымом своей сигареты, лицо будто проваливалось в эти морщины. Так человек исчезает в яме. Увидев, что я гляжу на него, он подтянул тагельмуст и прикрыл рот, словно мне довелось поймать его за каким-то постыдным занятием.

Таиб взял меня за руку, обнаружил амулет, зажатый в ней, и сразу нахмурился.

— На вашем месте я надел бы его и спрятал под одеждой, — тихо сказал он, и я немедленно послушалась. — Ничего не бойтесь.

— Кто это такие? Чего они от нас хотят?

Он неопределенно пожал плечами.

— Контрабандисты. А может, и не только. Скоро узнаем.

Мне подумалось, что для человека, которого только что изо всей силы треснули по башке прикладом, он ведет себя довольно непринужденно. Вон на лбу у него какая ссадина, да и шишка тоже немаленькая, словно рог растет.

Я осторожно прикоснулась к нему пальцем и поинтересовалась:

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально. — Он кивнул, провел рукой по лицу, коснулся пальцами губ и груди. — Алхамдулиллах.

— Салам, [\[63\]](#) — тихо отозвался молодой человек с автоматом.

Я не знала, как это понимать, все больше чувствовала себя здесь чужой

европейской дамочкой, которая вторглась сюда непрошеной и стала свидетельницей некоей североафриканской драмы. Вместе с тем этот обмен непонятными репликами несколько успокоил меня. Я стала смотреть, как люди с оружием снова укладывают бедную Лаллаву в могилу, и удивленно заметила, что делают они это осторожно и аккуратно, выравнивая лопатами днище и стенки ямы, разглаживая песок руками, они обращались с телом так, будто эта женщина все еще дышала. Их главный собственноручно расправил на ней складки савана точно так, как это делал Таиб. Теперь ткань облегла тело Лаллавы совершенно ровно, без единой морщинки, и все свободные концы были аккуратно подоткнуты. Потом он склонил голову и коснулся пальцами лба и сердца. Вдруг из песков дунул прохладный ветерок, шевельнул платками этих людей и донес до меня их неясное бормотание. Потом они засыпали могилу песком и снова положили сверху камни. Лаллава теперь была погребена гораздо лучше и даже глубже, чем это сделали мы с Таибом. Несколько секунд все они молча стояли вокруг могилы, словно размышляли о чем-то, а может, просто молились про себя. Я вдруг подумала, какой торжественный почетный караул выстроился сейчас вокруг умершей Лаллавы. Она, наверное, уже не так обижается на то, что ее выкапывали из могилы и хоронили еще раз.

Когда эти люди наконец стали грузиться по машинам, было уже почти темно. При их приближении Таиб вышел из «туарега». Я с удивлением обратила внимание на то, что он уже успел перемотать свой тагельмустан так, что тот почти полностью закрывал лицо, оставив только узкую щелку для глаз. Вожак контрабандистов насмешливо посмотрел на него, что-то сказал, и остальные расхохотались. Таиб выпрямился и что-то ответил. Его поза говорила о том, что он вроде бы пытался защититься. Было сказано что-то еще, кажется, уже не так враждебно. Я заметила, что теперь эти люди закинули свои автоматы за спину и никто больше не тыкал в нас стволами. Неужели они нас отпускают? Я едва дышала, чтобы как-нибудь ненароком не нарушить сложившееся хрупкое равновесие. Потом один из них что-то сказал, и Таиб ответил ему очень сердито, почти закричал. Я взяла его за руку, желая успокоить, но он стряхнул ее, как надоедливую муху.

— В чем дело? — испуганно спросила я. — Что они говорят?

Но ответил мне не Таиб, а главный контрабандист:

— Вы поедете с нами.

— Куда?

— В наш лагерь.

— Но зачем? Неужели вы не можете нас просто отпустить? В конце концов, кто вы такие?

Таиб повернулся ко мне и жестом приказал заткнуться.

Контрабандист остановил на моей персоне свой загадочный взгляд, такой же глубокий и невозмутимый, как водоем, под зеркало которого не проникает ни единый лучик света.

— Кто мы такие, вас не касается. Зато нам интересно, даже очень, кто такая вы, мисс Изабель Треслов-Фосетт.

Он проговорил это так, что я не поняла почти ни единого слова.

— Сядьте в машину, — приказал этот тип и открыл заднюю дверь нашего «туарега».

Но я не торопилась и любопытствовала:

— А где мой паспорт?

Совершенно нелепый вопрос, очень по-английски, абсолютно идиотский в данной ситуации. Но, как ни странно, никто даже не засмеялся.

Вожак похлопал себя по нагрудному карману, потом повернулся к Таибу, что-то повелительно пролаял, и тот беспрекословно отдал ему ключи от машины.

— Садитесь в машину, Иззи, — спокойно сказал Таиб. — У нас нет выбора.

Глава 25

После нападения на селение прошло пять месяцев. Мариата мало что помнила о том, как они перебрались из Адага в Имтегрэн. Боль в груди была так сильна, что она почти ничего не замечала вокруг. Они пересекли долину Азауаг, вошли в Тамесну и направились к северу. Все это время Мариата не притронулась к пище и только отворачивалась, когда ей что-то предлагали. По ночам она с открытыми глазами лежала на одеяле, постеленном прямо на земле, смотрела на звезды, прижав к сердцу маленький обрывок порыжевшей от крови ткани цвета индиго. Утром братья находили ее все в том же положении, и им становилось страшно. Они творили заклинания против дурного глаза, когда думали, что отец их не видит, боясь, что он их за это отшлепает.

— Если ваша мачеха увидит, что вы ведете себя как невежественные бродяги, то выгонит нас всех из дому. Мы теперь должны быть людьми современными, так что привыкайте заранее.

Впрочем, когда они пересекали пески и началась буря, которая вполне могла поглотить их всех, сыновья слышали, как отец бормотал заклинания, пытаясь умиловить джинна.

Мариата не произвела благоприятного впечатления на свою новую семью. Болезненно-бледная, прихрамывающая, черные глаза потускнели, как прогоревшие угли. Она выглядела так, будто в любой момент готова была отправиться в мир иной. По правде говоря, ей самой этого хотелось. Молодой женщине казалось, что из нее безжалостно выдрали душу, оставив лишь пустую телесную оболочку. День за днем она проживала как живой труп, могла только непрерывно оплакивать Амастана, и лишь беспокойный сон давал ей некоторую передышку.

— Ну и что ты собираешься с ней делать, Усман? — ворчала на него

новая жена. — Ты говорил, что твоя дочь будет помогать мне по хозяйству, станет присматривать за мамой Эркией, а она, смотри, целыми днями сидит во дворе, уставившись в стену, и я не могу загнать ее в дом. Кажется, девчонка боится лестницы. Ты можешь поверить в этакую чушь?! Представляешь, как трудно будет найти ей хорошего мужа. Все кругом только и твердят, что она сумасшедшая, вдобавок стоит одной ногой в могиле!

— Я уже говорил, моя дочь благородных кровей, принцесса народа кель-тайток. Я привез ее сюда не для того, чтобы выдавать замуж. Здесь она в безопасности.

Айша злобно посмотрела на него, вскинув вверх элегантно подведенную бровь. Она еще не совсем привыкла к своему новому мужу, не была уверена в том, насколько он способен терпеть ее сварливый нрав.

«Но погоди, — думала Айша. — Придет время, и ты получишь свое».

Когда он уходил на работу — Усман, его сыновья и тесть строили новый магазин. — Айша вместе с мамой Эркией и младшей сестрой Хафидой выходили во двор и принимались донимать Мариату — им плевать было, что она принцесса.

— Ну-ка, вставай, лентяйка, деревенщина ты этакая! — кричала Эркия, но Мариата только молчала в ответ.

— Да что с ней говорить, она ж идиотка. Ее укусила какая-то блоха. Посмотрите, расселась, как побирушка на базарной площади, только и знает, что спит круглые сутки, — презрительно кривя губы, говорила Айша.

— Да, на таких, как она, облавы устраивают и травят на скотобойне. У нас и так проходу нет от их мерзких ублюдков, — кивала головой Хафида.

Ей повезло. Прежде у нее никогда не было столь прекрасной возможности безнаказанно травить других людей. Она с удовольствием плевалась в неподвижно сидящую Мариату финиковыми косточками и злорадно смеялась, когда они прилипали к ее синему запыленному платью.

— Эту вот тоже надо сдать на скотобойню. Вы только посмотрите на нее. Грязная тварь, весь двор от нее провонял! — жалобно причитала мама Эркия.

У нее было морщинистое, иссохшее коричневое лицо, беззубый рот. Она очень походила на старую обезьяну из тех, которых держат в клетках на базарной площади.

— Кочевники, поди ж ты! Варвары! Все они дикари!

— Нет, некоторые мужчины-кочевники очень даже ничего себе, — возражала Хафида. — Они благородные и интересные, особенно когда закутаны в свои платки цвета индиго.

Она завидовала сестре, поскольку Усман был очень красив, необычно одевался и обладал туарегскими ухватками благородного жителя пустыни. Ее же собственный жених отличался толщиной, невоспитанностью и грубостью, вдобавок оказался в два раза старше невесты.

— Это верно, на Усмана я не могу пожаловаться, — соглашалась Айша. — У него изысканные манеры, он ведет себя со мной так, будто я королева. Вот только бы ему почаще мыться. Но каковы женщины! Бесстыжие, ходят по городу с неприкрытыми волосами. Каждый мужчина может сколько угодно разглядывать их, а глазки у всех такие наглые, так и стреляют во все стороны. Сама видела: останавливает мужчину прямо на улице и начинает с ним разговаривать!

— Прямо сучки во время течки! — шамкала ртом мама Эркия. — Перед каждым в темном переулке готовы задрать юбку. А мужчины бегают за ними, как кобели с торчащими шишками. Ни стыда ни совести, никаких моральных устоев! В мечети ни одной из них ни разу не видела.

— С этой тварью все будет по-другому, даю слово, — сказала Айша, со значением глядя на Мариату. — Я виделась с Лаллой Зохраной и попросила ее зайти к нам на следующей неделе.

— К нам придет мааллема?^[64] — От страха и благоговения глаза Хафиды округлились.

— Этой девушке нужно преподать хороший урок. Надо же научить ее, как следует себя вести приличной молодой женщине, если она не хочет опозорить нас всех.

Лалла Зохрана, огромная женщина, с ног до головы одетая в черное, явилась с собственным Кораном, правой рукой прижимая его к груди. В левой же она держала длинный хлыст, который обычно гулял по рукам нерадивых юных особ, не уделявших должного внимания заветам пророка, вышиванию или урокам нравственности. Все девочки в Имтегрене носили на тыльных сторонах ладоней видимые знаки ее дисциплинарных взысканий в виде бледных серповидных рубцов, а также невидимые, но не менее болезненные отметины в своих душах.

Хафида до сих пор боялась мааллему, перед ее приходом придумала себе какое-то срочное дело в другом конце города и убежала, чем окончательно испортила Айше настроение. Перспектив поднять его, похоже, не предвиделось.

— Салам алейкум.

Мааллема ждала ответа, но Мариата молчала.

Тогда Лала Зохрана оглянулась, посмотрела на Айшу и спросила:

— Она что, разговаривать не умеет?

— То-то и оно, что не умеет так, как положено всем нормальным цивилизованным людям, — ответила Айша и недовольно поджала губы.

Тогда мааллема пересекла дворик, подошла к молодой женщине и заявила:

— Так вот, Мариата, меня зовут Лалла Зохра. Я пришла сюда донести до твоих ушей слова пророка и свет Аллаха, чтобы ты смогла примириться с ним, со своей семьей и вести себя так, как подобает всем людям. Мир тебе.

Под вскинутыми ресницами навстречу старухе сверкнули яростью черные глаза, полные вызова и отчаяния.

За свою долгую жизнь мааллема видала всякие виды. Ее нельзя было испугать столь откровенным высокомерием и нахальством.

— Когда старшие или вышестоящие приветствуют тебя, девочка моя, тебе самой будет лучше, если ты вспомнишь о хороших манерах, — строго сказала она. — Давай-ка попробуем еще раз. Салам алейкум, Мариата. Повторяй за мной. Вахаи алейкум эссалам.

Она снова стала ждать, но в ответ получила только враждебное молчание.

В воздухе вдруг взметнулся хлыст, раздался свист, и он больно щелкнул Мариату по руке. Та зарычала, как волчица, которую загнали в угол, и оскалила на мааллему зубы.

Лалла Зохра схватила Мариату за руку, развернула ее перед Айшой и заявила:

— Посмотри, в каком она виде! Тебе должно быть стыдно, Айша Саари. Неужели вы с сестрой не могли убедить ее, что в порядочном мусульманском доме надо быть чистой?

— Как же, заставишь ее! Она даже в дом не желает войти, — сердито ответила Айша. — Всю жизнь прожила в шатрах и боится крыши и лестницы.

— Если кто-то ведет себя как дикарь, это не значит, что ты должна позволять ему так делать дальше. Твой долг доброй мусульманки и новой матери этой бедной девушки научить ее быть учтивой и богобоязненной.

— Матери! Да она мне в сестры годится! А я говорю, что если уж эта девчонка решила жить как дикий зверь, то я и относиться к ней стану соответственно.

Глаза мааллемы засверкали. Она выпрямилась, уперла руки в мощные бедра и заявила:

— Пророк учит нас, что тот, кто проявляет милосердие к тварям

Божьим, добр и к самому себе. Благой поступок по отношению к дикому зверю ценится так же, как если бы он совершался ради человека. То же можно сказать и о жестокости. Я хорошо помню, что учила тебя этим хадисам.^[65] Кроме того, я постоянно вбиваю в головы всем своим ученицам, как важна чистота. Тахара, Айша. Тахара! Стыдись! Аллах любит тех, кто постоянно обращается к нему и содержит себя в чистоте и непорочности. Как только ты позволила ей оставаться в таком отвратительном виде? Ну-ка, сейчас же принеси полотенца, мочалку и мыло. Мы немедленно отведем ее в хаммам!^[66]

Мариата молча шагала между двумя пленившими ее женщинами, довольная хотя бы тем, что ее не потащили в дом. Имтегрэн — городишко малоинтересный, серый и пыльный. Немощенные улицы, в воздухе постоянно висит песчаная пыль. Невозможно поверить, что когда-то он был частью огромного средневекового торгового города под названием Сиджилмаса, на базарах которого торговали эбеновым деревом, слоновой костью, пряностями, маслом, благовониями, рабами и золотыми украшениями Сонгайской империи, стекавшимися сюда по пути в Марракеш, Мекнес и Фес, в порты Средиземноморья и северные королевства. Теперь же здесь всюду пахло козьим пометом, прогорклым маслом и выхлопными газами дизельных двигателей. Мариата широко раскрытыми глазами смотрела на незнакомые ей средства передвижения, тарахтящие моторами на запруженных людьми улицах и оставляющие после себя черный дым, и еще крепче сжимала в руке свой амулет. Меж куч кухонных отбросов на перекрестках бродили тощие овцы и козы. В тени домов и деревьев лежали стаи бездомных собак. Такие же беспризорные кошки, улучив момент, когда псы на них не смотрели, выскользывали из укромных уголков и крались к мусорным бакам в надежде поживиться объедками. На улицах было полно народу. Здесь ходили невероятно толстые женщины в облегающих платьях, закутанные в платки, несмотря на зной и духоту, и худые мужчины с неприкрытыми лицами в полосатых халатах и желтых сандалиях — смотри, если хочешь. Мариате они казались глупыми и слабыми, больше похожими на мальчишек, чем на взрослых людей. Даже тот, кто отрастил бороду, закрывающую лицо, представлялся ей таким же ненормальным, как паршивая овца в стаде. В общем, на местных мужчин она смотрела пренебрежительно, зато они пялили на нее жадные глазки. Их толстые влажные губы кривились в похотливой улыбке, и ей приходилось с отвращением отворачиваться.

Стены старинной крепости, окружающей город, были выщерблены от выстрелов, сделанных во времена прежних войн, но Мариата не понимала, зачем кому-то хотелось захватывать этот городишко, как, впрочем, и защищать тоже.

«Да поглотит его пустыня», — думала она, и жить ей больше не хотелось.

Общественные бани располагались в самом центре города, сразу за базаром и лавками ремесленников, в тени высокого минарета центральной мечети.

— Раздевайся! — скомандовала Лалла Зохра, как только они вошли внутрь. — Снимай все до последней тряпки, да побыстрей!

Мариата, сложив руки на груди, смотрела на нее не двигаясь. Но мааллема не в первый раз имела дело с неповиновением и дерзостью. Она жестом призвала на помощь заведующую женским отделением бани. Если Лаллу Зохру называли женщиной крупной, то Хадиджа Шафни была необъятна, раза в два шире ее в бедрах и груди. Ее волосы, жесткие как проволока, были спрятаны под цветастой тряпкой, во рту торчали редкие, кривые зубы. Девушка из пустыни не ожидала такого оборота событий. Им вдвоем удалось сорвать с нее кожаную сумку с бахромой, подарок Таны, стащить платье, пусть и с трудом. Все это время Айша стояла в сторонке и со странной блуждающей улыбкой наблюдала за происходящим. С амулетом дело шло посложней. Наконец и он оказался у них в руках, но только после долгой и продолжительной борьбы, в результате которой все трое взмокли, а лица их покраснели.

— Ну и дикарка! — провозгласила Лалла Зохра, разглядывая свою разорванную джеллабу.^[67]

Айша, не участвовавшая в схватке, взвесила на руке талисман со шнурком, унизанным бусами. Даже в полумраке раздевалки красные камни сердолика мерцали зловещим светом.

— Интересно, сколько Али даст за него, — прикинула она. — Чистое серебро, клянусь Аллахом.

Зохра погрозила ей пальцем.

— Ожерелье принадлежит этой девушке, несмотря на ее отвратительное поведение. Ты прекрасно знаешь, что говорится в Святом Коране о ворах и воровстве.

Айша недовольно надула губы и потихоньку сунула амулет в карман, туда, где лежали ее собственные украшения. Мол, чтобы не пропал. Она спокойно сняла платье и повесила его на обычный крючок. По очереди держа Мариату за руки, Зохра и Хадиджа Шафни тоже разделись. Не веря

глазам своим, Мариата изумленно смотрела на этих трех женщин. Она никогда еще не видела обнаженного женского тела.

— Пойдем со мной, моя милая, — сказала Хадиджа Шафни. — Мы сейчас тебя вымоем чисто-чисто. Тебе покажется, что ты заново родилась. — Она обернулась к Зохране. — Аллах, как от нее дурно пахнет. Где вы ее нашли? Она что, спала вместе с верблюдами?

— Почти. Девчонка из кочевого племени, всю жизнь жила в пустыне, — усмехнувшись, ответила Айша. — Туарегская принцесса, говорят, или что-то в этом роде.

Хадиджа покачала головой и поцыкала кривыми зубами.

— Ох уж эти девушки из пустыни. Они совсем не моются, некоторые даже воды боятся. Говорят, что в ведре с водой сидит джинн, вы представляете? Такой шум поднимают, просто ужас. Можно подумать, что быть чистой — это не удовольствие, а страшная мука.

— Не только удовольствие, но и наш священный долг, — строго напомнила Лалла Зохрана.

Как Мариата ни сопротивлялась, они потащили ее в мыльную. Здесь крики бедняжки звучали еще громче, отражаясь эхом от блестящего кафеля стен и каменного пола. Куда она ни бросала взгляд, везде были лоснящиеся от пота и воды голые женские тела, лишь слегка прикрываемые черными волосами, сбегаящими по спинам и грудям. Как это странно! Неужели они — те же самые женщины, которых она видела в городе, закутанные с головы до ног. Тогда у некоторых были видны только глаза... А вот теперь они оголились друг перед другом, нагло выставили напоказ даже самые интимные части тела, с которых были удалены волосы, все до единого. Мариата не могла не заметить этого. Женщины ее народа ходили с непокрытой головой и открытым лицом, но такое откровенное бесстыдство считалось бы у них позором.

Она все еще изумленно оглядывалась по сторонам, как вдруг Айша опрокинула ей на голову целое ведро воды, от которой валил пар. Едва не задохнувшись от нехватки воздуха, Мариата с размаху отвесила ей оплеуху и закричала во всю мощь легких. Когда банщица своими огромными толстыми ручищами попробовала потереть ее большим куском черного мыла, сваренного из мякоти оливок и глины, она стала яростно отбиваться.

— Прекрати сейчас же! Прямо как ребенок малый! — с досадой ворчала Лалла Зохрана, крепко держа Мариату за руки.

— Я взрослый человек, оставьте меня в покое! — кричала Мариата, сверкая глазами от возмущения.

Это были первые слова, которые они от нее услышали. Пораженные

женщины на мгновение утратили бдительность.

Первой опомнилась Лалла Зохра.

— Если хочешь, чтоб мы обращались с тобой как со взрослой, ты должна вести себя соответственно. Вот, возьми и начинай мыться. Да смотри, делай это как следует. — Она протянула Мариате мыло.

Та нерешительно стала тереть руку черным куском. На ощупь мыло было противное и скользкое, как лягушачья икра. Как вещество столь черное и омерзительное способно сделать тебя чистой? Это противоречит всякому разуму.

— А теперь три посильней! — Зохра дала ей веревочную мочалку и внимательно стала смотреть, как Мариата осторожно провела ею по намыленной коже. — Еще крепче!

— Смотри, вот так. — Хадиджа положила свою громадную ручищу поверх ладони Мариаты, нажала посильней и водила вверх и вниз, пока кожа не загорелась. — Видишь? — Она широко улыбнулась. — Грязь отходит. Смотрите! — Женщина повернулась и кивком подозвала местных жительниц. — Смотрите! Вы когда-нибудь видели столько грязи? Да ведь она слоями с нее сходит, в шарики скатывается! Под нею наша детка будет белая, как настоящая арабка!

Все смотрели и смеялись, довольные, что их любопытство наконец-то удовлетворено.

Мариата злобно оглядела их.

— Что глаза вытаращили? Чего тут не видели? На себя посмотрите. Все бледнокожие, дряблые и жирные, как черви!

Одну женщину, которая подошла слишком близко, она с силой двинула кулаком в огромный живот, потом оскалила зубы, увидела, что все в испуге отпрянули, потонули в облаках пара, и засмеялась.

— Что, боитесь, укушу? Люди пустыни кусаются как Кель-Асуф! Да, мой народ — народ пустыни, и я горжусь этим!

С этими словами она вскочила, выбежала из мыльной, не вытираясь, оделась, схватила платье Айши, сумку с бахромой и бегом покинула хаммам. Только длинные черные косы хлестали ее по спине, словно скользкие угри.

Усман нашел ее, когда солнце уже садилось, на дороге, ведущей к югу, в сторону Эрфуда, за которым начиналась Сахара.

Он остановил рядом с ее верблюдом свой издававший виды джип, опустил запыленное стекло и спросил:

— Ты что это надумала?

— Я не останусь с этими людьми.

— А куда же ты направляешься?

— В пустыню.

— С пустыми руками, без еды и питья?

— Вода у меня есть, — ответила она, указывая на древний гербер, бурдюк из козьей кожи, висящий у нее за плечами. — Еда тоже. — Мариата похлопала по мешку, в котором лежали куски черствого хлеба. — Кроме того, мне теперь все равно, жива я или умерла, знаю лишь, что не останусь с этими отвратительными людьми. — Дочь вскинула голову, и серебряный амулет сверкнул в лучах заходящего солнца.

Усман вышел из машины и медленно обошел вокруг верблюда мавританской породы, крупного, бурого и довольно грязного. Он ткнул кулаком в дряблый горб и ощупал торчащие ребра, потом схватил за повод, опытной рукой заставил его поднять губы и обнажить огромные нечистые зубы. На столь бесцеремонное обращение верблюд ответил неодобрительным ревом. Усман посмотрел ему прямо в глаза, и тот затих, но, когда мужчина зашел ему за плечо, чтобы осмотреть шею, голова животного угрожающе повернулась, губы раскрылись, и мстительная тварь уже готова была куснуть его. Не оборачиваясь, Усман проворно и сильно ударил верблюда кулаком прямо по морде, и тот от неожиданности издал удивленный булькающий звук.

Отец поднял голову и посмотрел на Мариату.

— Дочка, если ты задумала бежать в пустыню, так хотя бы делала это на верблюде, который не позорил бы доброе имя народа покрывала. Зубы у него гнилые, запас жира кончается, шея облысела, видать, на нем много ездили верхом. Ему, должно быть, лет девять, если не больше. У кого ты купила этот ходячий мешок с костями?

Мариата посмотрела на него почти так же мрачно, как и ее верблюд.

— У одноглазого.

— Это же всем известный жулик! — покачал головой Усман. — Да всякий дурак знает, что верблюд, не проданный к концу торгового дня, годится только в котел! Сколько ты за него заплатила?

Отвечать она не захотела. Усман стукнул верблюда несколько раз, и тот опустил на колени. Потом, не обращая внимания на крики и отчаянное сопротивление, грубо стащил дочь со спины животного и засунул в джип. Отец привязал повод к заднему бамперу, поднял все стекла, чтоб Мариата не смогла выпрыгнуть, и очень медленно поехал обратно в Имтегрэн.

Доставив Мариату домой, он запер ее в комнате с железной решеткой на единственном маленьком окошке. Она слышала, как повернулся в замке

ключ, подбежала к окну и увидела, что отец выходит из дома и решительным шагом ведет куда-то ее верблюда. Вернулся он без него, когда муэдзин уже призывал правоверных к пятой молитве.

Приглушенный разговор в соседней комнате зазвучал теперь в полный голос. Мариата прижала ухо к двери.

— Бессовестная девчонка! — возмущалась Айша пронзительным голосом. — Она сделала так мне назло! Эти украшения — твой свадебный подарок. Она знала это, а в хаммаме оставила меня совсем голой, в одном белье. Какой стыд! Мне пришлось взять джеллабу Хадиджи Шафни, и теперь эта жирная свинья будет вечно попрекать меня тем, что сделала мне великое одолжение. Тьфу! Ну и сучка!.. Она будет проклипать тот день, когда...

Усман что-то отвечал очень ровно и так тихо, что Мариата не могла разобрать слова. Но она улыбнулась в первый раз с тех пор, как погиб ее Амастан.

Глава 26

За похищение украшений мачехи, лишь половину которых Усману удалось выцарапать из лап одноглазого торговца верблюдами, Мариата, конечно, понесла наказание, но не сразу за все, а каждый день за ту или иную вещь в отдельности. По утрам к ней стала приходиться Лалла Зохра, чтобы читать Коран. Сначала Мариата противилась, но потом, к собственному удивлению, ей понравились истории, содержащиеся в нем. Слушая их, она даже порой забывала о кровавой бойне, разыгравшейся в ее селении. Кроме того, они заполняли собой пустоту одиночества, поселившуюся в ее душе. Но Айша, похоже, быстро догадалась, что это наказание недостаточно строгое для Мариаты, и стала нагружать ее ежедневной и тяжелой рутинной работой. Мариате приходилось стирать каждую завалящую тряпку в доме, чистить щеткой одежду. Скоро пальцы ее рук огрубели и стали красными, а спина постоянно болела. Она перестирала все белье, даже то, что никогда прежде не покидало своих сундуков. Во всяком случае, так ей казалось. Когда эта работа была сделана, Айша притащила еще несколько охапок каких-то ковриков и одеял, покрывал и подушек, кухонных полотенец, тряпок для обметания пыли и чайных салфеток. Все это Мариата должна была тоже выстирать или выбить. Она занималась работой, даже не думая о том, что делает, словно в каком-то трансе. Физический труд отвлекал ее, она уже не так остро чувствовала поселившийся в ее душе мрак, да и Айша меньше ворчала.

Однажды Азиз, брат Мариаты, вышел во двор и увидел, как она низко склонилась над тазиком и что-то стирала, яростно отплевываясь от едкого моющего средства. Молодая женщина прополоскала и выжала что-то очень большое и белое, похожее на штаны, и повесила на веревку.

— Что это такое?

Он стащил штаны с веревки и поднял перед собой, как бы примеряя. В них могли бы влезть двое таких, как он.

— Шаровары мамы Эркии, — со вздохом ответила Мариата. — Она носит их под платьем. Они все тут так ходят, сам знаешь.

Но Азазу еще не представилось случая получить такую информацию. Девочки Имтегрена, похоже, не обращали на него внимания, а когда он сам пытался с ними заигрывать, сердито покрикивали на него и дрались. Они были совсем не похожи на девушек из пустыни.

Аزاز скорчил гримасу, быстро повесил шаровары обратно и заявил:

— Старая ведьма! Почему ты стираешь ее грязное белье? Ты же из народа кель-тайток, это унижительно для тебя!

— Ты думаешь, я этого не знаю? — На лице Мариаты появилась слабая, усталая улыбка.

— Я все расскажу отцу. Они не должны так обращаться с тобой!

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — отвернувшись, произнесла Мариата.

Но однажды, когда Айши и Хафиды не было дома, а их злоязыкая мамаша храпела в своей комнате, Мариата разыскала отца.

— Они обращаются со мной как с рабыней, — усталым голосом пожаловалась она и показала свои потрескавшиеся и покрасневшие руки.

Усман смутился и отвел глаза.

— В Марокко жизнь не такая, как у нас. У них нет рабов. Здесь каждый сам выполняет свою работу.

Тут он употребил какое-то совсем незнакомое Мариате слово. В языке тамашек такого не было.

— Но Айша и Хафида ничего не делают!

— Они готовят еду, кстати, хорошо. Даже ты здесь слегка поправилась.

Да, они пытались и Мариату заставить готовить, но эксперимент длился всего один день.

— Я ненавижу и их, и эту еду! — Она схватила его за руку. — Позволь мне уехать домой, отец, обратно в Хоггар. Я отправлюсь с первым же караваном, идущим через Имтегрэн. Мне сейчас не до гордости. Поеду вместе с товарами, и больше мне ничего не надо. Только отпусти.

— Ты останешься здесь. — Он был тверд, как скала. — Старые обычаи уходят в прошлое, нам надо приспособливаться к переменам. Кроме того, из-за конфликта между Марокко и Алжиром караваны через Имтегрэн больше не идут, а границу охраняют солдаты.

— Да какое мне дело до их границ? Мы — народ покрывала. Для нас

не существует границ. Моя страна везде, где только я пожелаю. Наша территория у нас в сердце.

Сколько раз она слышала эти слова от Амастана? Глаза ее наполнились слезами.

— Как ты можешь выносить скучную оседлую жизнь с этими ужасными людьми?

Отец сжал челюсти. Видно было, что он не собирается больше обсуждать эту тему. Мариата понимала, почему это так. Каждую ночь, даже находясь в другом конце дома, она слышала, как он томно стонал от наслаждения и пронзительно, словно какая-то птица, кричала его новая жена. В голову ей непрошеными гостями приходили воспоминания о том, как она жила с Амастаном, и о том, как жестоко оборвалась эта жизнь. Каждую ночь Мариате снилось, что она лежит с ним у реки и гладит его смуглое тело, теплое и бархатистое на ощупь, как мышцы его перекачиваются и дрожат под ее рукой. Она просыпалась с мокрым от слез лицом и с тупой болью где-то глубоко в животе.

Потом отец и братья отправились в Марракеш, чтобы закупить товаров для нового магазина, и Мариата осталась в доме на милость Айши. Никто не мешал мачехе измываться над ней.

Они с сестрой наблюдали, как Мариата исполняет свою работу, и обменивались едкими замечаниями.

— Ты посмотри, как она моет посуду. У нее не руки, а какие-то крюки. Конечно, в пустыне у них нет тарелок. Они едят с камней, а те не разобьешь, даже если захочешь.

— Глянь, Хафида, какие у нее сзади хвостики! Не голова, а крысиное гнездо.

— Я уж и не знаю, что у нее там такое, сестра. Что угодно, только не волосы, — подхватывала та.

— А эта железяка, которую она повесила себе на шею и называет ее талисманом!.. Разве можно так говорить? Бедняжка, наверное, думает, что это ценная вещь.

— А мне кажется, она считает, что там обитает какой-то дух, африт или джинн!

— Эти кочевники такие отсталые и дикие, настоящие варвары. Что они знают о современном мире? Представляешь, Хафида, у них даже нет домов! Они живут в шатрах, сшитых из шкур, вместе со своими козами!

— Так вот почему от нее так воняет!

— Не беспокойся, сестра, завтра у нее будет баня.

— Не представляю, как можно жить без электричества и водопровода.

Сестры очень гордились тем, что живут в доме, где эти удобства появились первыми в городе.

— Без душа.

— Автомобиля.

— Без базара, когда у тебя только одно старое вонючее платье.

— Как ты думаешь, может, отец родил ее от козы?

Повисла пауза, потом раздался громкий шлепок, а за ним плач.

— Не советую тебе говорить такое о моем муже, — ледяным тоном сказала Айша.

На следующий день они снова пошли в хаммам.

Когда Мариата разделась, Айша критически оглядела ее и заметила:

— А ты поправилась, доченька, это даже тебе идет.

— Моя мать была туарегская принцесса. Она уже умерла. Не называй меня дочерью, — угрюмо отозвалась Мариата.

— Нравится тебе или нет, но теперь я заменяю тебе мать, — пожала плечами Айша.

Она склонила голову набок и снова смерила Мариату взглядом с ног до головы. Меж бровей у нее появилась складка.

Женщина повернулась к сестре и приказала:

— Подержи ее, Хафида.

— Зачем?

— Не задавай лишних вопросов, делай то, что тебе говорят.

Хафида послушно взяла Мариату за руки, и Айша обошла ее кругом, внимательно разглядывая. У видеv располневшие груди девушки и заметно округлившиеся формы, она нахмурилась.

— Когда в последний раз у тебя были месячные?

— Что? — Мариата тупо посмотрела на нее.

— Менструация. Месячное кровотечение.

— Не твое дело, — покраснев до корней волос, ответила Мариата.

Но от Айши так просто не отделаешься.

— Я твоя мачеха, и ты должна мне отвечать. Так что давай-ка вспоминай. Когда это было в последний раз?

Мариата молчала. Она ломала голову, что может означать этот вопрос, к добру ли он, или наоборот, но не помнила, когда у нее в последний раз шла кровь. После того как ее увезли из Адага, такого точно не было. Мариата не придавала этому значения, ей было о чем думать, горе заполнило все ее существо. Но теперь, когда Айша заставила ее обратить на это внимание, она заглянула в себя, чего не делала уже очень давно, и задумалась. С ее организмом явно что-то происходило. Вдруг она все

поняла! Мариата почувствовала, что мир теперь для нее в корне переменялся. Где-то в самых недрах ее организма засветилась какая-то искорка. Тепло от нее поднялось из живота, омыло ребра, накрыло теплой волной сердце. Она вдруг ощутила жар, словно все ее существо охватило пламенем, в котором трепетала надежда. Амастан, мой Амастан...

Должно быть, Мариата улыбнулась про себя, потому что через миг, снова обратив внимание на Айшу, увидела, что та глядит на нее со все возрастающей злобой.

— Я в самом деле не помню, — взяв себя в руки, сказала молодая женщина.

— Наглая девчонка! — Айша схватила ее за плечи и стала трясти, да так сильно, что голова Мариаты болталась взад-вперед, как у куклы. — Вспоминай, проклятая! Вспоминай! Когда у тебя было кровотечение? Ты уже здесь три месяца, за это время так случилось или нет? Ты что, заболела? Нет, не похоже. — Она злобно приблизила лицо к Мариате. — Ты убежала из дома и продавала себя мужчинам?

Глаза Мариаты потемнели. Не в силах освободиться от крепкой хватки Айши, она плюнула ей прямо в лицо, а та изо всей силы хлестнула Мариате по щеке, и по бане прокатилось эхо.

На яростный вопль Мариаты из вестибюля хаммама выскочила Хадиджа Шафни и закричала:

— Что тут у вас происходит? Опять неприятности с туарегской девчонкой? Подумайте о том, что скажут люди!

— Вот именно! — Айша сунула платье в руки Мариате. — Надевай. И отправляйся домой, пока никто не догадался о твоём позоре.

Но та не чувствовала никакого позора, наоборот, ликовала. Это ощущение оказалось удивительным, потрясающим.

В безопасных стенах дома Айша была сурова и непреклонна. Она лихорадочно посоветовалась с мамой Эркийей, тонким и авторитетным знатоком подобных проблем, и старуха послала мальчишку на осле в одну из отдаленных деревень за знахаркой. Ждать пришлось несколько долгих часов, и за это время Айша довела себя чуть не до белого каления. Мариата же стала привыкать к мысли о том, что все теперь для нее изменилось.

Знахарка жила не в Имтегрене. Она происходила из полукочевого племени аит-хаббаш, обитающего на самом краю пустыни. На ней было синее платье, заколотое огромными серебряными застёжками, а на лбу татуировка: две перекрещенные сверху диагональные линии, а над местом пересечения три точки, расположенные треугольником. Огромный

цветастый платок покрывал ей голову и спину. Ее ввели в комнату, в которой заперли Мариату, и она эффектным движением сняла его.

Через несколько минут, закончив ощупывать Мариату, знахарка объявила, что та беременна уже четыре месяца, а может, даже больше. Айша побледнела и закрыла руками губы.

— Господи, — пробормотала она. — Что же нам делать? Ведь это такой позор для всех нас. Будет испорчено наше доброе имя. Можете ли вы с этим помочь? — обернувшись к знахарке, поинтересовалась Айша.

Аит-хаббаш посмотрела на Мариату, по-птичьему склонив голову и уставив на нее блестящий глаз, потом сказала:

— Могу принять роды, когда они начнутся.

— Нет-нет, вы меня неправильно поняли. — Айша испуганно вскинула на нее глаза. — Я хочу, чтоб вы помогли избавиться от ребенка.

— Только попробуйте, — тихо произнесла Мариата, но никто не обратил на нее внимания.

Знахарка твердо посмотрела в лицо Айше, незаметно для мачехи поймала взгляд Мариаты и заявила:

— Уже слишком поздно. Боюсь, что не смогу вам в этом помочь.

— Вы в этом совершенно уверены? — Айша издала скорбный вопль.

— Совершенно. Мне очень жаль.

— Но у вас, у знахарок, много всяких способов. Значит, вы просто шарлатанка!

Знахарка посмотрела на нее с грустной насмешкой, покачала головой и запричитала:

— Ай-ай-ай, а что люди скажут, если узнают все от меня? Боже мой, как они удивятся, когда услышат, что дочь туарегского народа опередила тебя и первая родила в этом доме! — Она довольно потерла руки.

Айша поджала губы, потом сняла золотой браслет и швырнула его знахарке.

— Возьми вот это и держи рот на замке. Если я услышу хоть шепот об этом, у меня найдется человек, который встретит тебя как-нибудь ночью. Ты меня слышишь?

Знахарка с отвращением посмотрела на нее, потом повернулась к Мариате и кое-что сказала ей на древнем наречии. Та схватила ее за руки, поцеловала сперва их, потом свои ладони и прижала их к сердцу.

— Спасибо вам, — ответила она на том же наречии. — Спасибо.

— Убирайся! — Айша схватила знахарку за руку, впиалась острыми ногтями и потащила к двери.

Женщина не сопротивлялась. Уже у самой двери она освободилась от

Айши, и рука ее сделала в воздухе какой-то сложный жест.

— Поделом тебе, — нараспев проговорила она.

На следующий день на двери дома появились какие-то странные знаки, нанесенные мелом. Увидев их, мама Эркия от ужаса чуть не упала в обморок. Она опустилась на пол у двери, обхватила руками голову.

— Сехура,^[68] — повторяла старуха. — Сехура, сехура!.. Это я во всем виновата. Я знала, что она колдунья. Я принесла несчастье этому дому!

Добиться от нее большего было невозможно. Отправившись вместе со всеми на базар покупать овощи, Мариата заметила, что люди, которые по своим делам проходили мимо их дома, поглядывали на них с любопытством. Ни один из них не приветствовал Айшу с обычной теплотой. Все даже сторонились ее, словно боялись заразиться.

Когда они вернулись домой, Айша, сдерживая злобу, направилась в комнату старухи. Войдя, она повернула выключатель, и помещение залило режущим глаз светом.

— Выключи сейчас же, — забормотала мама Эркия, накрыла голову ладонями и со стоном принялась жаловаться, что сейчас за ней явится джинн.

Мариата опять улыбнулась. Сегодня улыбка не сходила с ее лица, она никак не могла удержаться от нее. Ей казалось, что в животе пылает огонь, там, глубоко внутри, происходит новое сотворение мира. Все было так, как она и ожидала. Знахарка прокляла этот дом и отметила его входную дверь особым знаком, чтобы привлечь внимание всякого джинна, оказавшегося рядом. Но, уходя, она благословила Мариату и ребенка, которого та носила в животе, чтобы их не коснулось проклятие.

— Желаю тебе родить хорошего сына, — сказала тогда знахарка Мариате. — Такого же красивого и сильного, как и его отец.

За это Мариата и целовала ей руки.

Вернувшийся из Марракеша Усман не успел переступить порог дома, как Айша выбежала ему навстречу.

— Она беременна!

— Кто?

— Твоя тупая, бестолковая дочь!

Он отмахнулся от нее, но Айша не отступала.

— Так ты, значит, знал?

— Что же постыдного в том, что женщина забеременела от своего мужа? — вздохнув, спокойно спросил Усман.

— У нее нет никакого мужа! — бесновалась Айша, уперев руки в

бедра.

— Теперь нет. Он погиб.

— Никто не поверит в эти сказки. Так вот, пусть она лучше подумает о том, чтобы поскорей заполучить его. Я не потерплю, чтобы доброе имя нашей семьи трепалось на улицах.

— Она все еще скорбит о смерти Амастана. Наши женщины всегда сами принимают решение, когда и за кого выходить. Я не могу заставить Мариату это сделать, если она сама не захочет.

— Что за чушь! Какой же ты мужчина, если не можешь приказать своей дочери?

— Это не в наших обычаях.

— Ты теперь живешь не в шатре, как животное. Твоя дочь не должна раскидывать свои ножки перед всяким встречным-поперечным, если ей это взбредет в голову. У нас свои правила, и я не потерплю незаконнорожденного под крышей этого дома!

Кто-то другой, возможно, сейчас поучил бы жену, как надо разговаривать с мужем, но Усман был туарег и привык уважать женщин, даже самых надоедливых и сварливых. Он просто повернулся, не теряя достоинства, ушел и не возвращался, пока не проснулись все обитатели дома. На следующее утро Мариата, как обычно, встала пораньше, чтобы потратить хоть немного времени на себя, перед тем как приступить к исполнению домашних обязанностей, и нашла отца в гостиной. Он спал на полу, завернувшись в одеяло. Сначала она подумала, что в доме кто-то чужой, какой-нибудь бродяга, который случайно забрел с улицы. Прежде Мариата не видела отца без лицевого платка. У него, оказывается, борода! Мужчины ее народа редко носили бороды. Но когда он открыл глаза, она сразу узнала его.

Мариата сложила руки на груди. Ей было как-то не по себе.

— Так что, она уже рассказала тебе?

Усман поднялся с пола, нашел свой тагельмуст, не торопясь аккуратно намотал его и обрел пристойный вид мужчины с закрытым лицом. Только тогда он смог обратиться к предмету разговора.

— Мои поздравления, дочь моя, — произнес он и склонил перед ней голову.

— По твоему виду не скажешь, что ты рад этому.

— Рад или не рад, не в этом сейчас дело. Я беспокоюсь за тебя.

— Беспокоиться есть о чем. Твоя новая жена собирается убить моего ребенка!

Усмана, похоже, очень огорчили эти слова.

— Мариата, будет лучше, если ты снова возьмешь себе мужа. Кого-нибудь из местных, чтобы он заботился о тебе и ребенке, когда тот родится.

Мариата в ужасе отшатнулась.

— Никогда! Как ты можешь говорить такое?

— Айша не оставит тебя в покое, не позволит жить под этой крышей вместе с незаконным ребенком.

— Но у меня будет законный ребенок!

— Пусть так, но тем не менее. У тебя нет мужа, который назвал бы ребенка своим и стал бы тебя защищать. Этот дом мне не принадлежит, я не могу здесь командовать. У нас с отцом Айши общее дело, и мне нужно думать не только о тебе, но и о твоих братьях. В этих обстоятельствах тебе лучше всего было бы взять себе мужа. Он поднял бы тебя в глазах общества.

— Мне все равно, что думают обо мне эти люди. Я презираю их всех! Ты в самом деле надеешься, что я возьму себе в мужья кого-то из этих гололицых, которых нельзя уважать? У них нет никаких традиций, они не знают асшака, нашего кодекса чести!

— Помолчи. У этих людей, может быть, другие обычаи, не такие, к которым ты привыкла, это верно, но когда-то очень давно мы были единым народом. Наша Тин-Хинан во времена римлян вышла как раз из этих мест. Твоя родословная идет от нее. Можно сказать, это родина твоих предков.

Мариата недоверчиво посмотрела на него.

— Так Тин-Хинан родом отсюда? Неудивительно, что она сбежала. Я хоть тысячу миль прошла бы по пустыне, только быть подальше от Имтегрена!

— Послушай, Мариата, нет никакого бесчестья в том, чтобы выйти замуж за мужчину из Имтегрена, — глубоко вздохнув, произнес отец.

— Ничто не заставит меня выдавать моего ребенка за сына другого мужчины. Лучше я стану жить на улице.

— Смотри, поосторожней с такими пожеланиями, дочка. — Отец сделал жест, отгоняющий дурной глаз.

Усман помирился с женой. Спящий дом по ночам опять оглашался их криками и стонами. Между ними был достигнут компромисс. Айша объявила о том, что ее падчерица выставляет свою кандидатуру на ярмарке невест. Мариата должна была выбрать мужа из числа претендентов на ее руку, но ей позволено оставить за собой последнее слово, чтобы соблюсти традиции туарегов.

— Осталось совсем мало времени, — угрюмо жаловалась Айша

Хафиде. — Уже и так все заметно. Как же мужчина примет ребенка за своего, если тот родится сразу после свадьбы?

— Лучше всего выбрать человека, который не умеет считать. — Вот и все, что смогла посоветовать Хафида.

Неизвестно, по какой причине, но неженатых мужчин в Имтегрене было гораздо больше, чем незамужних женщин. Никто не знал в точности, почему здесь так мало девушек брачного возраста, но так уж случилось, ничего не поделаешь. Вдобавок по городу распространился слух, что, несмотря на репутацию смутьянки, Мариата была хороша собой, и всякий мужчина не прочь был взять себе в жены юную и горячую туарегскую красавицу. Они давно слышали, что молоденькие кочевницы — дикарки не только потому, что живут в шатрах. Они не столь застенчивы и холодны, как местные девушки. Репутация Мариаты — само собой, она успела заработать ее сценами, устроенными в хаммаме, — подтверждала это. Поэтому все женихи наперебой стали умолять своих мамаш и тетушек засылать к ней сватов. К собственному ужасу, Мариата обнаружила, что пользуется спросом. Ее нарядили в одно из платьев Айши, пусть и не самое лучшее, но пастельных тонов, весьма удачно оттеняющих цвет кожи, и надели платок, под которым спрятали косички, заплетенные так, что видно было, из какого она племени. Молодая женщина стояла в комнате Хафиды и смотрела на себя в зеркало. С подведенными сурьмой глазами и румянами, которые сестра мачехи наложила ей на бледные щеки, она напоминала себе самой безобразную пластмассовую куклу, виденную на базаре. Не человек, а глупый манекен. Душа ее восставала против такого с ней обращения, но Мариата старалась не показывать свое возмущение.

— Они сейчас видят не тебя, а всего лишь маску, — подбадривала она себя, глядя на свое отражение.

Мариата нисколько не сомневалась в том, что скоро избавится от всех искателей ее руки и их похожих на ворон мамаш. Если она станет подыгрывать Айше в этой нелепой интриге, то ее ребенок будет в безопасности.

Ее братья считали унижительной и оскорбительной всю эту затею с замужеством, когда их сестру выставляли напоказ, словно готовили к продаже. Мариата очень надеялась, что Азиз и Байе переубедят отца. Но очень скоро им пришлось столкнуться с тем, что Айша имела большее влияние на Усмана, чем его собственные дети.

Прошло немного времени, и в дом потянулись с визитами мамыши, тетушки и прочие родственницы холостых молодых людей, живущих в городе. Обычно они проводили в гостинной с Айшой и ее матерью около

часа, попивали чай из мяты и расхваливали добродетели своих сынков или племянничков. Уж такой он красивый из себя, трудолюбивый, старший в семье, а детей-то десятеро, восьмеро или семеро. Человек хороший, добрый и набожный, детишек очень любит, такой умелый, мастер на все руки, за хорошую невесту готов принести калым в три тысячи дирхемов, а также несколько коз. Потом перед ними должна была предстать Мариата в чуждом для нее наряде, присесть в окружении членов ненавистного ей семейства, кивать, улыбаться, подавляя бурю в душе, смиренно слушать, как эти женщины задают Айше глупые вопросы о том, что может делать невеста. Умеет ли Мариата хорошо выпекать хлеб и содержать в чистоте дом? Встает ли она до петухов или нет? Трудолюбива ли? Готовит ли козий сыр, чешет ли шерсть? Вышивает ли, шьет ли? Готовит ли вкусный кускус и знает ли секрет приготовления хариссы?^[69] Может ли цитировать Коран, соблюдает ли Рамадан и часы молитвы как истинная мусульманка? Понизив голос, словно у нее нет ушей, они спрашивали, девственница ли она, сохранила ли нетронутой девичью честь? Отвечая на все эти вопросы, Айша глядела им прямо в глаза и повторяла «да», «да», «да». Мариата краснела до корней волос, мечтая сбросить чужое платье и угостить всех хорошей палкой, пугая до смерти воинственным кличем туарегов. Но ради ребенка она терпела стыд и подавляла ярость. Что ж, пускай приходят женихи, а там посмотрим.

Через несколько дней явился первый жених по имени Хасан Буфусс, в своем лучшем халате, белом как снег, и в тюбетейке, которые надевал только в мечеть, в компании двух бабушек, отца и трех сестричек. Хасан робко вошел в гостиную, блуждая большими печальными глазами по гладко оштукатуренным стенам, оглядывая полку с тарелками и украшениями, разноцветный ковер и резные окна. Его глаза то и дело возвращались к открытой двери, словно в любой момент он мог вскочить и убежать.

Айша вошла первой и ввела за собой Мариату. Платок на голове туарегской красавицы сидел криво, щеки ее пылали, словно перед тем, как войти, они с Айшой подрались.

— Кто эти люди? — спросила Мариата, сложив на груди руки и презрительно оглядывая пришедших. — Я не собираюсь перед ними выплясывать, пока они будут таращить на меня глаза.

Пожилые женщины обменялись испуганными взглядами.

— Простите эту девушку. Она у нас застенчивая и робкая, еще не привыкла к нашим обычаям, — попыталась объяснить Айша, подтолкнув

Мариату в спину.

— Никакая я не робкая!

Мариата сорвала с головы противный платок, обнажив косы, по которым видно было, к какому роду она принадлежит.

Вся компания смотрела на нее, разинув рты и оцепенев от потрясения.

Наконец одна бабушка схватила Хасана за руку, заставила его встать и заявила:

— Скромница, нечего сказать.

Мариата улыбнулась и сделала шаг в сторону, чтобы пропустить их. Хасан шел за своей бабушкой так же покорно, как молодой бычок на веревочке, а сам глаз не мог оторвать от туарегской девушки, пришельцы из загадочного мира, вход в который для него навсегда закрыт.

На другой день пришел следующий, Бахир Бен Хамду, сопровождаемый родителями. Его не отпугнули мгновенно распространившиеся по городу слухи о неприличном поведении своенравной Мариаты. Бахир был совсем не похож на своего двоюродного брата Хасана. Нескромность его одежды шокировала Мариату. Он не только не закрывал своего лица, как и все здешние мужчины. Ниже пояса на нем было надето нечто странное, настолько плотно облегающее, что все его достоинства выставлялись как бы напоказ. Люди ее народа сказали бы, что жених явился в нижнем белье. С каменным лицом, не отрывая глаз от точки между его подбородком и талией, она смотрела, как под строгим взглядом короля Хасана II, портрет которого висел на стенке, он совершал обряд приветствий. Жених назвал свое имя и сообщил, что счастлив с ней познакомиться и надеется вскоре узнать ее получше. Сделав это последнее замечание, он не стал ей подмигивать или подтверждать свои слова сладострастным жестом, но, когда его горячая потная рука коснулась ее ладони, Мариата похолодела от отвращения.

Айша же была просто счастлива.

— Все прошло очень даже хорошо, — заявила она, когда Бахир ушел. — Думаю, он сделает насчет тебя предложение.

— Предложение? Насчет меня? Разве я верблюдица, чтобы меня можно было продавать и покупать?

— Увы, от верблюдицы хоть какая-то польза. — Айша невесело рассмеялась.

Однажды к ним в дверь постучал какой-то мужчина. В доме не было никого, кроме Мариаты и мамы Эркии, которая спала. Мариата посмотрела в зарешеченное окно, расположенное возле самой двери. За ним стоял

плотный мужчина в потертом коричневом халате, в фартуке, заляпанном пятнами крови, и вязаной шапочке, низко надвинутой на самые уши. Короткие рукава были на три или даже четыре дюйма выше толстых волосатых запястий и грязных ладоней.

Мариате он очень не понравился.

— Кто вы такой и что вам нужно? — крикнула она через решетку.

— Меня зовут Мбарек Аит Али, — хрипло ответил он. — У меня есть одно дело к хозяйке дома.

— Айши Саари сейчас нет, зайдите попозже, — сказала Мариата, надеясь, что он уйдет.

От него исходил какой-то густой кислый животный запах. Он доносился даже через окно, и молодая женщина сморщила нос.

— Я подожду, — сказал он.

— Как хотите, — учтиво ответила Мариата.

Мужчина задрал вверх голову и спросил с такой грубой интонацией, что его вежливые слова прозвучали насмешливо:

— С кем имею удовольствие разговаривать?

Она выпрямилась и назвалась:

— Меня зовут Мариата, дочь Йеммы из кель-тайток.

Мужчина сделал шаг вперед и прижался к решетке.

Мариата в замешательстве отскочила назад.

— Вижу-вижу. Значит, не врут люди, — сказал он через секунду и, тихонько посмеиваясь, ушел.

Вскоре вернулась Айша.

— К вам приходил какой-то человек, — сообщила ей Мариата. — Сказал, что его зовут Мбарек Аит Али.

— Но ведь он знал, что меня не будет дома, — удивилась Айша. — Я час назад проходила мимо его лавки возле базара, и Мбарек спросил, как себя чувствует мама Эркия. Тыпустила его в дом?

— От него отвратительно пахло, и на нем был окровавленный фартук. Разве можно такого пускать? — ответила Мариата.

Прошло немного времени, и в дверь снова кто-то постучал. Айша суетливо побежала открывать. Сгорая от любопытства, Мариата скользнула в соседнюю комнатку, чтобы подглядеть, кто это. Низкий мужской голос показался ей знакомым. Прозвучал обычный обмен приветствиями.

— Мариата сказала мне, что вы заходили, — слышался голос Айши.

— Да, — ответил мужчина. — Я пришел сделать вам одно предложение. — Он явно был очень доволен собой.

— Предложение?

— Да, очень важное.

— Может быть, вам лучше поговорить об этом с моим мужем?

— Я думаю, такие вопросы лучше решаются женщинами. К несчастью, с тех пор, как умерла моя матушка, у меня нет посредников женского пола, которых я мог бы попросить ходатайствовать за меня.

— Ах вот оно что, — озадаченно сказала Айша. — Тогда, по-моему, вам лучше войти в дом.

Она оглядела его грязную обувь и потрепанный халат и провела посетителя не в гостиную, а в подсобное помещение. Мариата потихоньку прокралась за ними.

Мбарек критически оглядел убогую комнатенку и удивленно спросил:

— Так, значит, именно здесь у вас и ведутся брачные переговоры, госпожа Саари?

— Брачные? А я-то подумала, что вы пришли продавать мясо.

Услышав, о чем идет речь, Мариата открыла рот. Вот тебе на! Мясник имел наглость явиться сюда, чтобы просить руки принцессы, род которой по прямой линии восходит к самой Тин-Хинан? Она представила себе этого человека с бычьей шеей, в окровавленном фартуке и громко рассмеялась.

Услышав это, Айша забеспокоилась.

— Одну минуту. Пройдите в гостиную, а я пока принесу чаю.

На кухне Айша успела поймать Мариату, которая хотела было сбежать во внутренний дворик.

— Пойдешь сейчас со мной, — строго сказала она. — Смотри, веди себя прилично.

— Прилично? С этим? С простым мясником рабского рода, на руках которого кровь убитых животных!

Гордость поколений предков, благородных туарегов, сверкала в ее глазах.

— На безрыбье и рак рыба! Нищим выбирать не приходится! — огрызнулась Айша. — А теперь иди и надень платок поприличней, прикрой свои крысиные хвостики!

— Я понимаю, не очень прилично мужчине приходиться по такому деликатному делу в дом, где находятся только женщины, — начал мясник и одним мощным глотком выпил весь мятный чай из стакана. — Но у меня не осталось родственников, которым я мог бы поручить исполнить его за меня. Вы должны извинить мою заурядную наружность и простые слова. Свои дела я привык делать сам, поэтому буду говорить прямо и откровенно.

Он поставил стакан на поднос, сложил руки и наклонился вперед. Мариата не могла не заметить черную кровь, запекающуюся у него под

ногтями.

«Надо же, — подумала она, презрительно глядя на мятую ткань халата, зажатую между его огромными, безобразными и грязными босыми ножищами, украшенными длинными желтыми ногтями и попирающими красивый цветастый узор лучшего ковра. — Он даже не догадался перед приходом снять окровавленный фартук».

— Так вот, как человек честный и порядочный, я пришел сделать вам достойное предложение насчет этой девушки. — Он кивнул в сторону Мариаты, не отрывая глаз от Айши. — Понимаю, она из кочевого племени, но я не виню ее в этом. Я уверен, что очень скоро мне удастся воспитать ее и сделать человеком цивилизованным... — Мясник спохватился и сконфуженно протянул руки вперед. — Нет-нет, я не хочу, конечно, сказать, что вы еще не проделали этой благородной работы.

— Предложение насчет девушки? — как эхо повторила Айша, голос которой звучал явно испуганно.

— Я вот думал-думал и решил, что мне не помешает вторая жена.

— Вторая жена?

— Понимаете, первая моя жена больна. Еще она, видите ли, растолстела, и ей очень трудно ухаживать за детишками...

— Может быть, вам лучше не заниматься поисками еще одной жены, а нанять служанку, — ледяным тоном заметила Айша.

— Да, конечно, я это обязательно сделаю, но, понимаете, у мужчины есть некоторые... потребности. Кроме того, у нас с женой только девочки, а чтобы передать мое дело, мне нужен мальчик. — Тут Мбарек откровенно посмотрел на Мариату и вытер влажные губы, напоминающие две кишки.

— Я не стану второй женой даже самого царя, а тем более какого-то мясника! — с отвращением крикнула Мариата.

Айша бросила на нее гневный взгляд, но мясник только засмеялся.

— Не надо из-за меня наказывать девушку. Мне нравятся женщины с характером. Я заплачу за нее хороший калым.

Тут он прямо, без малейшего стыда назвал такую сумму, что у Айши челюсть отвалилась.

— Аллах, — слабым голосом проговорила она. — Силы небесные... — Мачеха уставилась на этого жениха с таким видом, будто утратила дар речи.

Мариата сразу воспользовалась этим и злобно сказала:

— Ни за какие сокровища тебе не купить принцессы народа кельтайток. Отправляйся лучше на базар, купи себе жирную овечку и удовлетвори с ней свои... потребности, понятно?

Она с немалым удовольствием наблюдала, как полиняло его толстое красновато-коричневое лицо, покрывшееся вдруг нездоровой бледностью. Опрокинув на ковер поднос, он пулей выскочил из комнаты.

На следующей неделе явился Омар Агерам со своими сестрами. Это был человек приятный, высокого роста, хорошо сложенный. Что-то в нем напомнило Мариате Амастана. Только он улыбнулся ей, как она, к собственному удивлению и к изумлению присутствующих, расплакалась. Сестры засуетились, принялись осторожно, чтоб не размазать сурьму, вытирать ей глаза и поглаживать по плечам. Когда все наконец успокоилось, Омар начал снова.

— У меня небольшое дело, — сообщил он. — Я плотничаю, моя мастерская расположена возле городской стены. Я унаследовал дело от отца, который умер в прошлом году. С тех пор я много работал, чтобы вернуть себе клиентуру. Дело в том, что в последнее время отец долго болел и затягивал исполнение заказов. Поэтому у меня не было времени подумать о себе. Но теперь дело пошло на лад, оно, можно сказать, процветает. У меня сейчас больше работы, чем я могу выполнить, и недавно мне пришлось взять себе двух помощников. Теперь я готов остепениться и завести семью. Мне хотелось бы иметь детей, причем много.

Мариата почувствовала, что на глаза ей снова наворачиваются слезы. Другая на ее месте наверняка согласилась бы на предложение этого приятного человека. За ним она будет как за каменной стеной. Но Мариата еще и сама не знала, чего хочет, мысли ее путались.

Удерживая слезы, она напомнила себе о благородных предках кельт-тайток, приняла самый надменный вид и холодно сказала:

— Предпочитаю коз пасти.

Омар был поражен ее ответом, но сдержался. Ведь перед ним девушка из кочевого племени. У них там другие обычаи... И он попробовал еще раз.

— Если вы хотите, мы купим и коз, а детей заведем позже, — сказал Омар и для вящей убедительности наклонился вперед, сидя на диване.

Не получилось. Этот человек оказался слишком добр. Боясь, что она вдруг сдастся и примет предложение, Мариата выбежала из комнаты.

Проходили недели, а дорожка к дому Саари не зарастала. Женихи шли один за другим, несмотря на то что слухи о туарегской принцессе оказались самыми неблагоприятными. Явился маленький кругленький ремесленник, пальцы которого были сплошь в желтых пятнах никотина,

потом пожилой школьный учитель, у которого умерла жена, шофер автобуса с ввалившимися щеками и седящими усами. Мариату выводили перед ними так торжественно, как призовую кобылу. Даже если ей удавалось вести себя прилично и разговаривать вежливо, глаза ее все равно смотрели надменно. Прошло совсем немного времени, и самые востроглазые родственницы женихов даже под пышными платьями, в которые наряжали невесту, стали примечать некую странную выпуклость. Айша выходила из себя.

Однажды утром она застала Мариату во внутреннем дворике, приперла ее к стене и заявила:

— Ты должна выйти замуж! Ты не можешь одна родить ребенка в этом городе!

— У меня есть муж, — вяло отвечала Мариата.

— Он умер! Он умер, умер, умер! — Каждое слово Айша подкрепляла тем, что все глубже погружала накрашенный ноготь в заметно выросшую грудь падчерицы. — Он умер, его больше нет. Он никогда не вернется! Пойми же ты это своей глупой, невежественной башкой!

Перед глазами Мариаты снова и снова, как живая, вставала картина: на пыльную землю безжизненно падает Амастан, черное пятно расплзается по его свадебной рубахе. Эта утрата обрушилась на нее как свирепый, беспощадный порыв песчаной бури. Так Мариата лишилась будущего.

— Может быть, он и умер, — уныло произнесла она, хотя такие слова означали признание собственного поражения. — Но я ношу ребенка Амастана и не позволю другому мужчине назвать его своим.

— Если у тебя будет незаконнорожденный ребенок, это станет позором для всего города! — визжала Айша.

— Об этом будут говорить до самого Варзата, что далеко на юге! — зловеще оскалившись, добавляла мама Эркия.

— Вот что я тебе скажу. — Айша погрозила Мариате пальцем, размахивая им перед самым ее лицом. — Если ты не выберешь себе мужа, то я сделаю все, чтобы тебя выбросили на улицу, и объявлю на весь город, что любой мужчина может тобой пользоваться как проституткой.

— Отец не позволит так со мной обращаться.

— Усман? Да он ради своей семьи в лепешку разобьется! Как будет процветать его дело, как сыновья найдут себе жен из приличных семей, если все будут знать, что ты проститутка? Послушай, что я скажу, — произнесла она, вплотную приблизив к ней лицо, — когда ты родишь этого ребенка и будешь лежать слабая, я отберу его у тебя и своими руками убью. Я сверну ему шею, как цыпленку, и выброшу жалкое вонючее тело на

свалку у скотобойни, где одичавшие собаки ждут свежих костей.

Эта угроза была абсурдна и нелепа, но именно она подействовала на Мариату больше всего.

Она устало закрыла глаза и сказала так тихо, что едва услышала собственный голос:

— Хорошо. Я возьму Омара. Пусть моим мужем станет плотник Агерам.

Старуха вскинула на нее глаза, захихикала и проворчала:

— Журавля в небе хочет. Ей бы синицу в руках не упустить.

Но, увы, человек, посланный с этой вестью, вернулся ни с чем. По настоянию родственников, до которых дошел слух о положении Мариаты, Омар взял назад брачное предложение. Он послал к Усману с извинениями своего дядюшку.

— Омар очень сожалеет о том, что поставил юную госпожу в столь неловкое положение, но в данный момент он, к сожалению, не в состоянии жениться.

Этот дядюшка работал в аппарате главы местной администрации. Ему стукнуло где-то за сорок. Он был элегантно, даже щеголевато одет, тверд и немногословен. Этот человек пожал Усману руку, повернулся на каблуках и был таков.

Айша, которая подслушивала за дверью, расвирепела. Наконец, не в силах выносить слезы, ругань и визг жены, Усман отказал дочери в праве выбирать. На следующий день мачеха продала ее мяснику.

Глава 27

В ту ночь Мариате приснился сон.

Она видела какую-то незнакомую женщину, и время во сне оказалось другим, не тем, в котором жила Мариата. Эта особа отличалась высоким ростом, внушительностью, прямым носом на красивом и властном лице. На ней было длинное темное платье, но голова непокрыта. Черные косы ниспадали по спине до самого пояса. В мочках ушей висели тяжелые серьги с изумрудами. Ее тонкие руки украшали браслеты: девять золотых на одной и семь серебряных на другой. На шее висело ожерелье с очень крупными бусами. Такие же красовались и на ее поясе. Бусины были сделаны из сердолика, агата и амазонита. Женщина повернулась, и взгляд ее черных блестящих глаз, живой и ясный на фоне ярко освещенной бледной кожи лица, пронзил Мариату насквозь.

— Меня тоже пытались продать, — сказала она.

Женщина говорила на языке тамашек со странным акцентом, как-то нараспев, но Мариата хорошо ее понимала, это был язык народа покрывала.

— Меня хотели заставить выйти замуж против моей воли. За сына римского наместника, можешь себе представить? Хотели, чтобы со мной лег чужеземец, говорили, что для нашего рода большая честь породниться с римлянами. С нашими угнетателями! — Она тряхнула головой, и черные косы взлетели над ней, как змеи. — Я отказалась, и тогда меня наказали. Заперли под замок и сказали, что будут держать до тех пор, пока я не соглашусь. Я притворилась, будто устала сопротивляться, и согласилась выйти за него.

— Что же было потом? — спросила спящая Мариата, хотя ответ уже знала.

Лицо незнакомки стало расплываться, бледнеть, утратило четкость, потом вдруг снова прояснилось, и Мариата увидела, как в нем проступают черты ее матери. Вслед за этим подбородок и нос вытянулись, кожа лица покрылась сеткой морщин, и она увидела свою бабушку. Да-да, это ее орлиный нос и пронизательные умные глаза. На лице незнакомки и дальше одно за другим продолжали сменяться черты других женщин, все быстрее и быстрее, молодых и старых, но в них сохранялось неизменное сходство: властный взгляд темных глаз, черные брови вразлет, резкие черты, унаследованные и самой Мариатой.

— Я ушла из Имтегрена и отправилась туда, где не ступала нога человека, — продолжала Тин-Хинан. — Я шла через открытые пространства, через саванну, пересекла пустыню, все шла и шла, пока не добралась до гор. Чтобы совершить этот переход, мне понадобилось несколько месяцев, и в конце странствия я поставила шатер у подножия великого Хоггара. Там, где я остановилась, от меня пошло новое племя: амазиген, свободный народ. Он твой, наш с тобой. Дорожи свободой, Мариата, не позволяй, чтобы тобой торговали, не допусти этого позорного замужества, не отдавай своего ребенка в руки этих людей. Помни о своем достоинстве, собери все свои силы. Ты плоть от плоти моей, в твоих жилах течет моя кровь. В тебе живет моя душа, ты несешь ее в своей груди. Где ты, там и я. Так было со всеми женщинами нашего рода, твоими устами говорю я, в тебе мое могущество, моя сила. Настало время, когда ты должна пойти по моим стопам, проделать такое же странствие, которое когда-то совершила и я. Теперь это будет сделать труднее, особенно для тебя. С тех пор пустыня широко раскинула крылья, а ребенок, которого ты носишь, порой будет казаться тебе не благословением Божьим, а обузой. Но помни: на каждом шаге пути я буду с тобой.

Сон, в котором Мариата видела Тин-Хинан, не давал ей покоя, словно вечно недовольная и ворчливая бабушка. Каждый день он стоял перед ней грозным перстом, не позволял забыть о ее ужасном, безвыходном положении и побуждал к решительным действиям. Впрочем, особенно подталкивать Мариату не было необходимости. Она и так прекрасно знала, что ей придется покинуть дом Саари, Имтегрена, да и вообще весь этот так называемый цивилизованный мир. Сделать это нужно будет быстро, прежде чем ее отдадут за мясника. Инстинкт подсказывал ей, что надо как можно скорей собрать свои нехитрые пожитки и ранним утром, пока все спят, встать и просто уйти, но она понимала, что так у нее ничего не выйдет. Один раз, когда Мариата впервые отправилась в пустыню, она уже

совершила такую ошибку и больше не допустит ничего подобного. Теперь ей надо быть хитрой, все тщательно обдумать и спланировать.

Это твердое решение, неотделимое от ее натуры, вселяло в Мариату уверенность и надежду на будущее. Оно сияло в душе молодой женщины, словно невидимая копия амулета, доставшегося ей от Амастана и хранящего ее от страшного будущего, которое ждало бедняжку в доме мясника. Да и сам амулет оберегал туарегскую принцессу от злых сил всей Вселенной.

Был уже назначен день свадьбы. Здесь Мариату ждала первая небольшая удача, поскольку нужно было подождать, пока приедут из Касабланки двоюродные братья мясника и тетя из Марсея. На самолете она не полетит, поскольку этот способ передвижения чужд человеческой природе, а путешествие по морю займет некоторое время. Айша была недовольна и старалась убедить мясника сначала сыграть свадьбу, а потом уже устроить особый праздник для родственников, но это предложение удивило и даже обидело его.

— Что вы такое говорите? — заявил он, надувая щеки и шумно выпуская из них воздух. — Разве есть какая-нибудь причина для такой спешки?

Айша уверила его, что ничего подобного нет, просто это время года самое благоприятное для прибытия родственников, особенно тех, кто уже не молод. Ведь через месяц по ночам станет резко падать температура, а это вредно для организма. Потом она отправилась на базар и принялась искать там кору корня хлопчатника, используемую для искусственного прерывания беременности. Старый торговец лекарствами, к которому обратилась Айша, сначала притворился, что не расслышал ее просьбы, и стал предлагать змеиную кожу, предохраняющую от всех болезней, сушеных хамелеонов и лапки ящерицы, помогающие от сглаза, а также ястребиный корень и волчий лук.

Когда женщина настойчиво повторила, что ей нужна кора корня хлопчатника, он очень рассердился.

— Постыдитесь спрашивать такие вещи. Это противно воле Всевышнего!

Когда Мариате выпал случай идти на базар, она напрямик направлялась к караван-сарая, подходила к путешественникам и заводила разговор о том, что ее братья скоро собираются идти с товарами через пустыню и ей страшно за них. Будущая мать внимательно слушала рассказы про засыпанные колодцы и больных верблюдов, про песчаные бури и зыбучие пески. Другая женщина, наверное, пришла бы в отчаяние

от этих страшных историй, но Мариату переполняла яростная решимость и уверенность в себе, которую она унаследовала от своих предков. Она упорно продолжала задавать вопросы и старалась твердо запоминать все, что ей говорят. От одного путника Мариата узнала, на какие места верблюда седоку следует обращать особое внимание, другой сказал, сколько примерно может стоить доброе, выносливое животное. Таких денег у нее не было, но это нисколько не охладило Мариату. Что-нибудь обязательно подвернется. Она переходила от одного верблюда к другому, оглядывала их с ног до головы, сравнивала.

Однажды, когда Мариата разглядывала очередное животное, к ней подошел какой-то человек, лицо которого было замотано покрывалом, и спросил:

— Ну что, нравится?

От неожиданности Мариата растерялась и промямлила:

— Кажется... да, ничего себе.

— У этой верблюдицы отвратительный характер, она ненавидит все человечество. Еще у нее мерзкий голос и укус — ядовитый, как у змеи. Кроме того, она почти не поддается дрессировке. Короче, животное похожа на всех тех женщин, которых я знал в жизни.

— Что ж, прекрасное независимое животное, — засмеялась Мариата.

Они помолчали, потом торговец снова заговорил:

— Я видел вас в караван-сараях. Зачем вы сюда ходите?

Мариата быстренько пересказала свою легенду про братьев, отправляющихся в длительное путешествие.

Мужчина выслушал ее с явным недоверием.

— Должно быть, вы очень беспокоитесь за своих братьев.

— Да, — ответила Мариата и почувствовала, что краснеет.

Тогда она быстренько добавила в свой рассказ подробностей, начав с того, что в караване, с которым идут ее братья, возможно, понадобится еще один верблюд, но не успела изложить и половины своего путаного вранья, как увидела, что старика-торговца не так-то просто надуть.

— Не делай этого, — впившись в нее глазами, произнес он.

Мариата шагнула назад и спросила:

— Не делать чего?

— А того самого, что я вижу у тебя в глазах.

— А что вы видите в моих глазах?

— Пустыню.

— Я...

Она хотела было уйти, но старик тронул ее за руку.

— Не обижайся. Я много времени провел в пустынях, зрение у меня острое. С таким цветом кожи и глазами... ты, наверное, из народа кельтайток, верно? В этих местах нечасто можно встретить человека с такой родословной.

Мариата с удивлением заметила, как он поправил тагельмуст, поддернув его повыше и закрывая еще большую часть лица, чем прежде. Это был жест величайшего уважения, такого она давно уже не видела.

— Отсюда я отправляюсь на север. Эта верблюдица мне больше не нужна, как и снаряжение, необходимое для перехода через пустыню. Можешь все это взять. Заодно прими мое благословение.

Она смотрела на него так, словно потеряла дар речи.

— Но я не могу... просто взять их у тебя.

— У тебя впереди ночь, чтобы подумать. Завтра я еще буду здесь.

Мариата в страхе и волнении бежала обратно к дому Саари. Неужели чудо, на которое она надеялась, свершилось? Или ей все это привиделось? Уж слишком хорошо все складывалось, чтобы в такое можно было поверить. Но, вернувшись, она обнаружила, что провидение снова вмешалось в ее жизнь. Мама Эркия заболела, причем так тяжело, что Айша носилась по дому, собирая необходимые вещи, которые могли понадобиться в больнице. Они отправлялись в Мекнес.

— А-а, вот и ты! Наконец-то! — сердито воскликнула мачеха. — Быстро собирайся!

— Я? — Мариата непонимающе уставилась на нее.

— В Мекнесе купим тебе свадебное платье.

Именно этого Мариате хотелось меньше всего, но она искусно скрыла испуг и запротестовала:

— Нет-нет. Мекнес — большой город, мне страшно туда ехать. Я уверена, что вы с Хафидой выберете для меня как раз то, что надо. Я вам буду только мешать.

С бьющимся сердцем она ждала ответа.

Айша задумчиво цыкнула зубом.

— Пожалуй, ты права. Ладно, остаешься здесь и будешь готовить еду для мужчин. Каждый день полдник и что-нибудь на вечер, после закрытия магазина. Через неделю мы вернемся, иншалла. Маме Эркии очень не понравится, если она пропустит свадьбу.

И ведь верно. Говорить старуха не могла, но смотрела на Мариату дурным глазом всякий раз, когда та проходила мимо.

Женщины уехали утренним автобусом, который отправлялся в Мекнес на рассвете, как следует закутав маму Эркию в шерстяные одеяла. Скоро и мужчины ушли открывать бакалейную лавку. Мариата осталась одна. Тишина, воцарившаяся в доме, казалась ей странно гнетущей, словно в пустых комнатах таилась некая сила, в любую минуту готовая помешать ее побегу. Мариата взяла себя в руки и все-таки обшарила каждое помещение, забирая все, что могло пригодиться в пути, в том числе и бумажные деньги, свернутые в трубочку, которые она, наводя однажды порядок на высокой полке в гостиной, обнаружила в декоративной вазе. С тех пор как Мариата в последний раз держала ее в руках, трубочка заметно полегчала. Она догадалась, что часть денег Айша взяла с собой, но оставалась еще довольно приличная сумма. Она сунула деньги в кожаную сумку, привезенную из Адага, ту самую, что сшила для нее Тана. Там уже лежали небольшой нож, на рукоятке которого виднелись письма на тифинаге, оселок, два кремня, моток веревки, три свечи, несколько небольших пучков трав, агадесский крест,^[70] блестящий металлический цилиндр, назначение которого Мариата и сама не знала, и обрывок свадебного халата Амастана, на котором засохла кровь.

В бакалейную лавку она пришла незадолго до полудня, надев свое самое красивое платье. Азаз и Байе сидели у двери и играли в карты на пыльной мостовой. Усман со своим деверем Брахимом были внутри, пересыпали рис из мешка в пластиковую бочку, до которой крысы уж точно не доберутся. За их работой лениво наблюдали несколько покупателей, которым спешить было некуда и совсем не хотелось выходить под палящие лучи полуденного солнца. Все с любопытством повернули головы в сторону вошедшей Мариаты. Она появилась неожиданно, с большим таджином в руках и с сумкой, полной лепешек, на локте. Весело улыбаясь, она поставила все это на стойку и демонстративно сняла крышку с горшка. Из него поднялось густое облако ароматного пара, щекоча ноздри присутствующих, и все немедленно догадались, что в нем содержится не что иное, как густо приправленное пряностями нежнейшее мясо барашка. У покупателей, как по команде, вытянулись шеи и зашевелились носы. Усман удивленно уставился на свою дочь.

— Мариата, похоже, ты все это время искусно скрывала свой талант, — сказал он, пристально глядя на нее. — Или нарочно изводила мачеху?

Девушка посмотрела на него широко раскрытыми, невинными глазами — ни дать ни взять воплощение послушной дочери, которая знает свой долг, — повернулась и бегом понеслась домой, зная, что теперь ее точно

долго никто не хватится. Там Мариата переделалась, достала дорожное снаряжение и хорошенько закутала голову платком, чтобы ее никто не узнал. С бьющимся сердцем она вышла на улицу, быстро пролетела через базар и зашагала по переулку, который вел к караван-сараяю. А вдруг тот торговец ушел вместе со своей верблюдицей? Или же Мариата его не поняла и он совсем не то имел в виду?

Она вошла под тростниковую крышу, где все путешественники, проходящие через город, оставляли своих верблюдов и ночевали, завернувшись в попоны, в небольших закутках, примыкавших к караван-сараяю и огражденных тонкими стенками. Этого человека и в самом деле нигде не было. Ошеломленная Мариата обошла все, вглядываясь то в одну лежащую ничком фигуру, то в другую. Люди дремали, пережидая дневную жару. Она пыталась вспомнить, как выглядел давешний торговец. Ведь Мариата даже не спросила, как его зовут...

— Дочь Хоггара, уж не меня ли ты ищешь?

Она испытала такое облегчение, что у нее даже коленки подогнулись. Наконец-то, вот он, высокий и, несмотря на возраст, стройный. Его пронзительные глаза ощупали ее плотную дорожную одежду, крепкую обувь и сумку с бахромой, заброшенную за спину.

— Я поймала вас на слове, вот и пришла.

Он видел, что ей как можно скорей хочется отправиться в путь, но все равно заставил ее сесть и выпить с ним чаю в тихом уголке караван-сарая, где их никто не мог подслушать. Не торопясь, аккуратно, педантично соблюдая все детали церемонии чаепития, принятые у туарегов, торговец вскипятит воду на маленькой жаровне, заварил чай в небольшом серебряном чайничке. Все это время Мариата сидела как на иголках.

— Я дам тебе мою Муши, по это должно быть сделано заимобразно, — сказал он, наливая себе второй стакан чая.

— Но вы говорили, что отдадите даром! — обиженно возразила Мариата.

— Муши у меня — умная девочка, она почти как человек. — Он наклонился к ней поближе и спросил: — Ты уже продумала свой маршрут? Знаешь, где находятся скрытые колодцы и приличные пастбища для моей верблюдицы, чтобы она не умерла с голоду? До родины твоих предков долгий путь. До тех мест даже ворону лететь больше тысячи миль, а ты не птица. Местность, которую ты должна пересечь, одна из самых суровых на земле. Муши уже не молоденькая, она вынесла много испытаний, и я не хотел бы, чтобы бедняжка издохла по дороге.

— Похоже, благополучие вашей верблюдицы беспокоит вас больше,

чем мое.

Старый торговец сощурил глаза.

— Мы с ней вместе уже добрых пять лет, и я ее очень люблю. Я провел с ней больше времени, чем в обществе собственной жены. — Он помолчал, а потом добавил: — Тем более что Муши у меня не сварлива и не пререкается.

Мариата напомнила ему, что в прошлый раз он говорил совсем другое насчет этой верблюдицы. Он секунду молчал. Видимо, она захватила его врасплох.

— Что ж, твоя правда, я действительно так говорил. Мы недавно вернулись из трудного путешествия, и в это время она была... строптива. Еще я думаю, что ты не совсем правильно меня поняла. Теперь мне жалко терять Муши, вот я и вспоминаю ее добрые качества...

Мариата вспыхнула и выпалила:

— Все понятно. Вы меня не проведете! Сначала говорили одно, и я вам поверила, потом другое. Хотите взвинтить цену. Так все здесь делают, тут никому нельзя верить!

Нечто подобное у нее произошло с соседкой, которая обещала приготовить таджин баранины за оговоренную цену, а потом подняла ее вдвое.

Но торговец, кажется, не обиделся на ее резкую речь и спокойно продолжил:

— Вдобавок за то время, пока мы здесь, она всем сердцем привязалась к двум верблюдам в этом караван-сарая. Мне кажется, было бы жестоко вот так разлучить их.

Это было уже слишком. Мариата вскочила на ноги, полезла в сумку, и через мгновение плотно свернутые в трубочку банкноты валялись в пыли у его ног.

— Вот! Я заплачу за эту побитую молью вздорную уродину!

Плечи старика затряслись. Из-под тагельмуста донесся странный звук, хриплый, с присвистом. Он даже не пошевелился, не попытался поднять деньги.

— Подожди-ка меня здесь.

Минуло полчаса. Мариата ходила взад-вперед и ждала. Прошло сорок минут. Сквозь тростниковую крышу видно было, как солнце медленно ползет по небу. Полосы теней, пересекающих двор, незаметно удлинялись. Она вышла из-под навеса на улицу, посмотрела в одну сторону, потом в другую, но ни торговца, ни верблюдов нигде не было видно. Мариата снова зашла в тень, села и стала ждать, размышляя, что же делать. Наверное, он

бросил ее, стыдно стало, что вот так наобещал, а потом взял и передумал, не сдержал данного слова. Скорее всего, старик и не собирался ничего для нее делать. В душе молодой женщины поселился гнетущий мрак, и это ослабляло ее решимость. Мариату терзала мысль о том, что ей придется возвращаться и еще целую ночь провести под одной крышей с этими людьми, делать вид, будто ничего не произошло. Кажется, у нее не остается выбора, надо признать поражение, вернуться, припрятать все, что собрала в дорогу, и как ни в чем не бывало встречать недоверчивые взгляды родных, не понимающих, почему она не смогла приготовить ужин настолько же вкусный, как и обед, который Мариата принесла им днем. На следующий день ей придется еще раз собраться с силами и все повторить. Снова пойти на базар, купить другого верблюда, снарядиться в дорогу и наконец-то пуститься в путь. Вздохнув, она поднялась на ноги, и как раз в этот момент на входе появился тот человек. Уже не заботясь о том, что это может привлечь нежелательное внимание, Мариата бросилась к нему.

— А я думала, вы ушли... — начала было она, но торговец прижал палец к тагельмусту в том месте, где должны быть губы, жестом приказал ей идти за ним и вышел на улицу, прокаленную солнцем, без единой тени.

Там Мариата увидела не одного верблюда, даже не двух, а целых трех: Муши, еще какого-то, довольно приличного на вид, и третьего, неряшливого и грязного, мавританской породы. Поцелкав языком, старик заставил двух первых встать на колени, взобрался на спину Муши и выжидательно посмотрел на Мариату.

— Не понимаю... — начала та, глядя на него во все глаза.

— Муши не пойдет в пустыню без меня и тех, кого она любит. Выходит, в Хоггар ты отправляешься не одна.

Это совсем не совпадало с ее планами, да и с чего это вдруг он захотел сопровождать ее? Вряд ли собирается грабить, уж очень надменно отверг предложенные деньги. А не хочет ли старик продать ее работоторговцам или, еще того хуже, французам? Подобных зловещих возможностей можно представить сколько угодно. Она медлила, внимательно глядя ему в глаза, потом спросила:

— А вам-то зачем это надо?

— Если ты хочешь провести остаток дня, играя в вопросы и ответы, то я могу и передумать.

Но Мариата стояла на своем.

— Я хочу знать ваши мотивы, — твердо сказала она, с вызовом выставив подбородок.

Глаза торговца красноречиво указали на ее живот.

— Я не большой знаток женщин, но пересекать пустыню одной, в твоём... положении! Если я не сделаю этого, то на моей совести будет не одна смерть, а целых две.

— Глаза у вас, я вижу, острые, как у орла, — вспыхнула Мариата. Застигнутая врасплох собственной гордостью и крайней нуждой, она закусила губу и продолжила: — Мой отец женился во второй раз, на женщине, живущей в этом городе. Она все время пыталась избежать позора, избавиться от беременной падчерицы. В конце концов ей удалось продать меня мяснику.

Старый торговец с шумом втянул в себя воздух.

— А отец позволил тебе это?

— Он во всем слушается свою жену.

— Они отправятся за тобой в погоню?

Мариата даже не думала о такой возможности. А ведь действительно, отправятся или нет? Отец вряд ли, поскольку Айша будет счастлива, когда Мариата исчезнет из её дома, но как насчет мясника? Обнаружив, что невеста сбежала, он будет выглядеть круглым дураком. Трудно представить, что этот тип легко перенесет такой позор.

— Кое-кто может, — сказала она.

— Женщины нашего народа горды и отважны, — немного подумав, кивнул старик, — но даже для самой Тин-Хинан такое путешествие было бы тяжелым и рискованным. Опасностей на дороге будет много, причем самых неожиданных. Между Марокко и Алжиром теперь вспыхнули пограничные разногласия, их называют войной в песках. Надо точно знать, где переходить с одной территории на другую, если не хочешь попасть в лапы солдат. По-моему, встречи с ними надо избегать, особенно женщине, которая путешествует одна. К несчастью, они рыскают не только в приграничных районах. Их машины можно встретить возле всех главных дорог, ведущих в Тиндуф. Если хочешь путешествовать более или менее безопасно, нужно хорошо знать караванные тропы и скрытые колодцы.

Мариата молча усвоила сказанное и вспомнила, что в последние дни она и вправду слышала разговоры об этом конфликте, просто не очень обращала на них внимание.

— Мне совестно просить человека, который только что вернулся из долгого путешествия через пустыню, сопровождать незнакомую ему женщину, да еще опять туда же, в пески.

— Еще раз говорю: если я отпущу тебя в Сахару одну, это будет давить мне на душу тяжким грузом до тех пор, пока Аллах не призовет меня к себе.

— Но почему вы это делаете? Ведь я вам совсем чужая, — настаивала Мариата.

— Люди покрывала — один народ, несмотря на вековые племенные разногласия, — улыбнулся старик. — Если ты скажешь, как тебя зовут, а я назову свое имя, то мы больше не будем друг другу чужими. Я Атизи, сын Байе, из племени кель-рела.

Значит, кель-рела. Некоторые зовут их козым народом и смотрят на них свысока из-за низкого происхождения.

Молодая женщина прижала ладонь к сердцу и назвалась:

— А я Мариата, дочь Йеммы, дочери Тофенат, ничтожный потомок нашей матери-прародительницы. В одной из версий истории моих предков упоминается о том, что Тин-Хинан проделала странствие в Хоггар со своей служанкой Такамат, от которой пошел род кель-рела. Говорят также, что история может неожиданно повториться, рука судьбы способна проделывать с нами подобные чудеса почище любого волшебника.

Глаза старого торговца на мгновение ярко вспыхнули. Он медленно склонил голову, как бы задумавшись над запутанными тайнами Вселенной.

На юге Марокко ночь наступает быстро. Кажется, минуту назад весь мир вокруг был залит алым светом, каждый камень, куст и неровность на поверхности земли купались в этом игривом пламени, и вот зловещий глаз солнца меркнет и исчезает, унося за собой все цвета радуги. Все вокруг окрашивается в один безрадостный серый тон.

Мариата тряслась и раскачивалась из стороны в сторону на спине покорного животного. Ее позвоночник с непривычки болел, копчик больно упирался в твердый тюк, на который она взгромоздилась и так крепко вцепилась в поперечину старинного деревянного седла, что побелели костяшки пальцев. Впереди ехал Атизи, сын Байе. Он сидел высоко и прямо, словно сросся со своим верблюдом, да и с остальным миром тоже составлял единое целое. Ощущая неудобство, молодая женщина всякий раз напоминала себе о том, какая судьба ждала ее в Имтегрене. словно по волшебству, спина женщины выпрямлялась, боли исчезали хотя бы на какое-то время.

Так, медленно, без остановок, они ехали уже часов пять мимо низких песчаных холмов, пыльных пальмовых роц, через заросшую кустарником и низкорослыми деревьями местность, лежащую к югу от плато Тафилальт. Наконец путники оказались в долине, через которую тысячи лет шли караваны от пустыни к морю. Это был широкий и глубокий коридор, прорубленный в известняке. В ямах, заполненных водой, отражалась луна,

мерцавшая сквозь тихо покачивающиеся листья пальм. Они миновали множество небольших селений, золотистые огоньки которых еще более подчеркивали темноту, и под стеной какой-то разрушенной крепости увидели людей, сгрудившихся вокруг небольшой жаровни и готовящих себе вечернюю трапезу. Запах еды достиг ноздрей Мариаты, и она вдруг почувствовала, что очень проголодалась. Атизи тихим, спокойным голосом поприветствовал их. Те ответили, проводили их взглядами, с любопытством рассматривая бледный овал непокрытого лица Мариаты, и снова вернулись к своим горшкам.

— Может быть, мы хоть немного отдохнем? — Собственный голос показался Мариате чужим, прозвучавшим так же заунывно, как крик совы.

Повисла долгая пауза, еще более подчеркивающая тишину, обступившую их.

— Вести имеют обыкновение находить тех, кто в них нуждается, — наконец произнес старый торговец. — Если ты не хочешь, чтобы тебя отыскали и вернули обратно в Имтегрэн, то мы должны уехать от Тафилальта как можно дальше.

Когда они все-таки остановились на ночевку, Мариата долго не могла уснуть, хотя смертельно устала. Подстелив грубую попону из верблюжьей шерсти, она лежала на спине и смотрела в небо. Где-то там находился теперь ее Амастан. Его дух странствовал по огромному черному небу и сейчас видел ее. Мариата вглядывалась в созвездия, стараясь отыскать след мужа, но те светили холодно, бесчувственно и ничем не выдавали его присутствия. Потом она, должно быть, ненадолго уснула, потому что, когда снова пришла в себя, увидела, что звезды сместились в сторону, а часть неба побледнела. Неподалеку шевелились и храпели верблюды. Когда на востоке над линией горизонта показался край солнца, один из них медленно поднялся на ноги, словно понимал, что отдых закончился и скоро надо будет снова отправляться в путь.

Атизи удивил ее тем, что развел небольшой огонь, сварил кашу и принес ей полную миску, а сам отошел в сторонку, чтобы не мешать Мариате есть. Ведь даже в пути мужчинам и женщинам не подобает вместе принимать пищу и даже смотреть друг на друга во время трапезы. Каша оказалась гораздо вкусней, чем она ожидала, горячей и аппетитной, приправленной ароматным перцем. Голод Мариаты из-за утренней прохлады совсем разыгрался, поэтому справилась она с ней быстро.

Рано утром по дороге на Мерзугу мимо них проехали машины. Это были грузовики торговцев, раскрашенные в красный и синий цвета, доверху наполненные всякой всячиной, увешанные гирляндами амулетов,

пластмассовых цветов, талисманов и изречений из Корана, свисающих с зеркал заднего вида. Водители разглядывали их с преувеличенным любопытством.

После того как мимо них проехала третья машина, Атизи заставил верблюдов свернуть с дороги.

— Теперь мы должны сделать крюк. В Тахани есть оазис. Мы поедем к нему и остановимся там до темноты. Границу легче пересекать ночью. Затем мы направимся дальше и в темноте дадим верблюдам покормиться. Там у них будет последнее хорошее пастбище. Потом пойдут пески, где наша жизнь окажется в руках Всевышнего. — Он поднял руки к небу.

Под жгучими лучами полуденного солнца Мариата раскачивалась в седле в такт походке верблюда, уже не обращая внимания на однообразный пейзаж с высохшими руслами водных потоков и раскаленными холмами, медленно проплывающими мимо. Солнце немилосердно палило голову, в висках стучало. С затылка по спине сбегали ручейки пота. Тяжесть растущего живота напрягала позвоночник, вызывала в нем боль, но у нее уже не было сил сменить позу на неудобном седле, и она продолжала сидеть словно в оцепенении, загипнотизированная мерным движением животного. На пути им никто не встретился, не считая какого-то пастуха, присматривающего за тощими козами, которые выщипывали в этой унылой местности остатки скудной растительности. Козел тоже был худой и диковатый на вид. Он проводил их недобрым взглядом своих желтых прищуренных глаз, словно понимая, что его стадо обречено странствовать вот так, до самой голодной смерти.

Мариата подумала, что ее странствие закончится точно так же, и велела себе быть мужественной. Это только начало пути, всего несколько жалких часов. Впереди ее ждет не одна неделя трудного перехода. Сумеет ли она остаться в живых к концу путешествия по пустыне, которая уже становилась куда более суровой и враждебной, чем те неприветливые каменистые земли, по которым они до сих пор ехали. Не безумие ли думать, что ей удастся выдержать подобное тяжелое странствие? Не самонадеянно ли было пускаться в столь опасный путь? Они едва только отправились, а ее уже охватили сомнения. Мариата притронулась к амулету, чтобы отогнать невеселые думы. В это время они достигли вершины скалистого подъема, и вдали показались зеленые пальмы Тахани.

Стреноженные верблюды методично объедали растительность под ногами, Атизи, сын Байе, сидел на скале и дежурил, опасаясь появления

разбойников или случайных воинских подразделений, а Мариата дремала в тени деревьев оазиса. Ей снилось, что она снова в Адаге. Ритмичный шелест пальмовых листьев, колеблемых ветром над ней, чудесным образом преобразался в отдаленный бой барабанов и пение свадебных песен. Мариата лежала не на твердой земле, завернутая в вонючую попону из верблюжьей шерсти, но на мягкой кровати в своем шатре, предназначенном для невесты, благоухающем благовониями, курящимися в специальной плошке. Она оказалась в крепких объятиях супруга, вдыхала теплый и живой аромат его тела, тесно прижавшегося к ней под пологом, украшенным рядами геометрических символов, обозначающих верблюдов, которые так красиво смотрятся на золотистом фоне. При огоньке свечи Мариата через лоснящееся плечо Амастана глядела на то, как цветы, изящно вышитые по краям одеяла, превращались в прекрасные звезды. Так выглядела мозаика, которую она видела в мечети города Таманрассета. Мариата улыбалась. Может ли человек быть настолько счастлив? Нет, это невозможно. Теперь они муж и жена, и никто на свете не может их разлучить. Они — единая плоть, мужчина и женщина, соединенные в одно целое. Они одинаково смотрят на мир, слышат его, и сердца их бьются в одном ритме. Они всегда будут вместе, вырастят не меньше дюжины детей. От них пойдет новая династия. Они назовут ее в честь Тин-Хинан и со своими стадами и верблюдами станут всю оставшуюся жизнь ходить соляным путем от одного плодородного оазиса к другому, свободные, никому не подвластные, будут жить на этой земле легко и весело, в полном согласии с обитающими здесь духами. Тепло окутало ее, затуманило мысли. Совершенно счастливая, она качалась в этом коконе, уже не вполне воспринимая отдаленный барабанный бой, мерное дыхание Амастана, шевеление его поднимающейся и опадающей груди, прижавшейся к ней.

Прошло довольно много времени, как вдруг Мариата услышала голос. С ней говорил Амастан, он что-то шептал ей на ухо. Она с усилием попыталась сбросить с себя глубокий сон, пробиться на поверхность сознания. Муж говорил что-то очень-очень важное. Мариата отчаянно боролась со сном, пытаясь разобрать его слова.

— Госпожа!..

Чья-то рука легла на ее плечо. В лицо дохнуло прохладой.

Она испуганно вскочила на ноги. К ней прикоснулся не Амастан, а какой-то старик. Лицо его обветрено и покрыто морщинами. Прохлада, повеявшая на нее, оказалась его тенью, закрывшей солнце. Кто он такой? В течение нескольких долгих секунд Мариата никак не могла этого понять, и мыслей в голове никаких не было. Их прогнало сердце, громко стучащее от

страха. Потом этот человек отодвинулся, и на нее снова упали горячие лучи. Она заморгала и сощурилась от ослепительно-яркого солнечного света, который пробился сквозь листья высившейся над головой пальмы и разорвал полумрак и убаюкивающий кокон ее брачного шатра. В замешательстве Мариата снова закрыла глаза, пытаясь догнать отлетающий сон, сосредоточиться на самых ярких его подробностях, которые могли бы вернуть иную, прекрасную реальность, успокоить ее. Но ключья великолепных образов уплыли прочь, как туман, съеденный лучами восходящего солнца.

«Одеяло, одеяло», — отчаянно думала она, прижимаясь к шагающим верблюдам и бутонам цветов, похожих на звезды.

Какое-то мгновение Мариата даже ощущала прохладу хлопчатобумажной ткани, в которую вцепились ее пальцы, рельеф вышивки. Вдруг она вспомнила, где в последний раз видела такую роскошную работу: в горах Аира, в шатре своей тетушки Дассин, в ту самую ночь, когда Росси попытался взять ее силой. Вероятно, этот полог и сейчас там. Мариата так и не взяла его с собой в Адаг. Она бросила почти все свое имущество, когда бежала с Рахмой, матерью Амастана, через Тамесну.

Амастан...

Чувство невосполнимой утраты опять поразило ее. Мариата хрипло вскрикнула и горько расплакалась, раздавленная безнадежностью своего положения.

Атизи, сын Байе, отступил назад. Несмотря на преклонные годы, опыт общения с женщинами у него был не очень богат. Их бурные чувства казались ему странными и смущали больше, чем трудности, с которыми человек имеет дело в пустыне. Поэтому он отошел от нее на благоразумное расстояние и развел огонь в маленькой жаровне, чтобы приготовить чай. Старик по опыту знал, что стакан зеленого чая способен поднять дух всякого человека. Для этого Аллах и подарил его людям.

Когда он вернулся, рыдания Мариаты стихли, хотя следы слез на щеках все еще не высохли. Ни слова не говоря, Атизи протянул ей стакан с чаем. Она взяла его, в знак благодарности слегка наклонила голову и стала пить, угрюмо глядя в землю.

Прошло довольно много времени, прежде чем она заговорила:

— Я должна кое о чем рассказать. Мои слова могут показаться вам неприятными. Обстоятельства таковы, что вы можете передумать и отказаться сопровождать меня через пустыню.

Голос ее звучал хрипло. Она замолчала, собираясь с духом.

Атизи спокойно сидел и ждал. Он научился быть терпеливым, много лет имея дело с верблюдами, которые, исключая женщин, были самыми упрямыми созданиями, сотворенными Всевышним. Старик нутром чуял, что сейчас ему поведают историю, и хорошо знал, что все они излагаются по-своему. Торопить рассказчика никогда не следует.

Тут-то Мариата и выложила все старому торговцу. Когда она сообщила, что причиной недуга Амастана были козни Кель-Асуфа, седые брови Атизи, сына Байе, поползли вверх и коснулись края его тагельмуста. Одной рукой он незаметно притронулся к связке небольших кожаных амулетов, которые носил на шее. Мариата все говорила, описывала ритуал, изгнавший злых духов из больного, и не позабыла подчеркнуть, что не считает это своей заслугой. Скорее всего, здесь подействовало колдовское искусство деревенского инедена.

— Инеден? Да, кузнецы обладают огромной силой. — Атизи задумчиво кивнул. — Это правда, такие люди умеют управляться со злыми духами.

— Да, только наш кузнец был не мужчина, — сказала Мариата.

— Женщина? — недоверчиво переспросил он.

Работать с железом женщинам не положено, это строгое табу. Такой труд предполагает наличие власти над духами, живущими в огне, а это может нанести женщине непоправимый вред, лишить ее способности рожать детей. Кроме того, всякий изготовленный ею предмет нес бы несчастье. Ключ не поворачивался бы в замке или застревал бы так, что не вытащить. Любое орудие труда ломалось бы. Топор мог соскочить с топорщица и поранить ребенка или животное. Меч или наконечник копья сломался бы в самый критический момент. Да уж, об этом всякий знает.

Мариате стало немного не по себе.

— Ну, не совсем, — проямлила она.

— Не мужчина и не женщина? — Старик вдруг откинулся назад, и лицо его прояснилось. — Я помню одного инедена, да и жену его тоже. У них однажды родился ребенок, который оказался не мальчик и не девочка, а то и другое одновременно. Они кочевали с племенем кель-теделе. Интересно, возможно ли...

— Ее звали... Я всегда обращалась к ней как к женщине. Да, ее звали Таной, и человек она была замечательный. Таких я редко встречала. Она жила с племенем кель-теггарт.

Теперь старый торговец внимательно заглянул ей прямо в глаза и спросил:

— Ты тоже жила в племени кель-теггарт?

Мариата кивнула.

— Я слышал, что с людьми этого племени случилось... что-то ужасное.

Мариата открыла было рот, чтобы все рассказать, но не смогла. В гортани у нее будто застрял камень. Слова бились об него, пытались прорваться наружу, но тщетно. Зато из глаз молодой женщины снова побежали слезы.

Атизи отвернулся и мрачно сказал:

— Схожу посмотрю, как там верблюды.

Позже, когда в сумерках стало не видно ее лица, она разыскала его.

— Вы человек немногословный, а я женщина гордая, поэтому не спрашивайте меня больше того, чем я сама захочу рассказать. Ребенок, которого я ношу, не мой позор. Он от моего погибшего мужа из народа кель-теггарт, сына аменокаля Аира. Его звали Амастан, сын Муссы. Этот мужчина был для меня все, земля и небо.

Голос ее пресекся. Она впервые произнесла имя мужа с тех пор, как увидела его мертвым, но теперь, когда оно прозвучало, рассказ ее казался весомей.

— Я не желаю, чтобы мой ребенок рос в семье мясника. Именно это для меня позор. Ну вот я вам все и рассказала.

Атизи долго молчал, потом вздохнул.

— Воистину, ты, должно быть, возбуждала в людях много зависти, и кто-то намеренно сглазил тебя. Надеюсь, с каждым шагом в глубь пустыни расстояние между тобой и твоими несчастьями будет все больше. Иншалла.

Пока они ждали полного наступления ночи, Мариата впервые со дня свадьбы открыла амулет Амастана и вытрясла в ладонь бумажную трубочку, хранившуюся в нем. В свете восходящей луны она стала читать заклинание, которое для нее написала Тана, но бледные символы, идущие сверху вниз, различить было трудно. Мариата сумела разобрать только имена — свое и Амастана — и сдалась. Какую бы силу ни содержало заклинание, оно не спасло Амастану жизнь и потому оказалось бессмысленным. Чувствуя себя еще более одинокой, чем прежде, она чуть не выбросила бесполезную бумажку, но подумала и крепко зажала ее в кулаке. Здесь, где в это время царствует Кель-Асуф, можно навлечь на себя еще более серьезные несчастья. Мариата вложила пергамент обратно и задвинула шишечку над потайным отделением талисмана.

Когда в небе медленно поднялся серповидный месяц, они двинулись

по каменистой местности к дороге, которая пересекала спорную территорию. Мариате она казалась безжизненной, пустой полоской, чуть более бледной, чем окружающая земля. Едва заметно было, что ее искусственно выравняли и разглаживали на неровном лице пустыни. Насколько хватало взгляда, движения по ней заметно не было, но, когда путники подъехали к последнему нагромождению скал перед дорогой, вдалеке показался свет автомобильных фар. Они озарили лицо старика, и Мариата увидела, что его глаза вспыхнули каким-то непонятным огнем.

— Быстро спрячься за валунами. Один верблюд там еще может укрыться, но не три. Если эти люди останутся, я с ними поговорю. Постарайся, чтоб Муши не шумела, и не высывайся ни в коем случае.

Муши очень не хотелось покидать своего хозяина, и Мариата выбилась из сил, пока заставила ее спрятаться в укрытии между скалами. Как раз вовремя, потому что машины с воем взяли подъем и со страшной скоростью помчались прямо на них. Мариата осторожно выглянула из укрытия и увидела, что старый торговец сошел с верблюда и распустил свой тагельмуст. Она не знала, сделал ли он это из неуважения к солдатам или для того, чтобы они не очень его опасались.

На мгновение ей показалось, что чужаки не заметили старика с двумя верблюдами или просто не заинтересовались им. Но тут передний джип с визгом затормозил и остановился.

— Кто ты такой и что ты здесь делаешь? — крикнул какой-то военный, наставив на старика ствол автомата. — Покажи документы!

Атизи раскрыл рот и переспросил с гнусавым деревенским акцентом:

— Документы?

Тот же человек жестом приказал двум своим подчиненным выйти из машины и велел:

— Возьмите у него документы.

Двое солдат, смеясь, подошли к нему.

— Да это просто старикашка. Наверное, заблудился в пустыне, — проговорил один из них.

— Никто не должен проходить здесь без документов. А вдруг это марокканский шпион? Заодно обыщите его узлы. Не хватало только, чтобы повторился наш провал на прошлой неделе.

Солдаты послушно стали ощупывать и тыкать мешки.

— Оружия нет, — сказал один из них.

— Идиот, — заявил другой, хватая винтовку, висящую на боку верблюда Атизи. — А это что?

В тусклом свете месяца поблескивало старинное ружье, на серебряных

деталей которого древний кузнец выгравировал заклинания. Солдаты передавали его друг другу и смеялись.

— Да разве это оружие? Старый хлам. Из него опасно стрелять, можно самому себе голову снести.

Щека Атизи дрогнула, но он ничего не сказал и продолжал стоять, упершись глазами в землю.

— Так что ты скажешь, старик? Где твои документы?

— У меня нет... документов. — Он намеренно с трудом произнес это слово.

— Они должны быть у всех.

— А у меня нет. — Атизи пожал плечами. — Кто я такой? Просто бедный старик, отставший от своего каравана. У меня верблюд заболел, вот они и отправились дальше без меня. Бросили!

— Так-таки и оставили одного?

Атизи твердо встретил его взгляд.

— Да, одного.

— Вот и путешествуй с такими друзьями! — со смешком заявил один солдат.

— Да отпусти ты его, Ибрагим. А то всю ночь придется писать, рапорт туда, рапорт сюда...

— А что у него в этих тюках? Может, все-таки найдется что-нибудь такое... что нам пригодилось бы, а?

Другой солдат поморщился.

— Ячмень, немного сушеного мяса, финики и все такое. В общем, провизия, неинтересно.

— А пива нет?

Атизи бросил на него презрительный взгляд.

— Пива нет.

— Ладно, старик, считай, что тебе повезло. У нас нет времени на таких старых кочевников, как ты. — Ибрагим посмотрел на него недобрым взглядом и приказал подчиненным: — Впрочем, заберите у него ружье.

— Нет! — отчаянно закричал Атизи. — Оно мне досталась от дедушки!

Он вцепился в свою винтовку, но солдат, который держал ее в руках, как бы играючи, но с силой повернул оружие, приклад крепко ударил Атизи в висок, и старик со стоном упал на землю.

В этот момент в ночном воздухе раздался рев Муши. Верблюдица рванулась вперед и неожиданно сбросила с себя Мариату. Нога молодой женщины неловко зацепилась за чепрак седла. Она отпустила поводья и

шмякнулась на кучу какого-то тряпья. Муши почувствовала себя свободной, вытянула шею и бросилась к своему хозяину. Третий верблюд, ошарашенный неожиданным оборотом событий, задергал головой и сумел освободиться от повода. Нелепо выворачивая ноги, он помчался через дорогу и попал под яркий свет автомобильных фар.

Прогремели выстрелы.

Ошеломленная Мариата лежала в тени скалы. Ее охватил дикий страх. Перед глазами снова предстали жуткие картины нападения на селение, от которых ей удалось избавиться только нынче вечером. Она снова как наяву видела людей в форме, вспышки выстрелов, в клочья раздирающих ночную темноту, в ушах звучали автоматные очереди. Горело платье Рахмы, в скачущих отсветах пламени возникали и пропадали охваченные похотью и злобой темные лица солдат, бросающих Тану на землю. Перед ее глазами на красивом свадебном халате Амастана расплывалось темное пятно, она снова ощущала странную липкую влагу на ладонях, отец опять оттаскивал ее от тела мужа. Страх подтолкнул Мариату к действию. Она боком вползла в щель между двумя скалами, сжалась там в крохотный комочек и молча слушала крики солдат, рев верблюдов. В ее сознании все это слилось в нерасчленимый, неясный шум, из которого ей было ясно одно: там творится жестокое и безжалостное насилие. Мариате очень хотелось закричать, но она понимала, что сейчас надо любой ценой остаться в живых, и стискивала зубы. Сердце говорило ей, что так поступать нехорошо. Молчание стоило Мариате таких усилий, что ее глаза выкатились из орбит. Она сунула в рот конец платка, опасаясь, что крик вырвется из глотки помимо воли. Что они делают с несчастным стариком? Неужели его пристрелили? Мариата не осмеливалась выглянуть и посмотреть, боялась, что ее заметят. Если солдаты поступили так с беззащитным стариком, то уж с ней церемониться не станут.

Совсем близко раздались шаги, камешки хрустели под подошвами.

Буквально в нескольких футах раздались голоса.

— Что это там?

Мариата закрыла глаза. Она уже смирилась с тем, что попалась, спасения нет. Перед глазами снова встала картина: солдаты раздирают халат Таны, грязные пальцы хватают ее за грудь... Может быть, ей повезет и они сразу убьют ее. Амулет пульсировал в пальцах, круглые красные камешки словно прожигали кожу насквозь.

В голове билась одна мысль: «Только бы не заметили...»

Вот показалась чья-то нога, потом рука и голова в фуражке. Человек наклонился, пошарил в темноте рукой и что-то поднял.

— Сумка кожаная... старая уже. Наверное, упала с верблюда, который удрал.

Какие-то предметы падали на землю. Человек сапогом раскидал их в стороны.

— Ну и что там?

— Да ничего особенного. Эти люди вечно таскают с собой какой-то хлам. Свечи, кусок веревки, пара каких-то камешков... грязная тряпка, зажигалка, старый нож.

— Нож? Нам пригодится?

— На нем какие-то колдовские знаки.

— Да это просто слова, дурак. Какой же ты суеверный. Слова — это слова, никакого колдовства в них нет.

— Я к нему все равно не притронусь. Мне рассказывали про туарегские ножи, на которых вырезаны заклинания. Попадет такой нож в руки врага своего хозяина и сам перережет ему горло, не успеет тот и глазом моргнуть.

— Да ты что! Ну-ка, дай посмотреть.

Появился еще один человек и наклонился, стоя спиной к Мариате. Пока он изучал трофеи, кругом царила полная тишина.

— Да он совсем тупой. Дрянь, а не нож.

Вещица опять со стуком упала на землю.

— Похоже, старикашка и вправду был один.

— А почему у второго верблюда седло? Скажи, если ты такой умный.

В воздухе ненадолго повисло молчание.

— Ты сам видел, какие это верблюды. Тебе понравится, когда тебя оставят одного в пустыне без запасного оседланного верблюда, если твой собственный чуть что пугается и несет?

Его товарищ нехотя согласился с такой логикой.

— Ладно, пошли обратно. Тут такое место, что мне как-то не по себе. Ей-богу, я только что слышал, как кто-то дышит.

Мариата затаила дыхание.

— В пустыне возникают всякие странные звуки, это все знают. Днем скалы нагреваются, ночью охлаждаются и трескаются, шелушатся. Что-нибудь в этом роде ты и слышал.

Другой снова стал спорить, но голоса их отдалялись, и скоро слов уже нельзя было разобрать. Через несколько минут моторы джипов взревели, лучи фар скользнули в сторону, и наступила зловещая тишина. Мариата долго выжидала, потом осмелилась выбраться из своего убежища и крадучись вышла на открытое место. Она дрожала от страха, ожидая

увидеть что-то совершенно ужасное.

На обочине дороги, вся в пятнах крови, неподвижно лежала верблюдица Муши. Двух других верблюдов, а самое главное, Атизи нигде не было видно. Их словно целиком проглотил какой-нибудь джинн. Мариата огляделась, но везде была только пустыня, пустота, наполненная мраком, едва тронутым светом тоненького месяца, пробирающегося сквозь волнистые облака.

Почему она не помогла старику? Он пропал, возможно, убит, а Мариата трусливо, малодушно пряталась. Она напонила себе, что он сам приказал ей не высовываться, но молодой женщине все равно было очень стыдно. Оцепенелым движением она подняла свою кожаную сумку с бахромой, подарок Таны, последнее, что у нее осталось от прежней жизни. Она была пуста, ее содержимое солдаты бессмысленно разбросали по земле. Мариата стала лихорадочно шарить рукой и через несколько мгновений нашла оселок, моток веревки, три свечи и нож, который нагнал суеверного страха на одного из солдат. Немного поодаль в неверном свете месяца блеснул агадесский крест. Она нашла пучки трав, разбросанные там и сям, и даже камешки, очень похожие на ее кремни. Но как тут узнаешь наверняка, когда кругом валяются тысячи других с острыми краями? Мариата немного удивилась, когда под руки ей попался лежащий в грязи серебряный цилиндрок, который солдаты называли зажигалкой. Она бросила его в сумку. Он упал на ее дно и глухо звякнул, но в тишине ночи это прозвучало неестественно громко. Но где обрывок ткани цвета индиго? Мариата вдруг поняла, что найти его для нее жизненно важно. Она ощупывала пыльную каменистую землю, совсем не думая, что в темноте могут скрываться скорпионы, словно вся жизнь не только ее, но и ребенка, носимого под сердцем, зависела теперь от того, найдется эта тряпица или нет. Не одну и не две долгие минуты женщина отчаянно обшаривала землю и наконец-то нашла! Обрывок висел на колючке куста. Мариата прижала ткань к лицу, вдохнула ее слабый, немного затхлый, ни с чем не сравнимый запах, потом поцеловала обрывок и аккуратно уложила его в сумку.

Сидя на корточках, она уныло смотрела на дорогу, уходящую к югу. Где-то там лежал Тинаривен. Кругом необъятная пустыня, тысячи миль древней земли, таящей в себе неизведанное, бесплодные скалы и пыль, где для человека нет ни укрытия, ни средств к существованию. Пески усеяны костями давно умерших людей — случайно заблудившихся римских легионеров, неосторожных захватчиков. Целый океан дюн, волна за волной вздымающихся и опадающих, колодцы, о которых знают только опытные проводники-мадугу, идущие впереди каравана, реки, бегущие так глубоко

под землей, что на поверхности не видно даже их следа. Все это принадлежит не людям, а демонам пустынных мест и самому Кель-Асуфу. Теперь нет спасения от полного одиночества в этой пустыне. У Мариаты не осталось ни проводника, ни верблюдов, ни припасов. Ее ждет только отчаяние и безумие.

Позади, за спиной, лежал мир, известный ей. Даже пешком и в одиночку относительно нетрудно проделать обратный путь до Имтегрена, откуда она бежала вместе с Атизи. Но как только Мариата вернется, то снова попадет в лапы мачехи. А та немедленно отдаст ее проклятому мяснику. Мариата станет его второй женой и рабыней, зато выживет, как и ее ребенок. Да, выбора нет.

Мариата встала, закинула на спину кожаную сумку, решительно повернулась лицом к югу и зашагала в неизведанное.

Глава 28

За окном внедорожника с грохотом мчалась пустыня, причем с такой скоростью, что я и не подозревала прежде, что здесь можно так ездить. Сидя рядом с водителем, я прижала лоб к холодному стеклу и смотрела в непроницаемую тьму. Лишь бледные лучи фар, то и дело переключаемых с дальнего света на ближний и обратно, прорезали этот мрак, освещали близкие очертания песчаных бугров и холмиков, странных гигантских растений, тени которых бросались из-под колес, обломков скал, разбросанных то здесь, то там. Иногда машина шла юзом, словно по снегу. Водитель играючи выправлял ее, но по большей части гнал прямо, он полностью вдавил педаль газа, будто ему хорошо был знаком каждый метр этой пустыни. Впрочем, вероятно, так оно и было. За рулем сидел главарь контрабандистов, а двое его людей устроились сзади. Таиба загнали во вторую машину, которая следовала за нами на некотором расстоянии.

Теперь на главаре не было солнцезащитных очков, и я могла сложить более четкое представление о возрасте этого человека. Пространство вокруг глаз покрывала густая сетка глубоких морщин, в бровях пробивалась седина. Я прикинула, что ему, должно быть, где-то между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью пятью, при условии, что он хорошо сохранился. Несмотря на возраст, мужчина выглядел здоровым и крепким, видимо, жил в полном согласии с окружающим миром. Если кусок дерева долго лежит в пустыне, то палящее солнце выпивает из него всю влагу до последней капли. Он делается твердым как железо. Еще этот человек внушал страх. Когда он повернулся и посмотрел на меня, его взгляд был таким же пронзительным, безжалостным и холодным, как у хищной птицы.

— Скажите, Изабель, вы богатая женщина?

Я изумленно посмотрела на него, застигнутая врасплох этим прямым

вопросом.

— А вам зачем?

— Хочу знать, смогут ли ваши родственники хорошо заплатить за то, что я отпущу вас домой, — горько усмехнулся он.

— Домой? — как эхо, повторила я, и это прозвучало довольно глупо. — Что вы имеете в виду?

— Если они захотят получить вас обратно в целости и сохранности, им придется заплатить выкуп.

Выкуп? Мысль об этом казалась мне нелепостью, я про такое только в книжках читала. Да и кто захочет платить за меня выкуп? Но что же еще происходит здесь, где-то у черта на куличках, посередине никому не известной пустыни? Вооруженные люди схватили меня, сунули в машину и на большой скорости везут в какой-то безымянный лагерь — как это называется? Придется тупо признать, что это и есть похищение. Нас схватили и увезли. Ради выкупа.

— Вы хотите сказать, что мы заложники?

— Можно сказать и так, — скупой улыбнулся контрабандист. — Я пока не решил. А вы не ответили на мой вопрос, Изабель Треслов-Фосетт. Вы меня простите, я не вполне разбираюсь в нюансах британского общества, но ваша двойная фамилия указывает на то, что вы относитесь, если так можно выразиться, к высшему эшелону, верно? К самому богатому слою общества.

— Боюсь, что вам очень не повезло насчет денег. — Теперь настала моя очередь горько усмехнуться. — Все мои родственники умерли.

— Так-таки все?

Он повернулся, с любопытством на меня посмотрел, и на мгновение мне показалось, что я уже где-то видела эти глаза. Не выдержав его взгляда, я отвернулась. Да-да, эти глаза!.. Они были посажены так, что казались мне поразительно знакомыми. Меня охватила дрожь. От страха, что ли? В моих обстоятельствах это звучало правдоподобно. Кстати, если это и страх, то совсем не тот, который я, бывало, испытывала на сложном участке подъема по скале, перед серьезным экзаменом или в более раннем возрасте, когда прислушивалась к шагам на лестнице. Я быстро подавила это воспоминание. Даже сейчас, когда я остро ощущала опасность, оно было настолько ярким и мучительным, что у меня вспотели ладони.

— Платить за то, чтобы вы отпустили меня домой, не станет никто.

— Послушайте, Изабель, я в это не верю. Ни единой секунды.

— Моя мать умерла от рака, когда я училась в университете. Отца не стало несколько недель назад. Братьев или сестер у меня нет.

— Потерять мать в столь нежном возрасте всегда нелегко, и я всем сердцем сочувствую вашей утрате. — Главарь контрабандистов помолчал, и я уж было подумала, что он оставил эту тему, но ошиблась. — Ведь всегда должен быть кто-нибудь, кто может заплатить. Вы не замужем?

Я отвернулась и стала смотреть в окно. Обширное пустое пространство почему-то тревожило меня гораздо меньше, чем напряженная атмосфера, царившая внутри машины.

«Может, наврать ему о себе? — растерянно думала я. — Глядишь, спасу шкуру. Ведь если и в самом деле не найдется никого, кто мог бы заплатить выкуп, то меня просто пристрелят и бросят в пустыне шакалам».

Но лгать мне почему-то не хотелось.

— Нет, — откровенно ответила я, прервав молчание. — Я не замужем.

— Ваш муж тоже умер? — настойчиво продолжал он задавать вопросы.

— У меня никогда его не было.

Он посмотрел на меня, высоко подняв брови.

— Такая красивая женщина и не замужем? Вы меня удивляете!

Красивая? Это слово я не привыкла связывать со своей внешностью.

— Просто не представился случай, вот и все.

— Роза, которую никто не смог сорвать, — задумчиво произнес он.

Я всей душой надеялась, что он думает вовсе не о самом очевидном.

— Не сказала бы так, — отозвалась я, стараясь как можно более четко выговаривать английские слова.

— Неважно. За вас заплатит британское правительство. Я в этом не сомневаюсь.

— Моя мать была француженка. У меня, так сказать, двойная национальность, хороший повод обеим сторонам умыть руки. Да вы и сами знаете, что позиция правительств европейских стран по отношению к похитителям людей довольно твердая. Когда их пытаются шантажировать, они очень не любят идти на уступки. Или вы так не считаете?

Я видела, как дрогнула щека этого человека, не поняла, нахмурился он или улыбнулся.

— Мисс Фосетт, я полагаю, что публичные заявления чиновников любого правительства сильно отличаются от того, что они делают втайне. — Его, видно, забавляла наша болтовня. — Хотя должен признать, что британцы — орешек покрепче, чем, скажем, французы. Они во всеуслышание объявляют, что не будут вести никаких переговоров с террористами. Именно так нас часто называют. Но всегда находится повод к заключению сделки, как мы говорим, под рукавом. Так мы и получаем

свой маленький бакшиш.

Террористы? Услышав это слово, я похолодела. Мои похитители не выглядели религиозными фундаменталистами, но я вполне отдавала себе отчет в том, что мое понимание этого термина, конечно же, связано с впечатлением, которое на человека европейской культуры произвели события одиннадцатого сентября, а также с образами бородатых талибов с автоматами АК-47 в руках и молодых пакистанцев, живущих в Британии, мозги которым хорошенько промыли имамы-диссиденты, проповедующие взгляды, очень даже противоречащие исламу. Может быть, они политические террористы, как организация РВС^[71] в Колумбии, захватившая Ингрид Бетанкур^[72] и продержавшая ее в плену шесть долгих лет, наполненных ужасными пытками? Сердце мое сильно забилося.

— А если не найдется? — спросила я вроде бы беспечно, но меня выдала дрожь в голосе.

Он бросил на меня косой взгляд и ответил:

— Ну, тогда... вас останется только пожалеть.

«Значит, если никто не заплатит, то меня убьют», — подумала я, как ни странно, спокойно.

Все происходящее казалось мне столь сюрреалистичным, что я чуть не засмеялась вслух.

— Вы говорите так, будто похищение людей для вас — обычное занятие.

— В нашем деле деньги имеют большое значение.

— В чем? — Я все-таки не смогла удержать смех. — Стало быть, это не преступление, а благородное дело?

— Говорите о нас что хотите, называйте как угодно. Мне это все равно. Моих людей часто именуют пиратами пустыни. Нашим любимым занятием давно уже стало освобождение богатеев от груза несправедно нажитых денег.

Я открыла рот, собираясь ответить на это любопытное заявление, как вдруг один из мужчин, сидящих сзади, что-то сказал, водитель отрывисто ответил ему, и его вежливая непринужденность мгновенно сменилась напряженной агрессивностью. Кто-то позвонил по телефону, потом долгое время все молчали. Эта тишина казалась мне похожей на колючую проволоку. Прошло довольно много времени, наконец в свете автомобильных фар показали очертания низеньких палаток, сгрудившихся во впадине между дюнами. Машина круто развернулась и остановилась.

Как только мы прибыли, из лагеря к нам повалила толпа каких-то людей в темных одеждах. Контрабандист что-то резко, повелительно пролаял, и двое из них увели меня в одну из палаток. Чтобы войти в нее, мне пришлось согнуться чуть ли не пополам.

Оказавшись внутри, я села на тростниковую циновку и заявила своим стражам:

— Может, вы хотя бы принесете мою сумку и немного воды?

Они, похоже, не поняли ни слова, лишь смотрели на меня оловянными глазами и молчали. Мне было стыдно за дрожащий голос, за то, что снова ко мне подкрадывается предательский страх и сжимает сердце тем крепче, чем дольше я размышляла о своем положении.

Примерно час я пыталась бороться с этим испугом, старалась занять себя хоть чем-то. Я собрала коврики и одеяла, которые нашла в своей маленькой тюрьме, и сложила их в углу так, чтобы получилось нечто похожее на уютное спальное место, где можно согреться. Ведь ночи в пустыне довольно прохладные. Сквозь входное отверстие палатки я смотрела на ночное бархатистое небо, усеянное мириадами звезд, старалась различить какие-нибудь созвездия среди незнакомой мне россыпи, впрочем без особого успеха. За всю свою жизнь я запомнила только отчетливый пояс Ориона, состоящий из трех звезд, кривую линию Большой Медведицы и тускло мерцающие Плеяды. Здесь передо мной были тысячи, миллионы мельчайших огоньков, гораздо больше, чем я привыкла видеть на небе. От этого мир вокруг казался мне еще более чуждым, а одиночество — особенно острым. Передо мной бесчисленными огоньками мерцала огромная Вселенная. По сравнению с ней я казалась себе совсем крохотной и незначительной, бесконечно малой и бессмысленной, бесполезной точкой, в которой теплилась жизнь. Эта необъятная Вселенная будет жить вечно, ей нет до меня никакого дела. В душе моей не осталось уверенности в собственном существовании. Я совершенно потерялась в этом темном пространстве, словно оказалась за много световых лет от всего, что могло подтвердить: да, это Изабель Треслов-Фосетт. У нее есть свой милый тихий дом с дорогой, со вкусом выбранной мебелью и картинами, прекрасная одежда и обувь на высоких каблуках, работа в недрах неприступной финансовой крепости, деньги и уважение в обществе, которыми обеспечила ее эта деятельность. У меня не осталось ничего, кроме одежды на плечах, да и та вся пропахла потом.

Я попыталась уснуть, но одеяла оказались колючими и воняли козами, все тело нестерпимо зудело, а ложе подо мной было таким жестким, что я все бока отлежала. В голове теснились самые разные мысли, перед глазами

проходили картины последних трех дней. Главная улица Тафраута, по которой прохаживаются рука об руку мужчины в халатах. Женщины, несущие на себе тяжелые мешки с кормом для скота. Лаллава, медленно умирающая на полу дома в Тиуаде. Темные глаза похожих на ворон старух, которые наблюдали за ней. Дети, танцующие на празднике. Таиб, бережно поддерживающий меня, ощущение крепких мышц на его руках, напрягшихся под моей тяжестью. Я погрузилась было в легкую дремоту, как вдруг вспомнила свое падение со скалы под названием Львиная Голова. Красноватая земля перед глазами резко устремилась навстречу, и я очнулась с бешено бьющимся сердцем.

Меня вдруг охватил настоящий страх, и я не успела защититься от жестокой правды, которая встала передо мной. Теперь я, совершенно одна, находилась в какой-то безымянной части самой большой в мире пустыни. Меня взяли в плен люди, говорящие на чужом языке, названия которого я прежде не слышала. Они прячут лица, обматывая их тряпками. Их руки привыкли пользоваться автоматическим оружием так, как европеец ножом и вилок. Они называют себя пиратами и ничего не имеют против того, что их кличут террористами. Никто не знает, где я нахожусь. По правде говоря, никому до этого дела нет, за исключением, может быть, Таиба, а он тоже пленник. За мое освобождение эти люди станут требовать от британского правительства деньги. Платить оно, разумеется, откажется. Через несколько недель или месяцев, когда дипломатические усилия окончатся провалом — если они вообще будут предприняты, — меня, скорее всего, изнасилуют, а потом убьют и даже не похоронят так же достойно, как мы погребли Лаллаву. Как могло такое со мной случиться? Вся моя жизнь проходила в четко очерченных границах. Я всегда старалась ступать по самому безопасному и надежному пути, если рисковала, то только так, чтобы это одобрялось обществом или было обусловлено твердо установленными правилами поведения.

«Ах, зачем я только взяла эту чертову коробку отца, клюнула на приманку, — горько думала я. — Зачем открыла этот проклятый ящик Пандоры. Лежал бы он на своем чердаке, и ничего со мной не случилось бы. Я оставалась бы той самой Изабель, которой была последние двадцать лет: самодостаточной, успешной, обеспеченной, уверенной в себе, не привыкшей полагаться ни на кого, чтобы не разочаровываться в людях».

«А ты забыла, что все это время тщательно старалась избавиться от своего прошлого, похоронить все, что могло напомнить тебе о том, что когда-то тебя звали Иззи? — пропищал в голове тоненький голосок. — Ты превратилась в корпоративный автомат, закопала в землю собственную

индивидуальность, искру Божью, свою совесть. Ты потеряла стихийную свободу, отказалась быть той личностью, которой тебе следовало бы стать. Теперь, когда ты нашла человека, который мог бы помочь тебе снова стать прежней Иззи, твоему существованию придет конец. Тебя ждет смерть, да и его, вероятно, тоже».

У меня по щекам потекли слезы. Они означали страх, жалость к себе и к Таибу, сожаление о том, что могло между нами случиться, а теперь никогда не будет. Я с удивлением осознала, что совсем не хочу умирать, жажду остаться в живых, и эта мысль почему-то вызвала еще больший поток слез. Я вынула из-под рубашки амулет, прижала его к щеке и продолжала плакать так же безутешно, как потерявшийся ребенок. Я все еще жалобно и громко хлюпала носом, сморкаясь в вонючее одеяло, как вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Я так испугалась, что чуть не выпрыгнула из собственной кожи.

— Иззи, — раздался голос.

Я подняла голову. Это был Таиб.

Я узнала его лицо в полумраке палатки и с огромным облегчением воскликнула:

— Вы живы!

В темноте блеснули его зубы.

— Вы думали, что меня уже нет в живых?

Я вытерла нос ладонью, и она стала скользкой. Никогда в жизни я не чувствовала себя столь потерянной и одинокой. Куда девалась та Изабель Треслов-Фосетт с гордо поджатой верхней губкой? Ее-то мне сейчас и недоставало больше всего.

— Нет. Я... сама не знаю, что думала. — Я поднялась на ноги и провела рукой по всклокоченным волосам. — С вами все в порядке? Вам не причинили вреда?

— Да так, задали легкую трепку, ничего страшного, — ответил он. — Думаю, они поняли, что мы именно те, за кого себя выдаем. Простите меня, Изабель, во всем виноват я. Не стоило брать вас с собой. Это было глупо и наивно.

— Я сама хотела поехать с вами и вполне понимала, что это опасно, — тихо сказала я.

— Но вы не знали насколько. Я должен был предупредить вас, а не пускать вам пыль в глаза.

— Что?

— Помните, как мы добыли в оазисе бензин? Это было, конечно, эффективно. Вы уже думали, что мы заехали черт знает куда, кругом пустыня,

бензин кончился, и вдруг, как по волшебству, появляются контрабандисты. Когда имеешь с ними дело, нельзя забывать о том, что их сеть разбросана очень широко.

— Не понимаю, о чем вы.

Он вздохнул и пояснил:

— Пусть внешне все было легко и гладко, но не забывайте, что ворованная нефть не возникает из ничего. Для этого требуется четко организованная цепочка. Надо добыть ее, тайно переправить куда следует, перегнать и продать. Я немного знаю этих ребят в оазисе, имел с ними дело прежде. Ясно, что они связаны с группой, которая нас захватила. Именно эти люди сообщили им о том, кто мы такие и куда направляемся. Если бы с нами не было вас, то этого не случилось бы. Их цель — вы, Иззи, богатая европейская женщина, за которой стоит не бедное правительство. В их игре вы — очень полезная пешка.

«Очень смешно, — подумала я. — В жизни не чувствовала себя женщиной более неевропейской и бесполезной».

В полумраке вспыхнула спичка. Я отвернулась, чтобы привести себя в порядок, но Таиб взял меня за подбородок и повернул лицом к себе.

При огоньке маленькой свечки, которую он поставил на циновку, лежащую между нами, Таиб наклонился ко мне, молча вытер следы слез со щек, потом провел пальцем мне по лбу и тихо спросил:

— Откуда у вас эта морщинка, Иззи? — Его палец снова горизонтально пробежал по моему лбу, и это прикосновение огнем ожгло мне кожу. — А вот эта? Такая глубокая, словно кто-то плугом прошелся. — Мягко, как перышком, он провел по складке, бежавшей от моего носа к уголку рта. — А эта? Такая морщина — след глубокой печали. Ну-ка, попробую ее убрать, может, получится, а? — Таиб подвинулся ко мне, явно собираясь поцеловать.

Я не удержалась и резко отпрянула.

Он отшатнулся, кажется, обиделся и негромко сказал:

— Извините. Я вел себя недостойно, забылся. Не надо было этого делать. Вы меня едва знаете, а тут еще мы попали в неприятную историю. Я поступаю безрассудно, глупо...

— Нет, это мне нужно просить прощения. Просто я не могу забытья. В этом-то и проблема. — Я покачала головой. — Хотелось бы, но не выходит.

Снова потекли глупые слезы, горячие, безудержные. Я принялась яростно тереть глаза, будто можно было загнать слезы обратно.

Словно пытаясь остановить это самоистязание, Таиб взял меня за

руки.

— Все будет хорошо, Иззи. Обязательно. Они только кажутся плохими, но это не так. Эти люди грубы и суровы, у них есть свои убеждения, но они не причинят вам вреда, я уверен. Не плачьте, пожалуйста. Мне тяжело видеть вас такой. Вы же сильная, как львица. Я видел, как вы карабкались на гору, падали, чуть не погибли и ни разу не заплакали. Вы хоронили эту старую женщину, сделали все до конца и даже не поморщились. Вы сами не знаете, насколько сильны. — Он повернул мою руку и провел по ней губами.

В другое время, да и вообще во всякое, я отдернула бы ладонь, словно боясь обжечься, но чувствовала себя перед ним виноватой за то, что оттолкнула его в первый раз, и не сделала этого. Не могу припомнить, чтобы кто-то вот так целовал мою ладонь, столь нежно прикасался ко мне. Всю свою взрослую жизнь я избегала близких отношений с мужчинами, если честно, боялась их. Теперь я смотрела на склоненную стриженую голову Таиба, на его волосы, кажущиеся столь черными на фоне коричневой кожи, и чувствовала... Что? Нет, не страх, не совсем так, но мне было неудобно. Я потянула руку к себе.

— Нет, — сказал он, удерживая ее. — Смотрите, у вас ладонь лозоискателя, человека, который умеет находить воду.

— Что? — Я посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Видите вот это?

Он провел пальцем по линии, горизонтально пересекающей мою ладонь. Она четко разрезала ее пополам.

— Ну и что? — нахмурилась я.

— Вы на чьей-нибудь руке видели такую линию?

— У меня нет привычки хватать человека за руку и изучать его ладонь, — сказала я.

Наш разговор становился каким-то сюрреалистичным до идиотизма.

— Эта линия почти всегда передается по наследству. У нас, в нашей культуре, это очень высоко ценится, считается, что такой человек невероятно удачлив.

— Неужели?

Я горько рассмеялась и тут же вспомнила маленькие изящные руки своей матери. Мои были гораздо темней, широкие, как лопаты, ничего общего с материнскими. А вот отцовские!.. Перед моими глазами вдруг встала непрощенная картина: бледная ладонь отца лежит на моем животе и медленно сползает вниз. Это воспоминание оказалось столь мощным, что я едва не задохнулась. Я попыталась прогнать его, как делала всегда, когда в

памяти всплывали подобные вещи, но на сей раз оно было ярче, чем прежде. Может быть, я просто ослабла. Я закрыла глаза. Вот мне снова четырнадцать лет. На мне шорты и футболка. Я закатала ее вверх и подвязала под грудь, подражая какой-то поп-звезде, которую увидела в журнале «Джеки».^[73] Я только что была на улице, загорала и сейчас вошла в дом. Тело мое было горячее, потное и липкое от солнцезащитного крема. Мне захотелось немного побыть в тени и выпить апельсинового сока. На кухне отец вдруг прижался к моей спине, придавил меня к раковине, где из крана текла в стакан струя воды, разбавляя в нем яркую газировку. Стакан переполнился, и вода побежала через край. В ягодицы мне толкалось что-то твердое, как палка. Он прижал ладонь к моему животу, и она поползла мне под шорты.

— Иззи, — шептал он мне в ухо. — Ты такая красивая.

Потом отец повел меня наверх, на чердак...

Тошнота подступила мне к горлу. С трудом подавляя позыв, я отодвинулась от Таиба. Он все не отпускал меня.

— Что такое? Вы, кажется, боитесь меня?

Я покачала головой, не в силах говорить. Воспоминание было ужасным.

— Нет, не вас, — наконец-то выдавила я. — Не вас, только не вас.

— Тогда чего же?

— Не могу сказать. — Я снова отодвинулась. — Не надо. Пожалуйста, не смотрите на меня.

— А мне очень нравится глядеть на вас, Изабель. Вы такая красивая.

Я взвыла, как раненое животное, и как раненому животному мне захотелось броситься в пустыню и упасть там на песок, чтобы все силы по капле вытекли из моих широко открытых ран и впитались в песок... чтобы я перестала... существовать.

Но Таиб удержал меня.

— Изабель, погодите. Расскажите, что вас так мучит? Мне больно видеть вас такой.

— Не могу. Я никому об этом не говорила. — Я коротко и горько рассмеялась. — Впрочем, и делиться-то было не с кем. Так всегда случается. Когда тебе больше всего нужно, никого рядом нет. Этот урок я усвоила еще с юности. Вдобавок мне было очень стыдно.

— Все, что вы мне скажете, нисколько меня не шокирует, не уронит вас в моих глазах.

— Вы меня совсем не знаете. Если бы знали, какова я на самом деле, не говорили бы так, презирали бы меня, не захотели бы даже подойти ко

мне.

Слова хлынули из меня бурным, угрожающим потоком. Как ни пыталась я удержать их, они продолжали литься, словно в недрах моего существа забил мощный родник.

Я рассказала ему все, что никому прежде не открывала, вывернула душу, обнажила перед ним мрачную, позорную тайну, которую хоронила в груди с того самого страшного лета, когда мне было четырнадцать и вся жизнь моя раскололась надвое. Раньше я была просто Иззи, маленькая невинная дикарка, которая любила смеяться и громко разговаривала, не задумываясь над своими словами, лазала по деревьям и прыгала с высоких стен, бросалась в жизнь очертя голову и была счастлива, уверенная в том, что жизнь длится вечно. На исходе лета она превратилась в Изабель, оскверненную, сломленную, запуганную, покинутую одним родителем на неласковые заботы и милости другого. Теперь даже с лучшей подругой я не могла поделиться тем, как живу. Встречаясь с людьми, я надевала маску спокойной, обходительной и старательной мышки. Она скоро приросла к моему лицу, теперь все узнавали меня только по ней. Чувствуя отвращение к себе, я с корнем вырвала из жизни все, что напоминало о прежней маленькой дикой твари, которая спровоцировала отца на столь извращенный поступок, а потом, когда он сам пришел в ужас от содеянного, вынудила его уйти навсегда. Я стала человеком, каким, возможно, отчасти была и прежде: эмоционально сдержанной, замкнутой, боящейся заводить с людьми тесные отношения и рисковать, с заблокированным чувством открытости и радости жизни.

Все это время Таиб не отрывал от меня серьезного, мрачного взгляда. Он не изображал на лице сочувствия или возмущения, не перебивал и не пытался потрепать меня по плечу, просто слушал так, как до сих пор этого не делал никто.

Наконец фонтан моих излияний иссяк, оставив ощущение пустоты, словно я была не человек, а выдолбленная и высушенная тыква, будто кожа моя туго обтягивала каркас, внутри которого ничего не оставалось.

Таиб отвернулся и очень долго молчал, глядя в землю. Я уже стала думать, что ему было так же стыдно слушать мою мерзкую исповедь, как мне говорить.

— Бедная Изабель! Несчастливая Иззи, — наконец произнес он. — Такое ужасное предательство, надругательство над невинностью и чистотой, страшное зло, в которое обратилась отцовская власть. Не понимаю, как можно так поступать с ребенком, тем более с собственным? — Он заглянул мне в глаза, и я увидела в них пляшущие язычки свечного пламени. — Вы

ведь винили себя, ненавидели за то, что он сделал с вами...

— Я и его тоже винила, поверьте, — кисло сказала я. — Ненавидела отца за это.

Но, несмотря на это возражение, я понимала, что он прав. Все это время я казнила себя, носила в себе эту ярость, близкую к безумию, тщательно скрывала ее от всех. Я приспособилась к нормам человеческого общежития, позволила буржуазной цивилизации надеть на меня смирительную рубашку, чтобы жить в унифицированной и практичной структуре западного мира, где упорядочен мельчайший аспект бытия, и поразительно преуспела в этом. Я жутко боялась всего, что не поддавалось моему контролю... но, самое главное, страшилась самой себя.

Я задумчиво кивнула и призналась:

— Думаю, вы правы. Но я не знаю, как это все переменить.

— У нас есть поговорка. Время вспять не повернешь, что было вчера, было вчера. Обернитесь лицом к будущему, Иззи, и прошлое останется у вас за спиной.

Я улыбнулась. Губы мои дрожали.

— Не так-то просто это сделать.

— Вещи трудны не сами по себе. Это мы делаем их такими.

— Бывает так, что с тобой что-то случается, ты это видишь и понимаешь, что избежать беды не в твоей власти.

— А вот теперь вы говорите как моя тетушка! Стоит ей заболеть, она заявляет, что такова была воля Всевышнего, иншалла, что ничего сделать нельзя, и смиряется. В результате болезнь становится еще серьезней. Моя бабушка, с которой вы познакомились, бывало, с ума сходила от такой вот позиции своей сестры. «Мы что, марионетки какие-нибудь? — кричала она. — Вместо того чтобы лежать и жаловаться на запоры, вставай и ходи. Пей воду, ешь фиги!»

Я не смогла удержаться от громкого смеха. Открыв перед ним душу, в темных глубинах которой хранилась страшная тайна, отравлявшая всю мою взрослую жизнь, я почувствовала, что у меня словно камень свалился, а он тут как тут, рассказывает про запоры своей тетушки. Снова заглянув Таибу в глаза, я увидела в них веселые искорки и поняла, что он нарочно постарался разрядить атмосферу и развеселить меня.

Таиб едва заметно кивнул, снова посерьезнел и сказал:

— Это верно. Ислам нас учит, что дорога жизни для каждого прописана всемогущим Богом. Но это не означает, что мы не свободны в наших действиях, не можем бороться с обстоятельствами. Каждый из нас несет ответственность за свою жизнь и поступки. Мы свободны во всех

наших практических действиях, и признание судьбы не является оправданием наших неверных шагов. Мы всегда должны бороться за то лучшее, что заложено в нас природой и Создателем, как в этой жизни, так и в будущей. Кто знает, что написано у вас на роду, Изабель? Может быть, вас ждет удивительная, чудесная жизнь.

— Которая скоро оборвется.

Несмотря на это мрачное заявление, я улыбнулась. Таиб ответил тем же, и мне стало очень легко на душе. Я глянула через его плечо в открытый проем палатки. На горизонте уже вставало солнце. Бледная полоса божественного света окрасила небо. Я вылезла из палатки на прохладный песок и стала смотреть, как над кромкой далеких дюн показался сияющий ободок, как невыразительно-серый цвет песка сменился на молочно-кремовый с множеством оттенков, переходящих в чистое золото. По мере того как солнце поднималось все выше, волны удивительного света заливали впадины между дюнами. Такой красоты я не видела еще ни разу в жизни. Голова моя словно очистилась от всех прежних страхов и воспоминаний. Мне сразу стало легко. Все мое существо наполнилось сияющим воздухом, сливаясь в единое целое с этим небом и песком.

Глава 29

Мариата шла всю ночь. Ей помогал месяц, милостиво освещавший дорогу, хотя порой она спотыкалась, а однажды даже упала и, несмотря на толстую ткань платья, ободрала колени об острые камни. Женщина шагала будто во сне, и в голове ее осталась одна-единственная мысль: идти и идти, только вперед. Вообще-то она старалась совсем ни о чем не думать, и всякий раз, когда к ней в душу закрадывалось сомнение, отталкивала его прочь и продолжала двигаться, прислушиваясь только к телесным ощущениям.

При этом нельзя было сказать, что Мариата не понимала, где находится и куда идет. Звезды над ее головой не оставались на месте, и внутренний голос постоянно напоминал ей о том, чтобы она обращала внимание на расположение хвоста созвездия Скорпиона. Мариата бессознательно вносила поправки в свой курс, наблюдая, как жало небесного насекомого постепенно склонялось к юго-востоку.

Шагая, она повторяла про себя народные песни, которые помнила еще с детства. Их пели ей бабушка и тетки. Она слышала эти слова, сидя у костра, когда возвращались караваны из дальних странствий или воины из набегов. Из глубин ее памяти всплывали отрывки полузабытых, почти бессмысленных куплетов.

Две маленькие птички на дереве сидят,
На нас с тобой похожи с головы до пят.
Черное крылышко, блестящий глаз,
Бросишь камень — и улетят тотчас...

Камни под ногами были ужасно острыми и очень мешали идти. Зачем она надела эти сандалии, привезенные еще с Адага, а не купила прочных ботинок из красной кожи, которые так любят носить женщины из племени аит-хаббаш, с рантовой подошвой, закрывающие лодыжки и при шнуровке плотно прилегающие к голени? Для столь трудного похода, когда земля под ногами хрустит и скрежещет, как тлеющие угли, и чуть ли не на каждом шагу приходится спотыкаться, лучше обуви не придумаешь. В гору идти тяжело, под гору — галька и камешки разъезжаются под ногами, подошвы скользят.

Ты шагай, мой могучий верблюд, вперед,
Полон жиром горб твой высокий.
Что впереди нас с тобою ждет...

Нет, эта песня не пойдет. Мариата старалась не думать про верблюдов. При мысли об этом она вспоминала, как солдаты избивали Атизи, и ей становилось страшно. Кто знает, что с ним было дальше? Солдаты избивали его до бесчувствия и забрали с собой? Или прикончили и бросили тело? Перед ее глазами снова встала жуткая картина. На обочине лежит мертвая Муши. Другой верблюд, навьюченный тюками, вскидывает копыта и исчезает во мраке. Вместе с этим пришла и мысль о том, как же глупо все получилось. Теперь она одна на дороге, и у нее ничего нет, даже глотка воды, чтобы подкрепить уходящие силы. Эта мысль все настойчивей стучала в ее голове. Мариата пыталась отогнать ее песнями, но она все равно вклинивалась во время пауз.

«Ты умрешь, — шептал ей вкрадчивый голосок, вползая в промежутки между словами. — Ты умрешь, и никто не узнает, где твоя могила».

Мариата стиснула зубы.

«Замолчи! — приказала она. — Мы еще только вышли. Надо пройти очень длинный путь. Если в самую первую ночь ты пугаешь меня смертью, то что от меня останется на третью, на пятую, на двадцатую? Кого ты тогда станешь пугать?»

Проходили часы, медленно вращался черный небосвод, а она все шла, Впрочем, уже не шагала, а устало тащилась по бесконечной плоской равнине, усеянной камешками, от которых сбивались подошвы ее сандалий, подворачивались ступни и мучительно болели икры. Скорпион подобрался к самому краю Вселенной и куда-то пропал. Одна за другой звезды стали терять свою чистоту и прозрачность, а месяц больше не царил

на небосклоне. Когда появилось солнце, его встретил мир, который был сер и безрадостен. Перед Мариатой распростерлась бесцветная и тусклая земля, суровая и неприветливая. Предметы, которые до сих пор казались ей бесформенными, теперь обрели отчетливый облик, серый и скучный на фоне бесконечной, усеянной камнями, такой же мрачной и плоской возвышенности. Когда солнце поднялось выше, она окрасилась неживым серовато-коричневым оттенком. Эта местность, должно быть, называлась Хамада-Гир, обширная, бесплодная, простирающаяся на сотни миль равнина, зажатая между бескрайними эргами,^[74] морями песков, раскинувшимися перед Мариатой к востоку и западу. Куда ни бросишь взгляд, вокруг земля, такая же сухая, как недельный хлеб. Ни намек на оазисы, о которых говорили караванщики, ни единого зеленого пятнышка.

Мариата закрыла глаза и постаралась вспомнить, что слышала от торговцев в караван-сараях, просеивая в голове сведения, которыми запаслась как раз на такой случай. Слова вскипали в голове маленькими фонтанчиками, напоминая роднички, внезапно прорывающие поверхность пустыни, в которую превратился ее разум.

«Каменистая пустыня — это верная смерть. Если не найдешь скважину с водой, ты погибла. Игли, Маззер и Тамтерт, что на западе Алжира, — подходящие места для верблюдов. Солнце должно подниматься у тебя слева. Найди гору с двумя вершинами и иди между ними. Говорят, без пищи и воды человек может прожить неделю, но только если будет прохладная погода и тебе улыбнется Всевышний».

Другой голос, далекий, женский, напоминал ей: «В Хамада-Гир высохшие русла рек бегут с северо-запада на юго-восток. Иди вдоль них, и придешь в долину, богатую оазисами».

Мариата открыла глаза, повернула лицо к солнцу и продолжила путь.

Прошло несколько часов, и ничего существенного в окружающем пейзаже не изменилось. Несмотря на то что она продолжала решительно, хотя и с трудом, вышагивать вперед, горизонт так и не приблизился, оставался таким же пустым, как и на рассвете. Сухие русла, по которым шла Мариата, были просто пыльными канавами в земле, неровной и крошащейся под ногами. Их дно усеивали груды камней, отполированных речными водами, которые текли здесь когда-то и очень давно исчезли, оставив после себя только сухие валуны. Даже эти мертвые русла после пары миль тяжелой ходьбы стали исчезать. Один раз она вышла на территорию, покрытую какими-то колючими зелеными стеблями, и ускорила шаг по направлению к ним, но земля, вскормившая эту

растительность, оказалась такой же сухой и пыльной, как и все остальное в этой мрачной и дикой местности. Попытавшись сорвать хоть один листик, Мариата лишь порезала пальцы. Она пошла дальше, стараясь не думать о том, что попала в беду. Спина ее болела, живот с каждым шагом казался все тяжелей.

«Я не ела и не пила всего только полдня, — говорила она себе. — Я обязательно останусь жива. Ведь я дочь пустыни. Без пищи и воды человек может прожить неделю», — повторяла Мариата снова и снова.

Ее разум услужливо старался не замечать страшных оговорок и подсовывал ей поразительные истории, слышанные у костров. В них говорилось о подвигах тех людей, которые выжили благодаря своей стойкости, несмотря на то что все их верблюды пали или были украдены и у путников не осталось ничего. Она всей душой верила, что будет так же тверда и решительна, как и эти мужчины, не утратит сил и выносливости, пусть даже носит ребенка.

«Беременная львица — самое опасное животное», — гласила охотничья поговорка.

Но потом Мариата вспомнила, как однажды кто-то сказал, мол, это потому, что самка скорее бросится на врага и погибнет, чем станет спасать себя и своего нерожденного детеныша. Тогда все сразу рассмеялись и стали подшучивать над беременной женой Али, которую звали Хенну. Она в последнее время злилась на мужа и даже треснула его туфлей по голове, когда он ночью вошел к ней в шатер. Мариата приуныла, решила отдохнуть в тени огромного валуна и немного подремала, но сон ее был прерывист и беспокоен. Вскоре она поднялась и, несмотря на то что дневное солнце жгло как огонь, снова продолжила путь.

Вдруг ее взгляд привлекло нечто непонятное. Вдали что-то мелькнуло, в тусклой палитре серо-бурого пейзажа возникло новое пятно. Мариата увидела верблюда и застыла на месте как громом пораженная. Не веря собственным глазам, она смотрела на него, и ей казалось, что жара выделяет с ней фокусы, всему виной игра раскалившегося воздуха, света и тени. Но нет, сомневаться не приходилось. Вот настоящий верблюд, и движется так же неторопливо, опустив голову, словно ищет, что бы такого здесь пощипать. Когда он приблизился, она разобрала и другие подробности: красно-синие полосы яркой попоны, черные бурдюки, белые мешки с рисом и мукой, вязанки соломы. Да это тот самый вьючный верблюд, принадлежавший Атизи, сыну Байе. Потрясенная Мариата едва сдержала крик. Столько пройти по бесплодной каменистой равнине и

посреди нее наткнуться на того самого верблюда, который от тебя удрал еще вчера, — это настоящее чудо!

Она прижала амулет к губам и прошептала:

— Благодарю тебя.

При этом женщина и сама не вполне понимала, к кому обращалась. То ли к Тин-Хинан, то ли к духам пустыни. Может быть, она, сама того не подозревая, все это время шла по следу животного, или невидимые силы толкали их обоих в одном и том же направлении, но теперь это уже не важно. Она дочь пустыни, которая спасла ее.

Откуда только силы взялись! Мариата поддернула платье и прибавила шагу, стараясь держаться так, чтобы верблюд ее не заметил. До него оставалось уже около ста ярдов, как вдруг она увидела рядом с верблюдом еще одну фигуру. Мужчина... Нет, скорее мальчик. Несмотря на жару, озноб пробежал по ее спине.

Мариата решительно зашагала вдогонку и крикнула:

— Эй ты!

Мальчишка совсем тоненький, на худом лице сияют огромные глаза. Увидев ее, он так и застыл, потрясенно вытаращив на нее белки глаз, сверкающих на физиономии, столь же темной, как и окружающие скалы.

— Это мой верблюд!

Мальчишка вскарабкался на шею верблюда так же шустро, как крыса на скалу, устроился между мешков с провизией и погнал животное прочь.

— Нет!

Мариата побежала было вслед, но с ее животом особо не разгонишься. Острые камешки больно впивались в подошвы, ноги подворачивались на обломках покрупней.

— Стой!

Но верблюд, быстро перебирая длинными ногами и качая из стороны в сторону головой, уносился с такой скоростью, будто за ним гнались африты.

Мариата кричала, пока не охрипла, но все без толку. Скоро верблюд с мальчишкой превратились в маленькое пятнышко, хотя пыль, поднятая бегом животного, все еще висела в воздухе, отмечая его путь. Расстроенная Мариата глубоко вздохнула. Неуклюжая и неповоротливая слониха, вот она кто! Упустила!.. Теперь они уже совсем далеко. Злясь на себя не меньше, чем на маленького воришку, Мариата пошла по следу. Где-нибудь они обязательно остановятся рано или поздно. Мальчишка, похоже, харатин или сын иклана, отлынивающий от своих обязанностей. Если селение не очень далеко, то она проявит великодушие и не станет требовать возмещения за

кражу и за то, что ей пришлось шагать пешком одну-две мили. В конце концов, можно будет позволить себе проявить щедрость. Ведь ее наверняка встретят с гостеприимством, угостят чаем и вкусной едой. Когда здешние жители узнают, чей это верблюд, услышат о благородстве ее родословной, они, скорее всего, зарежут козу или даже овцу, чтобы оказать ей честь. У Мариаты поднялось настроение, она шагала широко, с высоко поднятой головой. Всякий раз, когда горизонт перечеркивал горный отрог, она карабкалась на него, ожидая, что на другой стороне ее ждет стоянка или селение, оазис со свежей водой, улыбающиеся женщины и почтительные мужчины с закрытыми лицами. Может быть, они направляются на юг и дойдут до Хоггара. Тогда Мариата могла бы двигаться вместе с ними.

С такими вот приятными мыслями, роящимися в голове, она и шла. Летели часы, но ни мальчишки, ни верблюда не было и в помине, только следы на земле в виде сдвинутых в сторону камней и кое-где на песке раздвоенные следы животного. Местность больше не выглядела враждебной. Женщина даже научилась видеть суровую красоту в этом пейзаже, усыпанном рытвинами, камнями и скалами, любоваться переменаами, происходящими перед ее глазами. Под лучами солнца, клонящегося к горизонту, серая или бурая земля вдруг окрашивалась позолотой, как шкура газели, потом становилась пурпурно-алой, напоминая кровь. Солнце уже висело над самым горизонтом, от скал по земле протянулись длинные тени. Мариата совершенно измучилась и обессилела, но завершила очередной подъем, увидела внизу три шатра, сшитые из черных шкур, и чуть не закричала от радости. Женщина побежала вниз по склону, отдавшись земному притяжению, только перебирая ногами, и не сразу поняла, что кроме этих трех шатров больше здесь ничего не было.

«Где же все остальные члены племени?» — удивленно подумала она.

Сощутив глаза в быстро наступающих сумерках, Мариата не увидела и стада, необходимого для пропитания кочевников. Рядом с шатрами бродили несколько коз и один-единственный верблюд. Может быть, эти люди — разбойники или изгой? Не найдя ответа, она замедлила шаг.

Вдруг раздался дружный собачий лай. Псов было не меньше полудюжины. Эти бродячие шавки исхудали так, что ребра торчали. Годы беспорядочного скрещивания и дурного питания не способствовали улучшению их нрава, и к гостеприимству по отношению к пришельцам они приучены не были. Мариата испугалась и отступила. У нее в племени были охотничьи собаки, откормленные, красивые животные, которые не отходили от ног хозяина, а вот люди кель-теггарт едва сводили концы с концами и не могли позволить себе кормить стаю одичавших собачонок.

Собаки тем временем приближались, угрожающе опустив морды к земле. Мариата не могла сдвинуться с места. Вдруг она наклонилась, схватила камень и швырнула в ближайшую шавку. Тот попал ей прямо в шею, и животное с визгом упало на спину. Мариата набрала еще несколько камней, бросила и угодила в середину стаи. Собаки заплясали на месте, не решаясь двигаться дальше. Яростный лай усилился, но твари больше не приближались.

Наконец из одного шатра вышел человек, высокий и худой. Кожа его была черна как ночь.

«Иклан», — с облегчением подумала Мариата.

— Отгони собак! — повелительно крикнула она.

Там, где есть рабы, найдутся и хозяева.

Но этот мужчина смотрел на нее подозрительно. Он прикрикнул на собак, и те побежали к нему, на бегу оглядываясь, словно опасаясь очередного меткого камня. Собачий лай заставил выйти на воздух и остальных обитателей шатров. Нет, хозяев здесь что-то не видно. Лишь какой-то сброд. Лица у всех открыты. Понятно, это баггара, странствующие нищие, грязные оборванцы, изгнанные из нормального общества и кочующие по пустыне. Видно было, что они влачат жалкое существование. Мариата узнала среди них и мальчонку, угнавшего вьючного верблюда. Человек, который призвал собак к порядку, нырнул в шатер. Через несколько секунд вместе с ним оттуда появился еще один мужчина, за ним женщина, на руках которой был грудной ребенок. Все они стали всматриваться туда, где на фоне скалы виднелся силуэт незваной гостыи. На мгновение взгляды женщины с ребенком и Мариаты встретились. Грудь беглянки вдруг пронзило сочувствие, настолько осязаемое, словно между нею и этой вот матерью протянулась тугая струна, по которой, словно бусинка, скользнула к ней душа туарегской принцессы.

Вдруг женщина пронзительно завизжала:

— Это злой дух, который забрал моего мальчика!

Она выскочила из-за ограждения, лицо ее было искажено яростью и болью. Мариата увидела, что руки и ноги ребенка безвольно повисли и раскачиваются в такт движениям женщины. Вдруг, сама испугавшись этой мысли, она поняла, что ребенок мертв. Его мать приняла ее, в хрупкие сумерки неожиданно явившуюся из пустыни, за джинна. Ведь как раз в это время и выходит из своих обиталищ воинство Кель-Асуфа.

Мужчины догнали и остановили убитую горем мать, которая не успела приблизиться к Мариате. Один из них взял у нее тело ребенка и зашагал обратно к шатрам. Она, словно не в силах расстаться с ним, спотыкаясь и

вытянув руки, побрела следом. Второй мужчина стоял неподвижно, не отрывая глаз от Мариаты.

— Я не джинн! — крикнула она, но слова в пересохшем горле прозвучали каким-то странным, сверхъестественным, скрежещущим шепотом.

Услышав ее голос, мужчина сразу схватился за свои амулеты.

Она сглотнула, сухим языком облизала губы и попробовала еще раз.

— Я не джинн, — повторила Мариата, направляясь к нему. — Я женщина из плоти и крови, мой народ — кель-тайток. Не бойтесь. Прошлой ночью от меня убежал верблюд. Я шла за ним целый день. Вон тот мальчик взял его. Наверное, он подумал, что этот верблюд потерялся или его хозяин погиб. Может быть, мальчик взял животное себе, чтобы позаботиться о нем. Я этого не знаю, но пришла, чтобы забрать своего верблюда и вьюки, которые на нем. Буду благодарна, если вы дадите мне немного воды и предоставите кров на одну ночь. Потом я заберу верблюда и отправлюсь своей дорогой.

Ничего не сказав в ответ, человек присел на корточки.

«Странно», — подумала Мариата, и тут он встал и бросил в нее камень.

Не причинив ей вреда, тот пролетел мимо ее плеча и со стуком ударился в скалу за спиной. Второй камень скользнул по руке. Боли она не почувствовала, но ее охватила ярость.

— Как вы смеете?! — возмущенно закричала Мариата. — Что я вам такого сделала?

— Верблюд теперь наш. Уходи, — заявил человек, взвешивая на руке еще один камень.

— Да вы просто воры!

— Убирайся, или мы убьем тебя.

— Разве у вас нет чести? Вы что, не чтите законов пустыни?

— В этой пустыне один закон — закон смерти.

— Духи пустыни проклянут вас, если вы прогоните меня! — Мариата взметнула над головой амулет. — Я призову на вас порчу, и вы все умрете.

Человек все смотрел на нее мутными глазами.

— Мы и так умираем. Уходи.

Третий камень запутался в складках ее платья. Мужчина наклонился, чтоб собрать их побольше. Собаки яростно лаяли, от злости подпрыгивая на негнущихся лапах. Мариата повернулась и пошла прочь.

Несколько долгих часов она лежала, укрывшись меж валунов, и

думала, что же теперь делать. Ей не давала покоя мысль о том, что верблюд совсем рядом и все равно недостижим. Нельзя оставлять животное у этих проходимцев баггара — но как его уведешь? Она размышляла об этом всю ночь, в груди у нее все клокотало от гнева, в голове возникали десятки способов, и все глупые. Прохладной ночью она могла бы отправиться дальше, искать свое счастье, но мысль о том, что совсем близко, в каких-нибудь нескольких сотнях ярдов, находятся тюки с припасами и бурдюки с водой, не отпускала ее. Что-то в душе подсказывало Мариате, что если сейчас она упустит эту возможность вернуть верблюда, то погибнет, и поделом. Народ покрывала ценит в человеке хитрость, находчивость и сообразительность столь же высоко, как и его честь. Проявить малодушие и позволить этим подлым бродягам взять над собой верх будет признанием поражения, а это позор. Разве мать-прародительница пошла бы на подобное унижение? Трудно в это поверить. Что на ее месте сделали бы высокочтимые предки?

— Тин-Хинан! — тихо сказала она в темноте. — Помоги мне своей мудростью и силой, подскажи, что делать.

Мариата прижала амулет ко лбу, ощущая холод металла.

Она не знала, сколько прошло времени, но вдруг до ее слуха донесся какой-то негромкий звук. Он шел откуда-то слева, где громоздились скалы. Женщина испуганно затаила дыхание. Неужели выследили, решили осуществить свою угрозу и убить ее? Она потихоньку полезла в свою кожаную сумку с бахромой, вынула нож и стала ждать.

Звук был тихий, едва слышный, словно кто-то терся о скалы. Там что-то постукивало, скреблось. Шум подбирался, доносился все ближе. Стиснув зубы, Мариата приготовилась. Она не сдастся, не пролив крови врага. Им ее так просто не взять.

Когда перед ней появился заяц, она испуганно вздрогнула и ошалело уставилась на него. Заяц застыл на месте от удивления, растопырив уши и напрягши все мышцы, готовый в любой момент броситься наутек. Не сознавая, что делает, Мариата мгновенно протянула руку и схватила его. Заяц стал отчаянно брыкаться сильными задними лапами. Под мягкой шерсткой он был такой теплый, энергичный и полный сил, что она пожалела его и хотела было отпустить, но древний инстинкт взял свое. Несколько секунд — и заяц лежал без движения, а по рукам Мариаты текла его черная кровь.

Животное оказалось крупное, мясистое. Разглядывая зверька в тусклом свете месяца, восхищенная его красотой, Мариата не могла сдержать слез. Какая шелковистая, прохладная шкурка, длинные лапы,

огромные уши. Потом она взяла себя в руки, успокоилась и сделала все, что должна была.

Во многих милях от стоянки кочевников Мариата сидела на спине верблюда и смотрела, как поднимается солнце. Несмотря на утреннюю прохладу, животное вспотело, впрочем, она тоже. Но в душе у нее все пело, усталость как рукой сняло. Мариата поставила на карту все и вышла победительницей. Она вздрагивала, вспоминая, как собаки вырывали друг у друга куски расчлененного зайца. Она бросала их как можно дальше и выше. Челюсти псов вгрызались в хрупкие кости. Между ними разгорелась яростная свалка, когда она швырнула им заячью голову, последний и самый вкусный кусок. Люди, разбуженные собачьим лаем, повыскакивали из шатров и стали лупить их палками, чтоб те замолчали. Пользуясь суматохой, Мариата проскользнула в загончик и с удивлением увидела, что верблюд стреножен кое-как. Тюки с припасами, а также и седло с потником валялись рядом. Недоставало только куля с мукой и сухарями. Но мешок с рисом был на месте, хотя немного его содержимого просыпалось на песок и крохотные белые зернышки тускло поблескивали перламутром в свете месяца. Поразительная удача. Мариата заткнула дырку в мешке с рисом пучком соломы, проверила, полны ли бурдюки с водой, и повесила их себе за спину.

Верблюд смотрел на нее мрачно, а когда она подошла ближе, закинул голову вверх и закатил глаза.

«Я прошел долгий путь, — говорили эти глаза. — Не вздумай заставлять меня идти дальше».

Мариата знала, что верблюды — упрямые твари, но была уверена в том, что твердая рука и решительность побеждают их упрямство. Она вспомнила, как в оазис нагрянули солдаты. Рахма тогда завязала морды верблюдам, на которых они пересекли Тамесну. Мариата подошла к животине вплотную, сорвала с себя платок и замотала ей морду, пока та не успела воспользоваться шансом и зареветь от страха. Застигнутое врасплох животное так изумилось, что Мариата сумела быстро перекинуть ему через спину мешки, а потом вскарабкалась сама. Верблюд повернул голову и окинул ее горестным взглядом, но Мариата только мрачно зыркнула на него и усилием воли заставила подняться на ноги. Животное с места рвануло вперед неуклюжим галопом.

Теперь она громко смеялась, похлопывала его по животу и приговаривала:

— Не забывай, ты рожден с туарегами! Из тебя получится прекрасный

искатель приключений. Ведь ты взял от отца и матери все самое лучшее! Никакой оборванец баггара тебя не надует и не обведет вокруг пальца. С доброй волей духов и собственными природными силами ты всегда выйдешь победителем!

Она властно похлопала верблюда по голове. Тот заворчал, опустился на колени и позволил ей сойти. В розовых лучах заката Мариата размотала платок и тщательно стреножила животное, чтобы оно не смогло снова удрать. Они устроили привал в тени широких и густых ветвей одинокой акации и как следует подкрепились. Оба имели на это право.

Глава 30

Горячий оптимизм Мариаты длился не долго. Уже много дней природное чутье подсказывало ей, что надо двигаться на восток, но теперь она пренебрегала им. Ей казалось, что правильной будет держаться южного направления. Она прошла между двумя оазисами, Угартой и Агедалем, но даже не поняла этого, поскольку в поисках тенистого Джебель эль-Каблы по ошибке перевалила через седловину, ведущую лишь еще к одному долгому кряжу сухой и бесплодной Хамады-Гир. Местность, по которой она ехала, была усеяна красноватыми башнями крошащегося камня или же покрыта странным темным налетом, хрупкой коркой, тускло отражающей солнечные лучи и хрустящей под широкими шагами верблюда. Здесь не росло вообще ничего, даже самые жесткие породы кактуса, хотя бы молочая. Когда они останавливались, верблюд недовольно ревел и поворачивал голову, пытаясь стащить мешок с кормом, притороченный к спине и совсем уже похудевший. Мариата понимала, что он голодает. Его горб, обычно большой и упругий, теперь стал дряблым и съехал набок, запасы жира почти иссякли.

— Нет, Кактус! — сердито говорила ему Мариата.

Она не думала, что так привяжется к верблюду. Это было простое вьючное животное, безответное, приспособленное для ходьбы точно так же, как и ее собственные ноги. Но женщина провела в его обществе целый день и всю ночь, поделила с ним одни и те же трудности и неожиданно для себя преисполнилась нежности к этой дурно пахнущей твари, вдобавок обладающей вздорным и упрямым характером. Кличка пришла ей в голову сразу. Нрав у скотины был не менее колючим и жестким, чем у настоящего кактуса. Мариате казалось, что если бы эти растения с торчащими шипами умели выразить свои чувства, то ревели бы, урчали, булькали и плевались,

как и животное, названное в их честь.

— Если съешь все сейчас, что останется на потом? Сам пожалеешь о своей жадности. Надо быть сильным и терпеливым, смиренно переносить все трудности и не жаловаться. Тогда тебя ждет награда.

Сила, терпение и упорство — вот качества, которые ее народ ценит больше всего. Мужчины никогда не жалуются на трудности пустыни. Гордость не позволяет им быть нытиками. Наоборот, настоящий мужчина даже похвально перед товарищами тяжелыми испытаниями, рассказывает, как с хрустом грыз песчаных жуков, пока те не превращались в горькую кашу, забивающую рот, как ел сырыми гадюк, пил собственную мочу, чтобы не умереть от жажды. Она вспомнила полуполюгендарную историю о том, как на пути в Сиджилмасу один торговец отстал от каравана и долго блуждал по пустыне без пищи. У него остался последний глоток воды, когда на него наткнулся караван купцов из враждебного племени. По гостеприимным обычаям пустыни, они стали предлагать ему сушеное верблюжье мясо и воду из бурдюков, но он только улыбался, похлопывал по своему узелку, говорил, что у него есть все необходимое, и сам, в свою очередь, предложил приготовить для них чаю. Обе стороны вполне понимали ситуацию, но никто не станет позорить одинокого странника, уличать его в том, что он лжет. Купцы отправились своей дорогой, а торговец через день погиб. Зато эта история живет уже пять сотен лет.

«Разве не лучше не уронить честь и достоинство, принять благородную смерть, чем остаться в живых с помощью врага?» — говорили люди из племени кель-ахаггар.

Мариата не была уверена в том, что у нее хватит такой же твердости. Если перед ней появится негодяй Росси, сын Бахеди, с ароматным мясом и абрикосами, то она, вероятно, набросится на еду, съест все до последнего кусочка и только тогда вспомнит, что у нее есть столь роскошная штука, как гордость. Вот и на своего верблюда она не очень-то сердилась за попытки стащить немного еды. Ее слюнные железы вздрагивали и болезненно сжимались, но организм потерял столько жидкости, что во рту оставалось сухо. С тех пор как зашло солнце, Мариата не выпила ни глотка. Один бурдюк был уже пуст и на жаре медленно превращался в сморщенный и хрупкий предмет, который можно было только выбросить. В другом же, вывернутом черным мехом наружу, воды оставалось совсем мало. Она была теплой, солоноватой и такой неприятной на вкус, словно эта шкура снова наполнилась кровью. Ребенок в утробе, похоже, тоже жаловался на плохое питание и больно толкался ножкой.

Мариата положила руку на живот.

— Ну-ну, успокойся, маленький. Думаешь, тебе станет лучше, если ты будешь пинать свою маму?

На тринадцатый день весь корм для верблюда вышел и воды оставалось очень мало. Ее едва хватало на то, чтобы смочить ноздри Кактуса. Когда Мариата делала это, неблагодарная скотина старалась ее укусить. Верблюд обнюхивал сандалии молодой женщины, но они были слишком дороги ей, и тогда она скормила ему тростниковую циновку, на которой спала. Животное жевало ее медленно, с болезненным усилием двигало челюстями, перемалывая циновку в сухую жвачку. Сама же Мариата попробовала есть рис, но чуть не сломала зубы. Она дробила зерна между камнями, но добилась лишь того, что они превращались в порошок, прилипающий к полости рта. Проглотить его без воды было невозможно. Теперь она поняла, почему Атизи взял с собой две верблюдицы. В столь трудной ситуации им помогло бы верблюжье молоко. Ей вспомнилась бедняжка Муши, лежащая мертвой на обочине, и Мариата возроптала на судьбу за то, что ей достался самец. Она слышала, что некоторые купцы, чтобы не умереть от жажды, вскрывали вену на шее верблюда, и даже подошла к Кактусу с ножиком в руке, тем самым, который хранился в сумке Таны. Верблюд завернул губы и обнажил желтые зубы, явно предупреждая, что если она сделает еще шаг, то он откусит ей руку. Во всяком случае, Мариата именно так поняла его гневный рев и постаралась убедить себя в том, что дела их еще не так уж плохи, отчаиваться рано.

Тем не менее, когда пошел тринадцатый день, на очередном привале она в сотый раз перевернула сумку, даже вывалила из нее все содержимое в тщетной надежде найти что-нибудь полезное. Она вертела в руке свои богатства, тупо разглядывала их со всех сторон, а верблюд тем временем жевал горсть своего корма. Ничего нового Мариата, увы, так и не обнаружила. Она уже собиралась сложить все обратно в сумку, как вдруг на глаза ей попался маленький камень голубовато-зеленого цвета с белой горизонтальной ленточкой, резко выделяющейся на буром и красном фоне и опоясывающей его посередине. Мариата взяла камешек в руку. Он уютно лежал у нее на ладони, маленький и гладкий, похожий на яичко какой-нибудь певчей птички. Она стряхнула прилипшие к нему песчинки и бессознательно сунула камешек под язык, где он устроился с совершенным комфортом. Прошло всего несколько мгновений, и рот наполнила слюна, омыла зубы, и Мариата с наслаждением сглотнула ее. Она продолжала сосать этот камешек, ворочая его языком весь остаток дня. Рот ее был

влажным, жажда чувствовалась не так остро. Впрочем, Мариата понимала, что это ненадолго.

Они медленно двигались дальше, до наступления сумерек по возможности старались укрываться от солнца в тени скал, высоких как башни, а потом шли в свете луны. Путь их теперь лежал на юго-восток по сухому плато, усеянному обломками скал, где им попадались только высохшие русла рек, а если встречалось какое-то растение, то оно было так иссушено, что при одном прикосновении рассыпалось в пыль. Кактус шагал все медленней, опустив голову, потом сел и наотрез отказался вставать. Мариата ждала, но он к ней и головы не повернул. Она попыталась соблазнить его остатками корма. Кактус с упреком бросил на нее короткий взгляд и снова отвернулся, словно говоря: «Слишком поздно! Теперь пожалеешь о том, что так плохо со мной обращалась». Мариата тянула его за узду, но упрямство придало животному сил. Тогда она села рядом, вздохнула и спела ему песню, которую слышала от бабушки, когда была маленькой. Кактус только храпел и булькал горлом, не двигался, лишь раздраженно хлестал по песку хвостом.

Мариата поднялась, положила руку на бедро и встала перед ним. Кактус притворился, что не замечает ее. Мариата переместилась, чтобы попасть в поле его зрения. Теперь ему не удалось бы просто так проигнорировать ее.

Верблюд посмотрел на нее мутными глазами.

— Тебе нужно отдохнуть. Я понимаю. Мне тоже. Но здесь останавливаться нельзя, надо двигаться, пока мы не найдем оазис или колодец. Тогда мы отдохнем. Ты сунешь голову в прохладную воду, будешь пить сколько душе угодно, до отвала жевать пальмовые листья и финики. Но для этого надо встать, подняться на ноги. Если ты не сделаешь этого, то умрешь. А вслед за тобой и я. — Мариата положила руку на вздувшийся живот, помолчала и добавила: — Вместе с ребенком.

В конце концов, не в силах перенести ее пронзительного взгляда, Кактус с огромным трудом поднялся на ноги. Мариата пошла рядом, еле волоча ноги. Она никак не могла избавиться от навязчивых мыслей о смерти. Они постоянно возвращались, кружили в голове, словно коршун вокруг своей жертвы. Молодая женщина спустилась в долину, где песок лежал гладким бледным ковром, и вдруг увидела какие-то странные штуковины, торчавшие из песка в небольшой ямке. Верблюд первым понял, что это такое, дернулся в сторону и жалобно закричал. Широко раскрытыми глазами Мариата смотрела на кости, выбеленные солнцем, отполированные до блеска песчинками, поднятыми ветром, и ощущала, как

между ребер глухо бухало сердце. Неужели это все, что осталось от странника, который шел этим путем? Вдруг их с Кактусом ждет та же участь? Перед ее внутренним взором встала жуткая картина: ее собственный скелет, скрючившийся, лежащий на боку, почти засыпанный песком. Поджатые колени как бы защищали еще один крохотный скелетик, приютившийся под ребрами.

Представив себе это, Мариата исполнилась решимости и прикрикнула на верблюда:

— Черт тебя побери! Шевели ногами! Мы должны остаться в живых!

Этот приказ был адресован не только выдохшемуся животному, но и самой себе. Сжав зубы, преодолевая страшную усталость, Мариата подгоняла и верблюда, и себя, направляясь теперь прямо на восток. Она сама не знала, почему изменила направление, но в голове женщины гудела уверенность, неведомая ей самой, горела и зудела рука. Где-то там должна быть долина, богатая оазисами, о которой говорили торговцы в караван-сараях, длинная, протянувшаяся с севера на юг, через которую уже тысячи лет проходит торговый путь. В ней много древних колодцев. Мариата найдет ее или погибнет.

Хамада сменилась эргом — огромным океаном песка, бесконечными валами дюн, изогнутых в виде серпа с безжалостным острым лезвием, заточенным ветрами. Мариата стояла на скале и смотрела на эти застывшие, уходящие вдаль волны, яркие гребни которых чередовались с впадинами, лежащими в тени. От этого пейзаж был похож на соколиное крыло. Она поняла, что стоит на границе Большого Западного Эрга. Если в ближайшее время они не найдут колодца, то шансов уцелеть не останется.

На следующий день Кактус пал. Ноги под ним подогнулись, он выпустил изо рта и прямой кишки смердящий воздух и рухнул на песок. Потом верблюд сел и уставился в пространство, словно видел вдали, на горизонте, смерть, неумолимо, шаг за шагом приближающуюся к нему. Мариата вскрикнула, обвила его шею руками, спрятала лицо в горячей шкуре.

— Вставай! — умоляла она Кактуса. — Поднимайся!

Страх заставил ее быть жестокой. Она молотила верблюда кулаками, но он принимал это смиренно и никак не реагировал. Женщина пинала его ногами, взывала к нему, рыдала без слез, но он больше не двигался. Наконец Мариата легла с ним рядом, укрылась в тени большого тела и ждала до тех пор, пока он не перестал дышать. Даже тогда Кактус не упал, не повалился набок, а так и остался сидеть неподвижно, как сфинкс. Только что он дышал и жил, а вот теперь мертв. Невозможно было уловить точного

мгновения, когда душа его отделилась от тела, потому что внешне как будто ничего не изменилось. Мариата поднесла руку ко рту верблюда: он не дышал. Она прижалась щекой к его торчащим ребрам: сердце не билось. Дернула его за длинные ресницы, но он даже не моргнул. Наконец ей пришлось признать ужасную правду: Кактус умер. Она осталась одна, и ей негде искать помощи. Мариата зашла в пустыню слишком далеко, возвращаться поздно. Трудно представить, что здесь можно остаться в живых, если для того, чтобы двигаться вперед, у нее есть только ноги. Она села на песок, прислонилась спиной к труп верблюда и мертвым взглядом уставилась в бескрайнюю пустыню. Так вот какой конец ждет ее и нерожденного ребенка, безрадостный и жестокий. Единственное утешение в том, что умрет она так, как это делают люди покрывала, в пустыне, частью которой они и являются.

В ту ночь за ее душой явились джинны. Она услышала их в шуме ветра, поднявшегося с приходом ночи и вздымающего на гребнях дюн длинные струи песка. Поначалу песня этой нечисти была робкой, как некий шум, приглушенный, но пробиравший ее до самых костей так, что ребра дрожали. Потом они разгулялись вовсю. Их пение слышалось и в воздухе, и в земле под ногами, под размеренный барабанный бой самой жизни, который существовал всегда. Он звучал задолго до того, как возникли эти дюны и тучные пастбища, бывшие здесь прежде песков. По лугам бегали газели и бродили жирафы, окружающий мир был покрыт буйной зеленой растительностью. Тогда Бог создавал джиннов из яркого бездымного пламени. Потом это пение превратилось в рев, а затем и в вой. Мариата вбирала в себя эти звуки, она то ужасалась, то восхищалась. Духи, именуемые народом пустыни, для нее. Они признали ее своей, одной из тех, кто не говорит ни с кем и странствует по этим пустынным местам. Джинны пришли за ней. Ей от этого даже стало легче. Теперь Мариате не придется выходить на бой с собственной судьбой. Жизнь женщины будет взята из ее рук. Она поднялась на ноги, подставила себя ударам ветра и песка.

Очнулась Мариата на следующее утро. Она лежала, уткнувшись лицом в живот мертвого верблюда. Одеяло из песка, накрывшее их обоих, образовало большую полость, наполненную вонючим воздухом, которым, однако, можно было дышать. Кактус, даже будучи мертвым, спасал ей жизнь. Пробившись сквозь толстый слой песка, Мариата встала и огляделась, восхищаясь яркой голубизной светлого неба и сияющими золотом дюнами. Ночной ветер был так силен, что местность, на которой

она проснулась, выглядела незнакомой и девственной, словно чья-то гигантская рука преобразила песчаные гребни и впадины. На краткий миг Мариату охватило острое разочарование. Она подумала, что ее испытания в этом мире еще не закончились... и вдруг получила мощный удар ногой изнутри. Это давала о себе знать та жизнь, которую будущая мать несла в себе.

Несмотря на отчаянное положение, Мариата громко рассмеялась.

— Здравствуй, маленький! Так ты, значит, решил напомнить мне о себе, да?

Получив заряд свежей энергии, Мариата полезла в сумку с бахромой, висящую за спиной, достала подаренный Таной нож, поточила его об оселок, пока лезвие не стало острым, как серп месяца, и принялась свежевать мертвого верблюда. Кровь она слила в один из бурдюков и разделала тушу. Сначала содрала с животного кожу, срезала остатки жира в горбе, длинные полоски мяса с боков и лопаток положила в сторонке сушиться на солнце. Скоро от бедняги Кактуса остались только кости, копыта и большая печальная голова. Многие осудили бы ее за то, что она не тронула черепа с питательным мозгом и глазами, наполненными влагой, но Мариату охватила сентиментальность, непривычная для нее самой. Ей казалось, что она сделает дурно, если осквернит голову друга, тем более такого, который тяжким трудом спас ей жизнь. Поэтому женщина неловко потрепала верблюжью макушку, разгладила песок рядом с ней и ножом написала слова молитвы: «Да упокоится дух твой у прохладных озер и тучных пастбищ, душа твоя в прохладной тени. Мариата, дочь Йеммы, благодарит тебя. Дитя Амастана, сына Муссы, благодарит тебя». Ни единый порыв ветра не потревожил эти простые символы тифинага.

Используя жесткие волосы с хвоста верблюда в качестве трута, а высохшие остатки его помета как топливо, она развела костерок с едким дымом, поджарила на огне и съела сердце животного и печенку. Мариата так долго жила впроголодь, что теперь ей пришлось потратить много времени на еду. Она буквально заставляла себя проглатывать пищу. Это ощущение было странным, но женщина понимала, что чем больше она съест, тем лучше подготовится к дальнейшему путешествию. Ее попону унес ветер, и эту ночь она провела, укрывшись окровавленной верблюжьей шкурой. Мариата сама удивлялась собственной практичности. Прежде она не замечала за собой подобных качеств, но ведь ей впервые в жизни приходилось полагаться только на себя.

Еще два дня Мариата пробыла возле останков бедного Кактуса, готовила и ела мясо, которое еще не испортилось, пила кровь, пока та не

свернулась. Травы, которые Тана положила в свадебную сумку, помогали ей есть, когда Мариате казалось, что она больше не в силах проглотить ни кусочка, ее тошнило или возникали проблемы с желудком. Такого количества мяса женщина еще не поглощала зараз. Когда на третий день солнце село, она собрала вяленое мясо в мешок, изготовленный из верблюжьего желудка, и закрепила его на спине с помощью ремешков, нарезанных из шкуры. Он оказался тяжел и неудобен, но от него зависело, жить ей или погибнуть.

«Теперь у меня свой горб, прямо как у Кактуса», — усмехнувшись, бодро сказала себе Мариата и навесила бурдюки спереди.

Едва волоча ноги, ориентируясь по звездам, она двинулась на юго-восток. Теперь женщина ступала по ровному плотному песку, покрытому полосками мелкой ряби, оставленной ветром. Этот прихотливый узор, столь изящный в своей правильности и совершенстве, отвлекал ее мысли и успокаивал взгляд. Она огорчилась, когда пески снова начали подниматься. Ей пришлось брести по щиколотку в этих мягких волнах, но скоро дюны кончились, почва выровнялась. Мариата оказалась в местности, до самого горизонта бурой, как верблюжья шерсть, усеянной темными камнями величиной с детский кулачок. Присев отдохнуть, она взяла один такой и взвесила в руке. Он оказался гораздо тяжелей, чем обыкновенный камень. Мариата с любопытством стала разглядывать его. Камень был покрыт бурыми крапинками и прожилками, разъеден крохотными оспинами так, словно побывал в огне. Он скорее походил на кусок металла, чем на обломок скалы. Мариата вдруг вспомнила, как Амастан рассказывал ей про гром-камни, которые падают с неба. Они сидели тогда на одной из сторожевых скал, охраняющих территорию племени со стороны пустыни Тамесны, и смотрели, как падают звезды, оставляя за собой яркий серебристый след.

— Я бывал в тех местах, где такие звезды валяются на землю сотнями, — сообщил он ей, и Мариата скорчила рожицу, красноречиво говорящую о том, что она не верит.

— Еще одна твоя нелепая выдумка! — поддразнила его девушка, хотя любила слушать этот голос, а уж о чем он рассказывает — дело десятое.

— Иншалла, тебе не придется побывать в тех местах. Многие пытались пересечь эту равнину, но всех поглотил разбрасывающий караваны, губительный Аль Джумсджаб, мрачное дыхание эрга. От них остались только кости, выбеленные солнцем, а души скитаются по пустыне вместе с воинством Кель-Асуфа и железными сердцами, падающими с неба.

Раньше она думала, что его рассказ — поэтическая фантазия, но теперь вспомнила, как в другой раз Амастан спросил, не думает ли Мариата, что звезды в небе — это души умерших. Она отбросила камень, встала и быстрым шагом пошла по полю, усеянному гром-камнями, на каждом шагу вздрагивая от страха.

На следующий день, преодолевая крутой подъем на вершину дюны, Мариата оступилась, упала, покатилась вниз и, тяжело дыша, осталась лежать там. Левая рука горела, было очень больно. Она внимательно оглядела это место. Прямо посередине ладони, как раз там, где ее пересекала длинная прямая линия, засела острая колючка, да так глубоко, что вытащить ее не было возможности, не за что ухватиться. Мариата прищурилась и сдавила мякоть ладони вокруг занозы — не помогло. Она попыталась выковырять колючку лезвием ножичка, но та вошла еще глубже. Будь Мариата в состоянии, она заплакала бы от боли и беспомощности, но в ее глазах не осталось ни слезинки. Теперь бедняжка ощущала только горячую боль в ладони.

Еще через день рука распухла, вокруг ранки образовались красные вздутия, похожие на подушечки. Каждый шаг отдавался болью в ладони, рука стала такой тяжелой, будто в ней лежал гром-камень. Скоро Мариата уже не чувствовала ничего, кроме раны, в которой словно появилось еще одно пульсирующее и кровоточащее сердце. Сама она казалась себе сотканной из прозрачного бездымного пламени, которому некий джинн придал человеческий облик, всегда готовый взлететь в небеса, если заклятие злого духа утратит силу. Когда вдали показался оазис, Мариата уже почти утратила рассудок и была уверена в том, что это мираж, посланный джинном ей в насмешку. Ведь еще только начинало светать. Но с каждым шагом мираж становился отчетливей, и после бесконечных красновато-бурых пейзажей на зеленые листья пальм больно было смотреть. В пруду, как в зеркале, отражалось небо, водная поверхность была так спокойна, что казалась стеклянной. С совершенной, чуть ли не галлюцинаторной ясностью, с неземным блаженством, подобным тому, что она испытывала в объятиях Амастана, Мариата смотрела, как ее пылающая рука погружается в воду, как жидкая прохлада смыкается вокруг нее по самое запястье. Видение и реальность слились в один бесконечно долгий экстатический полуобморок. Она пришла в себя только тогда, когда начала пить. Блаженство кончилось, осталась одна жгучая боль. Горло пересохло и сузилось, глотать было невозможно, Мариата задыхалась, хрипела, вода шла обратно. Наконец ей удалось проглотить немножко. Как существо, которому жить осталось недолго, она сбросила с плеч улы, заползла в тень

меж корней дерева и заснула в прохладной темноте.

Ее разбудили громкие голоса. Она испуганно села в своем убежище. На берегу водоема, расставив ноги и вытянув шею, три верблюда пили воду. Поодаль, с другой стороны, трое мужчин наполняли бурдюки свежей водой. Похоже, они ее не заметили.

Темная пыльная одежда хорошо маскировала беглянку в тени древесной кроны. Она хотела было позвать их, попросить помощи, но победил инстинкт осторожности. Мариата прижалась к стволу пальмы, затаилась, внимательно наблюдала и ждала. Вот двое из них уселись под пальмами на землю, в то время как третий нетерпеливо расхаживал вокруг, пытаясь заставить их ехать дальше, но, кажется, без особого успеха. Потом он тоже сел, прислонился спиной к дереву и, похоже, заснул. Мариата все еще не осмеливалась пошевелиться.

Опустилась ночь, мужчины развели костер и стали готовить еду и чай. Над застывшей поверхностью водоема потянулись запахи и достигли ноздрей Мариаты. Ее желудок болезненно сжался и заурчал. Она достала из мешочка кусок верблюжьего мяса и впилась в него зубами, не переставая мечтать о глотке горячего чаю с сахаром. Неровный свет костра освещал фигуры мужчин. Мариата увидела, что у двоих лица закрыты, причем так, как это принято в Хоггаре, и осмелилась подобраться поближе. Стараясь как можно тише ступать по упавшим веткам с бурными листьями, хрустящими под ногами, она нашла удобное место, где ее трудно было заметить, присела на корточки и стала слушать.

Человек в небрежно повязанной чалме был чем-то очень недоволен. Он сидел как на иголках. Видно было, что невозмутимость спутников выводит его из себя.

— Не понимаю, почему мы сидим на месте, — в который раз повторил он. — В конце концов, я вам плачу, вы должны меня слушаться!

Тот из двоих с закрытыми лицами, кто был повыше, бросил на него спокойный взгляд и заявил:

— Верблюды устали, да и мы тоже.

Сердце Мариаты сжалось. Она узнала голос брата Азаза.

— Ваша сестра может быть где-нибудь дальше. Вдруг она срезала путь!

Аزاز вздохнул и пояснил:

— Такое невозможно. Эта дорога самая короткая. Всякий знает, что в этой части пустыни долина с оазисами — единственный безопасный путь. Собыешься — и скоро тебе крышка.

Мясник Мбарек Аит Али — а это был он — воздел руки к небу, словно

искал защиты от злых сил.

— Аллах, только не это! Я потеряю такой сочный персик!

Второй человек с закрытым лицом поднялся, зачерпнул ногой песок и швырнул его в костер. Видно было, что он подавлял в себе ярость.

— Ну да, теперь ищи ветра в поле!

Мариата услышала этот ломающийся голос юноши, который вот-вот станет мужчиной. Конечно, это ее младший брат Байе.

— Наверное, буря замела ее следы или она знает заклинание, убирающее их, — сказал мясник.

— Сестра не колдунья. Нечего повторять глупости, которые болтает моя мачеха.

— Тогда где же она? Растворилась в воздухе, улетела? Никто ее не видел с тех самых пор, когда с ней был этот старик-торговец.

— Они могли разделиться и пойти разными дорогами.

— Или двигались быстрее нас, — стоял на своем мясник. — Так или иначе, я намерен найти ее, причем любой ценой. Мне нельзя без нее возвращаться. Я же стану посмешищем всего города. Говорю же вам, понадобится еще пара дней. Мы должны двигаться дальше в пустыню.

Братья обменялись взглядами, но ничего не сказали. Наконец Байе щелкнул языком.

— Сестра всегда была избалованной неженкой. Она не привыкла ходить по пустыням. Скорее всего, Мариата давно вернулась в Имтегрэн, кушает там кускус и посмеивается в кулачок. Так что лучше нам бросить это гиблое дело и двигать обратно.

— Мы зашли дальше, чем собирались, и ты нам за это не заплатил. Да и вообще не выйдет ничего хорошего, если мы попадем в лапы алжирских военных, — добавил Азас.

— Я-то думал, что вам, кочевникам, на границы наплевать! — фыркнул мясник.

— А зачем же самим подставлять шею? — спокойно ответил Азас.

Мясник сжал кулак и с силой ударил им в ладонь.

— Эх, была не была! Плачу еще сотню дирхемов. Может, у вас прибавится смелости.

— Дело не в деньгах. Идти дальше нельзя, кончаются припасы, — покачал головой Азас.

Мариата хорошо знала эту интонацию. Еще трехлетним мальчишкой Азас был очень упрям. Когда взрослые пытались заставить его надеть на себя хоть что-нибудь, вопли малыша были слышны далеко за пределами стоянки.

Он твердо посмотрел в глаза мяснику.

Тот не выдержал, отвел взгляд и проворчал:

— А я-то думал, что вы хотите спасти сестру. Ведь она может погибнуть.

Азас, уже не церемонясь, повернулся к нему спиной и сказал так тихо, что услышала его только Мариата:

— В мире есть вещи и похуже, чем смерть в пустыне. Ночью, когда они уснули, она потихоньку подкралась к одной из их тассуфр,^[75] пошарила в ней и нашла кожаный мешок с финиками. Они показались ей удивительно сладкими и вкусными, от наслаждения даже челюсти поначалу сводило. Мариата не удержалась и съела все, косточки складывая в подол, чтобы потом спрятать их где-нибудь между корней. У нее мелькнула мысль, не украсть ли верблюда, но она вспомнила, что братья — опытные следопыты. Они скоро найдут сестру, как бы ни сочувствовали ей. Мясник им заплатил, они связаны долгом, обязательно его отработают, да и отца не станут позорить, против его воли не пойдут. Бычья физиономия ее жениха и его вздорный характер самодура лишь укрепили ее решимость. Она дождется, когда они уйдут. Лучше погибнуть, чем попасть в жены к мяснику.

На следующее утро Мариата проснулась, едва на горизонте забрезжил свет. Серовато-голубой тон сменился темно-оранжевым, который постепенно светлел, заливая ночное небо. Звезды гасли одна за другой.

Первым поднялся Азас. Он выбрался из-под попоны, которой укрывался, направился прямо к мешкам с провизией, поднял с земли тассуфру, где были финики, и задумчиво взвесил ее на руке. Байе подошел к нему, встал рядом, наклонился, внимательно осмотрел затвердевший песок, потом поднял голову и обменялся со старшим братом многозначительным взглядом. Азас молча кивнул и приложил палец к губам. Оба оглянулись на храпящего Мбарека. Азас пошаркал ногой, словно хотел что-то стереть, поднял еще одну тассуфру, озираясь, подошел к ближайшей пальме и повесил так, чтобы ее не было видно.

Потом он направился к верблюдам, лежащим на песке, снял путы с самого маленького и тихо сказал брату:

— Когда мясник проснется, скажи, что один верблюд ночью ушел. Я отправился его искать, а когда найду, догоню вас. Быстро сворачивайтесь и отправляйтесь обратно тем же путем, которым мы пришли. Ждите меня в холмах возле узда, где на дне лежат синие камни. Я буду там к полудню. — Он дернул голову верблюда за губу, сел на него и заставил подняться. — А если нет, не ждите меня.

Через несколько секунд человек и верблюд скрылись из виду.

Почесывая голову, Байе отправился готовить чай.

Услышав, что они возвращаются, мясник снова заворчал. Ему очень не хотелось отправляться обратно, к тому же пропал верблюд, но уже через час они с Байе уехали. Мариата осталась одна, но не надолго. Совсем скоро в оазисе появилась фигура высокого человека верхом на верблюде.

— Мариата! — крикнул он.

Она не ответила, даже не вышла из своего укрытия.

Азас подъехал к водоему, дал верблюду напиться, наполнил бурдюк, приложился к нему и негромко сказал:

— Я знаю, что ты здесь. Утром я видел твои следы возле наших припасов, да и финики куда-то пропали. Разве что какая-нибудь обезьяна стащила сандалии моей сестренки из красной кожи с резным узором на подъеме...

Мариата встала и вышла на свет.

— Я не пойду с тобой обратно, и не пытайся заставить.

Голос ее, некогда столь мелодичный и сладкозвучный, что мужчины плакали, слушая ее пение, теперь звучал хрипло, словно ворона каркала.

— Пустыня была неласкова с тобой, сестра, — оглядев фигуру стоявшей перед ним оборванки, заметил Азас.

— Ее ласки мне дороже, чем все нежности вашего мясника.

— А как ребенок?

Один из братьев впервые упомянул о ее беременности. В Имтегрене оба старались отводить глаза и ни словом не обменялись по этому поводу.

Мариата положила руки на живот, ребенок словно услышал ее и лягнул ногой, а потом еще раз. Она улыбнулась, опустила глаза и вдруг удивленно заметила, как похудели ее запястья. Теперь это были просто кости, обтянутые кожей. Женщина поняла, что под платьем так же торчат ее ребра и кости таза. Когда-то давно Амастан под покровительственным оком луны снимал с нее одежды и гладил пышные, нежные округлости. Что он сказал бы, если бы увидел ее сейчас? Пустыня обглодала Мариату со всех сторон, сняла с нее все слои за слоем. Так знахарка очищает волчий лук. Скоро от былой красоты не останется ничего, один только тощий костяк.

— У нас все нормально, — ответила она.

— Куда пойдешь?

— Домой, рожать ребенка на земле кель-ахаггара.

— Хоггар далеко, сестра, а ты одна. Может быть, вдвоем будет больше шансов добраться?

— А я не одна, нас двое. — Она улыбнулась, тронутая его предложением, пусть и высказанным косвенно. — Возвращайся к своим и не говори обо мне. Ты меня не видел.

Азас ухватил верблюда за недоуздок и протянул этот ремешок Мариате.

— Это тебе. А вот там, на пальме, висит мешок с едой. Если бы наш отец был здесь, он сказал бы, что я все делаю правильно. Женщину народа покрывала нельзя заставлять идти замуж против ее воли.

Глаза Мариаты наполнились слезами. Она склонила голову, чтобы брат не видел, как она плачет.

— Тебя разве не накажут за то, что ты потерял верблюда?

— Не слишком велика потеря. Накажут, подумаешь. К востоку отсюда есть дорога. По ней не ходи. Она идет на Тимимун и Тиндуф, ее патрулируют военные на машинах. Но ориентируйся по ней. Ночью пересеки ее и двигай в сторону равнины Тидикельт, где увидишь холм с тремя вершинами, оттуда поверни на восток и иди три дня. Как зайдет солнце, поднимется ветер, повернись к нему лицом и продолжай двигаться. По левую руку на небе появится Проводник и пойдет по небосклону прямо перед тобой. Когда он скроется за линией горизонта, продолжай идти так, чтобы Северная звезда была у тебя за спиной, а Дочери — перед тобой. По пути у тебя будут колодцы, но нечасто и на большом расстоянии. Земля станет постепенно подниматься. Иди все время прямо и доберешься до Абалессы. Верблюдицу зовут Такамат. Обычно она смиренного нрава, но может быть и своевольной. Вы с ней поладите.

Такамат звали служанку, которая шла по пустыне с прародительницей.

Мариата удивленно подняла голову. Ее поразила не только мрачная ирония этого совпадения, но и неожиданная изобретательность брата. По щекам женщины потекли слезы.

— Тин-Хинан должна гордиться своими потомками, — сказала она и взяла недоуздок.

Теперь будто сама жизнь пойдет у нее на поводу. Тонкая плетеная веревка в руке казалась ей странно тяжелой.

— Особенно женщинами, — прибавил брат.

Они коснулись ладоней друг друга, Азас повернулся и пошел прочь, расправив плечи и широко размахивая руками. Фигура его быстро уменьшалась на желтом фоне песков и через несколько минут пропала из виду.

Глава 31

В лагере мы оставались три дня. Вокруг бушевала песчаная буря, и передвигаться куда бы то ни было не представлялось возможным. Странно об этом говорить, но эти три дня были самыми счастливыми в моей жизни. Нас с Таибом оставили вдвоем, и в любое другое время я нашла бы эту ситуацию невозможной, поскольку в замкнутое пространство палатки были втиснуты два столь разных человека. Но страх перед людьми, мучивший меня всю взрослую жизнь, и вечная настороженность куда-то пропали, испарились. Возможно, этому способствовал полумрак палатки. Она оказалась превосходным местом для исповедей, признаний и откровенности. Мы лежали на спине, глядя вверх, в темноту, задавали друг другу вопросы, с которыми всегда хочется обратиться к человеку, который, как тебе кажется, будет играть в твоей жизни важную роль, и оба несли прекрасную чушь, возвышенную и столь же нелепую. Я спрашивала, почему он до сих пор не женился, сколько раз влюблялся и как же вышло, что это ничем не закончилось. Верит ли он в загробную жизнь, хотел бы иметь детей, чему его научили в жизни собственные ошибки, какую он слушает музыку, какое его любимое блюдо, каковы самые счастливые воспоминания и какой он помнит самый смешной анекдот. Мы лежали совсем близко, но не касались друг друга, что-то шептали, смеялись, дремали. Наконец Таиб спросил, как я жила в Лондоне, как прошло мое детство, и я рассказала про свою палатку в саду, про игры в войну с друзьями-мальчишками, про то, как мы бегали полуодетыми и сражались деревянными саблями.

— Вы были маленькой дикаркой, — улыбаясь, сказал он.

— Да, — тихо отозвалась я. — Но очень давно.

— Вы до сих пор немного такая. Я же вижу ваши глаза, когда вы

смотрите на пустыню. Вы обожаете дикую природу, не зря же увлеклись скалолазанием. Уж не поэтому ли вас занесло в Марокко?

Под таким углом я еще об этом не думала, но Таиб был по-своему прав.

— Тут во всем виновата отцовская коробка.

— Коробка?

Я рассказала все: про наследство, про то, что на чердаке дома отец оставил для меня коробку, про то, что мы с Ив обнаружили в ней, когда открыли. Вдруг меня как громом поразило.

— Ив!

Таиб повернулся ко мне, глаза его были широко раскрыты.

— Что? Что такое?

— Да Ив же! Она же с ума сойдет, поставит на уши всю марокканскую полицию. Ведь я же пропала, меня надо искать! — Я порылась в сумочке, ища мобильник, нашла его и торопливо стала тыкать пальцем в кнопки. — Черт!

Батарейки сели. Вне себя от ярости, я зашвырнула мобильник в дальний угол палатки, и он глухо шлепнулся о полотняную стенку.

Не говоря ни слова, Таиб сунул руку в карман, вынул свой аппарат и протянул мне. Поразительно, но здесь, в центре самой большой на земле пустыни, связь была, хотя сигнал оказался слабеньким. С трех попыток мне удалось набрать номер Ив.

Раздались гудки, очень долго никто не отвечал, потом я услышала:

— Ну и кто это еще?

— Ив, это я, Иззи.

— Из! Где тебя черти носят?

Только теперь я поразилась тому факту, что наши похитители не забрали у нас мобильников, но быстро сообразила, что для них в этом не было особой надобности. Так что мне сейчас ответить?

— Хороший вопрос. Понятия не имею. Где-то посередине Сахары.

Ее удивленный крик услышал даже Таиб. Я отодвинула аппарат подальше от уха, пока она не перестала орать, а потом быстренько и как можно проще рассказала, что с нами случилось.

— Вас похитили? Господи, Иззи! Что мне надо делать? Позвонить в посольство?

Пока я пыталась сформулировать ответ, в палатку нырнул какой-то человек, выхватил у меня телефон и отключил связь. Потом он с явной угрозой что-то пролаял в мой адрес на своем языке. Я поняла только два слова: «Со мной». Они прозвучали по-французски, но движение его

автомата было недвусмысленным. С беспомощным видом я повернулась к Таибу.

— Идите с ним, — сказал он, но теплый взгляд согрел меня, и мне сразу стало легче.

Буря снаружи как будто стихла. Воздух все еще был серовато-желтым из-за массы носящихся в нем мельчайших песчинок, как снег залепивших стенки и крыши палаток, но, несмотря на скрип на зубах, дышать было можно. Охранник повел меня к самой большой палатке, черной и приземистой. Согнувшись в три погибели, я нырнула в низенькое отверстие входа. Главарь контрабандистов лежал, растянувшись на тростниковой циновке, но, увидев меня, приподнялся на локте. Он смотрел на меня так, что если бы не скудость обстановки, то можно было бы подумать, что передо мной какой-нибудь древний полководец или сам император. Теперь на нем была не пыльная форма, в которой этот человек ходил в тот день, когда захватил нас, а длинный халат и широкие хлопчатобумажные штаны с каким-то сложным узором по бокам. Коричневые босые ступни с длинными костлявыми пальцами и широкими грубыми подошвами выдавали в нем субъекта, который с детства не носил обуви. При этом голова оставалась замотанной лицевым покрывалом, видны были только темные, блестящие глаза. Перед ним на маленьком круглом столике дымились два стакана с чаем, стоял помятый железный чайник, миска с маслом, лежала стопка лепешек. Он жестом пригласил меня сесть, и я кое-как опустилась на колени.

— Ну вот, британцы говорят, что вы французская подданная, а французы — что вы англичанка.

Похоже, это его очень забавляло. Свободной рукой он подвинул ко мне стакан, и только теперь я заметила, что в другой руке у него — ну надо же! — настоящий спутниковый телефон.

— Кажется, никто не желает вас вызволять, Изабель Треслов-Фосетт.

Жестом глубочайшего презрения он швырнул мне мой паспорт, как бы говоря, мол, сами видите, толку от этой бумажки для вас никакого.

Я взяла паспорт и сунула в карман, хотя в этом заброшенном месте вряд ли можно было представить себе вещь более бесполезную. Не зная, что сказать, я взяла стакан и сосредоточилась на чае, но напиток оказался такой сладкий и крепкий, что меня чуть не вытошнило.

— Но это и не важно. Такова игра. Я делаю ход, они не торопятся отвечать, тянут время, а сами стараются определить, где мы находимся, придумать, как быть дальше. Известные приемчики. Они делают вид, что их это не интересуется, но наверняка там все на ушах ходят и надеются, что у

нас не хватит решимости обратиться к средствам массовой информации.

Он подвинул ко мне корзинку с хлебом и несколько минут молчал, пока мы ели. Я заворожено смотрела, как главарь похитителей отправлял кусочки хлеба под лицевое покрывало и отворачивался, будто процесс еды был для него занятием слишком интимным, и мне не полагалось это видеть.

Вдруг спутниковый телефон ожил, главарь нажал на кнопку и стал внимательно слушать, потом быстро проворчал что-то в ответ, дал отбой, вскочил на ноги и прокричал какие-то команды своим головорезам. Тишина и порядок в лагере, как по мановению волшебной палочки, нарушились бегом, криками и шумом. Палатки быстро и лихорадочно были собраны и погружены на багажники автомобилей. Меня сунули в «туарег», и увидеть, где Таиб, мне не удалось. Не успела я опомниться, как мы уже мчались на огромной скорости по пустыне, изрезанной колеями, причем остальные машины рванули в разных направлениях.

Крепко вцепившись одной рукой в баранку, контрабандист гнал по пересеченной местности, в другой держал трубку и громко отдавал приказания. На зыбком песке машину то и дело заносило, и тогда нас накрывало огромным облаком пыли. Потом мы выбрались из песков и помчались по усеянной гравием равнине. Мелкие камешки стучали по днищу и бокам машины так звонко, будто по ней со всех сторон падали из автоматов.

«Бедный Таиб! — подумала я. — От подобного обращения блестящая черная краска его машины будет безнадежно испорчена».

Да уж, мозги человека, возвращенного европейской цивилизацией, переделать не так-то просто. На мгновение у меня в голове мелькнула малодушная мысль: хорошо, что машина не моя. Но эти размышления были прерваны мощным ревом, раздавшимся над головой. На бреющем полете над нами промчался военный реактивный самолет с бледным брюхом и камуфлированными крыльями. Он сделал крутой вираж, через мгновение превратился в точку и пропал из виду.

Контрабандист удовлетворенно и мрачно ухмыльнулся. Сетка тонких морщинок вокруг его глаз превратилась в глубокие складки.

— Ха! Думают, мы очень боимся их разведчика! Пока вы в наших руках, никто нас и пальцем не тронет. Представляете, какая это для них невыгодная реклама?

Он помолчал, словно хотел, чтобы я усвоила: вот он, грубый, отсталый человек пустыни, а понимает важность гласности и разбирается в рекламе. Потом он включил в работу обе оси, машина поползла по крутому берегу

высохшего русла и выбралась наверх. Он дал полный газ и погнал ее по более или менее твердой дороге, по сторонам которой росли пышные тамариски.

— Конечно, если с вами что-то случится, обвинят нас. «Зверски убита террористами, захватившими ее» — вот что напишут в газетах. Но в мировых средствах массовой информации работают и люди, сочувствующие нам. — Он искоса посмотрел на меня. — Изабель, а у вас есть знакомые журналисты?

Я повернула к нему голову.

— У меня? Нет.

— Неужели никого из лондонской «Таймс» или Би-би-си? — не отставал он.

— У меня другая тусовка. — Я беспомощно развела руками.

— Ладно, это неважно. Вы сами можете послать что-нибудь на сайт Би-би-си. На следующей стоянке мы загрузим туда ваши фотографии.

Он говорил с таким самоуверенным видом, что я вдруг взбрыкнула:

— Похитили меня и моего друга, отняли у него машину, везете нас неизвестно куда — с какой стати я должна вам помогать?

— Вот погодите, я вам кое-что покажу, и вы сами захотите помочь нашему делу.

Он сказал это обыденным тоном, будто констатировал очевидный факт. Я только покачала головой и отвернулась, глядя на трясущийся и подпрыгивающий пейзаж за окном и сдерживая смех. Все мое возмущение вдруг испарилось. Оказавшись в чреве пустыни, я почему-то перестала заботиться о том, куда меня везут и что со мной будет. Все события шли как бы сами собой, без моего участия. Я уже ничего не боялась и даже не особенно расстраивалась. Судьба моя теперь была во власти могущественных сил. Мне с ними не справиться! Остается лишь смиренно принимать происходящее и стать фаталисткой. Чему быть, того не миновать. Мне стало спокойно, как никогда прежде. Очень странно. Неужели позиция «иншалла» — заразная вещь? Если это так, то я, похоже, прихворнула серьезно. Бабушка Таиба на меня очень рассердилась бы. Таиб... При мысли о нем в душе у меня все пело. Интересно почему?

Скоро мы оказались на плоской песчаной равнине, усеянной округлыми черными камнями. Порой навстречу попадались одинокие деревья с широко раскинувшимися ветвями. Под одним из них контрабандист остановил машину, и мы выбрались на душный и жаркий воздух. Двое охранников с заднего сиденья тоже вышли облегчиться. Я последовала их примеру, выбрав для этого приличных размеров акацию на

разумном расстоянии от машины. Когда я вернулась, главарь нагнулся, поднял камень и вдруг швырнул мне так же небрежно, как мячик ребенку. Я поймала его, но чуть не выронила от неожиданности. Он оказался гораздо тяжелей, чем я думала. Я вертела камень в руке и внимательно разглядывала его ржавую, рябую поверхность.

— Это метеорит, зовущийся у нас гром-камнем, — объяснил мне главарь. — Считается, что он приносит счастье.

— Хорошенькое счастье, если заедут им в голову, — кисло отозвалась я, и он громко рассмеялся.

— Изабель Треслов-Фосетт, вы демонстрируете чисто туарегский образ мысли! Даже в самых плохих обстоятельствах вас не покидает чувство юмора.

Туарегский! Почему это раньше мне не пришло в голову? Не понимаю, о чем я думала. Я-то считала, что этот тип — преступник и прячет лицо, чтобы его никто не узнал, а оказывается, такова традиция. Я посмотрела на него с новым интересом, хотя и не без холодка, бегущего по спине. Когда Таиб сообщил, что предки его — туареги, мне это очень понравилось, еще бы, какая экзотика! Теперь на меня снова нахлынули воспоминания об уроках кровавой истории, которые мне преподала мать. В 1881 году колонна французской армии под командованием полковника Флэттера совершала экспедицию в Алжирский Хоггар, чтобы наметить маршрут предполагаемой транссахарской железной дороги. Туареги заманили французов в холмы, где их ждала ловушка, прижали к пустыне и безжалостно вырезали всех до единого. Следующая, гораздо лучше подготовленная экспедиция, возглавляемая Лами и Фуру, подверглась непродуманному и безответственному нападению отряда четырех тысяч туарегов верхом на верблюдах. Они были перебиты картечным огнем, в живых не осталось никого — ни воинов, ни верблюдов. В детстве туареги для меня были все равно что индейские воины чероки или сиу, храбро сражавшиеся против врагов, обладающих огромными преимуществами, предоставленными им так называемым прогрессом. В кино я всегда была на стороне краснокожих индейцев в их борьбе против ковбоев, поэтому сочувствовала и туарегам, воюющим против самодовольных французов, возжелавших приручить дикий и свободный народ. Что-то в этом роде моя мать собиралась проделать и со мной. Но, оглядываясь на прошлое, я должна была признать, что в этих воинах пустыни всегда проглядывало и нечто зловещее: холодная жестокость и беспощадность людей, которым наплевать на все, кроме собственных понятий о чести и свободе. Теперь в это вековое противостояние старого и нового вовлечена и я, пешка,

загнанная в угол. Прежний настрой в духе «иншалла», охвативший меня с час назад, теперь начал угасать.

— Вы знаете, как меня зовут, но сами не представились, — помолчав, сказала я. — Может быть, удостоите меня чести узнать ваше имя?

— Некоторые зовут меня Феннеком в честь африканской лисицы, обитающей в пустыне. Другие именуют Ташельтом. Знаете, есть тут у нас такая рогатая гадюка, — ответил он, нисколько не развеяв страха, растущего в моей груди.

— А настоящего, личного имени у вас нет? — спросила я, вспомнив, что где-то читала, как важно для заложника установить с похитителями эмоциональный контакт, чтобы в нем видели не безликого пленника, а живое человеческое существо, которое уже не так-то просто хладнокровно убить.

— Я никому не называю своего имени на языке тамашек и уже давно им не пользуюсь.

— Похоже, вы его стыдитесь, — сказала я, наверное, слишком смело.

Его это, видимо, задело, и он резко вздернул подбородок.

— Стыжусь? Ни в коем случае. Туарег гордится своим родом. Это чувство родилось и умрет вместе с ним. В моем имени заключена вся моя родословная. Оно ничем не запятнано. Я горжусь им, несмотря на то что мой народ перенес много оскорблений и унижений. Но свое имя и родословную я поберегу для себя. Мое племя много претерпело, и я не допущу, чтобы люди снова из-за меня подвергались гонениям.

Очевидно, я затронула его чувствительную струнку.

— Гонениям?

Мое удивление прозвучало простодушно. Кто может преследовать и подвергать гонениям кочевое племя пустыни, которое никогда надолго не остается на одном месте, представляет собой объект, так сказать, невероятно подвижный? Я надеялась, что он мне это прояснит, но глаза его казались далекими, в них читались страдание и ожесточение. Феннек вдруг отвернулся и приказал подчиненным принести мне воды.

Через несколько минут мы вернулись в машину. Скоро к нам присоединились еще две, и мы помчались дальше колонной, взлетая на песчаные холмы. Так корабли под всеми парусами выскакивают на волны, громоздящиеся со всех сторон.

Остановились мы только ночью. Я дремала, неловко прислонившись головой к окну, а когда очнулась и протерла глаза, было уже совсем темно, и несколько ярко пылающих костров только подчеркивали мрак. Этот лагерь был совсем не похож на тот, что мы покинули утром. Ко мне с

радостным лаем подбежали собаки, всюду виднелись люди, бегали дети, которые почему-то не спали в этот, судя по всему, поздний час. Я с любопытством отметила тот факт, что тут были и женщины, хотя они и держались поодаль. Слышалось жалобное блеяние козлят, зовущих своих мам, от которых их отделили, чтобы сохранить молоко. Понятия не имею, откуда я это знала, но знала так твердо, что по спине у меня побежали мурашки.

Охранники Феннека проводили меня в палатку, стоящую в сторонке, у входа обменялись приветствиями с ее обитателями, только потом отступили в сторону и впустили меня внутрь. Залезла я туда чуть ли не на четвереньках — не самый достойный способ знакомиться с женщинами из племени туарегов, с которыми я имела удовольствие встретиться в первый раз в жизни. Они с любопытством разглядывали мою странную внешность, как, впрочем, и я их. К внешнему виду женщин в Тафрауте, с ног до головы закутанных в черное, застенчиво прячущих лица от посторонних и всегда избегавших моего взгляда, я уже привыкла. Но эти разглядывали меня с откровенным интересом. Когда я ответила им тем же, они заулыбались и что-то залопотали, звеня раскачивающимися украшениями, в которых отражалось пламя свечей. Три женщины сидели в ряд, прямо как на какой-нибудь средневековой картинке, изображающей три возраста человека: поразительно привлекательную юность, цветущую зрелость и старость. Нос у здешней старухи оказался таким же крючковатым, как у гигантских орлов.

«Интересно, родственницы они или нет, — думала я. — Ведь держатся вместе столь непринужденно. Любопытно, что они думают обо мне, когда я стою тут перед ними в помятой и, разумеется, грязной хлопчатобумажной рубашке, фирменных джинсах и дорогих сандалиях, со швейцарскими часами фирмы „Лонжин“ на руке и настолько скромными серьгами, что их почти не видно».

Их серьги были поистине огромными и весьма выразительными. Такие большие куски серебра четкой геометрической формы вроде бы и носить-то неудобно. Тем не менее эти женщины держались так, словно эти штуковины весили не больше пера. Все три, конечно, были увешаны амулетами, не менее дюжины на каждой, кстати, очень похожими на мой. Они были пришпилены к темным платьям, ярким вышитым блузкам, изысканным платкам и шалям, как и у меня, висели на шее на шнурке или плетеном ремешке.

Рука моя сама потянулась к амулету, который я предусмотрительно спрятала под рубашку. Сердце мое забилося, словно я интуитивно,

бессознательно почувствовала, что для меня настал очень важный момент, который изменит всю мою жизнь. Это ощущение трудно поддается описанию... Будто волею судьбы или обстоятельств я подошла к ключевому моменту, к какой-то тайне, готовой вот-вот раскрыться, узнать которую я жутко боюсь. Мне очень хотелось немедленно вынуть свой амулет и показать его этим женщинам в живописных традиционных нарядах, но я не решалась, сама не знаю почему. Причина, скорее всего, крылась в том, что мы еще не успели познакомиться. Этот жест с моей стороны, да еще в столь поздний час, был бы некрасив, даже непристой, неожидан и груб. Я подождала, пока они освободят для меня место на кровати с веревочной сеткой, возвышающейся над землей всего на несколько дюймов, и с матрасом, обтянутым пестрой шерстяной тканью, и не успела опомниться, как уже лежала под одеялом. Я погружалась в сон, еще понимая, что со мной происходит, мышцы расслаблялись, сознание расплывалось. Меня охватывало состояние, когда восприятие действительности находится в полном равновесии и порой обостряется до невероятности. Перед тем как провалиться в сон, я в течение нескольких мгновений слышала лишь приглушенные голоса, подобные шороху ветра, шелесту листьев или лепету волн, ласкающих берег. Потом все звуки слились в одно слово, повторяющееся вновь и вновь: Лаллава, Лаллава, Лаллава...

Глава 32

Когда я снова открыла глаза, уже совсем рассвело, и в палатке, кроме меня, никого больше не было. Я с наслаждением потянулась, ощущая во всех членах странную негу. Уже несколько лет я не спала так хорошо. Я вышла на воздух и огляделась. Мы находились в сухой долине, где река, давно уже пересохшая, прорезала широкую впадину, заполненную десятками шатров и сотнями людей. Старики в туго намотанных тагельмустах. Их халаты, развевающиеся на ветру, скрывали тощие ноги и кости, обтянутые кожей. Дети с раздутыми животами и огромными глазами. Головы малышей были выбриты, оставлены только одна или две тонкие косички. Группа старух, колдующих возле костров над кастрюлями с едой. Женщины помоложе, ритмически что-то толкущие в деревянных ступках.

За спиной раздался шум моторов. Я оглянулась. Вдали показалась вереница покрытых пылью грузовиков. Женщины побросали свои пестики, подобрали одежды и направились к ним. Эти стройные особы держали спины прямо и горделиво, не позволяли себе бежать со всех ног. Мужчины подавали им из грузовиков мешки с едой, наверное зерно, рис, овощи, растительное масло, финики. Каждая терпеливо ждала очереди получить свою долю.

— Доброе утро, мисс Фосетт. Надеюсь, вы хорошо выспались.

Я оглянулась и совсем рядом с собой увидела вождя туарегов, а с ним и Таиба. Тот смотрел на меня, и глаза его сияли, как две звезды.

— Как вы тут, Иззи? — спросил он.

Я была очень рада видеть его. На душе сразу стало так спокойно, что я поначалу не нашлась что ответить. Мне вдруг захотелось потрогать Таиба, чтобы убедиться, что это действительно он. Меня удержало лишь

присутствие Феннека. Я надеялась, что улыбка и так откроет все мои чувства.

— Спасибо, хорошо.

Мы никак не могли оторвать глаза друг от друга.

Наконец я взяла себя в руки, повернулась к вождю туарегов и спросила:

— Где это мы? Уж очень похоже на лагерь беженцев.

— Можно сказать и так. Эти люди действительно нуждаются в убежище.

— Им что, негде жить? Они потеряли дома?

— Все, за исключением жизни и собственного достоинства. Им угрожает засуха и голод. Пойдемте, я хочу вас кое с кем познакомить.

Он привел нас в ту часть лагеря, где сидела женщина примерно моих лет. Одной рукой она чесала шерсть, помогая себе при этом ногой. Другая ее рука кончалась культей, смуглая кожа в этом месте лоснилась отвратительным фиолетовым оттенком. Лицо и открытую часть шеи избороздили глубокие шрамы, за плотно сжатыми веками не хватало одного глаза. Феннек встал на колени и обменялся с ней приветствиями. Она положила шерсть, протянула здоровую руку и коснулась его пальцев. Этот жест, установленный этикетом, был полон искренней нежности. Потом она по-королевски пригласила меня и Таиба присесть. Мы повиновались, словно были ее придворными.

— Келла сейчас расскажет вам о себе, — обратился ко мне Феннек. — Все мы воспитаны так, что никогда не жалуемся и не обнаруживаем своих слабостей, поэтому она опустит подробности и изложит только самое главное. Вам придется, так сказать, читать между строк.

Келла начала говорить длинными ритмическими фразами, очень похожими на пение, здоровой рукой для выразительности похлопывая по земле. Ее голос то взлетал вверх, то опадал.

Контрапунктом ее мелодичному, как флейта, рассказу звучал перевод Феннека:

— Я родом из племени, владеющего наследственными правами на пастбища в районе Тамазалак. Однажды пришли солдаты и забрали у нас всех верблюдов. Они сказали, что имеют бумаги, дающие право их реквизировать. Молодежь племени стала протестовать, тогда юношей посадили в грузовики и увезли. Больше мы их не видели. Солдаты вернулись, застали только женщин, детей и стариков, но все равно стали нас всех избивать. Они говорили, что в нашем селении смутьяны плодятся, как скорпионы, двоих детей бросили в колодец. Это были сыновья моей

двоюродной сестры Мины. Мальчики переломали себе все кости. Они кричали от боли и замолчали лишь тогда, когда мы пошли спать. Все, кто остался в живых, убежали в пустыню вместе с козами и овцами. Но была засуха, и животные пали одно за другим. Потом я наконец пришла сюда. Алхамдулиллах.

Пока Феннек благодарил ее, я потрясенно молчала. Таиб тоже прикоснулся к руке женщины. Видно было, что он глубоко тронут ее историей.

— Большое спасибо, — сказала я.

Келла безмятежно улыбнулась, кивнула, давая понять, что отпускает нас, и продолжила чесать шерсть.

Потом Феннек познакомил нас с молодой женщиной в яркой накидке, сидевшей среди других, одетых в темные платья. После обмена приветствиями Феннек перевел рассказ о том, как на стоянку пришли солдаты и увели ее мужа, а потом убили, обвинив в том, что он мятежник.

— Такое происходит постоянно, — закончила она и едва заметно пожала плечами.

Говоря о муже, которого повесили на дереве в тени горы Тамджак, женщина старалась казаться бесстрашной, но я увидела боль в ее темных глазах.

Мы распрощались, и Феннек повел нас дальше.

— Это ад, — сказал Таиб.

Лицо его застыло, он явно сдерживал свои чувства. Мы шли следом за вождем туарегов. Таиб протянул руку и провел кончиками пальцев по тыльной стороне моей ладони. Прикосновение было легким, и сделал он это тайком, чтобы никто не заметил, но мне показалось, что руку мою охватило пламя.

Мы шли дальше по лагерю, и Феннек сам продолжал рассказывать про несчастья своих людей:

— Вон там, видите?.. Это Хабте, он круглый сирота, вся его семья была убита в Адаг дез Ифорас. Так называется плоскогорье в Мали. Это Нама, ее захватили солдаты, долго насильовали в своих казармах, потом увезли в пески и бросили. Но пустыня заботится о своем народе. Мы нашли ее живой и привезли сюда. Три недели она пролежала в коме. Этого человека зовут Моктар, он из племени, наследственные земли которого в Арлите, что на севере Нигера, отобрали французы, когда обнаружили там уран. Люди не смогли найти пропитание и рассеялись. Кто-то бежал в Алжир, а потом был изгнан оттуда. Теперь они просят подаяние на улицах Бамако, столицы Мали. Там многие нас ненавидят. Они говорят, что их

предки были нашими рабами, а теперь все пойдет по-другому, пользуются этим как поводом для раздувания поистине невероятной злобы. — За грузовиками Феннек показал на какого-то одноглазого человека в пыльной солдатской одежде и черном тагельмусте. — Элага остался в живых после резни в Чин-Табарадене. Это в Нигере. — Он повернулся к нам и спросил: — Вызнаете что-нибудь об этом?

— Я немного знаю, — отозвался Таиб со страдальческим лицом. — Но с очевидцами не встречался.

Я покачала головой и прислонилась к машине. Мне было и жарко, и холодно.

— Если вы, Изабель, будете писать про нас статью, то вам следует знать факты, — сказал Феннек и глубоко вздохнул, глядя не на меня, а на очередь женщин, протягивающих руки за едой. — Когда-то мы были самыми свободными людьми на земле, теперь стали чуть ли не самыми бедными и угнетаемыми. Мы потеряли пастбища, и теперь на нас одно за другим посыпались несчастья. Засуха и голод уничтожают наших людей. Продукты, посылаемые гуманитарными организациями, разворовываются властями и продаются на черном рынке. Поэтому сейчас я предпочитаю сам помогать своему народу. На территориях, где веками обитали наши племена, теперь добывают уран и нефть. Богатства пустыни расхищаются, нам не дают никакой компенсации за такой вот ущерб. Вместо этого подходы к шахтам Арлита охраняются иностранными военными, которые стреляют в каждого, кто посмеет приблизиться. Вы думаете, нам перепадает хоть что-нибудь из огромных прибылей, получаемых в результате эксплуатации наших земель? Нет, ни единого су. Для нашего народа не было построено ни одной школы и ни одной больницы. Нам не предоставили ни одного рабочего места. У нас нет своих представителей в правительстве Мали или Нигера. А наша молодежь? Их сажают в лагеря, или же они становятся добровольными изгнанниками, чтобы старикам и детям досталось больше еды. Мы с Элагой стали ишумар — безработными, нежелательными элементами, нас вырвали с корнем из родной почвы, изгнали с наших земель. Мы опрометчиво приняли предложение Каддафи приехать в Ливию и начать подготовку к образованию будущей Туарегской республики. Это случилось в восьмидесятые годы. Элага был еще совсем молодым человеком, я — достаточно взрослым и более осторожным. Но у меня была та же мечта, что и у моего предка Каоцена. Настанет день, все наши племена объединятся и создадут Азавад — республику, в которой все будут свободно кочевать, вести наш традиционный образ жизни. Обещания Каддафи оказались пустыми, но какое-то время я верил этим иллюзиям.

Чтобы содержать себя, я воевал в его армии в Западной Сахаре, в Чаде, в Ливане. Я так разозлился на весь мир, что готов был драться с кем угодно. Но эти войны он вел из собственного тщеславия. Ему нравилось посылать своих солдат помогать арабским братьям в их борьбе, но в конце концов все сводилось к деньгам и особым услугам. Туарегам снова ничего не досталось. Обещания повисали в воздухе, не выполнялись, и это было неудивительно. Мне следовало помнить слова Каоцена о том, что у таурегов нет друзей в этом мире. В девяносто первом году нас изгнали из Алжира. Остатки нашего народа никто и нигде не ждал с распростертыми объятиями. Правительство Мали заявляло, что это проблема Нигера. Правительство Нигера кивало на Мали. В конце концов они заключили соглашение, и Нигер принял обратно восемнадцать тысяч человек. Мы думали, что вернемся на наши родные земли в Аир и Тамесну, но вместо этого нас интернировали в Чин-Табараден. Место было ужасное, грязное, переполненное людьми, много заразных больных. С нами обращались бесчеловечно и жестоко. Военные ликовали, что знаменитые туареги, которых все боялись, наконец-то в их руках. Наших женщин насиловали, нас избивали, подвергали ритуальным унижениям. Стариков раздевали донага прямо на улицах, впервые в жизни заставляли снимать тагельмусть и открывать лицо. На потеху солдатни подростков за кусок хлеба заставляли ползать как собак. — Феннек посмотрел мне прямо в глаза. — Я смеюсь, когда слышу крики про зверства в иракском Абу-Грейбе или кубинском Гуантанамо. Если бы люди Запада видели хоть десятую часть того, что сделали с нами в Чин-Табарадене, они заплакали бы от стыда за то, что такие вещи происходят в так называемом цивилизованном мире. Но Африка — всеми забытый континент, а мы — один из самых отверженных ее народов.

Я вдруг почувствовала, что крепко сжимаю под рубашкой амулет и словно иду по минному полю, где взрываются слова, которые способны покалечить и даже убить.

— Нам не позволяли покидать наш лагерь, отправлять детей в школу. Наконец несколько молодых людей устроили демонстрацию протеста возле отделения. Одного солдата убили из его собственной винтовки. Власти только этого и ждали. Мы были не вооружены, обессилены, умирали от болезней и плохого питания. Но за смерть одного солдата на нас бросили мощь целой армии, объявили в стране чрезвычайное положение, прислали несколько батальонов, травили нас слезоточивым газом. Потом появились воздушные десантники. Лагеря были уничтожены, колодцы отравлены или засыпаны. Они пришли ночью, вооруженные длинными ножами и

канистрами с бензином. — Голос его вдруг оборвался.

Я бросила на Феннека быстрый косой взгляд и увидела, что глаза его пылают гневом. Таиб стоял неподвижно, как статуя, и ждал продолжения.

— Мне и еще нескольким из наших удалось бежать. Меня и сейчас мучит совесть. Да, я не остался, но видел такое и раньше и знал, чем это кончится. Элага не стал уходить. У него там были жена и трое детей. У меня никого, и я бежал. «Бейтесь с ними, как шакалы» — вот что всегда говорил Каоцен, и я убеждал моих людей действовать именно так. Для нас гораздо лучше напасть и потом скрыться, чем драться лицом к лицу, как делает лев. Но не всем нравится такая тактика. Некоторые считают ее трусливой, а тут чистый прагматизм. Эти люди преклоняются перед теми, кто в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году верхом на верблюдах бросался против танков малийской армии. Все тогда полегли, ни одного не осталось в живых. Жест великолепный, настоящий подвиг, но бессмысленный и обреченный. Меня за такие речи не поблагодарили. Те, кто остался тогда в Чин-Табарадене, погибли или были тяжело ранены. У Элаги убили всю семью, он потерял глаз, чуть не расстался с жизнью. Многие были убиты во время первой вспышки насилия, но потом началось планомерное истребление. Поговаривали даже об окончательном решении туарегского вопроса. Да-да, они употребляли именно это выражение, вещали о необходимости произвести отбор, селекцию туарегов, вычеркнуть их из цивилизованного общества. Сотни туарегов были погружены в грузовики и вывезены в пустыню по направлению к оазису Бильма. Мы хорошо знали этот маршрут. В стародавние времена здесь проходил так называемый соляной путь. Большинство из тех, кого в военных грузовиках отправили по старому караванному маршруту в качестве пленных, пропали навсегда.

— Боже мой, — шепотом сказал Таиб. — А я ничего этого не знал.

Он провел рукой по лицу, и я увидела, как его мокрые пальцы блестят в лучах солнца.

— Мы потеряли почти две тысячи человек, но власти заявили, что число погибших не превышает шестидесяти. Те из нас, кто избежал этой участи, сформировали объединение. Мы подали формальный протест старым колониальным властям, но Франция отвернулась от нас. Французы слишком глубоко увязли в своих делишках с поставщиками нефти и урана и не хотели совать нос в разборки, даже когда ООН приняла нашу сторону. Подчиняясь дипломатическому давлению, правительство Нигера провело судебное разбирательство, но это был всего лишь обман, фарс. Когда главный палач в Чин-Табарадене давал показания, он хвастался, как своими

руками задушил какого-то старика, а публика, сидевшая в зале суда, смеялась. Мы пытались использовать дипломатические каналы, но бесполезно. Нашей последней и окончательной надеждой стало прямое действие. Несколько лет я руководил повстанческой группировкой в горах, но наши рейды для противника были лишь комариными укусами. — Он глубоко, протяжно вздохнул и продолжил: — С тех пор бывали и перемирия, которые постоянно нарушались, и соглашения о прекращении огня, и попытки ассимиляции, но в сущности ничего не изменилось. Теперь я пытаюсь делать все, что в моих скудных силах, чтобы помочь моему народу и донести информацию о его положении до мировой общественности. — Феннек снова повернулся и долго смотрел мне в глаза. — Так вот, может быть, теперь вы, Изабель Треслов-Фосетт, хоть немного поймете, зачем я делаю все это, и проявите снисхождение к моим грубым методам.

Под впечатлением его рассказа, разрываемая собственными переживаниями, я не выдержала и расплакалась. По сравнению с мрачной историей туарегского народа мои несчастья казались мизерными, но в то же самое время почему-то огромными, всепоглощающими. В моей душе будто поднялась громадная волна сочувствия и понимания.

Мои слезы смутили Феннека. Он отвернулся и вдруг снова посмотрел на меня, но не в глаза, а куда-то в район груди. Я невольно протянула руку и поняла, что на моей рубашке расстегнулась пуговица.

Как только я попыталась застегнуть ее, чтобы не демонстрировать свои прелести, Феннек одной рукой схватил меня за плечо, другой вцепился в амулет и спросил:

— Откуда это у вас? — Глаза предводителя туарегов гневно сверкали, он повернулся к Таибу. — Вы сняли амулет с тела умершей женщины, которую похоронили?

— Конечно нет! — крикнул Таиб, явно шокированный таким предположением. — Он принадлежит Изабель. Расскажите ему, Иззи.

Феннек потянул на себя шнурок, чтобы вытащить амулет полностью, а я как раз в эту секунду сделала шаг назад. Кожаный шнурок, тот самый, который на Львиной Голове удержал вес моего тела и спас мне жизнь, оборвался, и амулет упал в пыль у наших ног. Несмотря на возраст, вождь туарегов оказался проворней меня. Словно атакующая змея, он бросился к нему, схватил, стал вертеть в руках и разглядывать со всех сторон. Потом, словно обладая сверхъестественным чутьем и поняв его устройство, Феннек щелкнул кнопкой, и потайное отделение открылось. Пергаментная трубочка выпала ему в руку.

— Как к вам это попало? Отвечайте! — хрипло потребовал он.

— От моего... отца, — запинаясь, ответила я. — Он завещал мне амулет. — Я рассказала про коробку на чердаке и про ее странное содержание. — Понимаете, отец был археологом. В моей сумочке лежат бумаги, которые были в этой коробке.

Феннек зыркнул на меня злыми глазами, но тут же отвернулся, будто амулет с таинственным содержимым притягивал его взгляд. После долгого раздумья он широко и быстро зашагал прочь.

— Идите за мной, — бросил через плечо Феннек, словно эта мысль пришла ему в голову не сразу.

Я засемила за ним, без амулета ощущая себя странно раздетой, легкой, словно сейчас же могла взлететь на воздух, как семечко одуванчика.

В палатке, той самой, где я была день назад, чудесным образом восстановленной на новом месте, словно телепортированной оттуда сюда со всеми самыми точными и мельчайшими деталями, Феннек жестом пригласил нас присесть, а сам полез рыться в какой-то коробке. Вскоре на свет божий явилась моя сумочка.

— Покажите, — приказал он, бросив ее мне.

Феннек был словно в лихорадке, часто тер ладонью лицо. Его самообладание куда-то испарилось.

Я нашла сложенные пополам бумаги и протянула ему. Он раскрыл их. На пол упал зеленый бланк с неразборчивой надписью. Феннек подхватил его и внимательно осмотрел.

— Что это?

— Понятия не имею, — честно ответила я.

Отшвырнув бланк, Феннек все свое внимание обратил на стандартный листок с машинописным текстом, бесконечно долго изучал его.

Наконец он бросил бумажку мне, словно обличая меня в чем-то, ткнул пальцем в два слова и заявил:

— Тин-Хинан! Что тут говорится про Тин-Хинан?

Я поняла, что это единственные слова, которые он разобрал, да и то с трудом, поэтому приблизительно перевела ему этот отцовский текст, спотыкаясь только там, где не знала, как по-французски будет «могила», «сердолик» и «амазонит». Поразительно, но оказалось, что эти слова знает Таиб.

— Значит, амулет был найден в могильнике Тин-Хинан?

— Так тут написано.

Я чувствовала себя явно не в своей тарелке. По всему выходило, что мой отец украл из могилы царицы туарегов очень важный исторический

артефакт. Значит, он просто гробокопатель, человек, который грабит чужие могилы, а я, выходит, дочка такой вот персоны.

— Мне очень жаль, — промямлила я. — Я не знаю, зачем он это мне оставил. Мой отец любил всякие тайны, обожал мистифицировать людей, мучить их загадками, дразнить своими огромными знаниями. — Я рассказала про письмо, которое отец написал мне, пытаюсь манипулировать мной даже из могилы. — Он знал, что я не смогу просто так оставить все это валяться на чердаке. — Я помолчала, потом наклонилась вперед и спросила: — А вы можете прочесть, что там написано? Вы знаете тифинаг?

— Конечно. — Он даже обиделся. — Все дети, которые воспитываются как истинные туареги, учат тифинаг на коленях матери.

Они с Таибом обменялись воинственными взглядами. Потом Феннек вышел из палатки, присел на корточки перед входом и ладонью выровнял квадрат песка. Ключом зажигания он написал на нем ряд символов, сверяя их с тем, что было написано в пергаменте, потом покачал головой, что-то пробормотал себе под нос и стер все, что изобразил. Феннек повернул пергамент боком, снова внимательно его рассмотрел и повторил свои действия. После нескольких таких неудачных попыток он издал разочарованное восклицание, вскочил и пнул ботинком песок.

— Следуйте за мной! — властно приказал нам Феннек, и мы снова поплелись вслед за ним, как собаки за хозяином. В тени какого-то дерева он нашел старуху, которая накануне была в той палатке, где я провела ночь. Они начали проделывать такой длинный ряд ритуальных приветствий, что мне захотелось выхватить у него пергамент и швырнуть ей в лицо. К счастью, хорошее воспитание и английская сдержанность не позволили этого сделать. Мне удалось удержаться в рамках приличия, если не говорить о том, что все это время я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Наконец Феннек как будто вспомнил, зачем мы, собственно, сюда пришли, и нам пришлось выдержать еще одну длительную пантомиму, пока старуха изучала мельчайшие подробности узоров, вытравленных на амулете, круглые красные камешки, шишечку, выступающую по центру, и кожаный ремешок, сплетенный каким-то хитрым образом, но теперь уже порванный. Когда Феннек показал ей, как открывается потайное отделение, она что-то залепетала как ребенок, поднесла амулет к глазам и с радостным восхищением принялась двигать кнопкой взад-вперед. Потом они пустились обсуждать искусство, с каким была изготовлена эта вещица, и происхождение амулета. Лишь вслед за этим Феннек наконец-то расправил на ладони кусочек пергаменты, хранившегося в нем, и протянул ей, чтобы

она хорошенько его рассмотрела. Старуха прицелкнула языком, склонила голову в одну сторону, потом в другую, не переставая что-то бормотать. Она ткнула пальцем в одну строчку, потом прошла им по пергаменту снизу вверх. Таких столбиков было три, еще столько же шло поперек.

— Мариата, — сказала старуха.

Феннек сделал глубокий вдох, выпустил воздух с таким шумом, словно перед этим бесконечно долго задерживал дыхание.

Она коснулась пальцем второй строки и заявила:

— Амастан.

Оба эти слова для меня ничего не значили, но воздух был заряжен таким эмоциональным напряжением, что я почувствовала, как у меня на шее зашевелились и встали дыбом все волоски. Непостижимо как, но я поняла, что означает третья вертикальная строка.

— Лаллава, — прошептала я, и все сразу уставились на меня.

Меня бросило в жар, потом в холод. Я непроизвольно стала раскачиваться из стороны в сторону.

— Эй-йей, — сказала старуха, голос которой будто пришел откуда-то издалека. — Лаллава.

Таиб положил руку мне на талию и попытался меня успокоить. Его дыхание согревало мою шею, и это чуть не привело к противоположному результату.

— Вы смогли прочитать это? Лаллава? Или просто угадали?

Я молча покачала головой, потому что и сама не знала, как это получилось.

Феннек так и трепетал, наблюдая за происходящим. Я видела, как дрожат его руки, когда старуха повернула листок пергамента на девяносто градусов. Но как бы она его ни разглядывала, похоже, запись поставила ее в тупик. В конце концов старая женщина воздела обе руки в жесте, понятном каждому, признавая свое поражение, и жалобным голосом что-то проверещала. Феннек попытался свернуть пергамент, но его руки так тряслись, что из этого ничего не вышло. Тогда старуха взяла у него пергамент, аккуратно вложила его в гнездышко и задвинула над ним центральную шишечку. Тайна так и осталась нераскрытой.

Мы снова зашагали через весь лагерь с такой скоростью, что я даже запыхалась, когда оказалась у палатки Феннека.

— Что такое... или, может быть, кто такая Мариата? — спросила я.

Седеющие брови этого уже немолодого человека сдвинулись, словно он хотел отгородиться от этого вопроса, потом он вдруг отвернулся и схватился руками за голову. Вслед за этим контрабандист, предводитель

мятежников, старый вояка, вождь туарегов и все такое, который только что спокойно рассказывал мне душераздирающие истории про жестокие гонения и зверства, и голос его при этом ни разу даже не задрожал, горько и безутешно разрыдался. Он ломал пальцы с таким страшным треском, что все маленькое пространство палатки будто наполнилось его безмерной болью.

Я испугалась, меня охватило смятение. Мне казалось, что я никогда не смогу выбраться из этого замкнутого пространства, насыщенного таким неистовым чувством. Мне хотелось выскочить вон и бежать куда глаза глядят, но я почему-то не могла сдвинуться с места. Мне вспомнилось, как он говорил, что его народ с детства привыкает никогда не жаловаться, не показывать свою слабость. Я ломала голову, как могло случиться, что обыкновенный, пусть и красивый, туарегский амулет со своим тайным заклятием так подействовал на этого крепкого, сильного человека. Но какие бы мысли ни приходили мне в голову, я уже знала то же самое, что и всегда. Мой амулет обладал громадной магической силой, отягощенной его собственной глубокой и трагической историей.

Глава 33

Кожа моего желанного блестит,
Как дождь, увлажнивший высокие скалы.
Когда распахиваются разбухшие тучи
Среди молний и раскатов грома,
Кожа моего возлюбленного ярка, как медь,
Как медь раскаленная,
Когда стучит по ней молот инедена.
Как я люблю блеск его щек.
Скулы его остры, как лезвие ножа в вечернем свете,
Когда открывает он лицо свое только для одной меня.

Голос Мариаты прервался на последней строке. Она вспомнила все, что пережила, и слезы навернулись на глаза.

«Пустая трата жидкости», — бодро осадила она свои чувства и снова запела эту песню.

Нельзя показывать сыну свою слабость. Теперь он с ней постоянно, все время шевелится в животе, будто ему уже не терпится покинуть надоевшую темницу ее чрева. Она повторяла куплет снова и снова, сперва шепотом, потом нараспев, пока он не убаюкал обоих. Мариата уже шагала вперед, словно в трансе. Рядом с ней ноги верблюда выбивали размеренный и неторопливый ритм.

«Кожа моего желанного блестит, как дождь, увлажнивший высокие скалы».

Она сложила эту песню для Амастана, когда они, залитые лунным

сиянием, лежали рядом с водоемом и лягушачий хор гремел по всей округе. В эту самую ночь и был зачат ребенок. Мариата и сама не знала, откуда ей это известно, просто не сомневалась, и все. Глаза щипало, но они оставались горячими и сухими, и слез в них не было, только боль, хотя и не такая сильная, как в сердце.

— Хватит! — бодро, громко приказала она себе и завела еще одну, совсем другую песню:

Давай уйдем подальше от людей,
Даже если там много воды.
Ведь вода и мудрейших делает рабами,
А мне еще нет и двадцати.

На последней строчке она остановилась. «Нет и двадцати». Сколько ей сейчас? Мариата и сама этого не знала. Женщины ее племени обычно отмечали каждое лето очередной каймой, вышиваемой на специальном коврике, новым орнаментом или амулетом, но Мариата давно не сидела на одном месте и не могла этого делать. Теперь она поняла, что не знает, сколько ей лет, и вдруг подумала, что это ужасно. Молодая женщина словно потеряла свое лицо. В этих необъятных просторах легко утратить себя. По ночам, глядя на звездное небо, она казалась себе совсем крошечной, малой точкой, медленно, с трудом ползущей к цели по лику земли. Так ведет себя маленький длинноногий жучок, обитатель пустыни. Мариата однажды видела, как он карабкался вверх по склону дюны. Его ножки едва касались горячих песчинок, а жучок все куда-то торопился, оставляя волнистые следы на песке. Стоило подуть легчайшему ветерку, и эти отпечатки пропадали, будто их и не было вовсе. Теперь у нее возникло точно такое же чувство. Любой след, который она оставит на земле, будет стерт так же легко.

Чтобы утвердиться как личности, пусть хотя бы только для себя одной, Мариата стала вспоминать прошлое. Сначала извлекла из недр памяти лето, когда ей исполнилось семь лет. Вот она наблюдает, как в гуэльтах возле летних пастбищ плавают головастики. Потом, когда Мариате было восемь, бабушкина сестра показывала ей звезды. Они сидели на Волчьем носу — выступе скалы, возвышающейся над долиной Утул. Вот ей двенадцать лет. Она победила в поэтическом турнире, состязании с другим племенем. Мариата употребляла в стихах слова, о которых те и не слышали, делала куда более изящные, неожиданные переходы и скрытые выпады, от

которых ее соплеменники восторженно вскрикивали. Женщина и верблюд все шли вперед, а перед глазами ее вставали все новые образы детства. Один раз она даже громко рассмеялась, вспомнив, как учила свою двоюродную сестренку Алину ловить фиги. Мариата подбрасывала их так высоко, что солнце слепило им глаза, поэтому фигу приходилось ловить наугад. Озорница Алина хохотала. Ей было тогда всего пять лет. Она ловила фигу, целиком совала ее в рот, чтобы Мариата не отобрала, и со смехом убегала. Однажды девчонка чуть не подавилась. Фиги... Рот Мариаты вдруг заполнился слюной, желание съесть хоть одну фигу было так сильно, что у нее помутилось в глазах. Как же ей хотелось поесть фиг! Она не пробовала их с тех самых пор, как покинула Хоггар, а потом только раз, когда они проезжали через фиговую рощу, за которой ухаживали харатины, где густо росли эти деревья с серебристыми стволами, давая плотную и прохладную тень.

Но этих фруктов у нее нет. Не найти их и за сотни миль в округе. Она знала, что это так, и от нее тут ничего не зависит, но организм ее — или же сына, составляющий с ней единое целое, неразумного и требовательного, как и все дети, — не понимал и не принимал разумных доводов. Надо любой ценой поесть фиг, и неважно, где достать их. Если ребенок чего-то требует, надо дать ему желаемое. Иначе на его спине, а то, чего доброго, и на лице может образоваться темная отметина. В селении всегда были дети с подобными уродливыми пятнами. Будущие матери хорошо знали, что единственный способ избежать их для нерожденного ребенка — есть все, что он требует: золу, соль, даже верблюжий помет.

Сняв с верблюда мешок, который ей оставил Азас, она достала с самого дна последнюю горсть фиников, которую берегла уже несколько дней. Все прочее было съедено. Осталось только вяленое мясо бедного Кактуса, которое так затвердело на солнце, что, кусая его, Мариата опасалась за свои зубы.

«Представь, что финики — это фиги, — строго приказала она себе. — Если ты сумеешь хорошо это сделать, то, может быть, обманешь и ребенка. Он тоже примет финики за фиги. Вспомни, каковы фиги на вкус, какая у них твердая кожура, а под ней засахарившаяся мякоть, заполняющая рот. Она очень сочная, семена застревают между зубов...»

— Фиг у меня больше не проси, — тихо приказала она ребенку чуть позже. — Все, кончились.

До сих пор им везло. С подветренной стороны дюны они нашли пастбище, не тронутое другими путешественниками, и Такамат целый день щипала там травку, довольно бормоча что-то свое, верблюжье. Ее челюсти

работали не переставая, двигались из стороны в сторону, измельчая твердую сухую траву в жвачку ядовито-зеленого цвета. Воду они тоже находили, даже те колодцы, которые представляли собой просто дырки в земле, совсем незаметные, занесенные песком. Обнаружить такую можно, только буквально провалившись в нее. Мариата во всем следовала наставлениям брата, шла по звездам, потом лицом к ветру, но не забывала и о своем чутье. Ноги слушались ее только тогда, когда сердце подсказывало, что так надо. Но все равно воды у них было ровно столько, сколько могли унести маленькая верблюдица и беременная женщина. Горб Такамат все еще оставался твердым и торчал прямо, но Мариата беспокоилась о здоровье животного, по правде говоря, даже больше, чем о своем собственном. В самое жаркое время дня, когда они отдыхали, Мариата лежала, ощупывала ладонями живот и чувствовала, как он растет, как разбухают маленькие холмики интимной плоти, которые обычно не видны, спрятаны. «Твой маленький колодец в пустыне» — так Амастан называл это место. Он целовал ее бедра, и ночной воздух охлаждал влажные отметины. Потом возлюбленный запускал язык глубоко в это место, и Мариата извивалась от наслаждения.

— Настанет день, и у тебя отсюда явится ребенок, как ты сама вышла на свет из этого места твоей матери, — говорил Амастан. — Он будет и мой тоже, самый красивый и желанный во всем мире...

«Интересно, что он сказал бы сейчас, глядя на мое тело, — думала она. — Огромное, опухшее так, что вот-вот лопнет. Кожа натянута как на барабане, груди, когда-то так красиво вздернутые, теперь набухли и отяжелели, как овечье вымя. Ноги как пальмовые стволы, икры обвисли мешками. Нет-нет, такие мысли до добра не доводят...»

Мариата устало, едва волоча ноги, шла дальше. За ней невозмутимо вышагивала Такамат.

Несколько раз над головой женщины проносились самолеты. Они летели так быстро, что шум моторов предшествовал их появлению и был еще слышен, когда их давно уже не было в небе. Верблюдица, похоже, не обращала на них никакого внимания, но Мариате эти железные птицы казались зловещими, поскольку не принадлежали ни земле, ни небу. Дорогу, о которой говорил Азат, она пересекла в самом начале безлунной ночи, когда весь мир окунулся в черноту и, куда ни глянь, не было видно ни огонька, ни светлого пятнышка. Оставив позади пустыню Танезруфт и держа направление по звездам, Мариата пересекла пески Эрг эль-Агейбы, хотя не знала этих названий. Она понимала только одно. Когда встало солнце, перед ней лежало самое пустынное место из всех, которые

женщина видела в жизни, безбрежная песчаная равнина, перемежаемая твердыми бурыми площадями, покрытыми солью. Была здесь и растительность, но такая колючая, что даже Такамат, которая до сих пор не проявляла разборчивости, характерной для верблюдов, к этим колючкам и близко не подходила.

Они несколько дней двигались на юг, пока не вышли к широкому руслу высохшей реки, и брели по нему три дня. Потом сандалии Мариаты совсем развалились, и они были вынуждены остановиться. Женщина села на камень и внимательно осмотрела свои ноги, покрытые мозолями. Когда-то давно, в незапамятные времена, она гордилась своими красивыми ногами. Они были стройны, изящны и элегантны. Когда на свадьбу их раскрасили хной, все, кто видел это, не могли сдержать восторженных восклицаний. Но с тех пор много воды утекло, и пустыня с лихвой взяла свое. С самого начала путешествия у нее на ногах стали надуваться волдыри, которые превращались в болячки и заживали, но на их месте тут же появлялись новые. Все ноги Мариаты были покрыты шрамами, толстые наросты твердой кожи на ступнях растянули тонкую оплетку сандалий, и швы не выдержали. Женщина быстренько перевязала обувь кусками тряпки, которую оторвала от платья, закрыла обезображенные ступни и подумала, что не скоро теперь сможет танцевать босиком. Ее губы на мгновение искривились в язвительной улыбке.

Теперь она внимательно следила за погодой. В последние несколько дней в небе появлялись облака, а это означало одно: надвигается сезон дождей.

— В пустыне люди чаще тонут в воде, чем погибают от жажды, — сказал ей однажды Амастан, но Мариата рассмеялась и ответила, что не столь глупа, чтобы верить в такие сказки.

— Вот увидишь, что это правда, — сказал он и больше не стал говорить об этом.

Но на следующий день Амастан пошел на другой конец селения, привел к ней старого Азелуана, и тот подтвердил этот невероятный факт.

— Если в пустыне льет дождь, то это страшный ливень с грозой, — сказал старик. — Он так силен, что земля не успевает впитать воду, она собирается в уздах и образует мощные потоки. Когда в небе появляются облака, мы ищем места где повыше.

Она все равно не очень ему поверила, подумала, что Амастан просто подговорил старого погонщика верблюдов, который и подтвердил эту сказку, но теперь вспомнила тот разговор и, когда стемнело, повела Такамат вверх по склону скалистой долины. Идти здесь было трудней, они

продвигались гораздо медленней, приходилось пробираться меж скал и огромных валунов, но скоро Мариата заметила у Такамат особый дар находить лучший маршрут. Тогда она наконец-то влезла на спину верблюдицы и дала отдохнуть своим усталым костям. Последние несколько недель они шагали бок о бок. Мариата стала уже слишком тяжела для этого небольшого животного и теперь была рада, что щадила Такамат. Верблюдица двигалась осторожно и расчетливо, значит, не очень устала. Интуиция не подвела Мариату. Ближе к рассвету с шорохом стали падать первые капли, оставляя на скалах, покрытых пылью, темные пятнышки. Скоро Мариате уже пришлось искать убежище. Дождь вдруг полил как из ведра. Со своей удобной позиции на склоне она с изумлением смотрела, как в уэд стеной хлынула огромная, пенистая, коричневая волна, несущая за собой песок и вымытую почву. Если бы они сейчас были там, внизу, то беспощадный поток в одно мгновение смыл бы и унес с собой и ее, и Такамат. Совсем скоро Мариата уже вся дрожала от холода. Впрочем, может быть, больше от потрясения, которое она пережила, представив, что могло случиться, если бы они оставались на дне уэда.

Сезон дождей пробудил к жизни невиданные прежде силы пустыни. Отовсюду, из каждой щели, из любой мельчайшей дырочки полезли какие-то травки, и Такамат их тут же выщипывала. Окруженная этим неожиданным изобилием, животворящей энергией, все свои силы, все внимание Мариата теперь отдавала растущему в ней ребенку. Ее живот распухал, как тесто на дрожжах, хотя непонятно было, куда ему еще расти. Мариата спрашивала себя, в какой же момент зародилась в ней новая жизнь, этот огромный ребеночек, и никак не могла справиться с силами, чтобы посчитать недели и месяцы обратно, до смерти Амастана и далее. Совершенно выбившись из сил, она раскачивалась в седле в такт движениям верблюдицы и то и дело сползала, обеими руками вцепившись в его резную, раздвоенную деревянную рукоятку. Никогда в жизни Мариата еще не чувствовала такой усталости.

Потом настал день, когда, продолжая двигаться вперед, она ощутила под платьем струю влаги. Сначала Мариата подумала, что это моча, хотя в последние несколько недель она почти не ходила по малой нужде. Потом вдруг живот пронизала столь резкая боль, что Мариата раскрыла рот и согнулась пополам. Через минуту боль утихла, но прошло немного времени, и нахлынула новая, а потом еще и еще.

Мариата родила в холмах Адрар-Ахнет. К родам она отнеслась как к обычному делу, не паниковала. Да и к чему? Все равно рядом не было ни

души, никто не мог ей помочь. Она разделась и нараспев произнесла нужные слова, которые должны отпугнуть всех джиннов от самых уязвимых ее мест. В песчаном углублении между двумя красноватыми крошащимися утесами, совершенно одна, если не считать терпеливой верблюдицы, открытая пылающему глазу солнца, Мариата присела на корточки и стала тужиться, потая и не забывая молиться. Когда над горой Тиннирет вошла луна, ребенок наконец-то выскользнул из нее и явился на свет под переключку шакалов, вышедших на ночную охоту.

Дрожа от слабости, Мариата завязала узлом и перерезала пуповину, длинную и толстую, как змея. Она видела, как это делают женщины ее племени. Роженица повесила ее на куст, чтобы высушить. Послед, запах которого мог привлечь шакалов, она закопала в землю, оставив маленький кусочек, который съела, чтобы часть ребенка всегда оставалась в ней и мать могла бы драться за его душу с полчищами Кель-Асуфа.

Ребенок оказался здоровый, крепкий и спокойный. Он лежал на песке и извивался как червяк, словно ему уже сейчас хотелось встать на ножки и побежать. Мариата провела рукой по крошечному пухлому личику, прижала и слегка прикрыла веки, погладила густые черные волосы, которые уже подсыхали, обдуваемые прохладным ночным ветерком. Она омыла дитя песком и положила в мягкую кожаную сумку, которую ей сшила инеден, женщина-кузнец. Рядом Мариата вонзила в землю нож, чтобы отпугивать злых духов. Пока ребенка не станет защищать от джиннов собственное имя, полученное в ходе ритуала, который проводится на шестой день после рождения, злые духи представляют для него серьезную угрозу. Затем она очистилась сама, стараясь делать это как можно лучше, закидала свежим песком место, где рожала, только потом надела изорванное платье, легла и свернулась клубком вокруг нового живого существа, которое создали они с Амастаном.

Ел ребенок быстро и легко и, по-своему решая задачу выживания, ни разу не пожаловался, словно понимал, что они попали в весьма непростую ситуацию, и не хотел привлекать к себе внимание дурного глаза. Следующие два дня Мариата отдыхала и набиралась сил. Она не могла наглядеться на своего ребеночка. Гугукала с ним, пела ему не только детские песенки, которые помнила еще с малолетства, когда жила в Хоггаре, но и печальные, даже военные. Когда ребенок впервые открыл глаза, они оказались темными, как ночь. Мариата на секунду даже испугалась, хотя не знала, самого ли малыша или за него.

На третий день, в самую знойную пору, Мариата подошла к бурдюку, подвешенному на ветке куста, где сушилась и пуповина. Она хотела

набрать воды и спугнула какое-то существо, которое вдруг раздробилось на сотни белых прозрачных кусочков, порхнувших в ослепительно-синее небо. Несколько секунд женщина смотрела, ничего не понимая, а потом до нее дошло, и она улыбнулась. Это были бабочки, маленькие и хрупкие, с бледными полупрозрачными крылышками, сквозь которые виднелось солнце.

— Если вы можете жить в таких местах, то и мы не пропадем, — прошептала она.

Вечером шестого дня Мариата встала и торжественным шагом трижды обошла вокруг ребенка и верблюдицы. Ближе этих двух существ у нее теперь никого не осталось. Не было и барашка для свершения обряда, да и инедена, который принес бы его в жертву, поэтому Мариата попросила Такамат, чтоб та позволила взять немного крови из своей шеи. Она проделала все очень осторожно, и надрез получился совсем неглубокий. Потом мать со своего пальца дала ребенку попробовать крови, но он все отворачивал личико, молотил руками воздух. Видно, ее солоноватый запах ему не понравился. Мариата вздохнула и все-таки заставила малыша принять немного в себя. Это было необходимо, чтобы Кель-Асуф не проник в него через рот. Потом мать тоненькой веточкой нарисовала в уголках его глаз и на лбу узор в виде гусиных лапок, чтобы зрение было острым, а ум крепким. Когда кровь подсохла, она перевернула ребенка и проделала то же самое на его спине и ногах, чтобы дать ему силу и защиту. На животе крохи мать написала имя и шесть раз вслух объявила его всему миру, чтобы все знали этого человека, племя и родословную, по материнской линии восходящую к Тин-Хинан. Потом она сняла амулет, достала из него маленький свиточек и старательно, высунув от усердия язык, крохотными аккуратными буквами вписала прозвание нового человека рядом с именами тех двоих, кто его породил.

Мариата сорвала с ветки высушенную пуповину, положила на скалу, сосредоточенно отбила, пока та не стала плоской, разрежала вдоль на три тонкие полоски и заплела так красиво, что сама Тана похвалила бы ее искусную работу. Она сняла амулет с красивого, унизанного бусами шнурка, на котором тот висел до сих пор, снова связала эту веревочку и повесила обратно себе на шею. Потом продела в амулет плетенку, только что сделанную из пуповины, обмотала ее вокруг ребенка и положила его в сумку. Теперь этот амулет обладал величайшей силой, какую только можно представить. Если уж он не защитит ее дитя от злых сил, то ничто другое и подавно.

На седьмой день она распутала ноги верблюдицы и повела ее по

длинному сухому руслу, которое выходило на равнину. Потом они вышли в долину и в самом ее начале наткнулись на колодец Азиб Амеллул. Там Мариата встретила нескольких кочевников, которые приветствовали ее криком: «Исалан? Что нового?» — и восхвалили красоту ребенка. Это были простые добрые люди. Несмотря на то что сами были бедны, они не отпустили Мариату сразу, а настояли на том, чтобы зарезать для нее козу. Целых два дня Такамат делила пастбище с их животными, а с Мариатой они обращались как с королевой, которой случилось их навестить. Женщины у них говорили на странном диалекте языка тамашек. Мариата такого прежде не слышала. Слова они произносили резко и в нос, сильно растягивая гласные. Им было очень любопытно знать, почему она одна и куда направляется.

— Я ездила в пустыню рожать, — объяснила Мариата, и все одобрительно закивали.

Это был старый обычай.

Они просили ее остаться с ними — новорожденные всегда приносят удачу, — но кочевали на север, в Адрар Тисселлилин.

— Нехорошо женщине путешествовать в одиночку, — говорили ей эти люди. — Кругом много солдат и разбойников. Они постоянно шныряют между Таманрассеттом и Ин-Салахом. Если уж тебе надо ехать одной, избегай дорог. Эти люди не признают наших законов и не уважают женщин.

Мариата поблагодарила их, и на следующий день они расстались. Она смотрела им вслед, пока последняя коза не превратилась в маленькую точку, потом повесила ребенка на спину и взяла Такамат за повод. Кочевники вычистили и починили ее платье, насколько это было возможно, на оборванные края нашили новую яркую кайму, дали ей для ребенка чистую свежую пеленку, новое покрывало и старые туфли, которые пришлось ей почти впору. Еще ее снабдили просом и финиками, козьим молоком и сыром. С каждым новым подарком из глаз Мариаты текли слезы. Эти совсем незнакомые люди были так добры к ней. Она не хотела ничего брать, понимая, что у них у самих всего мало, но услышала, что обидит их отказом. Теперь, отправляясь в путь, Мариата чувствовала себя богатой, как и положено принцессе.

Усевшись на спину Такамат, она направила верблюдицу на юго-восток. Через два дня на горизонте замаячили горы Ахаггара, их острые вершины, за которые уже спускалось солнце. Мариата громко рассмеялась. Она добралась до дома вопреки всем препятствиям! Мариата взяла ребенка на руки и повернула его лицом к горам.

— Там твоя родина, моя овечка, ягодка сладенькая.

Всю дорогу она рассказывала малютке легенды Ахаггара, вспомнила про восстание, когда племя кель-тайток поднялось против чужеземных завоевателей, и про легендарную красавицу поэтессу Дассин. Ее руки добивались благороднейшие юноши со всех концов света, а она высокомерно отвергла сватовство одного могущественного вождя только за то, что он, по ее словам, был некрасив. Она говорила о хитрости и коварстве разбойников, совершающих набеги на караваны, о смелости и мужестве воинов. Рассказала про наскальные рисунки в Тухогине и Мергутеке, на которых пляшут изящные газели, и про Гарет Эль Дженун, гору духов.

— Скоро мы окажемся среди своих. Тебя любят наши женщины, все будут поздравлять. Ведь ты — единственный в мире ребенок, который пересек великую пустыню.

Но и к концу следующего дня горный массив будто нисколько не приблизился. Они пересекли уэд Тирахарт, и в колодце Ану ин Арабит Мариата набрала воды. Она восхищенно разглядывала следы вокруг него, не только овечьи, козьи и верблюжьи, но и ослов и мулов.

— Если здесь есть ослы, то мы почти дома, — спокойно сообщила она ребенку.

Такамат закинула голову к небу и заревела с каким-то бульканьем, словно одобряла ее слова.

Они пересекли ручьи, бегущие у подножия одинокой горы Ти-н-Аджар. Дальше лежали Абалесса и долина Утул. Над ней поднимались склоны холмов, где обитал ее народ. Дорога шла в гору, всюду вздымались к небу величественные скалы, в течение дня поразительно меняющие цвет. Бледные, охристо-песчаные в полдень, они окрасились ярко-коричневыми и пламенно-алыми тонами, когда за спиной молодой матери уже садилось солнце. С удивленным восторгом Мариата гладила их поверхность, и сердце ее переполнялось радостью. Ей казалось, что эти скалы обладают удивительной мощью, ту же силу она чувствовала в себе.

На следующий день, на рассвете, с юга надвинулась мрачная туча, и Мариата не сдержала стога. Они находились в прекрасном, хоть и небольшом укрытии, способном защитить их от свирепой песчаной бури. Но лучше поспешить. Женщина заставила Такамат опуститься на колени, поплотней закутала ребенка и устроилась в седле. Несмотря на приближающуюся бурю, она смеялась. После нескольких месяцев, когда Мариата чувствовала себя беременной овцой, ей приятно было снова ощущать легкость и подвижность во всем теле. Они двинулись вперед, но

скоро ураганный ветер остановил их. Песчаные струи хлестали так сильно, что Мариата, даже закутанная в покрывало, чувствовала, как на зубах скрипит песок. Ветер все усиливался, песок бил все сильнее. Наконец ей стало ясно, что идти дальше нет никакого смысла, нужно как можно скорее искать убежище и укрыться, пока буря не кончится. Сквозь жалящие волны песка Мариата разглядела неподалеку какой-то холмик, а сбоку что-то похожее на пещеру. Она подстегнула Такамат, и они быстро подъехали к этому месту. Женщина похлопала верблюдицу по голове, и та послушно легла. Мариата на четвереньках вскарабкалась по осыпающемуся склону. Действительно пещера, слава богу! Она сунула ребенка в отверстие и вернулась вниз, чтобы спутать верблюдицу. Песок больно жалил ее открытые руки и лицо. Но Такамат уже устроилась сама, подставив зад ветру.

Вернувшись в пещеру, Мариата взяла ребенка на руки, достала тяжелую, полную молока грудь и подставила сосок ищущему роту. До сих пор ей очень везло, словно сама Тин-Хинан помогала им. Снаружи завывала и бесновалась буря, похожая на сотню голодных джиннов, но внутри было хорошо и тихо, ничто им не угрожало. Из сумки Таны Мариата достала свечу и зажгла ее. Конец второй она расплавила на пламени первой, прилепила к камню и тоже зажгла. Два крохотных огонька осветили их убежище, и женщина увидела, что это вовсе не пещера, а нечто совсем иное. Пораженная, Мариата оглядывалась вокруг. Она находилась в каменной полости, созданной, в этом не было никакого сомнения, руками человека. Озноб побежал по ее спине. Ведь это могильник, точнее, его переднее помещение, поскольку в глубине просматривалось нечто вроде дверного проема, ведущего дальше. Как только Мариата это поняла, ей захотелось выскочить наружу, пусть даже в пасть свирепой песчаной бури. Но мысль о ребенке удержала ее. Он вдруг негромко вскрикнул и протянул вверх ручонки, словно хватал в воздухе что-то невидимое. Мариата сразу поняла, что в могильник проникли джинны. Скорее всего, они с самого начала сидели здесь, поджидая неосторожных путников.

— Прочь! Прочь! Не подходите! — закричала она, но голос ее потонул в завываниях бури.

Тогда Мариата запалила остатки трав, которыми ее снабдила Тана, смешала пепел с каплями крови из своего пальца, изготовила густую жидкость и написала ею заклинание, сначала на стенке помещения, потом на пергаменте амулета, сплетя строки так, чтобы знак, которым заканчивалось каждое имя, начинал новую строку. Удовлетворенная, она положила пергамент обратно в потайное отделение и повесила амулет на

шею ребенка.

— Да защитит он тебя от всех несчастий и бед, — торжественно проговорила Мариата и заплакала, потому что никакое заклятие уже не могло вернуть ей ее Амастана.

На следующее утро буря временно утихла, хотя желтоватое хмурое небо низко нависло над Хоггаром, поглотив его знаменитые горные вершины. Мариата была уверена, что скоро непогода возобновится с прежней силой. Нельзя было терять ни секунды. Но сегодня дитя было каким-то странным, непослушным и капризным. Оно извивалось в ее руках, как горный заяц, и отказывалось сосать грудь. Наконец Мариата потеряла терпение.

— Ладно, не хочешь есть, пойдешь так!

Она сердито запеленала ребенка потуже, чтобы он не мог дрыгать ногами и пинаться, потом вышла посмотреть, где верблюдица.

Такамат нигде не было видно. Мариата кричала, бегала, заглядывала, куда только можно, но тщетно. На песке не осталось даже следов. Буря уничтожила их. Женщина тяжело вздохнула. Что ж, чему быть, того не миновать.

Она прошла пешком куда большее расстояние, осталось совсем немного. Наверняка по пути и Такамат сыщется. Но на душе Мариаты было тяжело. Вместе с верблюдицей они пережили много трудностей, больно было бы ее потерять.

Она сняла покрывало и только собралась соорудить из него перевязь, в которой понесет ребенка, как вдруг услышала шаги. Женщина обернулась и увидела троих мужчин на верблюдах, ведущих на поводу четвертого. Это была ее Такамат! Она хотела бежать с холма к ним навстречу, но сразу опомнилась. Это люди кель-тамашек: лица их закрыты. Нехорошо бежать к ним, она не какая-нибудь сумасшедшая или нищенка. Тем более что они явно не из простых туарегов, поскольку сидят на крупных белых мехари, за спинами их винтовки, сбоку висят традиционные такуба.^[76] Всадники, освещенные неяркими солнечными лучами, неторопливо приближались к ней. Как они красивы, какое это прекрасное зрелище! Мариата села у входа в могильник и ждала, когда они приблизятся.

Старший выехал вперед, не отрывая глаз от матери с ребенком на руках, лицо которой, озаренное солнцем, сияло от радости.

Он смотрел на нее очень долго и вдруг заговорил:

— Жалкая мавританская кляча вряд ли компенсирует мне потерю двух мехари, которых ты украла, но я забираю ее в качестве первого взноса в

счет долга. А уж о том, как взять с тебя остальное, я подумаю.

Если бы Мариате сейчас всадили холодное лезвие прямо в живот, то боль вряд ли ощущалась бы острее. Сердце ее забилось тяжело и неровно, замирая и снова срываясь с места. Дыхание перехватило так, что все слова застряли в гортани.

Три всадника спешили и направились прямо к ней. Самый высокий с отвращением смотрел на спеленатого младенца.

— А этого червяка можешь закопать в землю, там ему место, — сказал Росси, сын Бахеди. — Он больше тебе не понадобится.

Она яростно защищалась, вопила, кусалась и царапалась, но против нее было трое сильных мужчин. Как Мариата ни сопротивлялась, ее вытащили из могильника, скрутили, как застреленную газель, погрузили на спину Такамат и куда-то повезли. Первые три сотни ярдов Мариата кричала, звала ребенка, но, когда ей стало ясно, что возвращаться никто не собирается, она усилием воли заставила себя сосредоточиться и запоминать каждый шаг на пути, любой камень и травинку, мимо которых они шли. Женщина старалась запомнить каждый поворот, обращала внимание на характер песка, на рисунок, оставленный на нем ветром, на тени. Месяцы, проведенные в пустыне, научили ее многому, но больше всего — терпению и стойкости.

Подъехав к стоянке племени, Росси сбросил ее на землю, как куль с рисом, постоял, о чем-то раздумывая, потом улыбнулся и заявил:

— Кричи не кричи, сопротивляйся, если так хочется, только имей в виду, тебе же будет хуже. Кто ты такая? Бедная одинокая странница, которую мы спасли от неминуемой смерти. У меня доброе сердце, я тебя пожалел и буду о тебе заботиться, ты станешь моей второй женой.

Мариата слушала вполуха. Его слова были для нее пустым звуком. Она думала только о ребенке. У нее уже был план, но требовалось запастись терпением. Все остальное не имело никакого значения. Она покорно пошла за ними на территорию стоянки. Они проследовали мимо стреноженных верблюдов, кучки мужчин, дымящих сигаретами, двух помятых джипов цвета хаки и каких-то людей в европейской одежде.

— Не смотри на них, — тихо сказал ей Росси. — До таких, как ты, им нет никакого дела. Их интересует только древняя пыль да кости, а на живых им наплевать.

Дальше стояли шатры и еще какие-то люди, главным образом женщины и несколько детей. Все они без особого любопытства смотрели

на нее, но Мариате было не до них. За ее спиной заурчали моторы джипов, и автомобили уехали. Людей, похоже, больше интересовали машины, а не прибытие какой-то незнакомки. Ее втолкнули даже не в шатер, а в длинную низенькую черную палатку. В ней сидела пухлая смуглая женщина с маленьким злым личиком и подбородком, срезанным, как у кролика.

Темными глазами она окинула изорванное платье Мариаты, которую властно, как свою собственность, обнимал Росси, и разразилась взрывом брани:

— Ты кого мне сюда привел? Не хватало, чтобы в моем шатре появилась какая-то нищенка, оборванка, баггара! Да она вся кишит паразитами, ты только посмотри! Вышвырни ее отсюда сейчас же, пока она не заразила тут все мое добро!

Росси только рассмеялся и так сильно толкнул Мариату к этой женщине, что она споткнулась и повалилась на нее.

— Успокойся, жена. Впрочем, настала пора называть тебя первой женой, как думаешь? Знакомься, это... Мина.

Он назвал первое пришедшее в голову имя. Так будет лучше. Нельзя допустить, чтоб пошли слухи о том, что ему в руки попала женщина из могущественного племени кель-тайток.

— Она будет моей второй женой, поскольку ты до сих пор не подарила мне ни одного сына, а эта женщина очень плодовита. Я знаю!

Росси не стал уточнять, откуда ему это известно, но сказанного было достаточно, чтобы женщина глянула на Мариату с откровенной ненавистью и руками и ногами оттолкнула ее от себя.

— Позаботься о том, чтобы к закату она была чистой и выглядела прилично, иначе смотри, тебе не поздоровится, — продолжил Росси.

Он одарил ее такой сладенькой улыбкой, что женщина сразу испугалась. Она очень хорошо знала, что означала для нее эта гримаса.

Первую жену звали Ханой. Она принялась срывать злость на незваной гостье, хотя прямо к ней не обратилась ни разу.

Женщина говорила как бы сама с собой:

— Вы когда-нибудь видели такие нечесанные и грязные волосы? Да ее надо постричь наголо, и дело с концом. И что он в ней нашел? Худущая как палка, и смердит от нее, как от козла.

Мариата молча позволяла ей делать с собой все, что той приказали. Ни звука не вырвалось из нее, даже когда Хана причесывала ее, нещадно выдирая волосы с корнем, а уж тут женушка Росси старалась изо всех сил. Все это пустяки, главное — спасти ребенка. Эта мысль стучала в ее голове и во время короткого обряда, когда ее поставили перед марабу, и в течение

недолгого, второпях устроенного празднества. Оба мероприятия провели по-тихому и быстро свернули. Росси, сына Бахеди, все здесь, похоже, недолюбливали, тем более что многие из присутствовавших оказались родственниками первой жены. Они восприняли появление никому не известной второй как оскорбление всему клану. Все сошлись на мысли о том, что вождь племени редко берет вторую жену, да еще в такой спешке. Но теперь наступило тревожное время. Дела шли все хуже, и никто не мог чувствовать себя в безопасности. Почти никто не соблюдал общепринятых правил поведения. Мужчины считали, что нужно брать от жизни все, не отказывать себе в удовольствиях. Ведь неизвестно, будешь ли жив завтра. Да и женщина стала выглядеть замечательно, что и говорить, когда ее отмыли, нарядили в красивое платье, надели свадебные украшения. Пусть они ей не принадлежат, зато смотрятся куда лучше, чем на бедняжке Хане. Конечно, слишком худа. В этом тоже все согласились. Но ничего, скоро нагуляет жирок на свои изящные косточки, и уж тогда станет настоящей красавицей. К тому же не надо платить за нее калым, удачное дельце!

Женщины думали несколько иначе, хотя ни одна не сказала ни слова. Лучше умереть в пустыне, чем быть второй женой Росси. Даже первой. Они видели синяки на лице Ханы, хотя та и старалась припрятать их, знали, как Росси в свое удовольствие пользовался девушками харатинов. Такое тоже было, причем не раз. Женщины больше всего на свете обожали свадебные празднества, но в ту ночь их что-то не очень тянуло петь и плясать под барабанный бой. Как только Росси повел новую жену спать, все быстренько разошлись.

Когда он раздел ее и встал перед ней, разглядывая исхудалое от голода тело с разбухшими от молока грудями, дряблым животом и тощими конечностями, Мариата готова была сквозь землю провалиться. Он засмеялся ей в лицо и весело напомнил про нападение, отнявшее у нее его двоюродного брата Амастана, продолжал издеваться и дальше, даже когда втиснулся в ее потаенное место, но она только молчала, уставившись в одну точку, в темный угол шатра, словно видела сквозь него звездное небо.

Через час, когда он уже громко храпел, Мариата кое-как накинула одежду, выскользнула из шатра, отыскала Такамат и исчезла, растворилась в непроглядном мраке безлунной ночи.

Одному Богу известно, как она не сбилась с пути. В темноте все казалось ей совсем другим, но, когда из-за холмов перед ней встало солнце, Мариата увидела впереди земляной холм и скалу, в которой была вырублена гробница. Она не стала ждать, когда Такамат опустится на колени, спрыгнула с верблюдицы и побежала, шлепая босыми ногами по

земле.

— Я здесь! Я пришла за тобой! — вопила Мариата, но ответного крика ребенка так и не услышала.

Она взбежала на холм, бросилась в гробницу — внутри было пусто. Женщина завывала от горя, и каменные стены ответили ей многократным гулким эхом. Мариата на четвереньках выбралась на воздух и стала ползать вокруг могильника. Она искала хоть какие-то следы, пока ее колени и руки не покрылись кровавыми ссадинами. Сомнений не было: ребенок исчез.

Глава 34

Три дня и три ночи Феннек как одержимый гнал «туарег» по пустыне, по равнинам, усеянным камнями, и автомобильным колеям, проложенным неизвестно кем. Мир за окном превратился в расплывшееся пятно, окружающий пейзаж напоминал несколько отдельных цветных полос, ощущение было как в центрифуге. Часть этой бешеной гонки проходила по бетонке, но ехать по ней было еще хуже, чем по неровным колеям пустыни. У Феннека была привычка догнать какой-нибудь грузовик, встать почти вплоты, резко взять в сторону, обойти и сразу подрезать. Если грузовик шел не один, он вклинивался между ними, потом еще, и проделывал это с такой лихостью, что моя правая нога каждый раз дергалась, нажимая на несуществующую педаль тормоза. Только через какое-то время до меня доходило, что все это не имело бы толку, потому что наша машина была с левосторонним управлением.

В колеях автомобиль подбрасывало, швыряло в стороны, амулет стучался мне в ключицу, а подвеска стонала и лязгала. После одного особенно жуткого толчка я оглянулась на Таиба, но тот был, как всегда, невозмутим, будто этот навороченный внедорожник не стоил ему денег, которые он зарабатывал целых два года. Пришло, как говорится, не махом, да ушло прахом. Помощник Феннека, сидящий рядом с ним, похоже, не был столь беззаботен, потому что смотрел на местность, бегущую мимо с неестественной скоростью, глазами, круглыми как тарелки.

— Может, скажете, куда вы нас везете? — спросила я в первый день пробега.

Даже такой простой вопрос задать было не так-то просто, поскольку, разжав челюсти, я рисковала раскрошить себе зубы.

— Повидать одного знакомого.

К чему такая таинственность?

— Простите, а зачем?

— Узнаете, когда доберемся.

Больше Феннек ничего не сказал, пока машина, лихо развернувшись, не остановилась под кроной большой акации. Он вышел и стал названивать по телефону. Первый разговор Феннек вел по-французски, и я ухватила суть, несмотря на то что в нем было много ругани, непередаваемых и просторечных выражений, о смысле которых мне оставалось только догадываться. Похоже, дело касалось каких-то денег, которые кто-то должен уплатить. Второй разговор был настолько темен, что я уже и не пыталась понять его.

Я обернулась к Таибу и, понизив голос, спросила:

— Что вы об этом скажете?

— Лагерь, в котором мы с вами были, этот человек оберегает тем, что платит чаевые начальнику местного гарнизона. — Таиб пожал плечами. — Он справлялся, не предстоит ли в следующие несколько дней неожиданная смена кадров, заверил, что деньги уже отправлены и скоро придут. Что касается второго звонка, я понял только несколько отдельных слов: что-то связанное с контрольно-пропускными пунктами и полицейскими участками.

Чтобы успокоить нервы, этой информации было маловато.

Но, в конце концов, мы не встретили ни одного контрольно-пропускного пункта, нас никто ни разу не остановил: ни солдаты, ни полиция. Я отдалась на волю событий, да и усталость взяла свое. Заставив себя подчиниться внутреннему «иншалла», я скоро заснула.

Когда я очнулась, мир за окошком уже не мчался и не подпрыгивал. Над утесом, увенчанным валунами самых фантастических форм, солнце уже показало свой бледный, безмятежный лик. Не надо было напрягать воображение, чтобы различить кролика, прижавшегося к земле, орла, сидящего человека, гигантский гриб, вытянутую собачью морду.

— Где мы? — спросила я Таиба.

Он, конечно, тоже не имел об этом ни малейшего понятия. Мы выбрались из машины, стоящей в тени утесов, и куда-то пошли. Феннек с решительным видом шагал впереди. Его высокие ботинки так впивались в землю, что мне казалось, будто он пытается пробить ее насквозь.

«Представляю, каков он в бою, — подумала я, глядя на свирепую поступь. — Такого не остановишь, можно только убить».

Слава богу, эти лютые орлиные глаза сейчас смотрели не на меня, а на дорогу. Не так-то просто было поспевать за ним с поврежденной лодыжкой.

Мне приходилось то семенить, изображая бег, то едва ковылять, припадая на одну ногу. Рядом размашисто шел Таиб. Он мог как ни в чем не бывало вышагивать так хоть целый день. Зато бедному помощнику Феннека, который тащил на себе автомат и канистру с водой, приходилось нелегко. Слышно было, как свистит и хлопает воздух в его прокуренных легких.

Вождь туарегов, похоже, прекрасно ориентировался на местности, ни секунды не колебался, когда в лабиринте меж скал выбирал один из множества поворотов. Через час тяжелой ходьбы, главным образом в гору, мы вышли на скалистый откос. Далеко внизу блестела вода, в которой меж валунов вспыхивали и погасали солнечные блики, виднелась песчаная огороженная площадка с дюжиной низеньких черных шатров и маленькой хижинкой, над крышей которой вился дымок.

Феннек бегом рванул вниз по склону, из-под его ног посыпался щебень. Сотни раз я спускалась со скал какой угодно крутизны и чувствовала себя довольно уверенно, но в жизни не видала, чтобы кто-то двигался столь проворно и быстро. Он прыгал с камня на камень так же легко, как горный козел. Когда мы спустились, его уже нигде не было видно. Зато к нам вышло довольно много незнакомых людей, и все с любопытством нас разглядывали. Детишки без всякого страха в глазенках улыбались нам щербатыми ртами, бесстрашно бегали вокруг, трогали нас за одежду или за руки, словно демонстрируя друг перед другом свою храбрость, и снова уносили ноги, прятались за спины товарищей. Они показывали пальцами на мои джинсы, видимо находя их очень смешными, обступили Таиба, пытались карабкаться по его ноге, требовали, чтобы он их покатал. А как малыши хохотали над бедным помощником Феннека, с которого градом катился пот! Увидев его «калаш», они где-то подобрали палки и, держа их как ружья, прыгали вокруг, как бы приглашая поиграть с ними в войну. Одна совсем малюсенькая девчушка с огромными глазами и двумя прыгающими косичками вдруг не смогла скрыть жгучее любопытство и уставилась на мои часы, а потом мертвой хваткой вцепилась мне в запястье. Она была в восторге, глядя, как секундная стрелка скачет по циферблату, на котором сверкает на солнце маленький бриллиант. В иное время и совсем в другом месте я заплатила за эти часы чуть ли не тысячу фунтов. Совершенно нелепая сумма денег для такой фитюльки, подумаешь, показывает время. Зачем?.. Ведь для этого нужно лишь посмотреть на солнце или на длину тени, отбрасываемой любым предметом. Трудно представить себе здесь вещь еще более бесполезную. Разве что можно продать ее за приличную сумму и получить живые деньги. Я улыбнулась, расстегнула ремешок и отдала ей часы. Она убежала, а за

ней толпой повалили остальные ребятишки.

Зато Таиб удивленно вскинул брови.

— Это ведь швейцарские, «Лонжин», если я не ошибаюсь?

Возмущенное лицо помощника было неподражаемо. Мне стоило лишь раз на него посмотреть, я не удержалась и засмеялась в голос. Только возвращение Феннека помешало хохоту перейти в истерику.

— Идите со мной, — резко произнес он по-французски и повернулся на каблуках.

Мы прошли мимо шатров, возле которых висели, проветриваясь, ковры, женщины готовили еду или что-то ткали, мужчины резали и сплетали разноцветные полоски кожи. Оказавшись в дальнем конце огороженной территории, мы подошли к хижине, где горел огонь. Войдя внутрь, я поняла, что мы попали в своеобразную кузницу. Всюду лежали инструменты, молотки всевозможных размеров, стояла каменная наковальня, возле горна виднелись богато украшенные мехи. Ребенок, который занимался ими, посмотрел на нас широко раскрытыми глазами, выбежал из кузницы, и тогда мы увидели фигуру человека, сидящего на корточках перед огнем. Прыгающее пламя освещало его глубокие морщины, ярко горящие глаза и короткостриженные седые волосы, представляющие потрясающий контраст с черным лицом, обрамленным ими. Он встал и оказался лишь чутьочку ниже Феннека и почти таким же импозантным. Рукопожатие его было удивительно крепким, несмотря на почтенный возраст.

Помощника с оружием выслали на воздух покурить, а всех остальных пригласили из задымленного и темного помещения во внутренний дворик, украшенный обильной растительностью и цветами. С одного взгляда я узнала помидоры, сладкий перец и чили, укроп, апельсины, календулу и бугенвиллею. Подлинное чудо, оазис изобилия.

— Вижу, вам понравился мой садик, — сказал кузнец тихим и учтивым голосом, который совершенно не гармонировал с его крупной фигурой. — Простите, я не закрываю лица, но это не из неуважения к вам. В любом случае я, пожалуй, имею право только на половину покрывала.

На лице Феннека появилось выражение, говорящее о том, что он оценил шутку, но кузнец увидел мое озадаченное лицо, заулыбался и сообщил на прекрасном французском:

— Меня зовут Тана. Еще называют *homme-femme*, но я предпочитаю, чтобы ко мне обращались, употребляя артикль женского рода.

Думаю, рот мой сам собой раскрылся от удивления, и вовсе не потому, что я никогда не встречала в жизни подобных персон.

— Вы хорошо говорите по-французски, — промямлила я, вовремя догадавшись, что надо что-то сказать, чтобы не выдать своего замешательства. — Где вы его изучали?

— Я многое изучала в своей жизни. Немного знаю и сонгайский. Считаю, что общаться с местными властями и с организациями, оказывающими всякую помощь, надо на их языке, тогда будет больше толку.

Тана жестом пригласила нас присесть на яркое покрывало, лежащее на земле, посередине которого стоял невысокий столик. В сторонке, на жаровенке, где горел древесный уголь, уже кипел серебряный чайник. Столик был сработан очень красиво, украшен тонким узором. На нем стояли четыре стакана для чая, словно Тана ждала нас в гости. Может быть, у нее просто не имелось других и они всегда оставались на столике. Чай заваривался и разливался в высшей степени торжественно. Во время церемонии никто не проронил ни слова, будто это могло помешать исполнению священного ритуала.

Наконец Тана наклонилась ко мне.

— Мне сказали, что у вас есть некий особенный амулет и вы являетесь его владелицей.

Я посмотрела на Феннека, и он резко кивнул в ответ.

— В нем лежит свернутый в трубочку пергамент, а на нем какие-то слова, написанные на тифинаге, — добавила я.

— А-а, пергамент, — сказала Тана, не отрывая от меня взгляда. — А вы знаете тифинаг? И насколько?

Мне пришлось признаться, что очень мало.

Она завернула угол покрывала и начертила на песке какие-то знаки.

— Наш язык полностью соответствует тому миру, в котором мы живем. То же самое можно, конечно, сказать и про другие языки, но наш выражает главные принципы здешней жизни куда более непосредственно, чем большинство других. Видите прямые линии? Эти палочки обозначают ноги людей и животных, жизнь которых переплетена в постоянной взаимозависимости, — козы, овцы и верблюды, газели, шакалы и львы. Крестиками обозначаются дороги, которые мы выбираем, пути, проходящие через пустыню нашей жизни. Нас ведут по ним солнце, луна и звезды. У нас есть поговорка, что все важное зарождается в сердце, а потом, как волна, расходится во все стороны и превращается в круг жизни. Так горизонт окружает и племя, и стадо. В конце концов все неизбежно возвращается к сердцу. Вот потому в этом мире нет силы крепче, чем любовь.

Она открыла потайное отделение амулета, вытряхнула на ладонь свернутый в трубочку пергамент и долго смотрела на него, потом медленно улыбнулась, положила его обратно и щелкнула центральной шишечкой.

— Не ожидала увидеть это еще раз, — сказала Тана. — Но я рада, что снова держу его в руках, несмотря на то что он был свидетелем стольких несчастий.

Ее темные глаза пронзали меня насквозь. Потом она обернулась к Феннеку.

— Бедный ты бедный. Сорок лет в пустыне воротишь лицо от любви... и от всего, что больно жалит, отрицаешь простую истину о том, что твое сердце лежит в центре всего мироздания. Ты так и не нашел ее, верно? Поэтому после стольких лет снова оказался здесь, и все с тем же амулетом. Пойми меня правильно. Мы благодарны тебе за все, что ты сделал для нас, и за деньги, и за помощь. Но неплохо было бы время от времени видеть тебя лично. Если бы ты почаще здесь бывал, может, я избавила бы тебя от двух лет лишних страданий. — Она негромко и сдавленно засмеялась. — Почему бедная старая Тана всегда держит в руке все нити? Ладно, скоро мы сплетем из них прекрасную сказку, впрочем, может быть, немного странную. — Женщина-кузнец похлопала меня по руке. — Для тебя, дитя мое, все это звучит чудно. Вижу по твоим глазам. погоди, сейчас будет еще чуднее.

С живостью, не свойственной ее годам, Тана, как пружина, вскочила на ноги и нырнула в свою хибарку.

— О чем это она говорит? — спросила я Феннека.

Но он уставился в пылающие угли жаровни, словно там находились ответы на все вопросы. Его тело дрожало как в лихорадке.

Я посмотрела на Таиба.

— Здесь какая-то большая тайна, но мне кажется, что сейчас она раскроется. Потерпите, Иззи, — сказал он и погладил пальцем мою руку.

За дверью слышались какие-то звуки, и перед нами снова появилась Тана, а с ней еще одна женщина, пониже ростом. В ее длинных черных волосах, искусно заплетенных в косички, блестела седина. Уши оттягивали длинные серебряные серьги, доставая почти до плеч. Они представляли собой серебряные кольца, чередующиеся с треугольниками, перевернутыми вершинами вниз. На пальцах и руках женщины также сверкало серебро. Длинные гирьки, сделанные из того же металла, оттягивали уголки платка, покрывающего ее голову. Десяток декоративных булавок украшал ее темно-синее платье. Руки, выкрашенные хной, были насыщенного темно-коричневого цвета, губы резко выделялись на фоне

бледного лица. Мне казалось, что я еще ни разу в жизни не видела столь величавой и внушительной женщины. Именно такой я всегда и представляла себе Тин-Хинан, отличающуюся пышным нарядом и убранством. Но царица пустыни умерла много лет назад, а эта женщина была жива, и даже очень. Глаза, которыми она смотрела на нас, были цвета грозовой тучи, хотя особый блеск в них говорил о характере, чувстве юмора, глубоком уме и жизненном опыте, добытом ценой огромных усилий. У нее был прямой нос, густые брови и твердый подбородок — признак решительного характера и сильной воли. Я подумала, что эту женщину невозможно назвать милой или привлекательной. Она для этого слишком хороша, красота ее поразительна. Она прекрасна. Да, именно это слово здесь уместно. Лучше не скажешь.

Ее открытый смелый взгляд на несколько секунд задержался на моей особе, и мне показалось, что крепкий подбородок женщины слегка задрожал. Потом она перевела взгляд на Таиба и одобритительно кивнула.

Наконец красавица посмотрела на Феннека и довольно отчетливо произнесла:

— Амастан!..

— Мариата... — скорее выдохнул, чем произнес он.

Да это же имена из моего амулета! Я во все глаза смотрела то на нее, то на него, пытаюсь понять, что все это значит.

Тана наклонилась ко мне и тронула за плечо.

— Они не виделись сорок лет. Каждый считал другого погибшим. Сорок лет — долгий срок, чтобы хранить человека в своем сердце, когда его нет рядом. Пойдем. Они сейчас видят только друг друга. Нам не обязательно слушать, о чем они станут говорить.

Мы вышли из садика через арку, увитую цветами, в которых гудели пчелы, и добрались до берега глубокой, но почти пересохшей речки, где между гладкими белыми валунами блестели ямы, заполненные водой.

— Когда я была молодой, здесь всегда текла вода, — грустно сказала Тана. — Росли камыши, было полно лягушек, птички пели не переставая, олеандры цвели красивыми розовыми цветами. Сколько детей, отравившихся их ядовитым соком, я вылечила, заставляя есть древесный уголь! — Она покачала головой. — В жизни часто бывает, что самые прекрасные вещи являются особенно смертоносными. Возьми хотя бы тех двоих. На свете не встретишь столь прекрасных людей. Амастан был стройный юноша, высокого роста... Впрочем, он и сейчас такой. А какие у него выразительные глаза. Они хороши для поэта. Я всегда так ему говорила. Но вы видели, каким он стал, когда жизнь сыграла с ним злую

шутку. Не удивительно, что Амастан выбрал эту дорогу. В первый раз он пришел сюда ребенком и слишком много успел повидать в жизни. В девятнадцать лет юноша потерял свою первую любовь, а в двадцать три и вторую. Можно представить, что творилось в его душе. Теперь он пробил себе дорогу, его знают отсюда и до Леванта,^[77] и что хорошего для него из этого вышло?

Вопрос был риторический. Таиб сжал мою руку, наши пальцы переплелись. Мы оба изумленно слушали не шелохнувшись.

— А Мариата... Что ж, когда эта девушка явилась сюда, она была настоящей маленькой принцессой, считала себя прямым потомком самой Тин-Хинан, но кто знает, насколько это правда? Люди из племени кельтайток обожают хвастаться подобными вещами. Я считаю, что лучше оставаться самим собой, чем нести на себе груз тысячи предков, но таковы уж наши обычаи, которые никогда не меняются. Они могут быть консервативны, удерживать тебя, а жизнь не стоит на месте.

Тана сделала паузу и склонила голову набок, как бы обдумывая эту мысль. Так умный дрозд внимательно разглядывает червячка, копошащегося у него под ногами.

— Впрочем, культура твоего народа, конечно же, дает тебе стержень, гордость, которая нужна, чтобы с честью выходить из трудных ситуаций. Здесь уж как посмотреть. Мариату привела сюда мать Амастана.

Тана рассказала нам о женщине, которую называла Рахмой, о том, как та с радостью вышла замуж за вождя большого племени и была счастлива с ним, пока он не взял себе вторую жену.

— Такое у нас случается редко, — тихо сказала она, обращаясь ко мне. — Многоженство. У нас принято, чтобы был один муж и одна жена. Сердце, глаза и душа — все отдано одному-единственному человеку. Так всегда было у туарегов, и лучшего ничего не придумано. Обычай иметь много жен пришел к нам с Востока и не принес ничего, кроме неприятностей. Женщины терпеть не могут делить своего мужчину еще с кем-то, а те не могут этого понять. В общем, Рахма ушла от мужа, не взяв с собой ничего, кроме Амастана, единственного своего выжившего ребенка. Она любила этого мальчика слишком сильно с точки зрения здравого смысла. Так вот, когда он сошел с ума, мне пришлось кое-что предпринять, иначе она тоже лишилась бы рассудка. Я послала ее в Аир, чтоб она привела с собой Мариату. Рахме нужно было что-то делать, и я подумала, что ей это будет на пользу. От нас, инеденов, можно услышать много такого, чего никто не скажет в иных местах. Мы научим читать знаки, которые для других непонятны. Здесь не нашлось ни одной девушки,

достаточно красивой или умной для того, чтобы привлечь внимание Амастана, который так много испытал. Мариата ни на кого не была похожа, да и сейчас такова, вы сами видели. Настоящая красавица, не просто хорошенькая, уверяю вас. Таких нигде не сыскать, а это куда важнее, чем просто привлекательность молодости. Очень властное лицо и сильная воля. Разве он мог устоять? Теперь я жалею о том, что не прочла всех знаков, сопутствующих их союзу, но в то время сделала все, что считала правильным. Я не смотрела далеко вперед, а когда заглянула, было поздно, разлучить их стало невозможно. Любовь сильнее, чем рок, разве это не замечательно? Некоторые говорят, что она могущественнее самой смерти, но я благодарю судьбу за то, что у меня не было возможности узнать это наверняка.

Потом Тана поведала нам о потрясающих событиях, разлучивших человека, которого я знала под именем Феннек, а она с материнской нежностью называла Амастаном, и женщину пустыни по имени Мариата.

— Солдаты явились ночью, в самый разгар их свадьбы. Разумеется, они уже не одну неделю, а то и месяц делили ложе, но это не являлось чем-то предосудительным. Народ покрывала не придает таким вещам большого значения. Старайся, чтоб тебя не увидели, а если уж так вышло, то придумай что-нибудь и позабавь нас этой историей. Когда они поженились, она была уже беременна. Мариата вышла замуж и овдовела в один день. По крайней мере, она много лет так считала. Бедная Мариата. Бедный Амастан! Его ранил не выстрел солдата, а удар в голову. Пуля попала ему вот сюда. — Тана прижала ладонь к груди прямо над сердцем. — Падая, он так сильно стукнулся затылком, что этот удар вполне мог стать для него роковым. Несколько недель Амастан провалялся без сознания, но Всевышний снова оказался милостив к нему. Однажды он уже видел последствия резни, и ему не следовало смотреть на такое еще раз, узреть то, что довелось мне... — Она содрогнулась. — Эта ночь была ужасна.

— А как же вы сами выжили? — спросил Таиб, не отрывая взгляда от ее лица.

Губы женщины-кузнеца скривились в болезненной гримасе.

— Они изнасиловали и убили почти всех женщин, которых смогли поймать. Но когда пришли ко мне... — Она сделала паузу. — В общем, можно сказать, что солдаты, наверное, в жизни не видели ничего подобного. Они очень испугались и убежали. Впервые в жизни я радовалась, что родилась непохожей на других.

— Значит, это вы спасли Феннеку жизнь?

Она усмехнулась, услышав это имя.

— Амастан всегда был романтиком. После того как Мариата пропала, он боялся пользоваться своим именем. Я думала, молодой человек найдет ее и они снова будут вместе, но жизнь, в отличие от воды, не идет по линии наименьшего сопротивления, верно? Он очень долго хворал, все никак не мог выздороветь после той раны и удара головой, мучился несколько месяцев. Когда Амастан смог ходить, не говоря уже о том, чтобы здраво мыслить, он узнал, что она пропала. Сначала отец увез ее в Тафилальт, а потом она одна отправилась в пустыню. Мариата прошла весь путь от городишки на юге Марокко до границы Хоггара, это больше тысячи километров. Для всякого совершить такое будет великим подвигом, а уж тем более для беременной женщины.

Я недоверчиво посмотрела на нее и спросила:

— Она пересекла всю пустыню? Одна?

— Причем беременная, — твердо кивнула Тана. — Я же говорила, что Мариата — поразительно волевая и упрямая женщина. Но как бы там ни было, когда Амастан узнал, куда ее увезли, и отправился в Имтегрэн, его жены там уже не было. Он отыскал дом, в котором она жила, постучал в дверь, и ему открыла женщина, на которой женился отец Мариаты. Она только посмотрела на оборванного кочевника, задающего глупые вопросы, и сразу раскусила, кто он такой. Эта дама сказала, что девушка померла, прямо так и заявила. «Заболела и умерла», — соврала она и захлопнула дверь перед его носом. Он стал спрашивать у соседей, но никто не сообщил ему ничего определенного. Сердце его было разбито. Амастан вернулся сюда, но никак не мог успокоиться и отправился в холмы, примкнул к повстанцам.

— А когда вы узнали, что она жива? — спросил Таиб.

— Всего только пару лет назад. Она ведь тоже переименовала имя. Проследить людей в пустыне и в лучшие времена было нелегко, даже если они сохраняли имя, данное им от рождения. — Она прищелкнула языком и покачала головой. — Я знала, что она жива. Сердцем чувствовала... — Тана ткнула себя пальцем в грудь. — Кости тоже подтвердили... Но что толку говорить с ним об этом? Он не слушал меня.

— А зачем она изменила имя? — спросила я, жутко заинтригованная.

Тана откинулась назад, закрыла глаза и продолжила:

— Судьба любит играть с людьми, и шутки у нее бывают очень злые. В конце долгого перехода по пустыне ее захватил тот самый человек, которого она ненавидела больше всего на свете, Росси, сын Бахеди, наследник вождя Аира. Ходят слухи, что именно он привел солдат в селение нашего племени, хотя никто не может их подтвердить. Но факт

остается фактом, Росси спасся тогда с большей легкостью, чем можно представить в подобных обстоятельствах... — Тана вздохнула. — Ну да, он спасся, бежал и через год получил то, чего добивался, то бишь Мариату. Теперь Росси мог поступать с ней так, как ему вздумается. Он сделал ее своей второй женой. Бедняжка так высоко ценила свой род, своих предков, а тут такое падение!.. Это трудно перенести, да и Росси постоянно напоминал ей об этом. Сами видите, почему Мариате захотелось переменить имя. Но она отомстила, по-своему, конечно. Ему так и не удалось родить с ней ребенка, за что он получил свою долю насмешек.

— А ее собственный ребенок? Она родила? Он остался живой? — спросил Таиб, жадно глядя на Тану.

Кажется, ему очень нравилась эта игра, в которой одно откровение следовало за другим, во всяком случае он увлекся ею гораздо больше, чем я. Какое-то потаенное смутное чувство терзало мне душу. Я не могла определить его суть, да и не была уверена, хочется ли мне этого.

Тана взвесила амулет в своей ладони и сказала:

— Там написано три имени. Амастан — он первый владел амулетом. Мариата, которой юноша подарил его...

— И Лаллава.

— Умная девочка. — Тана одобрительно посмотрела на меня. — И Лаллава. Да, Мариата родила ребенка, девочку, и это очень ее удивило. В утробе ребенок был слишком уж активным. Она была уверена, что родится мальчик, и в душе уже называла его Амастаном. А тут на тебе: девочка, все признаки налицо. Мать назвала ее Лаллавой, что означает «дух свободы». Лаллава, дочь Мариаты, дочери Йеммы, дочери Тофенат. И так далее до самой Тин-Хинан. Она вписала это имя в пергамент, чтобы амулет служил защитой для новорожденной, сплела его с именами родителей и с лучшим заговором-оберегом из всех, что я знаю, обязав тем самым духов отца и матери заботиться о ребенке, сплела из слов паутину безопасности, сеть, которая стягивала вместе все три души. Мариата думала, что в этом мире такое уже не сбудется, только на небе, усеянном звездами... Но судьба порой вознаграждает нас за свои злые выкрутасы и сочиняет собственную прелестную сказку доброй феи. — Тана наклонилась ко мне и спросила: — Скажи-ка, дитя мое, как амулет попал тебе в руки?

Я рассказала все как есть, и женщина-кузнец расплылась в долгой удовлетворенной улыбке.

— Так вот, значит, какую историю сплела для тебя судьба. Теперь послушай другой ее вариант. Мариата родила ребенка, девочку, вписала ее имя в амулет и на счастье повесила талисман ей на шею. Росси хотел иметь

сыновей. А тут ребенок, да еще девочка, да еще чужая. Ему не этого было надо, и он оставил девочку умирать. Но Мариата вернулась к ней, убежала в брачную ночь туда, где оставила ребенка, в гробницу самой Тин-Хинан. Да, жизнь и смерть порой сплетают чудные узоры, изящные и вместе с тем фатальные. Прибежав туда, она не обнаружила никакого ребенка. Только следы автомобильных шин и отпечатки чьей-то обуви. Такой не найдешь ни в Мали, ни в Нигере. Следы мужчины и женщины. Она сама мне об этом сказала. Мужчина был гораздо больше и тяжелее женщины, ступни которой оказались маленькими, как у ребенка.

Я смотрела на нее, не в силах оторвать глаз, сердце мое стучало, а в голове вертелась совершенно нелепая мысль: «У моей мамы ноги тоже были совсем маленькие. Она носила третий размер...» Я понимала всю странность и нелепость этой мысли.

Тана прикоснулась к моему лбу и заявила:

— Ты смотришь на меня очень серьезно. Так же делала и Мариата, когда о чем-то серьезно думала. Только брови у нее сходились в одну линию, а ты свои выщипала, и теперь этого не видно. Да, милая моя, что бы там тебе ни наговорили, ты не дочь своих родителей. Они не произвели тебя на свет, но нашли в пустыне, в древней гробнице, и увезли с собой.

У меня закружилась голова, земля поехала из-под ног. Я заморгала, судорожно сглотнула слюну и попыталась взять себя в руки.

— Женщина, которую ты зовешь матерью, француженка, так? — поинтересовалась Тана.

Я молча кивнула.

— Должно быть, им как-то удалось провезти тебя контрабандой, — задумчиво сказала она. — Я знаю, для этого существует много способов, доступных богатым европейцам. Война в песках их не касается, они живут в своем, совершенно ином мире, непохожем на наш.

— А ваше свидетельство о рождении, Иззи! — вдруг сказал Таиб, глядя на меня изумленными карими глазами.

Он порылся в кармане и вытащил какую-то зеленую бумажку, сложенную пополам. В последний раз я видела этот листок, когда Феннек в сердцах швырнул его через всю палатку.

— Как только я увидел бумагу, сразу понял, что это свидетельство о рождении, выданное в Марокко. Видите печать? — Он ткнул пальцем в выцветший треугольник в самом низу пожелтевшего листка. — Это профиль Хасана Второго, нашего старого короля. Тут уже плохо видно, но покажите этот оттиск любому марокканцу, и он сразу узнает его. У вас марокканское свидетельство о рождении! — воскликнул он и засмеялся.

Фальшивое свидетельство, которое выписал и отметил печатью коррумпированный чиновник, получивший свой бакшиш.

— Нет, не может быть, — сказала я тихо, почти шепотом. — Это не мое свидетельство о рождении. У меня его нет.

Тем не менее мое смятение постепенно вытесняла бурная радость. Она сквозняком вытягивала все сомнения, исподволь, непреклонно заполняла все мое существо, как вода затопляет русло высохшей реки.

— Тана сказала, что ты придешь.

— Откуда она узнала?

— Ты же знаешь ее гораздо лучше, чем я. Ей многое известно.

Возникла пауза.

— Знаешь, ты всегда был со мной. Все эти годы я носила тебя в своем сердце и еще вот здесь, рядом с ним.

Мариата отшпилила серебряную брошку, прикрепленную на груди, и размотала кожаную обвязку. Под ней лежал обрывок ткани цвета индиго с буро-ржавыми пятнами, сложенный несколько раз, чтобы не занимать много места. Она мгновение смотрела на него нежным взглядом, потом отпустила, и ткань, порхая, упала на землю.

— Это кусочек твоего рукава. Он остался в моей руке, когда меня силой оттащили от тебя. Я думала, что в нем хранятся остатки твоей жизненной силы, когда поняла, что ношу в себе твоего ребенка. — Мариата смотрела на него со светлой улыбкой. — Неужели ты не узнал нашу девочку с первого взгляда? — Она усмехнулась. — Надо же, взял в заложницы собственную дочь!

Амастан покачал головой.

— Откуда же мне было знать? Ведь я и ведать не ведал, что у нас вообще был ребенок. Как тут догадаться, да еще в таких обстоятельствах... — Он не закончил этой совершенно нелепой фразы, помолчал, размышляя о чем-то, и продолжил: — Конечно, я ее не узнал, и все-таки, понимаешь, было в ней что-то такое... напоминающее о тебе.

— А я сразу узнала. Я отличила бы ее из тысячи женщин. У нее твои глаза.

По щекам Амастана потекли слезы. Он вытер их тыльной стороной ладони. Закон асхака требует, чтобы мужчина не обнаруживал своей слабости даже перед собственной женой. Но напор оказался слишком настойчив и силен. Амастан уже не обращал на них внимания. Слезы свободно бежали по щекам и исчезали под тканью тагельмуста.

— А подбородок твой, — кое-как сумел выговорить он.

— Дай я на тебя посмотрю. — Мариата протянула руку к его щеке. — Хочу видеть твое прекрасное лицо. — Она потянула вниз его тагельмуст и стала смотреть, жадно вбирая в себя каждую морщинку, каждую складку его лица. — Я совсем не думаю о том времени, которое пробежало в разлуке с тобой. Оно ничего не значит. Ты для меня нисколько не изменился. Ты — мой Амастан, я — твоя Мариата. Больше не покидай меня никогда. Обещай.

Он не нашел в себе сил что-то ответить, просто кивнул и прижал ее руки к своему сердцу.

Два года спустя

В жарком небе пустыни ярко пылало солнце, освещая селение, приютившееся у подножия горы, и группу людей в нем. Вид был очень впечатляющим. С одной стороны, пронзая линию горизонта, вздымались зубчатые вершины вулканических гор, с другой — поразительное по своей красоте, неподвижное море песка, его огромные волны, их гребни и впадины, застывшие словно по мановению волшебной палочки. На пастбище, расположенном поблизости, ярко-изумрудном на фоне красноватых песков, бродили или лежали верблюды, задумчиво уставившись в пространство. Их челюсти удовлетворенно двигались из стороны в сторону. Внизу, возле серебристой ленты реки, ловко прыгая с одной скалы на другую, куда-то двигалось козье стадо. Между молоденькими козликами то и дело вспыхивали игривые схватки, блеяние взрослых самцов, не одобряющих это легкомысленное поведение, эхом прокатывалось меж красноватых скал. В дальнем конце селения, за ограждением и несколькими запыленными автомобилями, возле одного из длинных низеньких шатров собралась кучка детишек. Они внимательно слушали двоих мужчин с закрытыми лицами, одетых в традиционную одежду. У того, что постарше, был выразительный, грубоватый профиль и настороженные глаза. В данный момент они были обращены на другого, помоложе, который, горячо жестикулируя, что-то говорил, наклонялся и заостренной палкой чертил на песке перед собой большие круги. Вот он отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой, потом быстро куда-то ушел и скоро вернулся, неся в полах халата кучу камней. Под халатом на нем были джинсы, прекрасно скроенные и узенькие, во французском стиле. Он высыпал камни на землю. Поднялось густое облако пыли, и детишки, которые были поближе, закашляли и зачихали. Старший мужчина что-то сказал, и детишки дружно засмеялись. Резкие черты его лица на мгновение разгладились, угрюмый огонь в глазах померк. Молодой человек положил круглый красноватый камешек на линию одного из нарисованных им эллипсов, потом, чуть поодаль, еще один, побольше и посветлей. Несколько камешков легли по одному на каждую концентрическую кривую. Детишки зачарованно и озадаченно наблюдали за его действиями. Говорил он с жаром, указывая сначала на камешки, потом вверх, на небо, вслед за этим в сторону пустыни. Наконец учитель сделал величественный, широкий взмах рукой, заставив детей снова обратить взоры на рисунок.

Поодаль от этого импровизированного класса, в котором проходил живой и интересный урок, сидели две женщины, наблюдая за происходящим. Их лица светились сложным чувством, в котором читались нежность, гордость и удовлетворение. В профиль их совершенно нельзя было отличить, поскольку яркий солнечный свет стер морщинки с лица одной из них и несколько смазал черты другой. Если бы не резкая разница в цвете волос, заплетенных в косички, — серебро и вороново крыло, — этих женщин можно было бы принять за сестер, в крайнем случае двоюродных. На обеих были синие платья свободного покроя со множеством складок, в которых не так ощущалась жара. Головы женщин покрывали цветастые платки. На них было много серебряных украшений. Темные выразительные глаза подведены сурьмой. Руку одной из них украшали часики, но не какие-нибудь дорогие, указывающие на то, что она занимает достойное положение в обществе, а простенькие, пластмассовые, с цифровым экранчиком, вызывающе дешевые, но время показывающие точно. Она посмотрела на них, встала, прижала ладони к пояснице, грациозно, прямо как кошка, потянулась всем телом, а потом направилась к классу. Вторая похлопала по амулету — массивному четырехугольному куску травленого серебра, украшенного маленькими красными дисками, сверкающими на солнце, — который она с гордостью носила на груди, потом тоже поднялась, закинула длинный конец платка за спину и последовала за ней.

— А что это такое? — Молодой человек указал на белый камешек, и детишки вытянули шеи.

— Теллит? — неуверенно спросил один из них, повернувшись к старшему и глядя на него серьезными глазками.

Амастан просиял и подтвердил:

— Теллит.

— Луна, — подхватил Таиб. — Lalune. — Он указал на кусочек розового гранита, расположенный на соседней эллиптической линии, прочерченной на песке. — Что это такое? Кто-нибудь может вспомнить?

Девочка, волосы которой были заплетены в полудюжину косичек, едва слышно что-то прошептала.

Таиб приложил ладонь к уху, она застенчиво повторила сказанное.

— Красная звезда, именно так, совершенно верно. Марс. Молодец, Таришат.

Потом он попросил их самих нарисовать овалы и поместить на них планеты вместе со спутниками, задавал им вопросы и отвечал на смеси английского, французского и тамашек. Потом кто-то наступил на Венеру, упал и выбил ногой Землю со своей орбиты. Все дружно засмеялись и

принялись класть новые камешки, крича, что это звезды или астероиды. Вдруг на песок легла огромная тень, и присутствующие сразу обернулись. Что за странное явление?

Один мальчишка засмеялся, что-то выкрикнул, и Амастан усмехнулся, сверкнув в складках тагельмуста белоснежными зубами.

— Он сказал, что ты вызвала солнечное затмение!

Таиб подошел, положил руку на округлившуюся талию женщины и проговорил:

— Как объяснишь им наше место во Вселенной, когда вдруг приходит моя жена-великанша и накрывает тенью всю Солнечную систему?

Иzzi нежно ущипнула его за руку, и некоторым детишкам это показалось смешным.

— Вы мужчины, вас вечно заботит ваше место в этом мире. — Мариата покачала головой. — А у женщин других забот полно.

Ее черные яркие глаза сверкали ласковым вызовом, и Амастан ответил ей легкой улыбкой. Они обменялись мгновенным взглядом.

Потом Мариата наклонилась, положила руку на вздувшийся живот дочери и спросила:

— Так вы еще не решили?

Иzzi предостерегающе посмотрела на мать, но Мариата не обратила на это внимания и продолжила:

— Где будешь рожать?

— В чем вопрос! Конечно, вернется в Париж и родит там, — сказал Амастан, и все сразу посерьезнели. — Моя дочь будет рожать в чистой современной клинике, где не может случиться никаких неприятностей.

Таиб, стоявший рядом, выглядел и говорил так же решительно:

— Конечно! Иззи, мы ведь уже беседовали об этом! Нельзя рожать ребенка здесь, это было бы безумие!

— Безумие! — как эхо, повторил Амастан.

Они стояли плечом к плечу, как две половинки одного боба. Это сравнение засело в голове Иззи, она с удовольствием вертела его в уме, изучала со всех сторон. Или она хотела бы сказать иначе: «Как две горошины в стручке»? Иногда Иззи ловила себя на том, что употребляет поговорки, которых никогда прежде не слышала, знает такие вещи, которых не должна вроде бы знать, если вспомнить, где она росла и воспитывалась. Очень странно, даже дико, но Изабель уже ничему не удивлялась и почти привыкла к этому.

— Послушай, я знаю все ваши аргументы, понимаю все опасности, но вы же сами прекрасно помните, что многие женщины уже тысячи лет

рожают детей в пустыне! Нет, и не говорите мне больше ни слова. Я еще не решила. Но не забудьте, что здесь со мной будут Жан и Анн Мари.

Это были два разъезжающих по стране французских врача, которым платили жалованье из фонда, организованного Таибом на щедрые пожертвования Иззи и на деньги, полученные от продажи двух лондонских домов. Торговля Таиба артефактами, популярными среди американских и европейских коллекционеров, также бурно развивалась и давала приличный доход. Тана стала передавать свое мастерство инедена молодому поколению, хотя некоторые свои профессиональные секреты оставляла при себе. Результат оказался поразителен. На ее работы был огромный спрос.

Мариата искоса посмотрела на дочь так озорно и весело, как только она и умела это делать. Иззи знала, что означает этот взгляд. «Решай сама и не обращай внимания на то, что говорят мужчины. Разве они понимают в таких вещах? Мы — женщины пустыни и в ней ищем свое счастье».

Понимая, что последнее слово в конце концов останется за ней, Мариата ловко перевела разговор на другую тему:

— А как вы ее назовете? Уже выбрали имя?

— Ты что, так уж уверена, что будет девочка? — спросил Амастан, проявив самую чуточку воинственности.

— Конечно девочка, нисколько не сомневаюсь. Уж у меня-то есть свои приметы. — Губы Мариаты растянулись в блаженной улыбке.

— Всегда ты все знаешь, а нам и рта не даешь раскрыть. Не знаю, зачем и спрашиваешь. — Таиб покачал головой. — Вчера вечером мы с Иззи об этом уже говорили и пришли к общему согласию.

— Сколько живу, женщины всегда для меня были загадкой, — сказал Амастан и сделал вид, что тяжело вздыхает.

К своей жене он относился очень серьезно, даже немного благоговел перед ней. Они обменялись долгими взглядами.

«Сорок лет», — подумала Иззи.

За два года она так и не смогла привыкнуть к мысли о том, что у нее такие родители. Изабель словно позаимствовала чью-то чужую жизнь, ступила в некий сказочный мир. Кстати, эта реальность была куда более великодушной, чем у какого-то Шарля Перро или братьев Гримм. Интересно, сохранили бы они с Таибом после невероятно долгой разлуки столь крепкую привязанность друг к другу, такую свежесть чувства? Глупая мысль, даже нелепая, но, размышляя об этом, Иззи получала глубочайшее наслаждение.

«Подумай, какими мы стали бы старыми!»

Она засмеялась, представив себе это, подняла голову и увидела, что муж смотрит на нее с такой любовью, что у нее все перевернулось внутри. Впрочем, может быть, это толкнулся ребенок. Да, вот еще раз.

— Лаллава, — тихо сказала она, кладя руку на живот. — Мне кажется, я всем обязана Лаллаве. Старой, отдавшей жизнь пустыне, и той девочке, которой судьба не дала вырасти с этим именем.

От автора

В основе этого романа лежат две вполне реальные истории. Они и послужили толчком к его написанию. Во-первых, я узнала, что предки моего мужа — кочевники Мавритании, которые караванными путями на верблюдах перевозили через Сахару серебро, пряности, соль и торговали ими на рынках Марокко.

Во-вторых, я познакомилась с француженкой, приехавшей в одну из отдаленных берберских деревень, где мы тогда жили, в поисках своего отца, туарегского торговца, с которым у ее матери-парижанки в шестидесятые годы случился роман. Правду о том, кто ее отец, она узнала только от умирающей матери. Всю жизнь это была тайна, которую тщательно от нее скрывали, считали чем-то постыдным. В отличие от Абделлатифа^[78] она всю жизнь мучилась, ощущая себя человеком без корней, сомневаясь в собственной идентичности, так до конца и не вписалась в мир, в котором жила. Чем у нее все закончилось, я рассказывать не стану, но не могу не выразить ей благодарности за то вдохновение, которое получила, выслушав ее рассказ, поскольку без него я ни за что не смогла бы написать этой книги.

Благодарности

Хочу выразить благодарность своему мужу Абделю за помощь, которую он мне оказал, прояснив для меня особенности той таинственной культуры, которой я не смогла бы до конца понять без него, а также за подарок, древний туарегский амулет, образ которого лег в основу романа. Спасибо Мохаммеду и его школе в Тиуаде, Хасану, ставшему нашим верным проводником в путешествиях по пустыне, а также верблюдам, которые безропотно терпели на себе мой вес и мою неопытность. Я благодарна всем, кто терпеливо отвечал на множество моих вопросов, зачастую глупых, касающихся кочевой жизни. Эмме, Карен и Филиппе за их поддержку и помощь во время написания этой сложной книги, Венеции и Дженни, сотрудницам издательства «Viking Penguin», за их решительность и энтузиазм, Дэнни Барору за его неослабевающую веру, постоянную поддержку и ободрение.

Не являясь ни антропологом, ни лингвистом, я во многом обязана письменным источникам. Если в романе есть какие-то ошибки в интерпретации тех или иных фактов, то они лежат почти исключительно на моей совести.

notes

Примечания

1

«Уэстуэй» и «Кастл» — известные центры скалолазания в Лондоне.
(Здесь и далее прим. перев.)

2

Дебби Харри — американская певица и киноактриса, лидер группы «Blondie», которую она с гитаристом Крисом Стайном организовала в середине 1970-х годов.

3

Сэр Дэвид Фредерик Аттенборо (р. 1926) — один из самых знаменитых в мире натуралистов и телеведущих.

4

Саттон-Ху — курганный некрополь восточнее Вудбриджа в английском графстве Саффолк, где в 1938–1939 годах были сделаны, возможно, самые значительные археологические находки в истории Великобритании.

5

Эти клички можно перевести как «Черныш» и «Пятныш».

6

«Мария Селеста» — судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное 4 декабря 1872 года в четырехстах милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака.

7

Камден — один из центральных районов Лондона.

8

Букв.: нильская вода, очень светлый оттенок зеленого, серо-зеленый (фр.).

9

Тин-Хинан — легендарная прародительница африканского племени туарегов.

10

Алхамдулиллах (*араб.*) — «Хвала Аллаху»

11

Адхан — призыв муэдзина к молитве.

12

Соук — арабский базар.

13

Бабуши — обувь без задников, один из видов национальной обуви в Марокко.

Кель-Асуф — одно из имен дьявола в мусульманской культуре; здесь: злой дух пустыни.

15

Иклан — раб.

Аменокаль — вождь группы родственных племен.

Харатины — «черные берберы», выходцы из более южных районов Африки, перенявшие берберский язык и культуру и служившие «белым берберам» рабами.

Марабу — странствующий проповедник или религиозный наставник.

19

Бокайс — колдун или заклинатель духов в Западной Африке.

Баггара — кочевые племена Западного Судана и Центрального Чада.

Асфар — на языке тамашек означает «бледнокожий».

Никаб (*араб.* покрывало) — мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз.

Байрон Кун де Пророка — известный археолог.

Адаг — на тамашек, языке туарегов, означает „горы“. Кель-адаг (те, кто живет в горах) — конфедерация кланов, или „барабанных групп“, туарегов, обитающих в горных районах Мали — Адрар-дес-Ифорас. Туареги сохраняют племенное деление и значительные элементы патриархалы юго строя: народ делится на племенные, или „барабанные“, группы, во главе каждой стоит вождь, власть которого символизирует барабан. А над всеми группами стоит аменокаль. Власть аменокаля не безгранична, большинство решений принимается собранием вождей „барабанных“ групп, а мать аменокаля может наложить запрет на выполнение любого решения.

25

Гуэльта — небольшой пруд.

26

Барака — силы, приносящие удачу.

Народ покрывала — так называют себя туареги. Таков буквальный перевод самоназвания кель-тагельмуст.

Асшак — кодекс чести, принятый у туарегов.

Анет ма — дядя по материнской линии, играющий в жизни туарегов более важную роль, чем родители.

Дерево Тенере — акация, считавшаяся в свое время самым одиноким деревом на Земле. Росла в пустыне Тенере (северо-восток Нигера, на границе Сахары); в радиусе 400 км от нее не встречалось ни одного другого дерева.

Иферуан — небольшой город в одном из оазисов пустыни Сахары на территории Нигера.

Полдень, полночь (фр.).

Джо Браун (р. 1930) — знаменитый британский альпинист.

Таджин — массивный керамический или чугунный горшок, плотно закрытый высокой крышкой конической формы. Ее верхняя часть при готовке остается намного холоднее нижней. Пар, поднимающийся от готовящегося блюда, многократно конденсируется в верхней части крышки и стекает вниз, благодаря чему еда приобретает особый вкус.

Каникулы, отпуск (фр.).

Тифинаг — алфавит туарегов. Он используется главным образом женщинами для личных заметок, любовных писем и в декоративных целях.

Джуф — самая низменная область западной части Сахары, охватывающая северо-восток Мавритании и северо-запад Мали. В ее северной части, при деревне Тауденни, располагаются большие соляные копи.

Беседка (нижняя обвязка) — часть страховочной системы скалолаза, куда входит и верхняя обвязка; состоит из соединенных между собой пояса и ножных обхватов.

Ахал — праздник у туарегов.

40

Тагелла — хлеб.

Плато Тассилин-Аджер в Северной Сахаре — одна из древнейших и самых больших естественных художественных галерей в мире.

Сахель — тропическая саванна в Африке, которая является своеобразным переходом от Сахары к южным плодородным землям.

Каоцен (1880–1919) — Аг Мохаммед Вау Тегидда Каоцен, выдающийся лидер туарегского народа. Вождь одного из южных туарегских племен, которое входило в конфедерацию Кель-Овей. В течение 1916–1917 годов возглавлял восстание против французских колониальных порядков в районе горного хребта Аир на севере Нигера. После поражения бежал, был схвачен ливийскими властями и повешен.

Африты и гулы — злые духи.

45

Мархабан (*араб.*) — здравствуйте.

Танмирт — спасибо.

Гертруда Маргарет Лотиан Бэлл (1868–1926) — британская аристократка, путешественница и авантюристка.

Хайк — традиционное женское платье.

Крис Бонингтон (р. 1934) — знаменитый британский альпинист.

Ганджа или ганжа — наркотик, марихуана.

Амазиги — самоназвание берберов.

Мсмен — берберские блинчики.

Трахаться (*фр.*).

Бальза — тропическое дерево с влажной, но после сушки очень легкой древесиной. Из этого дерева был построен знаменитый плот «Кон-Тики», на котором норвежский путешественник Тур Хейердал со своей командой совершил плавание через Тихий океан к островам Полинезии.

«Альф Лейла Ва-Лейла» (*араб.*) — «Тысяча и одна ночь».

Хауса — народ, проживающий в Западной Африке.

«Красота, красавица, прелесть» *(англ.)*.

Сэвил-роу — улица в центре Лондона, знаменитая своими ателье мужской одежды.

Полисарио — Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро, военно-политическая организация, действующая в Западной Сахаре. В 1970–1980-е годы вела активную вооруженную борьбу против войск Марокко и Мавритании, оккупировавших данную территорию.

Кват-кват — четырехколесное внедорожное транспортное средство.

61

Даман — млекопитающее размерами с домашнюю кошку, внешне похоже на грызуна.

Амграр — вождь племени.

Салам (*араб.*) — мир.

Маалема — религиозная наставница, а также учительница рукоделия, например вышивания.

Хадис (*араб.*) — изречение.

Хаммам — турецкая баня.

Джеллаба — халат с капюшоном.

Сехура — колдунья, ведьма.

Харисса — острый пастообразный соус красного цвета из перца чили и чеснока с добавлением кориандра, зиры, соли и оливкового масла.

Агадесский крест — декоративное изделие из серебра, названное в честь Агадеса, древнейшего торгового города, стоявшего у начала одного из самых трудных транссахарских караванных путей. Оберегает от дурного глаза и приносит счастье. Кочевники-туареги всегда брали его с собой, отправляясь через пустыню.

РВС — Революционные вооруженные силы Колумбии — леворадикальная повстанческая группировка. В 2001 году Госдепартамент США внес ее в список террористических организаций.

Ингрид Бетанкур — колумбийский политик, сенатор «2002», кандидат в президенты страны на выборах 2002 года. 23 февраля 2002 года, во время поездки по южным районам страны, была захвачена РВС и в качестве заложника провела более шести лет.

«Джеки» — еженедельный британский журнал для девушек.

Эрг — обширная территория, покрытая песком.

75

Тассуфра — сумка с едой.

Такуба — меч туарегов.

Левант — общее название стран, лежащих на восточном побережье Средиземного моря.

Абделлатиф Кешис (р. 1960) — французский актер тунисского происхождения, режиссер театра и кино.

Table of Contents

[Джейн Джонсон ДОРОГА СОЛИ](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Два года спустя](#)

[От автора](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)

[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)